

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ

ПОДЪЁМ

Директор-главный редактор
государственного бюджетного
учреждения культуры
«Журнал «Подъём»

Иван ЩЁЛОКОВ

ОСНОВАН
В ЯНВАРЕ 1931 ГОДА

Редколлегия:

АКАТКИН В.М.
АРШАНСКИЙ В.С.
БОНДАРЕВ Ю.В.
ГОЛУБЕВ А.А.
ГУСЕВ В.И.
ЖИХАРЕВ В.И.
ИВАНОВ Г.В.
ИСАЕВ Е.А.
ЛЮТЫЙ В.Д.
МОЛЧАНОВ В.Е.
НЕСТРУГИН А.Г.
НИКИТИН В.Н.
НОВИЧИХИН Е.Г.
НОВОХАТСКИЙ В.Е.
ОБРАЗЦОВ И.Д.
САТАРОВА Л.Г.
СЫЧЁВА Л.А.
ТИХОНОВ В.А.

Воронеж ■ 2013

3

ПРИМЕТЫ ВРЕМЕНИ	Валентин КОПЫЛОВ, глава администрации Нижнедевицкого муниципального района. Соловьи поют на три губернии 5
ПРОЗА	Анатолий САНЖАРОВСКИЙ. Говорила мама... Повесть в житейских бывальщинах 16 Илья КЕССЛЕР. Кучугуровская осень . Повесть 92 Александр МАЛЬЦЕВ. Когда мы росли . Рассказ 134 Роман ПАЛЕХОВ. Сияние над Большим Хинганом . Главы из романа 141 Борис НОВИЧИХИН. Три шага до смерти . Рассказ ... 160
ПОЭЗИЯ	Иван СЕМЕНИХИН. Берега . Стихи 11 Евгений НОВИЧИХИН. «Дышать с тобою воздухом одним...» . Стихи 88 Александр МАЛЬЦЕВ. Мельницы . Стихи 128 Анатолий БАБЕНКО. Макушка лета . Стихи 156 Наталья РЫЖИХ. Забывтая песня . Стихи 171 Александр ЗАЙЦЕВ. Бусинка . Стихи 191
ИСТОКИ	Родник для большой родни . Диалог доктора философских наук И.И. Борисова и доктора технических наук В.И. Борисова. (Публикация Владимира Новохатского) 174 Евгений НОВИЧИХИН. Сфабрикованное дело 183
ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ	Игорь МАРКИН. Чистая водица ключевая 195 Слушать, как разговаривают друг с другом звуки... Письма Константина Массалитинова к дочери Наташе. (Предисловие и комментарии Риммы Лютой) 201
МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ	Валентин СЕЛЮТИН. Как не проститься с личностью . (Нравственный портрет поколения) 213
НИЖНЕДЕВИЦКИЕ ИМЕНА	Богом данный . (Жизнь и судьба академика А.П. Богданова)..... 218 Сергей МАРКОВ. Генеральный секретарь 222 Екатерина КАЗБАНОВА. Крестьянский сын . (Герой Труда председатель колхоза Тихон Меркулов) ... 231
ДАЛЕКОЕ- БЛИЗКОЕ	Инна МАРУНЧАК. Купцы из российской глубинки .. 235 Татьяна РАЗГОНЯЕВА. Типографских дел мастера ... 241
КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО	Виталий ЧЕРНИКОВ. Живописец в пейзаже 245 Сергей МАРКОВ. Академик художеств 250 Владимир БУЛАНЦОВ. Звезды на нижнедевицкой земле 254

Девушка с золотыми косами

В серебряном поле — идущая влево и обернувшаяся вправо девушка с золотыми расплетенными на концах косами, в лазоревом (синем, голубом) платье, подол которого уходит за край щита, и такой же ленте на челе, простершая в сторону правую руку, на левой же ее руке лежит пучок золотых колосьев.

Фото Михаила Вязового

Валентин Копылов,
*глава администрации
Нижедевицкого
муниципального района*

СОЛОВЬИ ПОЮТ НА ТРИ ГУБЕРНИИ

Судьба каждого населенного пункта сродни судьбе человека. Не важно, мегаполис это или поселок городского типа, или даже совсем маленький хуторок, затерявшийся в отеческих просторах. С непреложной закономерностью в их историческом бытии случаются взлеты и падения, периоды расцвета и упадка.

Столицы и крупные города более устойчивы к вызовам времени. Они быстрее возрождаются после политических, экономических, духовных и иных потрясений. Малые города, наоборот, менее защищены от негативных процессов в обществе и государстве. Любые проводимые реформы приходят к ним с запозданием, нередко в искаженном виде и дают иногда обратный ожиданиям эффект.

К сожалению, за последние четверть века не избежал этих испытаний и наш родной Нижедевицкий край. Хотя край не хуже других. Не случайно у нас говорят: здесь соловьи поют на три губернии. И действительно. Район располагается в северо-западной части Воронежской области в 60 километрах от областного центра. Граничит с Белгородской и Курской областями, а также с Семилукским, Репьевским и Хохольским районами. Все предпосылки есть, чтобы не выживать, а жить полноценно, с хорошим настроением. Чтобы и песня пелась, и дело делалось, и день завтрашний не пугал, а радовал.

Современный Нижедевицк — это совокупный результат действия на протяжении нескольких столетий различных факторов.

В XV веке завершился распад Золотой Орды. С середины XVI столетия Русское государство вытесняет крымских татар, которые совершали грабительские набеги на южные рубежи. Создаются так называемые «сторóжи» — специальные отряды для предупреждения о приближении неприятеля, строятся города. Одна из таких сторóж располагалась на территории Нижедевицкого района. Примерно еще через сто лет на путях набегов крымских и ногайских татар стали строить оборонительные ли-

нии, получившие название Белгородской засечной черты. Прошла она восточнее и южнее территории нашего района. Эти земли оказались под защитой, начали быстро заселяться. Первыми поселенцами были те, кто нес воинскую службу на черте.

Первое упоминание о поселении, которое позже стало называться Нижнедевицком, относится к 1610 году. Это было село Нижняя Девица, предки основали его на правой стороне речки Девицы. Заселялась и осваивалась территория в основном выходцами из Курской губернии.

По мнению историков, выбор Нижнедевицка в качестве административного центра уезда нельзя считать удачным. Во-первых, население отдавало предпочтение Старому Осколу, Воронежу и даже Коротояку. Во-вторых, находясь в северной части, вдали от крупных торговых путей, он не смог стать центром экономической жизни уезда. Даже перевод села в ранг города, который был осуществлен в 1779 году указом Екатерины II, не обеспечил ему бурного развития.

И все же уезд жил, обустроивался, развивался. В его истории немало интересных, ярких страниц, которыми мои земляки по праву гордятся.

Жители нашего уезда в составе 3-го и 4-го егерских воронежских полков участвовали в Отечественной войне 1812 года.

В Нижнедевицке родились участник русско-турецкой войны 1877 — 1878 годов генерал-лейтенант А.А. Емельянов, контр-адмирал Н.А. Болгов, генерал-лейтенант В.И. Изотов, ученые: антрополог, зоолог А.П. Богданов, физик, доктор технических наук А.М. Беликов, писатель Р.Я. Палехов.

Следуя из Воронежа в Курск, 25 июля 1821 года в Нижнедевицке останавливался император Александр I. А летом 1860 года через Нижнедевицк проезжал великий русский драматург А.Н. Островский. Город, как утверждали современники, ему очень понравился.

В разные годы в Нижнедевицк приезжали поэт А.Т. Твардовский, генерал артиллерии М.Н. Чистяков, министр образования РСФСР А.И. Данилов. Почетным гражданином Нижнедевицка был С.М. Буденный. В годы Великой Отечественной войны сын В.И. Чапаева — Александр Чапаев — принимал участие в освобождении района.

Известно, что в Нижнедевицке жили купец Брюханов — друг поэта И.С. Никитина, а также отец основателя Воронежского государственного академического русского народного хора К.И. Массалитинова.

Особо следует сказать о купцах Сидоровых. Главой семьи был И.И. Сидоров, в конце XIX века он переехал в Нижнедевицк из Царицынской губернии. Когда Сидоров-старший умер, его дело продолжили трое сыновей — Дмитрий, Сергей и Иван. Они торговали хлебом, имели паровую мельницу, крупорушку и просорушку. Занимались братья и производством свинины, мясо продавали в московские магазины. Род Сидоровых оставил о себе добрую память. Купцы занимались благотворительной деятельностью, вкладывали деньги в строительство водопровода, школы, дорог и мостов, электрификацию города, содержали богадельню для стариков. Три жилых дома Сидоровых, усадебный комплекс и комплекс паровой мельницы сохранились до наших дней. Продолжают служить людям.

Первая половина XX века с ее глобальными потрясениями изменила уклад жизни Нижнедевицка. Осенью 1919 года территория уезда была ареной ожесточенных боев между частями белых под предводительством генерала А.Г. Шкуро и красных — во главе с С.М. Буденным

и Я.Ф. Фабрициусом. Нижнедевицк несколько раз переходил из рук в руки.

Понадобились годы, чтобы восстановить экономическую жизнь, ликвидировать последствия гражданской войны. НЭП, объявленный в начале 1920-х годов В.И. Лениным, практически не коснулся уезда. Пожалуй, это обстоятельство тоже является причиной низких темпов экономического развития края. Как и до революции, главной сферой, в которой были заняты жители, оставалось сельское хозяйство.

В годы Великой Отечественной войны более 21 тысяча жителей района ушли на фронт, более восьми тысяч из них отдали свои жизни за Родину. Шестеро наших земляков стали Героями Советского Союза, трое — полными кавалерами ордена Славы.

Наши отцы и деды были героями не только на поле брани. Их руками был восстановлен район после семи месяцев нахождения в зоне оккупации. Да и весь послевоенный производственный потенциал создавался при их активнейшем участии. Показательными в этом отношении являются 70-е и начало 80-х годов прошлого века. В районе были построены и модернизированы предприятия агропромышленного комплекса, а нижнедевицкие крестьяне добивались высоких показателей в производстве продукции полей и ферм, становились победителями соцсоревнования не только в области, но и в стране.

Те времена политиками и историками определены как период застоя. Чаще всего смысл этого понятия предполагает оценку ситуации со стагнацией советской экономики. Советский Союз действительно тратил большие средства на гонку вооружений, оказывал помощь странам Африки, Латинской Америки и Азии. Вместе с тем внутри страны не решались многие социально-экономические проблемы. Получалось, что мы все время опаздывали, о селе вспоминали в последнюю очередь. Например, радиофикация и электрификация района были завершены только к концу 1960-х годов. Космические корабли, созданные отечественными конструкторами, уже бороздили просторы Вселенной, а в сельской местности люди были вынуждены освещать свои жилища керосиновыми лампами! Со строительством учреждений соцкультбыта тоже опоздали.

Но, пожалуй, самой главной причиной, которая ускорила процесс оттока населения из села и в первую очередь молодежи, явилось отсутствие дорог с твердым покрытием и природного газа в домах сельских жителей.

Только в начале 1990-х годов район приступил к газификации. Сделать бы это лет на двадцать раньше, наверное, многое было бы по-другому. Людям трудно было объяснить, почему государство продает газ в страны Западной Европы, а в центральной части страны целые районы не газифицированы.

И все-таки у района есть будущее.

За два последних десятилетия в нашем крае произошли знаковые изменения.

Во-первых, все поселения, а их в районе 15, соединены с районным центром асфальтированными дорогами. В села пришел природный газ, поменялось качество жизни. Налажено регулярное автобусное сообщение между поселениями и райцентром, а также Воронежем. В районе работают три дома для престарелых и инвалидов, открыт центр социально-психологической реабилитации для несовер-

шеннолетних. Создана сеть образовательных и медицинских учреждений, которая обеспечивает качество и доступность образовательных и медицинских услуг.

Преобразился за эти годы и Нижнедевицк, он стал чище, благоустроеннее и как бы моложе. Появились новые магазины, кафе, аптеки, парикмахерские. По их количеству на душу населения Нижнедевицк, думаю, может поспорить с большими городами. Открылись детская школа искусств и детская спортивная школа, построена многофункциональная спортивная площадка и другие объекты.

А вот еще один, на мой взгляд, весьма показательный факт. 40 лет назад в собственности у населения района было менее 100 легковых автомобилей, а сейчас — более 8000! А уж про спутниковые антенны, современные телевизоры, компьютеры, мобильные телефоны и говорить не приходится. 100 лет назад в Нижнедевицке было всего несколько домов в двух уровнях и жили в них богатые люди. В наше время в просторных коттеджах живут учителя и медработники, представители других профессий.

В этом году в Нижнедевицке начнется строительство физкультурно-оздоровительного комплекса, позже — плавательного бассейна.

Я сознательно говорю о социальной сфере, хотя понимаю, что экономика — основа развития края. Не могу согласиться с утверждением, что крестьянин разучился работать. Вспоминаю последний День работников сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности, который праздновали в районном Доме культуры. Приятно было видеть передовиков производства, слышать о достигнутых ими показателях. Некоторые достижения — рекордные для района и одни из лучших в области. Успехи демонстрируют и, так сказать, коренные сельхозпредприятия района, и инвесторы.

К числу первых относится, в частности, ООО СП «Вязноватовка», которым руководит заслуженный работник сельского хозяйства России Валентин Данилов. Это хозяйство получает более 50 процентов молока, производимого в районе, а с 2010 года имеет статус племенного завода по развитию крупного рогатого скота черно-пестрой породы. В последние годы оно входит в десятку лучших сельхозпредприятий области по продуктивности животных. В группе лучших хозяйств района находятся также ООО СП «Резон», ООО КФХ «Весна».

С 2006 года в нашем районе работает крупный инвестор — банк «Авангард», который представлен ООО «Авангард-Агро-Воронеж». В его составе два предприятия — ООО «Нижнедевицк-1» и ООО «Нижнедевицк-2». В распоряжении инвестора более 20 тысяч гектаров земель сельскохозяйственного назначения. Основной производственный профиль — растениеводство. Предприятие оказывает серьезную помощь сельским администрациям, учреждениям социальной сферы. В этом году банк планирует начать строительство в нашем районе элеватора емкостью более 100 тысяч тонн зерна и маслоэкстракционного завода.

Еще один инвестор представлен в нашем районе двумя компаниями: ООО «Воронежмясопром» и ЗАО «Агроресурс Воронеж». Они имеют 26 тысяч гектаров земли. Основные направления деятельности этих предприятий — животноводство, растениеводство и хранение зерна. В районе функционирует площадка-репродуктор мощностью 2400 свиноматок. Построен также репродуктор на 4800 свиноматок. После выхода на проектную мощность комплекс будет производить более 32 тысяч тонн сви-

нины в год. Надо сказать, уже в 2012 году район вышел на первое место в области по производству свинины.

У инвесторов самая современная техника, владение ресурсосберегающими технологиями, передовые методы организации труда. Это уже сельское хозяйство XXI века во всех его компонентах. Глядя на инвесторов, и местные сельхозпредприятия стараются не отставать в применении передовых технологий и создании новой технической базы. В агропромышленном комплексе района сложилась оптимальная конфигурация: иногородние инвесторы, средние сельхозпредприятия и фермерские хозяйства. Такая модель позволяет оптимально использовать новейшие достижения в АПК, а также климатические условия, почвенные и трудовые ресурсы района.

Однако человек живет не хлебом единым.

Прошлый год был Годом российской истории. Много было интересных мероприятий. Среди наиболее памятных — областной шахматный турнир в селе Верхнее Турово, посвященный памяти Героя Советского Союза М.В. Шматова, уроженца этого села. Соревнования проходили в средней школе, которая в 2012 году была капитально отремонтирована благодаря помощи губернатора области А.В. Гордеева и при непосредственной поддержке нашего земляка, председателя Воронежской областной Думы В.И. Ключникова. Приехавшие на турнир спортсмены, а также почетные гости, организаторы соревнований, среди которых были доктора наук, писатели, признались, что школа произвела на них великолепное впечатление. Но еще больше они были удивлены, когда их пригласили в краеведческий музей, который создан в школе, провели для них экскурсию по Залу боевой славы, показали богатейший краеведческий материал, собранный в течение нескольких десятилетий учителями и учащимися. Историко-краеведческие музеи есть сейчас во всех школах района, они созданы во многих селах. Более того, появляются небольшие отраслевые и даже частные музеи.

В последние годы интерес к истории, в том числе к истории своей малой родины, растет. Это очень важно. С распадом СССР и в результате последовавших экономических, политических, межнациональных процессов были утрачены многие духовные, нравственные ориентиры, девальвированы важнейшие моральные ценности. Обращаясь к истории, люди находят в прошлом не только примеры для подражания, но и определенный опыт, ответы на волнующие вопросы, потому что без них трудно обрести духовную опору и веру в себя. А история рядом и вокруг нас. Она — в названиях деревень и сел, улиц, географических объектов, в памятниках культуры и архитектуры, в песнях, одежде и предметах быта. Многие стараются восстановить свою родословную, собирают домашние архивы. Возрос интерес к устному народному творчеству, к местным обычаям и традициям, вере. На пожертвования, собранные местными жителями и земляками, проживающими в разных уголках страны, восстанавливаются и строятся церкви, проводится благоустройство населенных пунктов и даже приобретается автотранспорт для медучреждений, издаются литературные сборники местных авторов. Ежегодно проходят встречи выпускников школ, уроженцев хуторов, которых давно уже нет на карте района. Невозможно передать те эмоции и ощущения, которые испытывают люди в эти волнительные минуты.

В свое время известный врач, академик Святослав Федоров сказал, что в жизни любой страны главное — не тонны добытой нефти или угля, не количество выработанных киловатт электроэнергии и построенных квартир, а то, сколько граждан чувствуют себя счастливыми. А счастье в том, чтобы у человека была работа, чтобы он мог получать квалифицированную медицинскую помощь, чтобы дети получали всестороннее образование, чтобы в доме было светло, тепло и уютно, чтобы можно было бы отдохнуть, спеть песню и получить удовольствие от общения со своими земляками.

Как глава администрации района я лично за такое понимание счастья.

Значит, пока наши соловьи поют на три губернии, Нижнедевицкий край будет жить и развиваться!

Иван Степанович Семенихин (1947—2006) родился в селе Вязноватовка Нижнедевицкого района Воронежской области. Окончил Московское Краснознаменное высшее пограничное командное училище КГБ при Совете Министров СССР. Офицер-пограничник. Служил в Заполярье. Учился в Литературном институте им. А.М. Горького. Публиковался в журналах «Подъём», «Аврора», газетах «Полярная правда», «Комсомолец Заполярья», коллективных поэтических сборниках. После увольнения в запас жил на родине, в селе Вязноватовка.

Иван Семенихин

БЕРЕГА

РАЗМЫШЛЕНИЯ В МЕТЕЛЬ

Озорною метельною дымкой
Принакрылись поля и луга.
Образумься, товарищ мой Димка,
Возвращайся к родным берегам.
Что нашел ты в Америке, если
Здесь, в России, особый уют?
Ведь не зря наши русские песни
В той Америке негры поют.
Тут просторам и края не видно,
За любым поворотом друзья,
За державу немного обидно,
Но ведь это держава моя.
А Россия — она, как апостол,
Пресвятая во веки веков.
Понимаешь, что жить ей непросто,
Посмотрев на ее стариков.
Я б уехал — тут вольному воля,
Может, где-то подался б в князья,
Но в глаза смотрит преданно поле,
А от поля уехать нельзя.
И меня золотою монетой
Не испортить и не ублажить,
И сейчас, и потом, на том свете,
Как она, так и я буду жить.
Я не бог и пророчить не стану,
Но, по-моему, звезды не лгут —
И хоть это покажется странным, —
Из Америки к нам побегут.
Озорною метельною дымкой
Принакрылись поля и луга.
На чужбине мы лишь невидимки,
А на Родине мы — берега.

ДЕРЕВЕНЬКА

Деревенька Вязноватка...
И загадка,
И отгадка,
И история,
И новь,
И кручина,
И любовь.
Деревенька Вязноватка,
По ночам туманы сладко
Спят на бархате лугов,
От дневных устав бегов.
Деревенька Вязноватка
Молкнет к полночи с устатка,
А воспрянув ото сна,
Деловитости полна.
Деревенька Вязноватка,
Видно, стала зазнаваться,
Коль меня из года в год
Все труднее узнает.
Деревенька Вязноватка —
И загадка,
И отгадка,
И история,
И новь,
И кручина,
И любовь.

ГЛАВНАЯ КОМАНДА

Опять в солдатские года
Меня ведет шальная память,
И вновь я слышу, как тогда,
Команду главную «Отставить!».
Уж три десятка лет спустя,
В иных делах и новом чине
Коснусь мозолей на локтях
И чую взмыленную спину...
А мой сержант достоин славы,
Что не похож был на зуду,
Он просто говорил «О-отставить!» —
И, значит, кончить ерунду.
Поняв солдатских буден строгость
И все, казалось бы, приняв,
Я этого простого слова
Боялся больше, чем огня.
И так вышагивал я четко,
И так выкручивал углы,
Что несмышленная пилотка
Слетала наземь с головы.

В атаке бешеной однажды
Упал — и словно неживой,
Тогда сержант прикрикнул даже:
«Отставить слабость, рядовой!»
И я поднялся, стиснув зубы,
Осил, выдюжил, дошел,
Дымился лоб, разошлись губы —
И все же было хорошо.
С воспоминаньем о сержанте
Ко мне порой приходит мысль:
А не от этой ли команды
Мы как мужчины начались?!

СМЯТЕНИЕ

Видать, сегодня снова не уснуть,
Опять в груди нелепое стеснение,
А взгляд прилип к замерзшему окну —
Приворожило чудное тиснение.
Мороз — по всем понятиям злодей,
Но в эту ночь, кажись, забыл о драме,
Разрисовал окно, как чародей,
И я не в грешной комнате, а в храме,
Но боли иль отчаянной мольбы
Из сердца застуженного не выжать,
А чувства, как несмелые рабы,
Стараются молчком чего-то выждать.
И множатся в терпении святом,
Груди набухшей им едва хватает,
Еще не осознать, что скрыто в том,
Но что-то в них болит и нарастает.
Одно из двух — начало или крах,
И оба одинаково тревожны...
Нависла ночь, огромная, как страх,
Мороз на стеклах и мороз по коже.

БИЛЕТ В ЗАВТРА

Как неприкаянный бездельник
Иль принужденный паразит,
Приперся в кассу я без денег —
Билетик в Завтра попросить.
Кассирша, мил-краса девица,
Сказав дежурно: «Хорошо», —
Не постеснялась удивиться,
Что я без денежек пришел.
Решил красавице признаться,
Что ожила былая статья,
Пусть мне давно не девятнадцать,
Но снова хочется летать.

Я — малый атом в мире вечном,
В дворцах бываю и в хлеву,
И как сказал мой друг сердечный
До смерти я не доживу.
И потому прошу азартно,
Хоть, может быть, не улечу,
Но нужен мне билет до Завтра,
Я послезавтра заплачу.
Она задумалась, ответив,
Мол, я ж вас этим погублю,
За «так» летает только ветер,
А ветер я и не люблю.
Чтоб в дураках не оказаться
На этом бренном берегу,
Пришлось от просьбы отказаться...
И значит — просто побегу.

ТЯГОТЕНИЕ

Приятно после маетных дорог,
Тягучих сроков трепетно и скромно
Явиться на родительский порог,
Где все тебя боготворит и помнит.

Где, как всегда, в круговороте дел
Встречает, наспех вытирая руки,
Седая мать извечным: «Похудел,
Похоже, что намаялся в разлуке».

И тут же оглядит со всех сторон,
Объявит, как важнейшее событие,
Что снова ей пришелся в руку сон,
И, заспешив, предложит чаепитье.

Обычай этот мне давно знаком
И все-таки, ему противореча,
Прильну к пузатой крынке с молоком
И осушу до дна за нашу встречу.

Немного погодя, придет отец
И обожжет небритым подбородком,
Пошутит, мол, дождался наконец,
А то старуха не дает на водку.

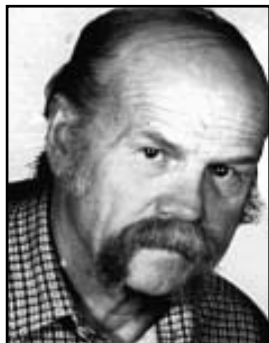
И рассмеемся — этакий курьез,
И на деревне разнесется эхо,
И притворюся, что смеюсь до слез,
Хотя слезинки не от смеха эти.

От радости, что вспыхнула костром,
От горечи, что всем дано старенье,
Что жизнь, как в небо метящий паром,
Едва соединяет поколенья.

Как свят уют родного очага,
Привычно все — от звезд и до росинки...
Здесь чувствуешь, насколько дорога
Родительская каждая морщинка.

РЕЧКА ДЕТСТВА

Все, что было в судьбе,
Будет помниться вечно,
Вот и снова я дома,
В родимом краю,
Замирает сердечко,
Когда старая речка
Простирает мне руку
Худую свою.
Здравствуй, милая речка,
Видно, ты не забыла
Те счастливые годы
Взаимной любви,
Может быть, потому
Неуемная сила
Тянет душу к тебе
Наслажденье продлить.
И встает пред глазами
Хутор дальнего детства,
Где дороги судьбы
Начинались с нуля,
Хутор стал пустырем
И остались в наследство
Только ты да наш луг,
Да больные поля.
Скоро уж отгорит
Моя жизнь, словно свечка,
Но, пока буду жив,
Хоть в предсмертном бреду,
Незабвенная речка,
Лишь промолви словечко,
Я к тебе, дорогая,
На коленях приду.

Анатолий Никифорович Санжаровский родился в 1938 году в селе Ковда Кандалакшского района Мурманской области. Окончил факультет журналистики Ростовского государственного университета. Работал в районных газетах Воронежской области, сотрудничал со многими центральными газетами и журналами, трудился в ТАСС редактором. Автор многих прозаических произведений, среди которых повести «Оренбургский платок», «Жених и невеста», «В Батум, к отцу», роман «Сибирская роза» и другие. Член Союза писателей Москвы. Живет в Москве.

Анатолий Санжаровский

ГОВОРИЛА МАМА...

Повесть в житейских бывальщинах

В НИЖНЕДЕВИЦКЕ У МАМУШКИ

Нижнедевицк...
Это уютное степное районное село в шестидесяти километрах к северо-западу от Воронежа.

Сюда в шестидесятые годы перевели из Евдакова старшего брата Дмитрия. В Евдакове он был механиком на маслозаводе. И в Нижнедевицке тоже бегал механиком. Одно время покняжил директором маслозавода. Не уякорился и жизнь спихнула его снова в механики.

Вскоре после переезда Дмитрий женился и зажил отдельно своей семьей в новом доме через три двора от наших.

А мама и брат Гриша — он работал на маслозаводе компрессорщиком — жили в аварийном заводском бараке-сарая. Мама мучилась в нем тридцать пять лет, Гриша — тридцать семь. Мыкали горе в этом пролетарском бараке до самой смерти.

Все эти долгие годы строители «счастья на века» горячо обещали им квартиру в доме-новостройке. Только дальше жарких обещаний дело не пробегало. И получили мама и брат жилье лишь на кладбище.

Правда, уже после смерти мамы, в 1996 году, Гриша дождался-таки, но уже от новой власти ордера на новую квартиру.

Счастливым, он основательно ухорашивал свой уголок.

Да переехать так и не успел.

Судьба распорядилась по-своему.

Смерть...

Двери их ветхой халупки были так узки и малы, что в них нельзя было вынести гроб с покойником.

И гроб с телом мамы, и гроб с телом Гриши пришлось выносить в окно.

Очки, футляр положили Грише в гроб. Были у брата пухлые ноги. Их обули в тапочки. А хорошие новые туфли тоже положили. Одну туфлю под левый локоть, другую под правый. Захочет, там возьмет и переобуется... Мама встретит его еще на дороге...

Их могилки рядом, за одной оградкой.

И верный Гришин друг посадил в изножье печальную березку.

Каждый год я наезжал к своим в отпуск.

То огород поможешь вскопать или убрать картошку.

То погреб подремонтируешь.

То дровец на всю зиму нарубишь...

Все какая-никакая подмога.

У мамушки мне всегда было добро.

Я был влюблен в ее образную простую речь. Не запиши сразу — не запомнишь все в точности. Пропадет такая радость. И стал я записывать за мамой.

Однажды она это заметила и очень расстроилась.

— Толька, сынок... Ты к чему мои слова кидаешь на бомагу? Потом шо, сдашь меня в милицию?

— Боже упаси! Да как Вы такое могли подумать? Я просто так... Нравится, как Вы говорите...

— А и наравится, все одно не хватай на карандаш, шо я там ляпаю... Да мало ль шо я бегмя ляпону?!

— Успокойтесь... Не буду...

И все же я тайком записывал.

Набежало тридцать три тетрадки.

Когда я их читаю, вижу и ясно слышу свою маму...

У неграмотной мамы я неосознанно учился писать свои книги — тринадцать томов собрания сочинений.

БОМБА

В школу я пошел в девять лет без десяти дней.

Маме нравилось слушать, как я читал азбуку.

Сама она училась в школе с месяц. По чернотропу бегала. А как похолодало, как пали снега — учеба и стань.

Не в чем было бегать в школу.

На троих у нее с братьями Петром и Егором метались в служках одни сапоги. Сапоги понадобились братьям.

Как-то мама готовила на плите вечером.

— Почитай трошки мне, — попросила она.

— Бом-ба, — прочитал я по слогам.

— Неправильно! — стукнула мама ложкой по кастрюле на плите. — Бон-ба!!! *Ны!* *Ны* посередушке! А не твоя мыкалка *мы!*

— Но в книжке — «бомба»!

— Та шо они там понимают?! Негодная твоя книжка! Край неправильная! Выкинь ото!

— А уроки по чем делать?

— Тогда не выкидывай.

И больше мама не спорила с учебниками.

1947

МУМИЁ

Летом мы с Галинкой были в Нижнедевицке.

А в октябре я снова приехал. Только один.

Заболела мама.

Сразу за задами нашего огородчика тоскливо, чахоточно желтела новая районная больница.

Но маму туда не положили.

Сказали:

— Нам в первую очередь надо лечить советских тружеников. А дорогушам пенсионерам — славная орденосная Ольшанка!

И отвезли ее за двадцать километров от дома.

Три недели, что пробыла мама в Ольшанке, я возил ей передачи, помогал брату Грише вести дом.

И вот уже под вечер маму привезли.

Гриша только-только закончил белить печку.

Я тем временем домыл пол.

Приготовились к встрече мамушки.

Прошла мама от машины к порожку. Счищает палочкой с сапог грязь, переобувается в тапочки:

— А то еще наведу вам в хату грязюки...

За ужином она грустно роняет:

— Шо-то, хлопцы, не хочется исты. Думаю, исты ли свеклу, вводить ли вас в растрату...

— Вводите, — в ухмелке разрешаю я. — Но сначала выпейте пять капелек мумие. Я вам привез...

Гриша подкалывает:

— Маме он привез! А ты докажи, что не туфту привез. Выпей сперва сам.

Я выпил. За еду не берусь.

— Что интересно, Толя сегодня у нас говеет. Праздник у него религиозный, — вприсмешку кидает Гриша.

— После мумие нельзя сразу есть.

— Мужественный товарищ... Да! Все великие свои новые препараты испытывали на себе! — подпускает он важного туману.

— Ма! — горюю я за едой. — А Гриша все ждал, когда я начну от мумие зевать.

— Станешь ты зевать, — отбивается Григорий, — когда полковороды курятины умял!.. Ма! Как Вы себя чувствуете?

— Голова болит и в виски постукивае. Сердце разом ниче. А разом як застукает по ребрах...

— Ма! — тихонько наседаю я. — Когда начнете пить мумие?

— А шо? Надо зараз начинать пьянку? Потом як-нэбудь.

— Я ж выпил. Цел. И от Вас ничего не отвалится.

Григорий:

— Ну к чему липнуть каждую минуту? Пристал банный лист... Будет пить!

Мама перекрестилась и опустошила рюмочку с мумие.

— А приятно на вкус... И к еде навроде просится...

Впервые за три недели поела с аппетитом.

И вспомнила:

— Еще до войны мне цыганка нагадала. Если, говорила, в сорок пять перебежешь хорошо, то будешь жить восемьдесят три года...

— А мы не согласные на цыганские восемьдесят три. Наш поезд летит до станции СтоИДалееВезде! — пальнул Григорий.

— Ох, Гриша... Расхороша ж твоя станция. Да не про нас. На старых людей зараз всплошь пришло гонение. Районный главврач Комаров як мне сказанул? Напрямом вот и фулки в глаза: «В районной больнице нам предписано свыше ударно лечить тех, кто дает молоко, мясо, хлеб. А ты что даешь? Пенсию тянешь... В Ольшанку тебе дорога предстоит...» А Ольшанкой задря пужали. Вернулась же живая та ходячая. Про шо ще мечтать?

БАБУШКА ФРОСЯ

Наутро я проснулся в пять.

— Чего не спишь? — щелкнул меня указательным пальцем по руке Григорий.

— Да собираться в столицу надо...

Он подсмеивается:

— Я устрою тебе темную прощальную... Надо мне остальное достирать мамино. А то, что я вчера стирал, уже высохло. Ты погладишь... Если думаешь гладить, вставай гладь. Сейчас стоит нужное напряжение. Все равно не спишь...

Я включил утюг.

— Ма! — хвалюсь я. — А я глажу с обеих сторон. Следов чтоб не было.

Григорий уточняет:

— Следы замечает-заглаживает.

И понес он завтрак поросенку.

Мама вздыхает:

— Толька гладит. Гриша побежал на поклон в гости к кабану. А шо ж мне делать? Не лежать же, як коровя? Так я у вас ничего и не буду делать. Разучусь...

— Полежите... Придите в себя от Ольшанки.

Возвращается Григорий и сразу швырь камешек в мой огорошко:

— Ма! Что интересно, за целый час Толька выгладил только сорочку, наволочку и плащ!

— Это он от зависти, — говорю я маме. — Я основательно все делаю. А он так не может.

— Да, — улыбается Григорий. — Так не могу. Лучше могу!

Еще толком не раскидало ночь, когда припостучалась бабунюшка Фрося. Мамина товарка.

— Игде туте наша ольшанска геройша? — шумит гостья и подслеповато пялится за печку, где на койке лежит мама.

— На старом боевом посту! — усмешливо откликается мама.

— Я не разулась...

— Ну и не разувайтесь.
— Хлопнув аж два. Помоють.
Бабушка подседа к маме на табуретке.
— Ну?! Не померла? Хвались! Докладуй мне и моей тубаретке!
— Та жива ж! Сами бачите! Ну чего его шо здря греметь крышкой? В одно слово, раздумала помирать...
— Так оно способней. Я туточки сама то ли полужива, то ли полумертва... Не пойму... На уколах катаюсь втору неделю! Понаравилось старой дурейке...
— Ну, от чего Вам уколы делают?
— От кроводавления. Оно у меня бешеное... Заниженное.
— А у меня завышенное. А обом нам кисло...
— Да ну его в транду это давленье! И штобушки нэ було дуже кисло, вот Вам сумочку яблук. Не покупные. Из своего сада.
— Да я ли не знаю? Спасибо за подаренье...
— Михална! Иль вы забыли, шо бабака я с глушью на обе пятки? Посадила Вам голосок Ольшанка. Кричить мне сильней.
— Это привсегда пожалуста!
— Слушайте, шо я вам расскажу... Тилько вспомнила. Цэ у Россоши було. Женився один. А жинка не всхотела, чтоба мать его с ними жила. Он и говорит матери: «Пошли я тебя покатаю». Посадил ее в машину. Поехали. Стал раз, поковырялся в моторе. Стал еще. «Мам, выйди. Я подыму твой бок». Она вышла, он и толкни ее в ров. Три дня лежала без сознательности! Потом стала кричать: «Спасите, кто верует в Бога!» Мимо ехал один. Услыхал крик и привез ее в Россошь. Напрямко в трибунал¹ Вызвали молодых. А у сына уже спрашували соседи, где мать. А он отвечал одно: «Уехала в свое село». И дядько, спаситель матери, сказал сыну: «Ты выбросил мать. А мы подобрали». Посадили тех молодых... А то еще... Сунули родители пятилетнюю дочку на санки и повезли. «Поедем зайчиков ловить!» Привезли в лес, раздели, привязали к дереву и пошли... Ехал один шофер, услыхал детский плач. Тут подъехал второй шофер. Один снял с себя фуфайку. Укутал девочку. Едут. Видят мужика и бабу. Девочка и докладае: «А вон мои материнка и папчик». Первый стал. Сказал второму: «Я прямиком дую в хомутку². А ты подбери их и тарань туда же». Второй взял их. Везет. Они шумят: не туда прешь! А он: я знаю, где вы живете. Но мне надо заскочить на моментушко в одно местынько. А там я вас доправлю до дома». Их домом оказалась теперь тюрязжка... Сталинска дачка...

Бабушку Фросю медом не корми.

Сиди только слушай ее истории.

Но ей самой тоже хочется услышать что-нибудь необычное. Мама это знает и расписывает свой случай:

— А цэ в Нижнедевицке скрутилось... Молодые не хотели его мать. Там пара... Она тонка, як щука. Ноги-палки рогачиком. Стоит, як на дрогальях. А у него мордяка, як ведро! Вот сын вывел мать в лес. Снимает с плеча ружье. Мать перекрестилась и просит: «Не стреляй меня у спину, сынок. Стреляй у грудь». Он застрелил себя.

Октябрь. 1977

¹ Т р и б у н а л — отделение милиции.

² Х о м у т к а — отделение милиции.

КАЧАЮЩИЕСЯ НА ЛОПАТАХ

Приехал я в мае к своим.

Смотрю, на двери замок.

Я за сарай.

В огородчик.

Гриша в одной майке. Рубаха повязана на бедрах. Копает.

В отдалёнке мама копает грядку под чеснок.

Обнимаемся. Целуемся.

— Ну, как Вы тут?

— Да помало качаемось на лопатах! — вполухутку роняет мама. —

Ой! Ну шо мы туточки стоимо?

Я:

— Гришу бережем. Чтоб нашего жениха цыганки не украли.

Гриша:

— Гришу брось на дороге — споткнутся, но никто не подымет... Ну что, ма, как говорил один, глубоко покурили, мелко поработали, можно и на отдых. Раз Толька приехал, какая копка?

Мы идем в наше палаццо.

В эту тоскливую аварийную засыпушку.

Бросается дома в глаза ковер во всю стену.

Мама гордо усмехается:

— Угадай, за сколько взяли?

— За двести?

— Выще! Шесть сот! Хватит лохмоты туточки развешивать!

— Но стена-то вечно сырая!

— Это верно. На той неделе стенка отвалилась совсем до костей. Еле заделали... Мы подбили под ковер стари одеяла.

— Ковру надо дышать. Там должен пан воздух прогуливаться.

— Толька! А вы себе ниче не покупили?

— У нас одни убытки. Велосипед у магазина украли. Зашел за пакетом молока. Выхожу с пакетом — велосипеда нетушки.

— А мы уже год порося не берем. Кормить нечем. А магазинным хлебом окормлять — знаешь, куда оно выскочит!.. Гриша, ну шо нам дедать?

Гриша с напускным выговором:

— Бабушка! Или ты с Луны упала?

Он достал бутылочку из-за телевизора.

Подбросил и ловко поймал:

— Наедем на бутылочку³, бабушка?

— Случай ты не бросишь...

— А пока суну я свое пойло в холодильник. Не, не пойло. Моя вальерьянка! Холодненькая лучше идет.

— Тебе только б стаканить, — укоряет мама Григория. — Его, Толька, нипочем от бутылочки не выгонишь... От него не открадешься... Чекалдыкнет один целую бутыляку и болта, и болта... И ляпае, и ляпае... Цэ сколько на его газировку⁴ треба?

— А что нам деньги? Мы сами золото! И... Ма! Не наговаривать! А то

³ Нае х а т ь н а б у т ы л о ч к у — выпить спиртного.

⁴ Г а з и р о в к а (здесь) — водка.

подумает Толька, что я, николаевский жених, еще и вечный аквалангист⁵. К случаю явления столичанина чего не съездить в Бухару?⁶

— Надо ж тогда и к выпивке чего подтащить? — разводит руками мама. — Самэ лучше, сбегаю-ка я на свиданку на низ. Пробежусь по магазинах.

Скоро стол был накрыт.

Гриша налил нам с мамой пива. А себе водочки.

Все встали. Чокаемся.

— Ну! — стукнул Гриша своей рюмкой мою и мамину. — Сгинь, нечистая сила. Останься один спирт! Бум! Бум! Бум! За здоровье всех!

— Правильни слова, сынок! Здоровье — все золото наше!

Гриша лениво потягивал водочку.

Мы с мамой баловались пивком.

Мама все подкладывала мне грибы:

— Чемпион (она не выговаривала *шампиньон* и чемпионом его называла) всем грибам генерал. Собирали с Гришей в Чураковом рове. Еще грибы гусеником, гуськом растут. Як полотно!

— Что у вас новенького?

— О Толька! За раз и не проскажешь! — хвалится мама. — У нас районна больница вся водою пидойшла. Канавами больницу обнесли. Обрыли. Ну властюра! Поставили больницу. А потом хватились щупать воду! А она сама нагрязнула в подвал. Канавы стали обрывать.

— А толк пляшет?

— Не знаю, самэ лучше... Сегодня шла к сараю, горобець вжик мимо глаз. Чуть крылом не резанул. Цэ, думаю, к приезду Толеньки.

Гриша:

— А белый голубь у нас на антенне сидел, и в окно воробейка тукал. Кто-то приедет.

— Зима путевая була. Я из тарахтушки⁷ на той неделе тилько выскочила. Ведро углю у день спалювалы.

— Ты Митькиных девок еще не видел? — спросил Гриша. — Ленка на Октябрьскую с трибуны от школы орала. Читала что-то. Акти-ивная. На баяне режет — я тебе дам! Формы м-м-м!.. Выше матери. С лица видная. Мужики уже косятся... Ленка хороша. Смелая. До каждого подойдет. А меньшая, Людка... Худая, как кочерыжка. Худорба напала. Выдула непохоже что. Уже в первом классе. Спрашиваю, женихи есть? Кричит: целая шайка! Все женихи, что были в детсаду, веются за ней и в школе. Ни одного не поменяла.

— Бачишь, сынок, — грустно улыбнулась мне мама, — молодое растет, старое отваливается... Зимой Сашка с завода Ползик... Вечером, солнце так уже заходило, був у нас. А ночью помер... У нас на порядке жил Жора. Здоровался как... Бывай здоров! Его и прозвали Жора Бывай Здоров. С перепоя убил себя выстрелом в рот. А соседка у нас во отколола! Утром встала, позавтрикала, покопалась в огородчике и опрокинулась. Разделалась... Сегодня под Три Тополя, — мама посмотрела в окно в сторону кладбища, — уже похоронили. Недавно провезли на машине.

— А почему на руках не несли? — спросил я.

⁵ А к в а л а н г и с т — запойный пьяница.

⁶ С ъ е з д и т ь в Б у х а р у — выпить.

⁷ Т а р а х т у ш к а — куртка с капюшоном.

— На руках надо носить, пока жив человек! — хлопнул Гриша вилкой по бутылке. — А то живут и на кулаках носят.

Мама возразила:

— Не у всех же так. Вон деда Костюху проносили мимо нас на рушниках. У него шестеро сыновцов!

4 мая 1979

ЯЙЦА ДЛЯ МОСКВЫ

Мы с Григорием завтракаем вареными яйцами.

— Ма, — тронул я маму за локоть, — съели б и Вы хоть половинку яйца...

— Не, сынок. Я утром не ем. Туда подальше... Часам к двенадцати... А зараз и рота не раззявишь! Ты лучше скажи, почему свои яйца вкуснее? В магайзине як-то брала... Никакого укусу! Белок от желтка не отличается... Толька! А теща хотько изредка вам посылочки подае? Ай не?

— С чего ей подавать? Своего у нее ничего нет. Зимой приезжал ее сын Саша. Привозил полмешка картошки своей.

— И то гарна подмога... А наши яйца, в апреле посылали, хорошо дошли?

— Хорошо. Только не все проложили...

— В те года пересыпали яйца подсолнухом. А в прошлом годе нэ було нигде ни зернинки. Когда подсолнух поспевае, они чем-то его попрыскають и за неделю весь доспевае. А тут то ли потравили... Люди с Гусевки кинули курам семян — попадали. И подсолнух во всем районе весь пожгли на корню. Район не сдал государству ни одного зернушка. Никто не отвечал. Значит, так надо. А може, зерно само не выздрело... Вот нам и нечем было пересыпать яйца... Что ж это у нас за житуха?.. Как это они там, — мама посмотрела в печали на аварийные трещины на потолке — так сумели все довести до такого краю?.. В Москве без драки не укупить яець! Выкинут же раз в сто лет... О-ей и житуха...

5 мая 1979

БУКВЫ

Я строчу послание своей половинке.

Мама напряженно всматривается в мои каракули:

— Як ты пишешь? Одни ковылюшки! А не буквы! Ну, вот слово. Ни одной буквы нэма!.. Ни одной не пойму... Э-э-э... Ниче не понимаю. Одни крючочки. Ну у тебя и подчерк!

— Да не хуже Вашего! А помните, как я, первоклашка, учил Вас писать?

— Помню! — гордовато улыбнулась мама. — Хвамилию свою напишу. Настановлю цилу бригаду буквив. Ще и лишние понакидаю.

— Да что фамилию? Вы целые послания пишете! Вот одно я в Москву увезу. Память будет... — Подумал: кому-то этот ее автограф и плевка не стоит, а мне — святая икона. — Сейчас найду...

Я порылся в своих талмудах и показываю маме газетное поле с ее строчкой.

— Ма! Как я ни бился, ничего не смог понять...

— Ты шо, неграмотный у нас? Ясно ж я тут написала:

«Гриша, это каша курам».

— А к чему Вы написали?

— Я наварила каши себе и курам. И край бежать в астроном. А Гриши нэма. Придэ со смены, еще курячью кашу ухлопае. Курей без ужина и без завтрака оставит! Я и наверти ему письмище. Положила под ложкой на чугуна с курьей кашей. Шоб не перепутал, где наша каша, а где господская, курам... А лучше всего я люблю писать слово *часнок*.

И она обстоятельно засадила столбик *чесноком*.

— А ну-ка, мам... На засыпочку... — Гриша подал маме крохотный газетный клочок. — Прочтете ли Вы сами это свое боевое донесение?

Крайком глаза мама стрельнула недовольно на свою записку и в легкой обиде поморщилась:

— Нашел с чего возжигать раздоры... Та шо тут читать? Ясно ж писано! *Я ушла в церкву!* И с зажмуром тут ничего другого не вычитаешь. Ну шо непонятно?... Эха, сыночеч... Не учить такое!.. Выходит, полных три года ты не учился заочно в сельском институте. А тольке крепенько прохлаждался, за шо и попросили?.. По барину и говядина... Вон твой Валерка... Отбегал в один институт. Чув, не выучили его толком. Маловато скопилось в голове. Он и дернул во второй институт добирать ума. Целых два институтища впихнул в одну башню! А ты?.. Или, можа, *за шо-нэбудь другое попросили?* Только мне про то не стукнул?

— Ну, — усмехнулся Гриша, — в ногах не валялись... Чтоб так уж просить... Я сам ушел безо всяких высоких прошений, когда меня *убедили*, что аховый агроном из меня будет. Характеристику навели... Я на все буквы... Сам ушел! Чего чужой хлеб жевать?

— Сам или попросили *за шо?* Разница... С институтом материну руку не разбере... Плохи твои дела, хлопче...

РУСЯТОЧКА

— Сынок! Ты Халина не знаешь? С одной ногой?

— Ни с одной, ни с двумя не знаю.

— По-страшному чертяка стаканил. И бил жинку. Зиночку. У нас ее ще Русяточкой зовуть... На Паску получила Зиночка пенсию. Он попросил у нее денег. Хотел щелкнуть у нее капиталцу... Она не дала. Тогда он с любовницей — у них жила на кватире — изволохали⁸ Зиночку. Зиночка заявила в милицию и ушла в Кабанский лес. Залезла в трясовину. В самый мул. Присосало... В сырой тине по грудь була неделю. Побачив тракторист. Сказал, шоб приихалы. На красной легковухе прискакали. Еле вытащили. А войлочные сапоги так и остались в трясовине. Привезли в больницу. В лесу була семь дней. Не ела, не пила. И в больнице ще неделю жила. А ни крошки не ела. В сознательность так и не вернулась. Седни померла...

5 мая 1979

ПОМЕХИ

Мы с Гришей смотрим футбол.

Подседа посмотреть и мама.

И через минуту, покорно положив голову на плечико, уснула.

Ее разбудил Гришин вскрик:

⁸ Изволохатъ — избить.

— Проклятухи помехи!
Мама чуть приоткрыла глаза и тихо сронила:
— Можь, вертолет пролетел...
Стало вроде лучше показывать и мама снова спокойно задремала.
— Ну опять! — горячится Григорий.
Мама приоткрыла глаза:
— Може, пьяна баба проходэ мимо хаты... Гриша! А с чего это у тебя пан телевизор бастуе? Ты ж сегодня перед ним целый день приплясывал... Все настраивал...
— Да-а... Похоже, ма, я настроил его лишь против себя...
Постепенно помехи поубавились.
Да ненадолго.
— Ну а сейчас от чего помехи, ма? — допытывается Григорий.
— Играють погано. Можь, таракан вместе с нами с печки смотрел эту кислу игру. С досады плюнул и пошли помехи...

5 мая 1979

И В АДУ КАРТОШКУ САЖАЮТ

Проснувшись, Гриша потягивается на диване.
— Как там Татьяна Ивановна? Копают?
— Это та, что позавчера похоронили? — уточняю я.
— Та. Накопала себе беды... Теперь отдыхает.
— А там лопаты дают? — допытываюсь я.
Мама горестно покачала головой:
— А кто зна... Сколько померло, никто не пришел, не доложил... И ничегошки там не продашь. Ни лишний лучок. Ни чесночок... Там в смоле кипать. Я во сне бачила. Место, як комната. Не огорожено. Котла нету. А стоит смола в метр высоту, булькает и собирает с боков в середину. В той смоле сидела морочка.⁹ Качается она. Волной ее носит. Колыхается то на ту сторону, то на ту.
«Ты что там делаешь?» — кричу я ей.
Отвечает:
«Картошку сажаю».
Я удивился:
— Видите! Сажают!
Мама постно поджала губы:
— Значит, там тоже сажают. Надо Богу молиться... А мы не молимся... Я як кансомолка... Будем исправляться... Я зараз сбегаю на низ. А вы отдыхайте. А завтра будем и мы сажать...

6 мая 1979

ПРИГОТОВИНЫ

Тихо-натихо мне мама прошептала:
— В кассе взаимопомощи моих уже сотенка гуляет рубликов. Как перекинусь, е на шо ховать... Плохо, проценты не дают. В банке напеивается три процента. А тут дурные копейки не пенятся. Как зарастут мои стежки... Приедешь... То ли дома переночуешь... То ль со слезой в гостиницу шатнешься...

⁹ М о р о ч к а — старая больная женщина.

— Вы что так мрачно настроены?

— А на веселуху не сносит... Это время такое придавило. У нас в прошлом годе сын матери голову отрубил. Як кавун привезли. Кой-кому мать не нужна... Мать хуже слуганки...

— Но к Вам-то это не относится. Лучше б рассказали что про свое детство.

— А шо рассказывать? Хорошества мало... У нашего деда Кузьмы була красна скрынька с сахарем. А ключики на пряжке. Хотелось нам в ту скрыньку глянуть хоть чутушки глазком... Мы, детвора, — я, Ягор, Олена — и бороду ему погладим, и расчешем... Он и даст по маленькому кусочку сахарю. А не понравимся мы, ухмурится: «Я б вам и дал, что просите, да давалка высоко! Я вас быстро свожжаю!» — и смотрит на лозинку на печке... Не помню, где вчора була. Но откатилось шестьдесят годов, и я помню, как дед Потап в церковной караулке читал: «Будут птицы с железными носами, мать дитя будет пожирать...» Одна бабка и заохай: «Да откуда ж его начинать есть? С головы? С рук?»

«Да сбудетса Слово реченное, пройдет небо и земля, но Слово не пройдет» — написано в Евангелии.

Дед Потап прочтет кусочек и оскажет своими словами, про что читал. Пояснит... Все сбылось...

6 мая 1979

ОБЫДЕНКОЙ

Лет пять назад покатила я на автобусе в Воронеж обыденкой. Яйца продавать.

Ведро продала. Ведро осталось.

Ну, ведро с яйцами впихнула в пустое ведро и поскреблась ночевать на вокзал. Туда всех пускають.

В вокзале села в тихом уголочке на скамейку. Ведра поджала под лавку. Держу ногами с обох сторон.

Рядом калачеевский хохол-мазница, давай дражниться, умял палку колбасы и посмеивается мне:

«Теперь можно з голодным боротысь!»

А я за весь день и крошки в рот не вкинула.

И не хочется.

Утром чем свет знову бежмя на базарь.

Расторгувалась...

Взяла под перед¹⁰ билет. Только выдралась из толпы у кассы — подходит мой автобус из Нижнедевицка. Я бегом к автобусу.

И в дверях столкнулась с Гришей.

Он весь такой дельной.

Сначала грозно покосился сам Топтыгин на меня и тут же раздумал сердиться.

Улыбнулся генерал мне с поклоном:

— Здравствуйте, бабушка Пелагия Михална!

И я ему в культурности кланяюсь:

— Драстуйте, сыночек Никифорович!

Тут Гриша совсем задобрел. Банку жареных картох подает из пазухи. Еще теплом грели-дышали.

¹⁰ П о д п е р е д — заранее.

Голодуха ахти как подпекала меня.

Да как ото его на людях исты?

Поставила я банку с картохами к себе в ведро и спрашую:

— Гриша! Ну не столкнись мы носами в антобусных дверках, шо б ты делал? Как на пужарь,¹¹ побежал ба по городу и кричал, как те цыганча, он тоже потерял мать: «Не видали мою маму?» — «А какая она?» — «Да лучше всех!»

— Я не цыганенок и не побежал бы по улицам. Я б побежал в козлятник¹².

И обогрели сыночка Гришу в той день две большие радости.

И матерь нашлась, и штаны купил.

А уже дома, вечером, мы разогрели ту картошку, что жарил он в чetyре часа ночи и в пазухе привозил мне в Воронеж.

ЗА КОГО МОЖНО РУЧАТЬСЯ?

— Тольчик! Ты у нас образцово-показательный одномандатник¹³. А женушка тебе верна?

— Ясный перец! Что за вопрос?!

— Конкретный. И по существу. У тебя лоб не чешется?

— А с чего он должен чесаться?

— Рожки когда режутся, должен чесаться. Переживаю я за тебя. И за оленей. Гляди, какие развесистые у них рога! Столетние дубы таскают на головах! Это дар божий? Или подношение шалунишек-олених?

— Хватит тебе...

Тут входит мама. Гриша сразу к ней:

— Ма! Как Вы думаете, пока наш доблестный Толяка болтается в своих вечных журналистских командировках, его Галюня не жарит ли в чаду кильку с каким-нибудь запасным диким абреком? Не шалит-с?

— Да по виду не должна б. Мягка поведенкой. Меня мамой называ. А там... Сынок! Никогда не ручайся за три вещи: за часы, за лошадь да за жену. Ручаться можно только за печку и за конька на дому.

КОПКА ПО-НАУЧНОМУ

Гриша вскочил в семь. Я за ним.

Он копает в огороде.

И я отважисто пристраиваюсь рядом.

Гриша присмеивается:

— Что, отработываешь за харчи? Отработывай, отработывай... Копай по-научному. Ты слишком глубоко и ровно копаешь. А надо держать лопату под углом! Так легче копать. Учись... Не спеши. Не загоняй себя. Это только старт.

— Не проспим и финиш! Мы, московские, не разучились копаться в земле.

— Ты не московский. А ковдский. Только уже двадцать лет с городским стажем... Иногда стану у окна. Взгрущу. Как же они живут по городам? Там же одни коробки! Пушкина ссылали в Михайловское. Какая

¹¹ Пужарь — пожар.

¹² Козлятник — отделение милиции.

¹³ Одномандатник — верный муж.

ж это ссылка?! Деревня — благо! Ты б не хотел с годок покняжить в деревне?

— Я б хотел посидеть со своими бумагами.

Из соседнего баракко вышел и сел на приступках плотный, быковатый чудик Алешка Баркалов и кричит раздетой до красных плавок нашей молодой соседке, копала по ту сторону от нас у забора:

— Шурок! Божечко мой! Живот на живот — вот где барыня живет! Что ж это ты, улыбашечка, подрываешь у мужиков дисциплинство? — и рукой на нас. — Бог в помощь тебе, дорогуня Шуруня!

Молодайка заливается:

— Может, тебе новенькую острую лопату дать?

— Не-е!.. Не мой сегодня день... Какой из меня помогайчик?! В этом деле я классический Нуль Нулич!.. Потому в надежные помощники я смело засылаю тебе самого Бога! А я... Я, всеконечно, люблю поработать... А особенно посидеть... Шурок! Дело не в грамматических словах. Мне просто нонь не работается. Не могу из-за тебя. Сижу на ступеньках и смотрю на тебя. Исхожу. Вот ига мне сегодня попалась! Досмотрюсь — кой-где что порепаётся!

— Я погляжу, ты дюже многозаботный. Ты уж не убивайся тако. Это не твоего огня дело. Хватя языком-то хлестать! И ты, дурноед, дай своему волнению власть! — хохочет наша соседушка, весело качаясь за плетнем на лопате. — А то у тебя с жары все мозги поплавились и вытекли в пятку!

— Шурок! — не отстаёт Алешка. — А не забыла, что из-под смеха дети бывают? Кто смеется, тому не минется! Ты помнишь, жадность — плохая статья в человеке? А у нас все крупное, ядерное. Комары с орла! Людей забивают!.. Знаешь, над чем я сейчас строго думаю? В 1821 году проездом из Воронежа в Курск царь Александр I остановился на ночлег в нашем в Нижнедевицке. Будь мы тогда, у кого б он приночевал? Конечно, не у меня. Но и не у тебя, вседорогая Шурок! Он же мужик. С глазами! И гляючи на тебя, мучился б побольше моего. Ну на что ему такая кипяток ига? Он сбег бы на сеновал на погребу у пана Григореску!

Шурочка закатывается еще сильней.

— Чего она такая толстая? — шепнул я Грише.

— От недоедания... В деревне так... Встают до солнца и за лопату. Развиваться! Солнце уже село. А они все катаются на лопатах. Нравится!.. Говорят, кто посадил дерево, тот не зря прожил жизнь. Я не зря. Вот эту яблоньку у забора садил я. За шестьдесят копеек брал ростком на маслозаводе. Яблоки будут. Богатые. Что интересно, цветет гроздьями. Пупырки кучами зеленые. Я посадил на огороде три яблони, шесть вишен. Вон видишь? Моя китайская вишенка расцвела... Во дворе три киевских каштана. Я сжал.

— Двенадцать раз прожил не зря!

Вывернулась из-за сарая мама:

— Хлопцы! Я тилько шо прибежала с низа. Из командировки. Докладую. Площадь вся заставлена народом у магайзина. Хлеба ни крошки. С пустом прибежала шкабердюга... Шо нам поисты сконбинировать?

— Сами! — отмахивается Григорий. — Что Бог на душу кинет, ту комбинацию молча и берите.

Я прямо на огороде записываю за Гришей в блокнот:

— Ни одна твоя великая мысль не должна проскочить мимо человечества!

— Какие мысли? Дурацкие... День прошел... Протолкнули его... Ну и... Кончай. Айда в наш вигвам.

Я до того накатался за день на лопате, что еле донес родные ноженьки до койки.

Упал и пропал.

И нога спит, и рука спит, и ухо спит, и мозоли на бедных московских ладошках спят...

6 мая 1979

ПУТЕВКА

— Хлопцы! Я выпишу себе путевку за хлебом сходить... Плохое мне счастье уродилось. У других сыны поженились. Невестки приносят хлеб, по магазинам бегают. А мне нэма помочи. Встала и бегом в каждый след сама. Я сказала:

«Гриша! Женись. Помогала б...»

А Гриша:

«Поможет! То обстируешь одного. А то будешь обстирывать двоих. Да еще не угодишь!» Не было собаке хаты, не будэ и довеку. Если б кто подсчитал, по сколько километрив в день я вытопываю... На один низ за день рейсов десять сгоняй. А там ще и постоять треба. В магайзине часто и густо мнется стилько народу — руку не сунешь. Это время. И стоишь... Ноги-то одни. С устали не молчат. Ноют-гудят... Да по другим маршрутам скачешь раз по разу. Раз по разу. Сколько цэ в километрах? Десять? Двадцать?.. Не сбрешу, самэ лучше. Учора бегала, бегала... Ноги по коленки оттоптала... Насилу уморилась...

8 мая 1979

БУДЬ БОРЦОМ!

— Сынок, я вспомнила... Тут у нас, в Гусевке, померла у одного жинка. Остался он один. А готовить не умел. Сразу клал в холодную воду мясо, картошку, капусту, свеклу, приправу. Перекрестит все то и велит:

— Будь борцом, пожалуйста! Христом-Богом прошу!

5 июня 1980

БОЮСЬ...

— Я смерти не боюсь, сынок. А боюсь — как зачнут кидать комки земли на гроб. Бум-бум-бум глудки по крышке... Пробьют крышку и мне достанется... Попаду под раздачу... Боюсь...

— Тогда Вы ничего не услышите уже...

— Услышу, Толенька... Як же? Слышала всю жизнь. А тут не услышу? Не може того быть... Не глухая... Боюсь, як с кладбища все пойдуты и оставят одну в земле...

ПО ГРИБЫ

Трудно входит мама с полной сумкой.

— Ну, хлопцы! Прибежала я снизу с раздобытком. — Смахивает пот со лба. — Насилу уморилась... Пешеходного¹⁴ сыру взяла, ситра взяла. И к ситру...

— И что ж Вы пристегнули к ситру? — интересуюсь я.

— Да двадцать семь пачек хлебной соды! Она бывает... Раз в сто лет выкинут... И ходить туда радости скупое. Продавцы до того обнаглели... Шо ни спрости, як рявкнут рявком! Всю взяла, шо приудобилась в магайзине на прилавочке. Вот так я!

— И зачем Вам столько?

— Чтобушко потом не бегать. Я буду или нет, а сода в доме будет!

— А мы, ма, — хвалюсь я, — уцелились с Галей по грибы.

— И я с вами! Я давно рисовала себя на это дело. Для памяти. Это сейчас так... Ничего... Черты потом останутся.

— Ну, разве что для памяти...

Мама кидается мыть яблоки.

Уже через минуту докладывает:

— Я накупала яблок цилу шайку! Пирожков ще визьмем, яець...

И навертелось снеди с половину соломенной кошелки.

По обычаю, мы идем к Чуракову рву за шампиньонами-чемпионами. Вспоминаем, как много их было в прошлом году. Набрали тогда две корзины. Хотели оставить на ночь под навесом во дворе.

А мама:

— У нас двор прохожалый. Унесут. Одно место останется.

Мама идет, улыбкою цветет.

— Иду с вами по грибы. Есть такая путевка...

— Есть! Есть! — подтверждаю я.

— Галя! — улыбается мама. — А ты по курам тосковать не будешь, как уедешь? Ты их любишь. Заглядываешь к ним частенько в кабинет...

— На прием к ним прошусь. Хочу погладить. А они разбегаются от меня по всему своему сараю с насестами... Выпирают меня из своего кабинета ласково. С шелком...

Побродили мы по рву, побродили — ни один грибок нам не усмехнулся.

Мама:

— В прошло лето Чураков ров був всплошной чемпион! А в этом году грибов — нэма и знаку!

Мы сели на бугре и как-то нечаянно духом опорожнили кошелку.

— Вот так мы! Вот так мы, стахановцы! — восклицает мама. — Это надо! Грибов нэма и званья! Ни одного чемпиона не отыскали. А кошелку харчей лягнули! Мы ж какого заквасу? Нам абы елось да пилося, да работа на ум не шла. На воздухе хороше все идет... Мы с Гришей часто и густо тоже вот так ходим по грибы... Найдем не найдем... Зато на бугру в охотку поедим. На воздухе!

Помолчала и продолжала уже с грустинкой:

— Говорили, в августе зальют дожди. А засыпала жара. Сушьхватила. Все поспекло... Лето, считай, уже пробежало... Опять формируемся к

¹⁴ П е ш е х о д н ы й (здесь) — пошехонский.

зиме... Вы уедете... Следы застынут... Все раскочились, разлетелись, как дробью разбило... Начнут купать дожди... Холодьюга... Ночь-год... Я буду сидеть под окном и споминать, как мы ходили по грибы. Добро добром воспоминается...

12 августа 1981

НИ КОНЬ, НИ СОБАКА

— Хлопцы! Я паспорт не меняла. Шо мне будэ? Нету у меня пути... Гриша говорит, могут забрать. Но ты, Михална, говорит, сильно не горюй. Я тебе, говорит, передачи буду ведрами носить... Это ж надо фотографироваться... На кого будешь похожа? Ни конь ни собака... Приходила из сельсовета Шурка. Я ей говорю, Шурушка, я уже стара, скоро помру. Что мне менять? Ну что? Посадят? Гриша говорит, с пензии спихнут. Вчистую отнимут. Пускай... Останусь без копейки... Гриша говорит, если ты останешься без копейки и на кусок хлеба при нас, трех сынах-бугаях, нас надо сжечь живьяком! Ну, сжигать никого не треба... Вы и так... Вас трое. Каждый по десятке кинет и мне уже будет тридцать.

— Зачем Вам тридцатка, когда уже бегают к Вам постоянные пятьдесят шесть? — недоумеваю я.

— Не хочу фотографироваться. На кого похожа? Если б ну пятьдесят... А то восьмой десяток! Молоди года промелькнули, як молонья. Убежали. Спокинули на старые... Крива... Такая житуха кого хочешь согнет. Лицо страшнэ! Тилько волосы гарни. У мене смолоду волосу меньше було. Зараз в две косы плету. Прожито много... Восьмой десяток... Это уже путем.

— С нового года, — подливаю я страху, — старые паспорта теряют силу. По ним даже нельзя будет получить пенсию.

— Не дадут пенсию, значит, мы того заслужили.

— Вам только сняться. А я б отнес в сельсовет. Читал, две тыщи Вас таких в районе.

— Слава Богу! А я думала, я одна. Если таким дуракам пенсию не дадут, государство будет бога-ацкое. Шо будет, то будет... Два раза не помирать. А раз не миновать. От смерти не убежишь... Как ни мудрый, помирать все одно ж когда-то надо. Тоже боевая задача... Перекинусь... Отнесут под Три Тополя... Ото и отыгралась бабка.

— Ну при чем тут Тополя?!

— Всю жизнь с паспортом прожила? Прожила. Чего им щэ надо? Если им дуже треба моих денег, хай не дають...

13 августа 1981

НА РЫНКЕ

— Ойко! Кто забыл купить у меня яблочки? Берите ж яблочки!.. Это ж не яблочки. Конфеты! Пробуйте... Попробуете — не расстанетесь!

— Сверху хорошие...

— Все такие! С одного корня. Руб — ведро! Сама ж глазастей трех рентгенов! Сама видишь красоту такую!

— Ну ты оха и растратчица чужих капиталов. Хвалишь хороше!

— А как жа иначе? Вон курица несет яйцо. Всему миру про то смертным криком докладает! А как утка несется? Не гремит крышкой... Тихо,

молча несется. Никто и не знай. И чьи яйца всегдашдно нараздрай¹⁵? Куриные...

— Не спохвалить — с рук не свалить. Ну ты цыганка! Не надо, а беру. И мама вернулась домой с яблоками. Хотя свои пропадают на погребе.

СТРАННИЦА

Я гнусь над дневником.

Галя печет сырники.

Гриша ест и, млея, нахваливает:

— Как дух, как пух, как милое счастье... Мягкие, вкусные... Только, ешь сырники. А то на горизонте скоро дно блеснет!

Его рука с сырником застывает над тарелкой.

А взгляд пристыл к окну — показалась мама:

— О! Наша странница вернулась! Под сырники!

Мама и через порог еще не ступила, Гриша шумит:

— Ну?! Как поход? Удачный?

— Очень. Народу наявилось... Як на Паску! Там молодежи у церкви!..

— Что интересно, молодежи от семидесяти до девяности? — подкалывает Гриша.

— Молодше. От тридцати до сорока.

Я:

— Мы не подходим. Гале еще нет тридцати. Мне уже за сорок.

Гриша:

— Где кочемарили¹⁶?

— В караулке.

— Во сколько легли?

— Там часов нэма.

— А что ели?

— Хлеб с помидорами... А ты, Толенька, все пишешь... Галя! Да не давай ты ему денег на тетрадки!

Я зову Галину идти на пруд купаться.

Мама возражает:

— Не ходите, Галя. Проезжала мимо... Там ни одной ляльки.

— Мы сами ляльки.

— И все равно не ходите. Не надо, на ночь глядя. Сегодня праздник годово́й. Яблоки святать... Второй Спас...

— Мам, — с горчинкой в голосе роняет Гриша, — два дня впроголодь... На одном хлебе... Садитесь поешьте Галиных сырничков. Во рту тают. Как конфеты!

— Меня тут долго не надо упрашивать.

— А я Вас срочно прошу... — тянет Гриша. — Ну что Вы так... Вам не семнадцать. В церковь с ночевкой в караулке! За сорок километров от своего дупла! В Ваши годы...

— Будь тутa церква, я б и не каталась в Девицу... А то тутa властюра в церкви сгандобила то гараж, то клуб... Это дело? А что ездю туда... Это судьба. А от судьбы не уйдешь и не уедешь. А покорно поклонись и пойдешь...

¹⁵ Н а р а з д р а й — нарасхват.

¹⁶ К о ч е м а р и т ь — спать.

Мама поела сырников. Похвалила.
Ест арбуз и говорит:
— Без Бога и до порога не дойдешь. Кто дает дождь? Пшеница стоит сухая. Пропадает.
— Чего ж он не даст дождя? — усмехнулась Галина.
— А того, что пятеро молятся, а пять тысяч хулят!
— Вы его видели?
— Его и ангелы не видели. А вы хотите видеть. Ты, Галя, женщина. А доказываешь хуже мужчины. Я думала, ты за мою руку. А ты против?
— В чем выражается помощь Вам Бога?
— В здоровье. Мне восьмой десяток. А я хожу. А есть в тридцать-сорок ходят-ковыряются.
— Мы помогаем друг другу... Помогаем конкретным людям. А Вы верите Богу. Его кто-нибудь видел?.. Что ж... Вы принесли ему свою веру, здоровье, себя. Приехали молиться прошлой зимой и на выходе из автобуса упали. Что ж он песку не сыпнул?
— Лед как стекло був.
— Для всех! И для верующих, и для неверующих. Что ж ему не помочь, как человек человеку?
— А у тебя мать молится?
— Нет.
— Она шо, у тебя генерал?
— Ма, — сказал я как можно мягче, — любовь к Богу живет в любви к ближнему. Зачем же Вы обижаете ее мать?
— Извинить... Одна смерть праведна. В суде можно откупиться. А от смерти не откупишься. Не такие столбы валились...

19 августа 1981

БРАТЬЯ

Мама в печали:
— Наш род пропадает...
— Да! — подхватывает Григорий. — Что ж мы делаем? Надо думать о будущем. Надо кидать кусок напередки. А кидать-то и нечего! Нас три брата. Три бегемота. Но Толик молчит о своих детках. Гриша засох на корню! А Митька... Элеватор¹⁷ откормил ого-го! А браконьер злостный. Мазила! Две девки и ни одного парубка! Фамилия пропадает...
— Ма, — говорю я, — вот нас три братчика. Вы ко всем одинаково относитесь в душе?
— А невжель по-разному? Какой палец ни уколи, болит... Грише больше всех доставалось. Он и вырос выше ото всех вас.
Она помолчала и усмехнулась:
— Как-то Грише прибажилось... Загорелся подправить наши дела. Давай, сорочит, возьмем Аньку! А она товста, як копна. А что с мужиками шьется... Як-то хвалилась у винной лавки: «Да у меня этих женихов — раком всех не переставишь до самой до Москвы! Еще и на весь экватор хватит!» Ну как такую распустеху вести под свою фамильность? Не-е... Не треба нам такого сору... С многоступенчатым¹⁸ дитем она. У нее девочка-каличка... А там пье! Пьянь болотная... Старюча. Пять десятков, гля-

¹⁷ Э л е в а т о р — живот.

¹⁸ Речь о ребенке, зачатом на ступеньках в подъезде.

ди, уже насбирала... В столовке возьме бутылку и меленькими стаканчиками содит с приговоркой: «После пятидесяти жизнь только начинается!» А там курэ!.. В своей хате своя правда. И правда та, шо пьянки да гулюшки — все и занятие той Аньки! Я и режу: «Гриша! Божий человек! Ну шо за чертёвье¹⁹ ты несешь? Да куда ж мы ее возьмем? Она ж, пустошонка, нас пропьет!» И наш комиссар гордо примолк с женитьбой. А наискал бы путящу... Чего б не жениться? Горе на двоих — полгоря. Радость на двоих — две радости!

30 июля 1982

ОПРАВДАНИЕ

Мама:

— Один у нас изнуцался над жинкой.

Раз по пьяни кричит ей:

«Становсь к стенке!»

Стала.

«Голову вниз! Голову выше!»

Ударил в щеку.

Она не будь дура и шимани его ножом в пузо. Крутанула! Как буравцом, вытащила сердце.

Ей кинули восемь лет. Даже согнали в тюрьму.

А тюрьмы забиты винными и невинными.

Был еще суд и ей поднесли оправдательность.

А сама она маненька. За крупное дите примешь. В детском саду нянечка.

2 августа 1982

ПРИМЕТА

— У нас в доме — вспоминает мама, — главным был дед Кузьма. Он решал, когда начинать сеять.

Дед первым ехал в поле. Брал в руку землю. Рассыпается — надо начинать сев. Остается мячом — рано сеять.

3 августа 1982

БИЧ

В Нижнедевицке судили одного за бродяжку. Я его видела. Молодой, здоровый бугаяка. Годам к тридцати подскребается. Он все бичом²⁰ себя называл.

Ну, судили.

Отсидел.

Вернулся и все равно мать его в работу никак не воткнет.

Когда его спрашивали, где работает, он отвечал:

— В гортопе. По городу ножками топ-топ.

И стал он просить у матери на выпивку.

А мать старенька. Пензии всего-то сорок пять рубленцов.

Она и укоряет его:

¹⁹ Чертёвье — вздор.

²⁰ Б и ч — бывший интеллигентный человек.

— Что ж ты в работу не впрягаешься?

А он:

— Что я, псих? Пусть трактор работает. Он железный!

22 августа 1983

ОСТОРОЖНЫЙ ГРИША

— Месяца три назад я как-то сказала Грише за телевизором:

— Сынок! Вот мы купили две красные мягкие стулки — он их креслами дражнит, — рядышком в культуре сидим. Вдвох смотрим один телевизор. А як бы ловко було, женись ты все ж на какой путящей. Мы б тогда взяли третью стулку и уже утрех смотрели б один телевизор.

— Стулку мы б купили! Она б смотрела! Да ты, что интересно, тогда где б сидела?

— Как и зараз. В красном углу.

— Да, в красном углу. Только снаружи! По ту сторону стенок. Во дворе!

23 августа 1983

УЖИН ПОСЛЕ УЖИНА

— Что ваши делают?

— Да повечеряли. Теперь хлеб едят.

— Ма! А Гриша часто пишет письма?

— Часто. Каждый год.

НА КОНФЕТЫ

— Получила я пенсию. Трохи оставила на магазин. А остальное отдала Грише.

— Пелагия Михална! — щурит он один глаз. — Чего не всю пенсию отдаем в общий котел?

— Мне деньги нужны. На конфеты...

— Знаю Ваши конфеты. На магазинные путевки!

Он все деньги отдает в семью.

Все знают, где лежат деньги. Надо — бери без доклада.

У нас все открыто. Все навыворужку.

25 августа 1983

СТОЛОВАЯ

— Леночка наша выходит в Воронеже замуж. Недели две назад Митька отвозил ей постелю. Хай сперва кусок в руки возьмет. По разговорам, жених у моей внученьки схватчивый богатюшка. С ломтем... И я ездила с Митькой. Понасунуло. Холодняк. Морозьяка прямушко в щеки. Зима не зима, а и летом не назовешь. Завез он Ленушке постелю, и побежали мы с сынком в путевку по магазинам. Отыскали мне кустюм. Покупили... А уже надвечер. В голоде бежим. Заскочили в столовку. Набрал он полный стол. Как лопатой накидал! А я и не села. Хоть во весь день во рту не было ни росинки ни порошинки. Он говорит, ну выпейте хоть компоту, размочите желудок. Весь же день насухач! А я говорю, ты

ешь, ешь. А я на улице подожду. Вышла. Не стала исты. Ну как ото его на людях исты?... Все смотрят... Ну, вот, Галенька... Все я тебе обсказала... Батька гарно гуртом бить. Ты гладишь. Я цепляю подзоры. И дело у нас видней...

26 августа 1983

ВСЯ ЖИЗНЬ НА ДВИЖЕНИЯХ!

Приехали мы с Галей в Нижнедевицк. В гости.

Только на порог — мама навстречу:

— Детки! Не обижайтесь. Я пойду. Мне в десять на автобус. Еду в церкву. Яблоки святить!.. Вы в дом. Я из дома... Вся живуха у нас на движениях!

Вернулась мама через день. Хвалится:

— Служба началась в семь. А покончилась в два. Оюшки и народу ж! Гриша с подсмехом:

— Они б и сейчас служили, не разгони их... Эти все в рай рвутся по-пасть!.. Ма! Вы ж не девчущечка. Совсем устарелись. Не обязательно туда скакать молиться. Молиться можно и дома.

Мама засердилась:

— Молиться надо без смеха. Один дедушка говорил: и делай людям добро, чтоб в сутки два спасиба заработать. А когда злишься — сам себя грабишь. Делаешь людям зло и себе сделаешь зло.

— Верно... Не сердитесь. Лучше расскажите, как там все было?

— Годовой праздник... Сначала молитву читали. А потом кругом церкви яблоки по траве все на полотенцах разложили... Несут три иконы, певчие и батюшка. Дядько несет воду. Батюшка макает кропило и брызгает по яблокам. И все.

Григорий:

— И потом каждый хватает свои яблоки и убегает!

Мама укорно смотрит на него:

— И чего ж убегать со своим?... Голодняком не сидели. За обед буханку хлеба разделили... Помидоряку разложишь — как сахаром посыпанный. Блестит.

— А добирались назад как?

— По-царски! Вышли из церкви — автобус бежит. Стал. Большой. Служебный. Прямо под нас, под бабок, подогнали автобус! Сначала не хотел нас брать. Разбежался ехать в другой край. А мы... Денежки на карман — куда хочешь заедешь! Никакой ревизер не остановит! Нас пятьдесят душ. Кидаем по рублю и он...

Она запнулась. Я подторопил ее:

— А он что?

— Да ну тебя! Ты еще в газету наляпаешь!

— Разве хоть раз я писал про Вас?

— И дядько сказав: залазьте, дорогие снегурушки! И наши шкабердюги полезли. Гарный дядько... Это под его распоряжением був автобус.

Гриша стукнул в ладоши:

— Во, что интересно, как зарабатывают состояние! Автобус служебный! Вез тех, кто был на службе. Идеино!

Мама просветленно улыбнулась:

— А людей полно-вполно. Раньше жались по уголочкам. А тут — как водой налито! И детей многие крестили.

- Ма! А я крещеный? — спросил я.
— Да.
— А кто мой крестный отец?
— Да там... В Грузинии... Не пойдешь искать. Я и не помню кто...

18 августа 1984

— УР-РА! НАШ ПАПКА ЗАДУШИЛСЯ!

— Что это водку не прекратят продавать?! — гневится мама. — Или мир стоит на водке? Зинка Давыдова, соседка, ругала своего мужика Мишку. Он ее по-страшнючему отоваривал. С пьяногою жить — синяки растить! Плечо ей разбандерил. Год болело! Однажды он пьяный упал, как петух, на порог. Как кто его положил. Голова хорошо лежит. Хорошо б ее отрубить! Глянула слезокапая Зиночка — дочка Наташка делала уроки. Затряслась. «Жалко ребенка. Калекою сделаю». И бросила топор... А через три дома мужик тоже издевался над жинкой. Раз лег он пьяный спать. Подлетела к койке жена с топором на весу: «Закрывай глаза! Я тебе голову отрубая!» — «Что ты! Что ты, божья моя радость! Я пить больше не буду!.. Брось топор! Брось топор!» Жена и отступись. Спал он, спутанный веревками. Это она его повязала, шоб среди ночи не кинулся умыть. ²¹ А утром она вошла к нему в комнатку — он мертвый. Разрыв сердца! Четырех лет хлопчишка ихний выбежал во двор и в полном счастье закричал:

«Ур-ра!.. Наш папка задушился!»

19 августа 1984

ЛЮБОВЬ — ПОЖАР

— Поздно, хлопцы, седни я встала. Как та невестка: «Та шо оно, мамо, як ни встану, увсегда рушник мокрый та мокрый?» — «Треба, доце, вставать ранесенько, и рушник увсегда сухой будэ...» Так и я долежалась, как та невестка... Все уже умылись...

Из кружки она набирает воды в рот. Изо рта поливает на руки. Умывается над ведром.

— Ма! А куда делся дом напротив нас за посадкой? — спросил я. — Его ж в прошлом августе уже достраивали...

— Любовь спалила! И дня не жили люди. Тилько дорубывали... А чердак уже був готовый. И сын, жеребец лет тридцати пяти, таскал на чердак одну хвиену. Потом прилюбил другую. Стал водить эту. Первая ночью залезла... Думала, он там со второй, и облила чердак керосином. Зажгла и слезла. А вторая и он уже управились раньче. Раньче и слезли. Дом сгорел. Ну кто ж теперь будет спорить, что любовь не пожар?

21 августа 1984

ПОСМОТРЕТЬ БЫ НА НОВУЮ КРИУШУ

Едем с Галей из Воронежа в Нижнедевицк.

Посреди пути останавливает автобус кучка голосующих.

— Вы далеко едете? — на подбеге шумят водителю.

²¹ У м ы в а т ь — б и т ь.

- Мы-то далеко. А вам куда надо?
- В Нижнядявицк!
- Так бы и говорили. Садитесь!

Вечером на петуха пришел старший брат Дмитрий со своим выводком. С женой и двумя дочками.

Приняв на грудь, Дмитрий повеселел и зажаловался:

— Была премия... Всем дали. А мне, начальнику, — тютю... Шип! Директор пока я на маслозаводе. А сам себе не выпишешь. Тот-то. Что запоят низы?.. Слыхали? На родине Горбатого разматают дороги. Наводят марафет.

— Та хай наводят! — великодушно разрешает мама. — Чище будэ. Дмитрий махнул рукой и улыбнулся:

— Пусть отъезжает та премия подальше... А мы о чукче... Чукчу спросили, что такое перестройка. Чукча ответил: «Перестройка — это лес. Вверху ветер, шум. А внизу тихо-тихо». Правильно ведь. А? Московские шишкарки оборались о перестройке. А страна об этой перестройке и понятия не имеет. Или... Чукча в Москве стал в хвост очереди. На Красной площади. Очередь привела к Ленину. А чукча думал, очередь за вином. «Ну и как?» — спрашивают его. — «Да как... Пока очередь мой пришла, вино кончился и продавец умер».

Все смеются. А мама вздыхает:

— Умирать — никому не миновать. Живем одним секундом... Старушка шла в магазин. Грязь... Машина поплыла. Ударила бортом. Помэрла старушка. Разве она за тем шла в астроном?.. Народ зараз настал не дай Бог какой. Одна в магазине кричала продавщице: «Я не пойму, ты советский продавец или к будке привязана? Ты пять лет училась, как торговать. И тебе еще надо пять лет учиться, как обращаться с народом. Плюешь в лицо и не отворачиваешься!» Митьке, начальнику, хуже. А Грише, простому работюхе, лучше. Тилько на часы поглядуе. А Митьку вон на днях в два ночи подняли в Вязноватовку. Там шо-то на молокопункте скрутилось...

Мама помолчала и спросила меня:

— Вы с Галей на море поедете?

— Наше море пока — Ваши огороды, дрова, погреб...

— Бабка я стара, голова моя с дырой... А... Куда б мне хоть поехать на море посмотреть? Правду Гриша говорит: «Ничего ты не видела. Коптишь небо». Сроду нигде не була. Ничего не бачила. Ничего не украла... Толюшка! Там у тебя нету путевки в Грузию? Вот бы посмотреть на Сербиниху, на Солениху, на Скобличиху, на Гавриленчиху... До си ли на каторжном чаю пашуть? Подружюшки мои... Потом из Насакиралей на Ковду поехать бы... Сколько жизни там кинули мы тому северу... Как начнешь на том лесозаводе доски грузить... Смертная запара... Не знаю, откуда туда приезжали со своей водой...

— То, наверно, американы приезжали за нашими досками. Но со своей водой. Боялись нашей отравиться.

— Земли в Ковде не видно. Одни доски-мостовые... Доски-тротуарчики...

— Ма! — вжимает меня в интерес разговор. — А Вы помните, на какой там улице наш дом был?

— Буквы не знаю. А ты хочешь, улицу шоб знала?

— Ма! А почему у Вас нет ни одной карточки с севера?

— Хо! С этими карточками... Ты хочешь сняться с семьей, а тебе в нагрузку человек сбоку пихает сверху за спину какой-то дурий фанерный плакат с политикой. Без плаката не снимали. А мы с плакатом не всхотели сниматься.

— В Собацкий... В Новую Криюшу поехала б... Хоть одним глазком глянуть на свою хатынку... Е ли кто живой?

Мама идет к себе в комнатку в прихожей, где рядом с печкой ее койка. Идет спать:

— Поехали на отдых...

23 августа 1986

СВИДАНИЕ

Мама собралась на низ. В магазин.

— Сбегаю на свиданку в астроном.

Гриша:

— Горючего ничего не берите. И капли!

— На водке прожил. А на спичках-каплях хоче сэкономить! — смеется мама и обращается к Гале: — Почему сейчас детвора такая? Идут — цыгарки крутят. Восьмерки делают. Пьяные...

— Балуют родители.

— Не нами началось. Не нами и кончится... Сколько твоей матери?

— Пятьдесят шесть.

— У-у! Ей щэ далэко жить. А тут семь десятков и шесть... Считать долго. А прожить... Много моих подруг уже лежат... Прижмурились... Поумирали... Половина восьмого... Багацько...

— Какой половина восьмого? — возражает Григорий. — Уже семьдесят семь!

— Еще хуже! Уже почти восемь!.. Или я остарела? Или сдурела? Пока ходю — ходю. А сяду — хоть кипятком обливай. Вставать неохота... Галя уедет, жалкувать буду. За тобой, Галенька, я третий день на курорте. Еда готовится. Ложки моются... А с Григорием мы... Кто дольше сидит, той и моет. Кто первый выскочил из-за стола, той и пан!

Мама показывает свою вышивку гладью и крестиком:

— В обед, вечером вышивала... Пряли ночами... Патишествия много було... Хлопцы! Ну что мне делать? Подруги едут у церкву. Отпустите?

Гриша махнул рукой:

— Да что с Вами поделаешь...

— Молодежи густо в церкви. Ходят крестятся. Как положено.

— Церковь хороша постами, — важно заметила Галина.

— Я раньше мяса поем, круги передо мной, как радуга. А постюсь — хорошо... Самой надо держаться. А в наши годы из больницы здоровья не натаскаешь. Ну... Я иду в город. В поход... Галя, на тебя вся надежка. Корми тут мужиков. А я вся в походе. На ночевку вернусь. Мне за своих сынов в аду кипеть.

Гриша и бахни:

— А может, гордиться надо такими сынами? Что, мы кого-то убили? Где-то что-то украли? С такими сынами в рай попадете! Бог спасибо Вам скажет за таких сыновцов.

— В рай попадем, когда будем носить кресты...

25 августа 1986

ПОЧЕМ МЕСТО В РАЮ, ИЛИ У КАЖДОГО СВОЙ ИЕРУСАЛИМ

Вернулась мама из Ольшанки.
Из церкви.
Была с ночевкой.
Отмечался Третий Спас.
— Драстуйте, ребята! — весело проговорила мама, входя в наше преддверие палатки.
Мы ей хором в ответ:
— Здравствуйте, девчата!
Мама хвалится:
— Автобус до церкви довез!
— Вся Ваша команда была? — уточняет Григорий.
— В полном количестве!
— Усердно бабы молятся. В рай хотят попасть. Денег больше собери и купи место в раю!
Мама шатает головой:
— Дело не в деньгах, сынок. Надо креститься. У каждого свой Иерусалим! Есть рука. Есть сердце. Крестись...
Григорий ворчит:
— Ма! Читать не можете. А так... Где Вы нахватались?
— Один многих убил. Идет мимо церкви. Шла служба. Глянул и сказал: «Да будет мне!» Все посмотрели на него с осердием. Как такой вошел в святой храм? Он вышел святым. Потому что сказал это с усердием.
— Мудрено, ма, глаголите...
— В Нижнедевицку церкву порушили. Некому было застоять...
Постепенно разговор отстегивается от церкви.
Мама:
— Гриша ругает меня: «Ты не умеешь мясо произвести в дело!» Не отказуюсь. Не умею. Как котлеты сделать, чтоб они путевые были? Не умею... А если б могла, Грише б лучше не было. И так раскис. Як баба.
И я поддакнул:
— Госпожа слониха носит детеныша двадцать два месяца. А Гриша носит неизвестно что уже двадцать три месяца.
Гриша ухмыльнулся:
— Ма! А Вы видели, как с чердака по столбу спускалась крыса на веранду, где я спал?
— То она Гришу пугала, — пояснила мне мама шепотом.
Гриша услышал и похвалился:
— Меня не испугает ни крыса, ни милиция.

28 августа 1986

РАЗНЫЕ ГАЛИ

Галя, Гриша и я побрели по смирному солнышку в Кабаний лес.
Видели у одного за плетнем: огород сплошно усыпан тыквами. Даже не верится, что так много может быть тыкв. И огромные. Как хорошие поросята. Земли не видно. Всплошку желто залито насыпными тыквами.
Набрали диких соковитых груш.
Возвращаемся. Передохнули в стогу сена.

Уже темнело, когда подскреблись к крайним нижедевицким дворам и увидели маму.

— Хлопцы! — голос у нее на обиде. — Что ж вы так долго? Вечер. Притемки... А их нэма! Без малого не выскочила в милицию. Та передумала. Побегла встретить. А саму тревога щипае. А ну Гришу там кабан какой сердитый укусил, шо ж тоди робыты?

— Ма! А почему кабан должен был укусить именно меня? — усмехается Гриша. — Что, у него выбора нету? Нас же трое!

— Трое-то трое, да кабаны не таки и бессовестни. Чего они будут гостей кусать? Ну, слава Богу! Все в кучке. Целые... Дома крутишься, крутишься... Никак все дела не перекрутишь. Всю неделю, как в забое... Я вам первый раз приготовила рисовой каши с мясом.

— Это плов! — уточняет Галя.

— Да не знаю, — покаянно вздыхает мама. — Будете то ли вы исты, то ли придется отдать козе Гале.

Гриша учудил. В прошлое лето купил пуховую черную козочку и назвал именем моей молодой жены.

А плов всем понравился. Только немного суховат. Мало было морковки.

— Галя! — говорит мама. — А как разбежаться по работам, вы завтракаете или бежите натоццака?

— По-разному, — уклончиво жметесь Галинка.

Мама показывает ей на меня:

— Ты ему не подчиняйся. А то раз подчинишься, он и вылезет на макушку...

Галинка выскочила в сенцы помыть ложки-тарелки, и Гриша ласково выговорил маме:

— Ну чему вы ее учите? Ну где это видано, чтоб жена верховодила в доме? Или Вы не знаете, где жена верховодит, там муж по соседкам бродит?

Мама равнодушно усмехнулась:

— Куда он денется? Побродит и вернется.

Тут вошла Галя, и Гриша сменил пластинку.

— А вообще, — подал он постный голос, — есть много вредно. Одна молодуха у нас так раскормилась, что каравай репнул, как у лошади.

— Как у немецкой? — спросил я.

— Как у русской.

30 августа 1986

КНИГА

Еще прошлым летом я привез нутряной замок. И Гриша все никак не мог его вставить.

Я сегодня сам вставил.

Подаю маме ключ.

— Ма! Вот Вам ключ от тишины.

— Вот спасибо, сынку... Вотушко спасибо... А то Гриша уходит ли в ночь в смену иле приходит ночью со смены — я вскакивай. То закрываешь на крючок. То открываешь... А теперь сам откроет-закроет. Мне не надо вставать... Толька! Я все забуваю спросить... Ты получил шо-нибудь за книгу?

Я уклончиво посмеиваюсь:

— Нет.

— Э-э-э... Сидел, сидел и ничего... Ты им больше не пиши. Свеклу вон полюют за деньги. А ты книжки пишешь за так! Или тебе денюшки не нужны?.. В твой года... Ты ж четвертый десяток таскаешь один-единый выходной простюшкин кустом! Цэ яка житуха?

— Советская... — грустно киваю я. — Да... Столько в одном костюмишке... Это ж в Книгу рекордов Гиннеса надо стучаться! Глядишь, занесут...

— Занесут не занесут... А за так ты им больше не пиши.

— Не могу остановиться, — отшучиваюсь я. — Привык...

— Э-э-э, сынок... Привыкала собака к палке, сдохла, а не привыкла. Не пиши больше! Дали хоть бы ну полсотенки.

А то ниче... Не пиши!

— Как же, мам, не пиши?.. Это моя жизнь... Мне уже сорок восемь. И половину из них я каждый день пишу. В стол наворочена приличная горка. Не печатают. Мол, не о том и не так поешь.

— А ты, — огорчилась мама, — спроси у начальника, кто не печатае, как ему, чертяке, треба писать?

— Не, мам... Тот издательский бугор мне не указ. У меня свой начальюга... — я положил руку на сердце. — Как мой начальник говорит, я так и пишу. А вот издаваться... Неправда, когда-нибудь проблеснет светлое времечко, и все вырулит на так! Да и... Ну и сейчас не совсем же полный провал. С большими трудами, но первая серьезная книга таки вышла в Москве, в солидном издательстве «Молодая гвардия»! Я в шутку сказал, что за нее не заплатили. Почти пять тысяч кинули.

— Ну, так ще можно писать...

— Долги раскидал. Остался в кулаке один пшик... А вбухал я в эту свою первую панночку-книжицу «От чистого сердца» лет пятнадцать!

— На такую книгу не жалко и двадцати, — отвесил Григорий. — Такое впечатление... Очень много ты работал над книгой. Нельзя ни слова ни вставить, ни выбросить. Уже забываешь про содержание... Следишь не за содержанием, а за тем, можно ли еще какое слово новое услышать от тебя. Хорошая книга!

— Спасибо, брате, на добром слове, — пожал я ему руку выше локтя.

РАБОТА

Мы с Галинкой несоро поедем назад в Москву. Но мама загодя собирает нам «приданое». Кладет в сумку мешочки с пшеном и в горечи ро-няет:

— Толька! Пшено у нас горьковатое. Хороше шиш-два привезут. Мы, остолопы, ездили в Воронеж. Муки сразу не взяли... И муки нету в нашем астрономе. Дожили... Надо Галеньке насыпать кабачковых семечек.

— Они столетние.

— О! Как ты боишься ста лет. Будет и тебе восемьдесят. Узнаешь, как оно работает чисто... грязно...

— Я до восьмидесяти не собираюсь волынку тянуть. В шестьдесят загнусь.

— Сынок... Люди тут в работу кислые. А драться — с двух слов кулаками перекидываются. Драчуки!.. Ты работу себе поденьгастей не наискал? Тебе хоть сто рубчонков в месяц обходится? Гриша получает восемьдесят. Работенка у нашего дремуши!.. На жопе музли понабивал! Двад-

цать шесть лет к нему на завод ходю. Ни разушки не застала, шоб он хоть шо-нибудь путящее в руках держал. Хоть той же молоток! Или щипцы... Привсегда сидит-спит на лавочке. В открытую дверь уныло гудит якась машина. Спать мешае.

— Ну зато гудит! — защищаю я Гришу. — Машина работает. А он следит, чтоб работала. Компрессорщик же!

— Я там понимаю... У Митьки работенка... Варют железо... Може, наглотался... Тилько отскакуе... Почки в камнях. Махнул в Воронеж. Чего ему скажут?.. Погано живемо... И в Евдакове... Скрозь нам в сара-ях угловые комнаты... Ты б работеху налапал хоть бы на кислую сотнягу в месяц. Скилько получаешь?

— В восемьдесят пятом как получил за книгу и все.

— Три годища ниче?!

— Ничего.

— О! Погано! Ты б искал, шоб в каждый месяцок подбегал прибыток... Начальником хуже быть. Начальник отчитуйся перед каждым. А то... Григорий пришел, картуз кинул на крюк и отчитался.

21 июня 1988

ХИРУРГ И ЗНАХАРКА

*Нет безнадежных больных.
Есть только безнадежные врачи.*

Авиценна

*Медицина так быстро ушла вперед,
что многие не успели вылечиться.*

Михаил Мамчич

— Ну что, мам, к врачу завтра сбегаете?

— Ой, эти врачи... Как ловко сказал один умный дядько: «Порой не так страшна болезнь, как лечащий врач». Я пошла бы к бабке к одной на Гусевку. Там был наш главный врач. Как мне раз подмогла! Да больше не поможет. Примерла... А к больничнику с чем идти? На лбу корка слезла. Крови нема. Як проситься в Воронеж? Будь врачца, выписала б какой мазилки. Оно б и счистилось... А то та Зиновьева и на врача не похожа. Мелкая, злая, як собака. Конопата... Свиной бы тилько пасти. Двум свиньям поисты не даст. А она, бачь, врач!

— А болит-то как? Ноет или как?

— А собака его зна! Болит и все!

— Давайте свожу к врачу. Районная поликлиника под носом. За нашим же огородчиком!

— Нашел к кому идти! Эти врачи по три стулки позахвачувалы. А шо они понимают?

— Их же учили чему-то?

— Жабам глаза колоть их учили! По дури выпишут какой-нибудь трынтравин. А ты и охай... У каждого ж врачуна свое кладбище! Вон лет пять назад шла на низ. У себя на порожках подвернула правую ногу. Повел меня Гриша к хирургу. К самому Миките Ваньчу Фролову. Этого Фролова кто хвалит, а кто и матерком кроет. Для меня он плохой. Кунечно, всем не угодишь. На весь мир не испечешь блин. До кого обратит-ся хорошо — хороший. До кого плохо — плохой... Напухла нога. Стою.

Смотрел, смотрел на ногу. Будто никогда и не видел. А нога пухлая. Как мешок! Даже к ноге не притронулся! Он сидит — я стою. Он говорит — я слушаю. Смилоствивился, пальцем ткнул в ногу. Палец тонет в пухноте. Как в тесте. Что-то пописал. Сует листок: «Вот тебе таблетки. И парь, и парь, и парь!» Пью. Парю. А оно еще хуже. Нога вся уже в пятнах. То желтые. То синие. То черные. Нога еще толще. Застекленела. Хоть как в зеркало смотри. А болючая! Нипочемушки не усну. Хоть ну на стенку дерись. Через неделю повел меня Гриша снова. Попали к другому хирургу. Этот послал на реген. С регеновой карточкой потом снова к Миките. Микита: «Вот тебе еще таблетки. Но парить ни в коем случае!» Во! Бачь, он забыл свои слова. Перевернул кверху кармашками. Микита той, нога тая. А слова другие... Что ж ты, паразитяра, делаешь? То парь, то не парь? Или я тебе скотиняка? У меня со стыда глаза из лоба вылезают. Будто это я, а не он мне говорит. А спросить в лицо не смею... Не пиши... Еще до него слух добежит... Он еще бахнет *куда надо!*

— Вы чего так боитесь? Вы что говорите? Куда надо-то?

— *Они там* знают! — И она испуганно прошептала: — Посадють! Та ты не пиши, Толька! Брось ото! Намекнешь всем... Другая, смелая, спросила б, что ж он раз так, раз тако поет. А я — комочек страха...

Повернулась, заплакала я навозрыд и шкандыбаю назад.

А боль такая пекучая сочилась.

Навстречу бабка с Гусевки. Знакомка.

— Ты чего, Михалиха, — кричит, — летом на лыжах ползешь, в слезах купаючись?

А я и в сам деле, как на лыжах шла. Ног от земли не оторву. Волоком то одну протащишь, то другую.

Я распела ей свою беду. Она в ответ мне:

— Ладно... Бывает и хуже, но реже... Не ходи ты больше к тем коновалам! Они тебя под Три Тополя быстренько со своими дипломатами²² сопроводят... Сделай так. Налей полный таз воды горячей и мыль, мыль, мыль, мыль, мыль ногу не тем мылом, что умываемся. А тем, каким стираем. Чтобушко пены высоко было! И парь.

— Долго?

— А пока уморишься.

Я попарила и тут же боль отняло.

Я уснула. Всю ночь не прокидалась. Как молодая.

Утром смотрю... Нога опала. Оттухла. Кожа свисает гармошкой... С тех пор нога большь не болела. И разу не взялась болеть. Вот и думай, куда идти? Я б на радости побегла к той хирургинюшке-бабке. Да вжэ помэрла. А к врачам идти как? Так налечат, что без головы останусь. И подумать нечем будет.

И все. Большь не пиши.

22 июня 1988

БЮРОКРАТ

Гриша лежит на диване.

Философствует:

— Людаш, младшая Митина дочуня, близко выскочила замуж. Два локтя по карте!

²² Д и п л о м а т (*здесь*) — диплом.

Он смотрит, как мама заворачивает в газету заплесневелый кусок хлеба. Советует:

— Да выбросьте в ведро!

Мама серчает:

— Разве можно хлеб кидать в поганэ ведро? Отнесу положу в огородчике. Птички, може, склюють. Ты б, Топтыгин... Да зарубай ты курицу!

— Дай отдохнуть. У меня сегодня законный выходной.

В день моего приезда на этот призыв отчаяния он кинул:

— Еще успеем. Дай отдохну перед работой.

Потом...

Если просьба звучала после смены, он менял пластинку:

— Я вкалывал! Дай хоть передохнуть!

Это длится уже неделю.

Не бюрократ ли мой милый Гришатулечка?

26 июня 1988

ОЧЕРЕДЬ

Я подаю Грише кипу бумаг:

— На пуле тащи этот бесценный груз на завод! Сегодня предместкома выкатилась из учебного отпуска. Хорошо, что я сходил в райисполком, взял у Кирюшиной все бумаги. Сказала: разнополых из одной комнаты ставим на учет при любой жилплощади. Не валяй ты дурочку. Еще двадцать шесть лет назад мог бы получить новую юрту! Ждешь, когда братка дело подтолкнет. Не телись. Бегом с бумагами в местком!

— Мне спешить некуда. У меня еще тридцать лет впереди!

— А в заду сколько?

— Пятьдесят три.

Я нечаянно облился. Вытер колено полотенцем.

— Мы, — выговаривает Григорий, — полотенцем лицо вытираем. А он — шлюз!

— С каких это пор колено стало задницей?

— На дворе, как в печи, — печалится мама. — Така жара! Токо шо полымя не схвачуется.

Неожиданно набежал дождь.

Я пошел в огородчик за сараем окупивать под дождем помидоры.

27 июня 1988

У ЗИНОВЬЕВОЙ

Еле сводил сегодня маму к дерматологу Зиновьевой.

Мама не хотела идти:

— Ну с чем идти? Хирург сказал, если с этим посылать в Воронеж, нас всех разгонят!

— Второй же год на виске язвочка болит!

— Поболит и раздумает!

Медсестра берет у нее кровь на анализ:

— Что, бабуль, не с кем жить? В престарелый дом коньки точишь?

— Что она там забыла? — зло бросил я. — Просто язвочка на виске. Врач послала на анализ.

Мама с ваткой пришла домой.

— Не мочите то место, где брали кровь, — напоминаю я. — Вам нельзя работать.

Мама великодушно соглашается:

— Ну, буду всё дэнь болеть!

Она разулась. Босиком стоит на ледяном полу.

— Ма! Ваши ноги не боятся холодного пола?

— Наши ноги не боятся ни холодного пола, ни милиции, ни тучи, ни грому.

4 июля 1988

ГОРБАТАЯ ПОСЫЛКА

Мама зашивает посылку с яйцами нам в Москву.

— Какая-то она у Вас горбатая получилась, — заметил я.

— Та там чи ее кто цилувать кинется? Пиши адрест аккуратно. Гляди, не напутляй там!

4 июля 1988

БЕСПЛАТНАЯ ГРЯЗЬ

— Ма! Да не возите Вы эти яйца на продажу в Воронеж. Сколько мороки! В грязи...

— Грязь нам бесплатна. Свинья всю жизнь роскошно валяется в болотине, а по пять рубчонков за кило берут!

4 июля 1988

ОТЪЕЗД

Пошел дождь.

Я уезжаю.

Мама:

— Ну, как? У нас воздух не лучше?

— Лучше. Особенно когда пролетит машина.

— И это верно. Как даст газу, так с ног валишься.

— И пыль. Неба не видно... Ма, приезжайте к нам. А то только мы к Вам с Галей ездим.

— Да как его ехать? Годищи такие... Оха, сыночек, ну до чего ж это я такая жадовитая... И не заметила, как по жадности нахватала полный чувал годов... Одной не дотащить... И чем старше года, тем злей да поганее... Их восемь десятков! А я одна. Доищись с ними ладу... Сама себя боишься. Как такой в дорогу кидаться?

Гриша отбывает в смену. Попутно несет мне руку:

— Держи лапочку!

Мы обнимаемся, целуемся.

Простукиваем друг дружку по спинам.

— Может, Толик, что и было не так — забудь. Всего тебе хорошего.

— И тебе.

— Да что мне... Как велено? Не откладывай работу на субботу, а любовные скачки на старость. А я, дурак с придурью, отложил. Все гордыбачился: «Не кидай на завтра то, что можно перекинуть на послезавтра»... Добросался... Ничего... Через два года выпадут на пенсию. Буду свободен. Ух и загуляю!

— Да-а... За тобой угнаться, надо разуваться.
Мама дает мне двадцать рублей:
— Купи Гале конфет и передай привет. Привет передай и свашеньке, низэсэнный та хороший.

5 июля 1988

С ДОРОГИ

Выскочили мы с Галиной в Нижнедевицке из автобуса, огляделись и увидели маму.

Она стояла в сторонке и сиротливо смотрела на сыпавшийся из автобуса люд.

Мы незаметно, по-за чужими спинами, подошли и с поклоном поздоровались.

После объятий-поцелуев все втроем побрели к себе на Воронежскую, 22.

— Та Толенька! Та сыновец! Та Галенька! Та откудажки ж вы? — в изумлении причитает мама. — Из дома иля с дороги?

Раньше я часто приезжал к нашим с командировкой. В редакции какой-нибудь газеты или журнала обговаривали тему и мне выписывали командировку. Суточные, проездные... Все какие копейки набегают. А нищий и копеюшке рад.

Но за эту копеечку надо отрабатывать.

При встрече я говорил маме, что здесь я проездом из Москвы в какую-нибудь деревнюшку под Нижнедевицком. Это удручало ее. Значит, отпуск я буду рвать и на встрече с теми, о ком собираюсь писать. А это время, отнятое у мамы. И она на мой ответ всегда вздыхала:

— Значится, с дороги... И мимо нас...

Я спешу ее успокоить:

— На этот раз никуда из Нижнедевицка не придется уезжать.

— Так-то оно сподручней... А я... Стыдно и сознаться... Я хожу вас встречать круглый год. Знаю, не приедете... А иду за хлебом, на станции постою-подожду воронежский антобус. Знаю, вас не будет. А все одно... А то... Учора уехали. А я седни бегу к антобусу. А ну Толенька шо забув, возвернулся, и я его встрену. Во такая у меня вечная путевка крутится... А седни, бачь, первый раз и совстрела по нечайке... Дуже соскучилась. Боженька и пришли вас ко мне...

28 августа 1991

КАРТОШКА

Мама просит Гришу сбежать на огород подкопать картошки.

— Туда все четыре километрица! — упирается Григорий. — Под Першином... Сегодня с ночи отдохну. А завтра накопаю.

До вечера он проспал на полу после ночной смены.

Ударил дождь.

Мама жалуется мне:

— Шо в дело — ладно. А то... Солнце светило. А он — завтра! Чего он такой упрямый? Мозги у хлопца крепостно стоят на месте. Но часом наш парубоче такие отмачивает штуки... Как шо скаже — тилько шоб по его. Вин такой. Все до схочу. А не схоче, упрется, як той бык в нови ворота. Захочет — на стеклянну гору возбежит. А не захочет... Вот такое выска-

кивает. Все поет: не порть мне день, дай отдохнуть. Переработался! Тридцать лет на молоканке²³. Когда ни приду, сидит на лавочке под компрессорной. Музли на сиделке во таки наработал! — Мама вскидывает вместе сложенные кулачки.

Наутро дождь разгулялся еще злей. В буйстве суетится под ветром. Гриша расстроился.

Наклонился за тумбочку с телевизором.

За компанию глянул и я туда.

Маменька! Там с десяток чекушек «Русской»!

— Зачем тебе столько?

— Не мне. А трудовому обчеству. Табуретовка — стратегический продукт. А ванки²⁴ цены не держат. Выкопал картошку. Привезти — кидай бутылку! Уголь со склада подкинуть — бутылку! Покойника под Три Тополя не сплывишь без бутылки!

— Во живуха! — печалится мама. — С утра распечатаешь?

— А зачем я наклонялся? Для голой гимнастики?

Он выловил одну тонкую бутылочку. Вилкой скovyрнул белую напшлепку. Набулькал в рюмочку и со смехом подает маме:

— Ма! Примите душу на грех. Одну грамульку!

Мама отмахивается обеими руками:

— Иди ты!

Он подает мне. Не беру и я.

Гриша со смехом поднимает выше стаканчик:

— За ваше здоровье, господа трезвенники!

Всю рюмку тщательно слил в рот и одним глотком прогнал по тракту ниже. И не забыл крикнуть.

— Хор-роша!.. Как крикнул, значит, выпил. Покрякаю, пока гость. Что интересно, месяц же не измерял градус²⁵!

— К чему такие бесплатные муки? — допытываюсь я.

— Да она сама почти бесплатно. Да при живом госте! Раз гостюшка на порог, как не разгерметизировать фунфырик? И чем дольше гостюня, тем масштабней разгуляй²⁶. Люблю гостей!

Я со страхом жмурился: метелил он «Русскую» как воду.

Один убаюкал бутылочку. В ней 350 граммов.

— Теперь шо, — подгорюнилась мама, — лягать будешь писля ночной смены?

— Меня, ма, чтоб уложить, надо вломить семьсот генеральских грамм. А я принял только полнормы. Маловатушко оприходовал. Ни туда ни сюда.

Умаял он полкурицы, поджаренной с лучком.

Налегает на борщ.

— Есть надо, когда хочется, а не по режиму, — рассуждает он. — Вон ма восемьдесят лет нажила. Режим не держала. И не жаловалась.

— А по тому режиму и забудешь, як едят, — поддерживает мама.

— Курицу вдвоем утром умолотили и готов склероз. Забываешь, что обедать надо. Самое полезное куриное мясо. А самое тяжелое — жирная

²³ М о л о к а н к а — молочный завод.

²⁴ В а н о к — рубль.

²⁵ И з м е р я т ь г р а д у с — пить спиртное.

²⁶ Р а з г у л я й — пьянка.

свинина. Но много калорий. Если хочешь когда лезть на гору, ешь свинину. Выползешь.

Он съел тарелку борща. Подмигивает маме:

— Товарищ командир! Докладываю! Рядовой Санжаровский стрельбу окончил!

— На здоровьячко! — мама в грусти смотрит на дождь за окном. — Луку натаскали. Помидоров натаскали. Наварила томату пятнадцать литров... Готовы к зимовке. Да... Уже... Первый Спас, готовь рукавички на запас. Озимые сеют... Хорошо. Господь дождю послал...

— Кому хорошо. А кому и не очень... — Гриша тоскливо смотрит на окно в капельках, ложится на вчетверо сложенный ковер на полу и поднимает глаза на телевизор. — Хоть ноги вытяну... А то все спал в сенах на старом диване. Ног не вытянешь... Скрючишься, как ребенок под сердцем у матери.

Скоро Гриша засыпает.

Мама воровато поглядывает на него и шепчет мне:

— Толька! Скажи, шоб наш комиссар побрился.

— Я сам небритый.

— Да совсем шоб... Шоб бороду вчисте с должности снял!

Сквозь сон Гриша трудно приоткрывает один глаз.

— Ма! Прекратите там черные пропагандистские подстрекательства...

— А на шо тебе борода? — оправдывается мама. — Шо, она тебя кормит?

— Согревает одинокую счастливую старость, — тускло усмехается он.

Мне жалко его. Умный. Красивый... Подрежь волосы — совсем вьюноша! А уже пенсионер в неполные пятьдесят шесть. Ведь компрессорщики маются с аммиаком. Уходят на пенсию в пятьдесят пять. Как женщины.

— Пойду Вам за картошкой! — вдруг выпаливает Григорий.

— Да ты шо?! — тычет мама на бегущие наразрыв по оконному стеклу струйки. — Там дождяра поливае як из рукава! Лучше еще добавь триста пятьдесят до сна и спи!

— Это уже взятка! А взяток я ни с кого не стряхивал. И вообще не беру. И что, — недовольно бурчит он, — я какой алик? Пью так... Для разогрева аппетита.

— Чем по такой сыри комкать четыре километра, лучше выпей и спи.

— Напугали! Я Вам говорил и повторяю, где-то слышал: «Водка — враг народа, но мы, русские, врагов не боимся»!

— Смеля-як! Тогда ото выпей до ваньки-в-стельку да спи.

— Не гоните, бабушка, лошадей. Еще не вечер.

Мама ставит бутылочку у изголовья.

Гриша доволен. Оправдывается передо мной:

— Будь я бухарик, разве б у меня стояло под столом и в холодильнике десять бутылок? Заботливый... Ты знаешь, как определить, что мужчина начинает заботиться о своем будущем? Это когда он вместо одной бутылки берет, как я, целый ящик! Стратегический продукт в деревне! Мать вон даже взятку дает водкой! «Истина в вине, а правда — в водке»! В деревне водка ка-ак выручает. Пробить что — только огнетушителем-пушкой и прошибешь! И чем больше литро-градусов на рыло, тем надежней!

Он одевается и направляется к двери.

Мама ловит его за руку.

— Бабунюшка! — похохатывает он. — Не приставай. Не напрягай меня... Отпусти. Тебе ж лучше. Сама просила картошечки накопать. Я и иду.

И он пропадает в распято хлюпающих сумерках.

29 августа 1991

ЦВЕТ ДЕНЕЖКУ БЕРЕТ

Мама принесла с базарчика красных яблок.

Я вывалил глаза:

— Да зачем Вы их взяли?! У Вас же в садочке свои яблоки валяются. Белые, рассыпчатые. Золотко! Ну на что Вы набрали этих красных камней?

— Свои не такие... А эти красивые. Сыночка угостить...

— Мне свои больше нравятся.

— А эти красивше. Цвет денежку берет...

Я замолчал.

Но вскоре снова шатнулся попрекать ее.

— Да тебе или денег жалко? — возразила она. — Я ж не работаю. А пенсия аккуратно бегаёт. Кажно третье число бесплатно приносить по сто двадцать семь... И на базаре два дурака... Иду. Стоит незнакомка бабка под дождем. Скрючилась. Мокрая. Никто ее падалку не берет. Я и укупи для почина на руб. Козе отдам, если ты не хочешь. Коза сжует и спасибо скажет. Не то что люди.

Я помыл красное яблочко. Откусил.

Не прожевать! Дерет горло.

И никак не пропихнуть в себя.

— Ничего, ма... Есть можно...

— Ну видишь! А ты говорил...

И глаза ее веселеют.

1 сентября 1991

УТРЕННИЙ ТРАКТАТ О ЗДОРОВЬЕ

Мама кашлянула со своей койки из-за печки.

— О! Паразитство! Это я учора холодной воды нахлебалась.

— Зачем же пили?

— Не знаешь? — Она стучит себя по виску. — Ума нету и пила. Эту холодную пьянку надо кончать. Здоровье — все наше золото! Когда ты здоровый, ты самый богатый. И поесть, если есть чего, поешь. А нету, воды холодной с хлебом-солью чекалдыкнешь и побежал дальше. А нэма здоровья — как обворовали. Без здоровья беда-а. Эту беду слезами не замоешь... Вон покойный Ягор, меньчий мой брат, сразу за мной родился... То ли печень болела, то ли ще шо унутри. Все по курортам патишествовал. Раз приехал с курорта. Я и пытаю: «Ну, Ягорушка, теперь вже не болит?» Заплакал Ягор и говорит: «Полюшка! Я все курорты, все пляжи объехал. Ни на каких курортах, ни на каких пляжах здоровья не продают и так не дают. Ни на каких курортах здоровья не выпросишь. Не украдешь. И крыхотку не ущипнешь...»

Такой крутой дефицит запечалил ее.

— Охо-хо-хо... Умирать всем не миновать. Страшное дело. Бывало, пронесут кого мимо наших окон. Увяжусь за людьми. Схожу на похорон-

ку под Три Тополя. Боюсь... Як зачнут землю на гроб кидать. Глудки бух-бух-бух. Гляди, гроб пробьют и человека убьют. Это как вытерпеть?

— Мертвому все уже без разницы.

— Ага! Через два двора, ближе к кладбищу, жил Жора. Перепил и застрелился.

— Холодной воды перепил?

— Если б воды, бегал бы и зараз... Перед смертью он во дворе цементировал. Осталась одна дорожка... И приснилось его дочке Тамаре... Вернулся батек доцементировать дорожку. Цементирует. А дочка и цепляет вопросом: «Папка! Как ты к нам пришел? Как ты там живешь?» — «Как я там живу... За стеной колокольчики играют, и цветы цветут. А я лежу в темном. Я стучался и просился. А меня туда не пускают».

— А ты думаешь, — продолжала мама, — простучали комки земли по гробу и все! Все мы будем в аду. Потому что не молимся Богу.

— Вы-то не молитесь?

— Разве то моление? Спаситель как сказал? «Вы меня чтите языком. Но сердце ваше от меня далеко». Будем стучаться и проситься, где колокольчики звенят и цветы цветут. Только кто нас туда пустит?

— Тогда лучше и не начинать кашлять.

Мама не поняла, к чему я помянул кашель, и дает совет:

— От кашля люди пьют на сон чай с малиной и натирают ноги спиртом или одеколоном.

— Как же Жора перепутал глотку с пятками? Плесни водочку не в горло, а на пятки, до сих пор бегал бы, как ргутик.

1 сентября 1991

КУДА УХОДЯТ ГОДЫ?

Вчера у мамы разболелась голова.

Гриша подает ей какую-то таблетку.

Мама не любит лечиться. Отмахивается.

— Берите и пейте! — настаивает Гриша. — А то голова будет еще сердитей болеть.

Мама сдалась.

Выпила и запечалилась:

— Такая толстая твоя таблетка... Як кулак! Еле силяком проглотила. Будет теперь во мне год киснуть.

Сегодня я спросил ее, как голова, раскислась ли таблетка.

— Та голова смирней стала... Лекша... Или таблетка боль обломала?

— А над глазом краснота не вся сошла.

— Да бывает... То под глазом покраснеет, то на руке.

— Аллергия?

Мама машет рукой:

— Токо осталось на твою лергию посматривать! Шо ты хочешь? Девятый десяток! Или вот еще восемь десятков разбежаться отжить? Не... Не получится. Совесть надо иметь... Когда эти восемь десятков промигнули? Не то днем, не то ночью? Кто и зна, когда они шли. Не бачила... Не то днем, не то ночью... Все вроде хороше... Есть чего поесть-надеть. Одно погано — годков дуже багато...

2 сентября 1991

ТО РАЗЛУКА, ТО ЛЮБОВЬ

Иду в Гусевку.

Навстречу знакомый мужик. Ваня-струкуток²⁷.

Ване уже за пятьдесят. Пасмурный.

— Чего такой смурый? — смотрю я на сверток у него под мышкой. — Или с развода дрейфуешь?

— С разво-ода... Удалой долго не думает... Допекла халала. Никакой уважухи! Сменную рубашку, штаны под руку и к своим батьке с маткой. Хорошо батьке. Он женился на своей доброй матке. А я черте на ком. Хорошо и примаку. Есть куда сплыть отдышаться.

— И долго ты, половецкий плясун, будешь отдыхаться?

— А это уже как укуськает... Через недельку так побегить ко мнешке напару с кислушкой²⁸ убазаривать²⁹. А я не сдамся, как голенький. Я еще строгие прынцыпы выдержу. С год и поманежу... Потом, глядишь, соглашусь и вернусь к своей ненаглядной Дидоне³⁰.

— Сколько раз уже уходил?

— Никогда не стареющий неунывака ветер старательно носит меня по земле из края в край... Бережет... Ухожу уже двадцатый раз. Ебилей! А вот вернусь ли? Кто за меня скажет?

— Я знаю, вернешься. Ты не устал туда-сюда катать одно и то же колесо? Не надоел тебе этот китайский шахсей-вахсей?

— А почему надоел? Это не надоедает. Даже в интерес в большой я въехал. То разлука, то любовь... Как молодята... Знаешь же, разлука для любви, что ветер для костра. Сильней разжигает!

3 сентября 1991

ПО КАРТОШКУ

А Нижнедевицк будто вымер.

Еще затемно ведра, лопаты, вилы разбежались во все стороны.

На картошку!

Мы с Григорием рано встали. Да свели на позднее.

Уже за семь было, когда пошли.

У рыбного магазина нас подхватил на мотоцикл наш милый соседущка кудряш Алеша Баркалов со странным прозвищем Адам.

— Я свою девку отвез в школу за двойками. Мне все равно тут по своим делам му-му валять до девяти. Работун из меня... Раз по пальцам, два по яйцам... А вижу, вы двигаете поршнями³¹. Чем без дела гавов ловить, лучше, думаю, доброшу вас к огороду.

Он подает мне шлем:

— Надевай малахай!

— Зачем?

— При аварии чтоб не забрызгал умными мозгами меня с отцом Григорием.

²⁷ Струкуток — мужчина маленького роста.

²⁸ Кислушка — вид самогона.

²⁹ Убазаривать — уговаривать.

³⁰ Дидона (Элисса) — в античной мифологии сестра царя Тира, основательница Карфагена.

³¹ Двигать поршнями — идти быстро.

— Ты слишком грубо мне льстишь! — хохотнул я. — Ты всерьез считаешь, что у меня есть что разбрызгивать?

— Без митинга надевай малахай! И будешь, как господин 420.

— А без малахая нельзя пробиться в господа?

— Без малахая можно пробиться к штрафному столынику. Зачем нам такие барыши?

В Разброде мы раскланиваемся с ним и по полю еще долго бредем к своей полянке.

Люди уже давно выбирают.

Стыдно глядеть в глаза. Во сони ползут!

Ну еханный бабай! Удружили нашим огородец аж за четыре километра. Хорошо, что у наших за сараем жирует клочок земли. А не будь, как у жильцов новых домов? За моркошкой, за луковым пером к обеду слетай за восемь кмэ?

В поле страшный ветер.

Я не знаю, как и быть. На мне фуфайка, трико под брюками, глубокие калоши, мои бумажные и мамины пуховые шерстяные носки.

Как-то неохота, чтоб просквозило.

Парит.

Гриша копает.

Я выбираю.

Я весь мокрый. Хотел подраздеться.

А Гриша:

— Не смей расчехляться! У меня спина все время мокрая. Прохладно.

Гриша следит, чтоб я выбирал чисто.

По временам он перекапывает за мной. Нашел раз картошину, покажет языком:

— Это ж на целый суп!

— Лучше б посматривал, как тут сам вчера рвал фасоль. Сколько побросал!

За весь день мы присели лишь минут на десять. На мешках. Когда обедали.

Руки у него, копача, чистые. А у меня, как у чушки.

Он советует:

— Ты экономно помой два пальца. А на остальные воду не переводи.

У нас воды-то одна бутылка с наклейкой «*Мартуни*». Это азербайджанское вино.

За компанию вместе с двумя пальцами вымыл еще три. Не потому, что вода мешала, а потому, что и остальные пожелали за обедом быть чистыми.

С непривычки я устал как бобик.

И больше всего я боялся сесть.

Иначе потом каким домкратом меня подынешь?

После обеда над нами без конца кружил кукурузник.

Пролетит чуть ли не на бреющем с финтиклюшками и скроется за бугор. Через полчаса опять несется debil. Лыбится во всю картинку. Или он из шпизировки сбежал и ему не хрена делать? Так хоть керосин не портить!

И когда он в очередной раз с фигурами дребезжал над нами, я поднял руку с выставленной дулей.

И больше кукурузник не проявлялся.

В полпятого подпылила машина.

Грише это не понравилось:

— Чего так рано прискакал, Васек? Мы ж договаривались на полшестого!

— Ну, Ядрена Родионовна, Пушкина мать! Я ж, Гришок, плохо переносу конкуренцию. Боюсь, а ну кто другой перехватя, я и останься, как дурека, тверезый? Хочу, чтоб во мне постоянно кипела гражданская война белых с красными... Винами... Жизнь-то тут как?

— Да бьет по голове и все буром.

С шофером увязался еще один момырь, любитель чужих стаканчиков. Витек. Слесарь с маслозавода.

И Васек, и Витек как-то остервенело хватали огромные чувалы и, раскачав, картинно вбрасывали в кузов. Будто они были с пухом.

— Вишь, — шепчет мне Гриша, — как огнище заставляет вчерняк арабить? Что значит оплата натурой. Водяра правит деревенским миром! Скоро все одиннадцать мешков были на машине.

Закрыли борта.

— Ты, — улыбнулся мне приятель шофера, — мешочка три прихвати в Москву. Как гостинчик.

— Да где он будет ее хранить? — возразил Гриша.

— А зачем хранить? Продаст! У нас, в Нижнедевицке, три рубляша за килограммидзе! Жи-ву-ха! Как у тебя жизнь? Красивая? Как в «Правде»? Ты сейчас где рисуешь? Не в «Правде» ли?

— Никогда я там и строчки не опубликовал! И не собираюсь!

— Так-то оно лучше. Как ее Боря уделал? Не опомнилась — уже без девиза. Голенькая кларка целкин. Не зовет пролетарии под один шалаш. И Ильича посеяла с груди. Обновилась. Тазиком накрылась.

Дома я еле дополз до койки. И рухнул.

Во мне болела каждая косточка.

Будто на мне танк поплясал лезгинку.

4 сентября 1991

ЧЕРНАЯ БИОГРАФИЯ БЕЛОЙ КОШКИ

Гриша позвал меня в сени.

Я еле вышел и обомлел.

За ухо он деликатно держал перед собой мышь.

— Укусит же! — в панике крикнул я.

— О! — успокаивает мама. — У Гриши закоцубели пальцы. Ни одна мыша не угрызет! У нас этих мышей... Ходенем ходить!

— У какой норки ты ее подсидел? — впал я в любопытство.

— Вот тут, — показал он глазами на чувал с пшеном для кур, накрытый старой настольной клеенкой. — Вижу, тряпочка шевелится. Ага, думаю, мышки в еде разбежались. На месте преступления я ее и накрой!

Он толкнул плечом дверь и, не давая ногой ей закрыться, позвал со двора кошку.

Из копейки сена на пологой крыше погреба под яблоней не сразу показалась наша белая кошка с черным нарядным платочком на голове. Шла она вальяжно, вразвалочку. И совсем нехотя. Будто серчала, что осмелились снять ее с уютной душистой постельки.

— Мадам Фуфу! Это что? — помахал перед нею Гриша мышью.

Кошка отмахнулась лапой и сонно потянулась.

— Ты на чем довольствии королевуешь? Ты что себе позволяешь? Мыши пешком по дому под ручку разгуливают! А тебе хоть бы хны? Ты знаешь, что Павлов повысил цены на продукты в три-шестнадцать раз?! Тебя это не колышет? Тебе все до лампадки? Тебе что до Павлова дня наливали консервную банку молока, что сейчас... Когда ж ты соизволишь начать работать?

Гриша прислонил мышь к каштану у порога.

Мышь вцепилась в кору.

— Ну! Пешком по рельсам! — приказал мышке.

И только он отпустил, серая на пуле дернула вверх по стволу.

Кошка только тоскливо глянула на нее.

Но погнаться и не подумала.

— Брысь, мымра, отсюда! — с притопом гаркнул Григорий на кошку, и та пометехала снова к копейке. — До чего дожила! Я штук тридцать поймал! Давал ей на обеды. Скольких зевнула!

— Может, — думаю я вслух, — надо было поджарить с лучком?

— Я поджарю ее хворостиной! На крыше погреба среди яблоч спит и спит эта дрыхоня. А ты день на огороде на лопате катаешься, еще и мышей за нее гоняй! А она!.. Летом взяли два десятка цыплят. Двухнедельников. Посадил в решетчатую огородку до вечера. А сверху не прикрыл. Она с дочурой и прыгни туда. Шестерых слопали! Остальных передружили и сложили в две равные кучки. Это ее, это дочуркина!

— Зачем же ты держишь этих бандиток?

— Тут и забурлишь решалкой³², — мнется Гриша. — Что интересно, когда охотится, хороших крыс в сарае берет. Смотришь — потащила. Положит перед своими котятками и пошла обедня... А к мышам в доме не притрагивается. На веревке в дом не затащишь.

— Может, мышками, этой мелочью, она гребует? Предпочитает работу по-крупному?

— Пожалуй. И вышла у нас полная специализация. Я гоняю мышей, она — крыс. А крыса не мышь. Трудней взять крысу. Кошка и берет. А я пока не могу. Только поэтому я ее и терплю.

5 сентября 1991

РАЗБРОД

С непривычки я так позавчера упахался на картошке, что не то что пальчиком — мыслью не мог шевельнуть.

Пластом вчера лежал. Отходил.

А Грише хоть бы хны.

Сбегал в компрессорную и отбухал свою смену.

Сегодня ему в ночь. День свободный. Значит, снова культпоход на картошку.

Мама поднялась в три ночи.

Торопко подвязывает юбку бечевочкой.

— Хлопцы! Я с вами пойду на картоху! А то лежу, як коровяка!

А в *коровяке* всего-то килограммов сорок, не считая зубов в стакане. И восемьдесят один год.

— Михална, отбой! — командует Гриша. — Не знала, где тот наш

³² Бурлить решалкой — думать.

огород. Не сажала, не окучивала... Не будешь и копать. Спи. Еще черти не бились на кулачках. А она вскочила!

И выключил свет.

Мама постояла-постояла и на вздохе легла.

Гриша угнездился на полу, на толсто сложенных новых коврах. Поближе к себе пододвинул будильник.

То будильник синел на неработающем холодильнике в кухоньке-прихожей, и я его не слышал. А тут бух, бух, бух над ухом. Как молотом по башне.

Попробуй усни!

Григорий встал в полпятого и убежал с мешками на огород.

На дворе бешеный ветер.

А в поле что? Ураган?

Не унесло б... Не выдуло бы все из головы...

С моим бронхитом только меня и не хватало на нашем картофельном бугре, расчехленном всем ветрам.

Гриша не велел мне идти.

Но с какими глазами куковать дома?

Часов в одиннадцать черные тучи задернули небо.

Наверняка рванет дождица!

Я не удержался. На попутном дмитриевском автобусе доскочил до Разброда. А там полем почесал к нашей делянке.

Ну...

Удружили ж нам огород у черта на куличках.

Рядом с лужком, где Макар пас телят. Правда, сейчас ни Макара, ни телят не было поблизости. Испугала их непогода. Не вышли из села.

Только я наклонился выбирать — ливанул дождяра.

У нас по полиэтиленовому плащу. Без рукавов.

Зато есть хоть по капюшону, по тесемочке.

Подвязались под подбородками и сидим на корточках. Чтоб ветер не так рвал.

Сидим ждем у моря погоду.

Я вспомнил море, вечное южное солнце и грузин, вечно сидящих от безделья на корточках.

Изнывая от жары, «син Капкаса» может целыми днями преть на корточках.

Покурил. Поплевал. Вздремнул...

Вздремнул. Поплевал. Покурил...

Покурил. Поплевал. Вздремнул...

Обложил матом мимо проходившую русскую девушку, раз не села с ним рядом курить...

О! Уже вечер. Надо грести дремать уже дома.

В великих трудах и проходил грузинский день...

Я смотрю, как белыми ядрами дождина обстреливает беззащитные картошины, и мне становится не по себе.

— Гриша! Ну зачем ты выкопал пол-огорода? Столько выбурчал! Теперь вся картошка наверху. Лежит купается бедная. В земле б она спала сухая...

— Кто ж знал, что так оно крутанется?

— Надо... Выкопал с комнату. Подбери. Подобрал — снова копай. А

ты? Ты как тот перегретый на солнцежоге грузын. Только познакомился с крутишкой и тут же норовит спустить с себя свои тряпочки, пылко уговаривая ее срочно последовать его горячему примеру. Все шиворот-набекрень!

Как только дождь чуть сбавлял обороты, мы в судороге втыкались в землю. Три мешка выбрали.

Мы уже не обращали внимания на дождь. Бросили придерживать плащи.

Автоматными очередями палили они на ветру у нас за спинами.

В низу бугра сидели на корточках люди, насунув на головы белые цинковые и красные, зеленые пластмассовые ведра.

— Люди живут кучками, — с тоской глянул Гриша вниз. — А мы по одному... По одному. Или мы бирюки?

Брюки на мне мокры до самой развилки.

Ребром ладони я сталкиваю воду с колена.

— Это уже не картошка! — сожалеюще роняет Гриша. — Это уже могила. Давай дуй к мамке в чум!

— Да может, еще разметет ветер эту хлябь?

Я смотрю на мутно-светлый клочок неба.

Божечко мой! Поддай солнышка...

— С-солнце! — распрямившись, варяжно рявкнул Григорий в оружейных хлопках плаща.

Великанистый, могучий, в разметанной по груди былинной бороде, он и впрямь походил на богатыря.

— Страшно! Вся Гусевка черная, — показал он на небо. — Все пакости от госпожи Гусевки! Иди, пока еще ходится. Я не понимаю, зачем ты прибежал!

Я тоже не понимал. Был ветер. Заходил дождь. Все основания для отсидки.

Но я приплелся.

Наработал!

Весь мокрый. Потряхивает озноб.

Гриша наступил ногой на куст, к которому я потянулся обирать.

— Командировка выписана. До-мой!

Я не стал противиться. Выписана так выписана.

— Извини, — бормотнул я повинно и побрел к дороге.

Я шел с бугра боком, боясь загромоздить на осклизлой мокреди.

Глубокие калоши нацепляли пуды грязи, выворачивались, все норовили сорваться с ног. И срывались.

Тогда я тыкался бумажным носком в сыр.

У большака две милые девушки в легких платьицах, мокрые, как вода, сушили на ветру газовые косынки, поднявши их над головами, и беззлобно препирались. Уходить или не уходить?

— Скажите, — обратились они ко мне. — Рассудите нас. Дождь будет?

— Нет! — вызывающе крикнул я.

— Тогда чего ж капитулировали со своего картофельного рубежа?

— Родина приказала!

— А-а, — уважительно сказала одна. — А в том приказе не было наших фамилий?

Я сделал вид, что не слышал, и пошел себе.

— Да айдаюшки и мы! Бу-удет дождь. Еще какой! Чего?! Картошка не наша...

Я не вытерпел и съехидничал:

— Обязательно будет! Тем более картошка не ваша!

И радостные девичьи ноги в шалости благодарно зашлепали по грязи у меня за спиной.

Асфальт дороги залила жижа пальца на полтора, и всякая пробегающая машина норовила оплевать тебя с корени до вышки.

Дорога немного разогрела меня. Расхотелось одному плестись, я срезал шаг. Авось нагонят улыбашки.

И только я так подумал, как пеструшек окликнул старчик со встречной телеги. В кузовке он стоял на коленях с вожжами в руках. Ноги в кирзовых сапогах держали попоком желтое пластмассовое корыто. И казалось, ехал дед в желтой нише.

— Дедунюшка! — крикнула одна из девушек, забираясь на телегу. — Да что ж вы едете, как в стоячем гробу?

— Ну, — равнодушно махнул рукой старик, — не до разбору. Стоячий там, лежащий... А сыпани дождина, я загодя уже в укрытии. Айдаюшки, королевишны, заберем, что вы там укопали.

И увез моих хорошек.

6 сентября 1991

РОЗОВАЯ УЛЫБКА ЛАРИСЫ

Дома я напился настоящего на смородиновом листу горячего чаю с малиновым вареньем, попарил ноги и шнырь под одеяло. Имею полное законное право! Как пострадалец на трудовом фронте.

За окном озверело буянил ливень. И до того разошелся, что его тонкий пристанывающий рык стоит и в доме: нитяные белые струи, не прерываясь, монотонно льются в ведро посреди комнаты.

Два тазика по углам.

Второе ведро торчит в сенях.

И эти четыре ручья с тоскливой ненавистью бандитничают в хатехе, наглоще поют, когда хотят. Хоть день на дворе, хоть ночь. Они — хозяйева!

Боже! Боже!

В какой дырявой пещере мы кукуем?

Эта маслозаводская сарайная засыпушка была рассчитана на тридцать лет. Срок ей вышел. А она стоит.

Обмазка на внешней стороне стены отстала. Сильно постучи ночью вернувшийся со смены Гриша, чтоб разбудить мать, — завалит наше палаццо, дающее течь при первых дождевых каплях.

Палаццо...

Приделанные Гришей сенцы, кухонька и одна жилая комнатка. Двенадцать метров. На двоих.

Двое на двенадцати квадратах четвертый десяток лет!

Мать и сын — в одной комнате.

В какой Африке так живут?

Законом нельзя взрослым разных полов жить в одной комнате. Законом — нельзя. А живут!

Мамина койка на кухне почти вприжим к плите.

Гришина — в комнате.

А приехал человек — уже и положить негде.

Разве что на пол.

Пока я тут, Гриша сам все время спит на полу, на двух вчетверо сложенных коврах. Ковры здесь не расстилают, ждут, что раскинут в новой квартире. В один шкаф все не воткнешь. Горы тряпок горбятся на стульях в углу. Ждут новоселья.

Маме 81, Грише 56.

Куда ждать? Чего ждать? Новоселья на том свете?

Обо всей этой квартирной катавасии я писал президиуму первого съезда народных депутатов СССР.

Поставили в общую очередь. Наш номер очереди 178. И это-то при погибшем на фронте отце.

Я добыл недостающие бумаги как о семье погибшего — в прошлом году вжались третьими в первый льготный список.

Неужели за год не сдали три квартиры?

Надо сбегать спросить.

И тепло под одеялом, уютно.

Да каково слушать жестокие песни дождя над ведрами-тазами-корытами в доме?

В райисполкоме жилищную комиссию вела зампред Лопатина. Но на ее двери нет уже таблички с ее фамилией.

У проходившей мимо женщины я спросил, где искать Лопатину.

— В загсе теперь она женит-хоронит. А на ее место... Я и не знаю, кого теперь греет ее кресло...

Я все же раскопал одну янгицу из жилищной шарашки. Лариса Глебова. С розово-красными височками. Мода такая. Верх щек красить. Вроде намек: у нас и мысли все розовые, да и те не все дома. Вообще никого нет дома!

Я спросил, почему за год очередь не продвинулась ни на одного человека.

— А мы ничего не сдали. Заложили фундамент на семнадцать квартир. Блочный. Может, к следующему августу поспеет...

— А я боюсь, к той поре и у нас может кто-нибудь поспеть. Восемьдесят один год не восемнадцать лет. Неужели новоселье только на том свете гарантируется?

Лариса розово улыбнулась.

6 сентября 1991

КРИК В НОЧИ

В шесть я вернулся из райисполкома.

Гриши не было.

Как так?

Я на маслозавод. В компрессорную. К Максимычу, кого Гриша сменил по графику в восемь вечера.

— Вы не слышали, Васек уехал к Грише за картошкой? Должен был в пять приехать!

— Эв-ва! С каким дерьмом связался отец Григорио! Да твой Васек этот Ковалев уже твердо наконвертировался!

— Чуть поясней...

— Сразу видать, несельский житель... Водка в селе — конвертируемая валюта. За водку тебе что хошь сделают. Хоть картошку привезут,

хоть голову срежут, хоть чужую приставют! Даве наконвертировался этот пьянист и враскачку уполз домой.

— Не может быть! Он позавчера привозил нам картошку. Давайте посмотрим, тут ли его машина 21 — 87 ВВ.

Обрыскали весь заводской двор — нету.

Значит, все-таки уехал!

В состоянии готовальни!!!

С беспокойным сердцем побежал я по Нижнедевицку.

Думал их встретить.

А нарвался на веселую семейку Дмитрия, старшего брата. Он с женой Лидией, с дочкой Еленой и с ее сынишкой в коляске возвращались из магазина.

Молча проскочить мимо было неудобно. Скажут, обегает нас. И я не стал обегать, взял и покатил коляску.

Пока везла мамушка Лена, парень сидел ровно.

А как я повез, склонил головку.

— Леонид Юрьевич! — заглянул я парню в лицо. — Что, стариковская усыпила езда?

Дома Ленка стала кипятить ему молоко.

Плеснула чуть в кастрюльку и на газ.

— Бог дает! Бог дает! — запричитала она, увидев, как сердито подымалась в кастрюльке белая шапка.

Глазами она аврально искала тряпку и не находила.

А когда подлетела с тряпкой снять, шапку выбило на плиту.

И Ленушка разогорченно проронила:

— Бог дал. Бог и взял...

Пока тары-бары на три пары — уже девять.

Я на пуле домой.

Григория нету!

Мамочка моя! Это беда!

Я переоделся в фуфайку, в старые Гришины штаны.

Натягиваю мамины резиновые сапоги.

Мама причитает:

— Та Толька! Та сынок! Та куда ты ото у ночь побежишь?! Шо ты в том поле зараз найдэш?

— Он мне брат и Вам сын или слепой лишний щенок, которого Вы собираетесь утопить? — рявкнул я. — С пьянчугой поехал! Сырые бугры... Может, навернулись! Валяются где в овраге. А Вы — ночь!.. Дождь!.. Ое!

Не знаю, зачем я сунул в карман ножичек с палец и на завод. Сейчас как раз везут молоко с ферм. С какой попуткой и увеюсь.

И я умчался на молоковозе с першинским шофером Мацневым.

Подъезжаем к Разброду.

Я сказал, как ехать к нашей делянке, и он поехал.

Я боялся, что мы не доедем.

Но на удивление сырь нас нигде не усадила.

Одно дело день, и другое дело ночь.

Как ты на убранном поле сыщешь свой клин?

Летели мы наугад и все же не промахнулись.

Выскочил я из кабинки. Руки рупором ко рту:

— Гри-иша!.. Гри-и-иша!!.. Гри-и-и-и-иша!!!..

Никакого ответа.

Только черный ветер валил с ног. Мол, кончай орать!

Рядом с нашим огородом кисла деляночка плохо скошенного овса. Осыпался овес. Пророс.

Поднялся редкой белой полоской.

Овес утвердил меня в мысли, что я на своем клину. И стал я вскидывать ботву... И нашел. Вот пять мешков с картошкой, что мы с Гришей собирали!

Я и заплакал, и засмеялся.

Живой Гриша! Живой!!!

Этот стакановец Васека не приехал!

И развеликое спасибошко!

— Иван Николав! — подбежал я к шоферу. — Милый! Роднулечка! Золотко! Тут всегошеньки-то пяток мешков! Ну давайте заберем и вся комедь!

— Да нет. Комедия отменяется. Ну молоковозка! Куда я суну мешки? Бортов нету. В цистерну насыпом?

— Ну в прошлом годе привозили точно на такой молококанке. Десять привозили! Ну! По бокам привязывали!

— Как вы там возили, я не видел...

Этому гофрированному вавуле³³ интересней му-му валять. Неохота отрывать свой худой банкомат от теплого сиденья. Ну и хрен с тобой!

Главное, Гриша цел, невредим и готов к новым боям-баталиям!

Мы выскочили на асфальт и горшок об горшок.

Мацнев дунул к себе в Першино.

Я потопал в противоположную сторону.

По пути забежал на завод.

Гриши не было.

Максимыч стоял за него вторую смену подряд.

— Но Григория вы видели?

— Да. Договорились. Я его ночь отстою. Он завтра погасит должок. Примерно часов в пять уехал на молококанке.

Я подхожу к нашему фигвамю.

Два красных огня. Молоковозка. Поверху между цистерной и поручнями громоздятся горюшками мешки.

Какой-то мужик с машины помогает Грише усадить мешок на горб.

— Здравствуйте! — в радости крикнул я.

— Здравия вам!

По голосу я узнал Алексея Даниловича Вострикова.

Душа человек!

Мы вечерали в два ночи.

Гриша кипел гневом.

— Вот Востриков! До пенсии докувыркался! А с водярой незнаком! А Ковалев, эта косопузая шаламань, как проснулся, одна сила выворачивает его наизнанку. Где кирнуть? Как рухнуть в запой? И работает до первой бутылки. Как дорвался — песец! Трудовой день окончен! Пошла драка с унитазом, ригалетто³⁴. Я ж с ним по-людски договаривался... Значит, перехватили. Кто-то раньше поднес... Тупой, как веник... Не водись

³³ В а в у л а — лентяй.

³⁴ Д р а к а с у н и т а з о м , р и г а л е т т о — рвота.

на свете водка, он бы и на работу не ходил. Будь моя воля, я б дал шороху. Таких бухачей надо выстраивать и отстреливать через одного. Потом выстроить, кто остался, и снова стрелять. Пока ни одного не останется. Иначе пьяная Русь сама падет-сгинет.

6 сентября 1991

СЛУШАЙ СЮДА. Я ТЕБЕ УСТНО СКАЖУ

Утром мама внесла с огорода помидорную веточку.

— Не попадэш, шо оно и творится! Там или где морозяка учесал?.. Холодюга!.. Ой-оеньки... То листья на помидорах висели. А то стоять дыбарем. Як коляки! На, глянь.

Я взял веточку.

Стылые закаменелые листья как-то оцепенело топорщились в стороны.

— Насунуло кругом. Должно, дождь возьмется навспрашки полоскать, — добавила мама тихо, боясь разбудить на полу Гришу. — Спыть наш герой-генерал. Хай поспыть...

— Хай, хай! — откликнулся Гриша. — Все дни как конь занузанный... Будто штамп на лбу: паши, паши, паши, савраска... А сегодня я барин. Хочу, полежу хоть час, хоть до ночной смены и никто пальцем не ткнет!

Мама грустно постояла у окна на кухне, потом вошла в комнату к Грише, откинула занавеску. Усмехнулась:

— О дела! В одном окне солнце. В другом — дождь схватился с крупой хлобыстать. Но... Ненастное бабье лето — погожая осень будэ.

Мама тихонько побрела в сенцы к газовой плите.

Гриша игриво поманил меня к себе пальцем:

— Слушай, пане, сюда, что я тебе устно скажу... А ловко мы... Разными дорожками скакали с тобой вчера ночью. Вы с Мацневым покатили с огорода вниз. А мы с Востриком подъезжали сверху. Видели вас с хвоста... Все до картошеньки в погребе! Ай да мы! Ай да мы! Налетел холод уже утром. И что нам с того? Никакие морозы нам теперь не указ. Вся картошечка с комфортом переехала на зимнее житие в погреб!!! Могу я до самой смены спать?

— Можешь.

7 сентября 1991

БАТЬКО

В полночь позвонил старший брат Дмитрий.

— Толик! Приезжай. С матерью плохо.

— У меня сыну два месяца. Сейчас он с Галей в больнице. Но я приеду.

Галинка выставила условие:

— Ехать всю ночь. Отпускаю в том случае, если возьмешь в вагоне постель.

— За двадцать пять? Когда-то ж стоила рублеху всего... За двадцать пять я хорошо выплуюсь на откидном столике. Кепку под умнявую головку и баюшки...

Постель стоила двенадцать. Я немного поколебался. Пожалел себя и взял.

Уже в Воронеже в аптеке у вокзала купил ундевида, аминалона. Все не с пустыми руками...

Я вошел.

Мамина койка в прихожей у печки пуста.

Гриша в своей комнате торчит растерянным столбом.

— Привет, начальник, — вяло промямлил я.

Мы молча обнялись.

— Где мама?

— В больнице... Только что я оттуда. Положили. Надо свое полотенце, свою ложку, свою миску, свою кружку, свой стакан. Сейчас понесем.

— Как она себя чувствует?

— Туго... И как получилось... В пятницу встала веселая. Говорит, будем суп-воду готовить. Начала резать лук. Я побежал, — он посмотрел в окно на сарай напротив, — я побежал в куриный кабинет подкормить кур. Прихожу. Она расшибленно крутится вокруг себя, опало бормочет: «Как же так оно получилось, что пропала память?..» Я спрашиваю, что она ищет. Оказывается, нож. Уронила. И пальцем стучит по луковичке. *Режет* пальцем... Я испугался, уложил ее и позвал соседку Шурочку. Она медсестра. «Шур, иди на секунду. Посмотри на мать». — «Или лечить я стану?» — «Лечить не надо. Ты просто войди. Как она среагирует на постороннего человека?» Шура вошла. Мама забеспокоилась. На локте привстала на койке: «Вы что хотите со мной делать?» — «Да ничего мы с тобой, бабушка, не собираемся делать... Бревна раскатились. Прибегла Гришу дозвать, чтоб собрать помог». Шура ушла. Я вызвал скорую. Скорая сказала, надо на прием к невропатологу. А уже ночь. Мама молчит. А вдруг что случится? Ты всегда наказывал: звони в тяжелых случаях. Как знаешь, телефона у меня нет. Я к Мите. Митя и позвони тебе. А когда пришел, мама его не узнала. Минут десять не узнавала. Оно и неново. Хоть Митя в своих хоромах и живет-княжит в ста шагах от нас, а к нам редко заскакивает... В субботу невропатолога не было. Вызвали в Острянку. В понедельник собираемся в поликлинику. Вон, — ткнул он рукой в окошко, — на наших задах. Говорю, давай отвезу. Нет! Пошли пешком! Я упрямил очередь разрешить пройти нам сразу. А мама упирается: «Не! Люди пришли под перед нас. Да як это мы пойдем раньше всех?» Вот какая у нас мамушка. В очередь! А сама на ногах еле держится. Ей же уже семьдесят два! Врач Белозерцев увидел ее — кладем!

Бочком мы вжались к маме в тесную четыреста четырнадцатую палату. Ее койка у двери.

Меня мама узнала сразу.

Я поклонился, поцеловал ее.

И мама загоревала:

— Толенька, сынок-розочка приехал... А я барыней царюю в больнице! Это дела? Така беда скрутилась, така беда... Толька, ты теперь батько?

— Батько? — не сразу сообразил я.

— Ну что ж он, маленький, робэ? Ростэ хоть чуть-чуть?

— Баклуши не сбивает! Некогда! Знай растет колокольчик наш с шелковистыми русыми волосами!

— Хай ростэ великим! Хороше вы его назвали... Гриша...

— В честь этого дорогого товарища, — пожал я Грише локоть. — Мы

своего маленького еще ни разу не снимали на карточку. Поэтому я привез показать Вам метрику нашего Гришика. Нате посмотрите.

Мама тихонько погладила метрику и прошептала:

— Хай ростэ великим!..

Мы стали выкладывать, что принесли, и выбежало, мы с Гришей забыли взять кружку и миску.

Я сбегал принес.

— Гриша, — сказала мама, — не сидите голодняком. Зарубайте петуха.

— Сегодня же отсобачу петуху голову! — горячо пообещал Григорий.

А мама, вздохнув, запечалилась:

— Как же так беда случилась?.. Человек полный день неменяемый!

Потом она заговорила неясно.

Слова вязкие, непонятные.

Я поддакивал и боялся смотреть ей в лицо.

Мы с Гришей сварили петуха.

В банке я принес маме теплый бульон.

Но есть она не стала. Говорит, не хочется.

— Ма, — спросил я осторожно, — что у Вас болит?

— Голова. Одна сторона, левая, молчит. А другая, — приложила руку к правому виску, — ругается...

Я был все дни у мамы, пока ее не выписали из больницы.

Июнь-июль 1992

БАНДА

— Я совсем, сынок, дни потеряла. Ну раз головешка, — пальцем мама стучит себя по лбу, — не работа! Сегодня шо будэ?

— Четверг.

— Совсем в словах запутлялась... И в словах, и в годах... Вспоминается... Горбачев людей размотал. А теперь кочуе по заграничью... Какие мы у *них* рабы... Той проклятый чай... Вскакивали летом в четыре и в устали приползали домой не знай когда. Когда уже того чая не видно. В одиннадцатом часу ночи! И... тилько первый свет в окно, знова вскакуй. Это жизнь? То и пожили по-людски, шо до колхоза... Летят года... Летят... Не остановишь и на секунд. Ну это надо? Налетела целая черная шайка коршунов. Восемь десятков да еще два! Целая банда. И как же они меня мучат. И шо я одна-то сделаю с этой злой бандой? Боюсь я их. Голова не свалилась бы... Мно-ого годов ко мне содвинулось. Но никто не видел, как они днями и ночами шли-летели ко мне... Только мелькают зима — лето, зима — лето...

— А поют, мои года — мое богатство.

— Да петь шо хошь можно. А года — это полный разор. И чем больше, тем сердитей они. Ну шо ж... Старое уходит, молодое на подходе... У маленького малютки Гриши лицо худенькое или полненькое?

— По-олненькое.

— Молочко пьет живое? А не то, шо на заводе? Гнатое-перегнатое?³⁵

³⁵ Г н а т о е - п е р е г н а т о е — пастеризованное.

— Со своим молочком не получилось... Тут история темноватая... Рожала Галинка в первомайские праздники. Роддомовские коновальцы с перепою сразу запретили кормить грудью. А потом выяснилось, напрасно запретили. Да поздно уже было. Молоко пропало... Вот она наша бесценная бесплатная медицина... Тот-то мы и кормим его смесью.

— Это той, в банках? Как молоко или чуть получше. Ребенку плохо не дадут... Он у вас в кровати спит? А как вырастет, где будет спать?

— Кроватку растянем.

— Еще не бегаёт?

— Тренируется.

— Не ленится расти?

— Да вроде старается...

— Хай с Богом ростэ. И подальше туда. Подальше от моих годов...

— Он у нас крепенькой.

— Это самое главное. Здоровье — все золото наше! Здоровье никто нигде не подаст за твои же деньги. Здоровье не украдешь, не найдешь и не купишь.

27 августа 1992

НЕ СЕШИ!

Гриша решительно объявил мне:

— Все! Я намылился привести тетку!

— Давно пора. Шашку наголо тебе в руку и горячего боевого коня в придачу!

— И куда мне лететь с шашкой на коне?

— Ка-ак куда? На завоевание сердца целинки!

— И конь не нужен, и шашкой махать не к чему. В соседнем же бараке кукует.

— Расшибец! ³⁶ Глядишь, родите ребеночка-молоточка.

— А мы, что интересно, берем уже с готовеньким... Замумукался я с домом. Мама болеет. Огороды на мне. Готовка... Вечный недосып. На мне ж все собаки! Все делал. Ничего из рук не вырывалось! Да сколько можно? Крутишься ж, как вентилятор! Надоело. Женюсь!

— А она бить с крыла³⁷ нас не будэ обох? — забеспокоилась мама.

— Товсту та гарну выбрал? — спросил я на мамин лад.

— А че ее выбирать? Не корова... Средняя так... Путевая. Лет со-рока...

— Там здорова, як мурлука! — подсказала мама. — Не знаю, шо в ней Григорий и раскопал... Прямо бугаиха... На все время бывает. Когда цветок цветет вовремя — хорошо. А как цветет не в свое время — он уже отцвел. Отделался. Отбалакался.

— Когда ж, пан Григореску, свадьбка? — копаю я вглубь.

— А вот спешить как раз и не надо! Все в свое время.

— Ну-ну... Все стукаешься головой об небо... И когда ты кончишь переливать эту сладкую водичку из пустого в порожнее?

27 августа 1992

³⁶ Р а с ш и б е ц! — превосходно!

³⁷ Б и т ь с к р ы л а — бить противника на кулачках, заходя сбоку (запрещенный прием).

ПЛАТОК

Мама лежит у печки на своей койке.

Я сижу на краю койки у нее в ногах.

Перед нею на полном мешке с сухарями платок из козьего пуха.

— Ма! А что Вы с платком делаете?

— Да валяется себе... Отдыхае со мной на пару... Он у нас тяжелоранетый. Увесь на дырках. Мыши попрогрызали.

— Он бы нам сгодился. Гринчику для прогулок.

— А шо? Завяжи маленького, положи в коляску и гуляй. Дырки нитками позаплутать... Я с Григорием поговорю... Гри-иша! — крикнула она в комнату за желтыми шторами в дверном проеме, где Григорий смотрит телевизор и одновременно спит. В комплексе. Универсал наш!

Григорий выглянул из-за шторы.

— Григорий! Цэй платок треба аннулировать. Хай в нем маленький Гриша гуляе по Москви!

— А большому Грише уже и не надо?! У меня радикулитица! Как закрутит спина, я натру спиртом и хоп в платок. Два дня поношу, боль отбывает на покой. Оставить большого Гришу без платка... Вы что?

— Ха! — щелкнул я себя ногтем в ладошку. — Я тоже как-то выбился в радикулитики. Шерстяной платок таскал под поясом. Побежал к врачу. А он: «Ты чего маешься дурью? У тебя свой кулак с собой?» — «С собой». — «Растирай и пройдет». И помог себе кулаком. А у тебя кулака нет?

— Нет! — рубнул Григорий.

— Так на мой! — в подсмехе мама подает свой сухонький кулачок, сине перевязанный жилками.

— Оставь себе, бабунюшка. В хозяйстве сгодится.

Он уходит во двор.

А мама в шутку грозит ему в спину кулачком:

— Мы тоби, генерал, дамо прочуханки!

Мама трудно поднимается, тихонько идет в его комнату, к шкафу, и возвращается с клубком шерстяных ниток.

— О! Малюсенькому на носочки хватэ! Если б я не лежала, я б и... Пух есть. С козы Гальки... Есть из чего вязать. Я б сделала. Да здоровье мое бастуе. Голова совсем сама в отставку ушла... Даст Бог, подлечимся. Голову надо держать. Без головы не будешь работать.

Она подала мне клубок и тут же забрала:

— Дай я перекрестю.

Крестит и шепчет.

Я всех слов не разберу.

— ... Дай Бог ему счастья и здоровья на далеких дорогах его жизни, во всех его работах... Помогите и спасите нас, Господи, грешных... Постой, я встану, начну ходить. Шо-нэбудь придумаю...

Она долго молчит и роняет, ни к кому не обращаясь:

— А мне наша завалюшка нравится. Притерпелась...

— Как могут нравиться эти блошинные хоромы? Тесно. Все гнилое... Вы ж не видели, как люди живут.

— Где ж я жила? Шо я бачила? Восемьдесят лет не то прожила, не то промучилась... Не то проплакала, не то пробедовала. Не знаю, где я и була восемьдесят лет...

— Как Вы рассказывали, сколько себя помните, столько и работаете каторжно...

— Да. Без труда не выхватишь и рыбку из пруда. А ловить треба каждый божий день.

— Ма! У Вас полипы в желудке. Это с голода. Вы едите часто?

— Часто. Каждый месяц.

— Запоры бывают?

— Бувають.

— Простоквашку пейте по утрам.

Я подогрел ей стакан простокваши из холодильника.

Она выпила.

— А не простоквашу, так масло пейте растительное.

— А где возьмешь то масло? Уже год его у нас в магайзине нэма. Ноги болять...

— А чего им не болеть? По цементу ходите в одних шерстяных носках. Далеко ли тут до простуды? А под диваном валяется целый бугор тапочек.

Второй день мама пьет понемногу подогретое кислое молоко.

Стала вставать.

Выходит посидеть под окном на лавочке.

28 августа 1992

БОЛЬШАЯ СТИРКА

Гриша стирает в корыте на табуретке.

С койки мама горько глядит, как он это делает.

Гриша заметил, что за ним смотрят, и он так расстарался перед ма-мушкой, так раскипелся-разбежался в усердии, что сам черт ему позавидовал и кинулся по полной схеме помогать Грише. Корыто не выдержало пламенного старательства двух горячих, чумовых гигантов и перевернулось.

Вода со змеиным жестоким шипом раскатилась по всей кухоньке.

— Э! Прачка! — шумит мама. — Ты нас затопишь!

— Не бойтесь, Пелагия Михална! У меня есть хорошие багры. Спасу! — смеется Григорий, ловко собирая тряпкой воду с полу.

30 августа 1992

БАПТИСТ

За обедом Гриша наливает мне и маме сидро.

А себе спирта.

— Я не хочу сидро, — отодвигает мама рюмочку. — Оно тэплэ.

— А холодненькое, — трясет Григорий бутыль со спиртом, — Вам нельзя. Горло застудите. Пейте теплое сидро. Как я. Я разогреваю свое пойло до девяноста шести градусов. И доволен.

Мама ест простоквашу:

— Намахай и Толеньке спирту.

— Толька не пьет. Баптист!

30 августа 1992

И ЛОПАТОЙ НЕ НАКИДАЕШЬ!

Лишь сегодня я заметил, что у козы Гальки занятные рога — две косяные кокетливые кудельки лились по лицу, и один рог изгибом упирался под глаз.

И я нарезил эту загогульку срезать.

Как же!

Вон олень сбрасывает рога, сбросит и она. Стал отпиливать ножовкой. Появилась густая кровь.

Мне стало плохо, и я бросил эту хирургию.

Гриша замазал рог зеленкой. Кровь перестала течь.

— Не получился из тебя Пирогов, — вздохнул Григорий. — Может, выйдет хоть рядовой рабочий. Айдаюшки в поле на наш огород рвать фасольку.

По пути забрели в колхозную кукурузу.

Сдернули несколько кочанов.

— Колхозное брать можно, — разрешил Гриша. — Все равно бросят. Сгниет на корню. Но поймай здешняки вора на своей картошке, уроют на месте.

— А если ночью?

— Тем хуже. Когда настроишься красть, иди на колхозное поле днем. Днем ты просто культурно берешь. А ночью ты уже тать и надо тебя наказать по всей катушкиной строгости.

Я хотел рвать фасоль с корнем.

А Григорий против:

— В корнях удобрение. Да... На будущий год нам сунут огород в другом месте. Нечего беречь кому-то удобрение. Рвем с корнем!

Нарвали два чувала.

Подвез на мотоцикле веселый наш соседец Алеша Баркалов.

Дома я сварил кукурузу.

Гриша отщипывает понемногу зернинки и подает маме. Она лежит на койке.

Мама улыбается:

— Толька, поглянь-ка... Гриша отпускает мне тилько по две зернятки.

— И то хорошо. Даю! А то вон... Сын и мать ругались. Мать укоряет: «Я ж тебя, чертов жеребьяка, с сосочки, с ложечки кормила!» А сын: «А тебе и лопатой не накидаешь!»

Мама гордо восклицает:

— Ка-ак хорошо! Три сына — сразу три лопаты! В Воронеже Гриша носил меня в больнице на руках аж на четвертую этажуху!

Григорий не любит, когда его хвалят, и тут же гасит похваленье неожиданным сердитым попреком:

— Как же не цвести твоим полипам в желудке, если постишься по четыре дня! Во рту ж ни крошки!..

30 августа 1992

К СЧАСТЬЮ — ПОД КОНВОЕМ!

Мама ест борщ и жалуется:

— Рука болит... Как жует. Лежу, як коровьяка. Ниче не роблю. Ну целыми ж днями валяюсь с открытыми глазами и ловлю мух! Хиба це дило? Или я придумляю себе разные болячки?

Она отгоняет муху от лица:

— Ото у нас мухи! Пока ложку борща из миски донесешь до рта, все из ложки выхлебають! А я вот молодец. Гриша намахал полную миску борща, и я его напропал домолачиваю!

— А в миске полстакана, — уточняет Гриша.

Мама вздыхает:

— На дворе жара. Не продохнуть. Травичка вся попривяла... Когда прошло оно, наше время? Днем или ночью? Не видали. А все стали уже старые та больные... «Как же долго нас вели к счастью под конвоем...»

30 августа 1992

МОЛИТВУ И КУРИЦА СЛЫШИТ

Маме кажется, что гостюшку все не так потчуют.

— Гриша, — тревожится она, — та шо ты напал на петухов? В них же мясо резинное! Зарубай хоть одну курицу!

Гриша сопит.

Больной маме не возражи. Слова поперек не кинь. И согласиться он не разбегається. Каждый день по петуху отстреливает! Два-три кило свежатинок на двоих! Сама мама мяса не ест. Не то что петуха, бульона в рот не вотрешь!

Все дни, что я здесь, мама пристаёт к Григорию с курицей. И все дни он твердит одно:

— Да что в той Вашей курице?! На один зубок нечего возложить!

— Зато у курицы мясо мягкое та вкусное. Тольке завтра ехать. А курица не рубана! Ты шо творишь, комиссар Топтыгин?

— Хоть всех перерублю! — вскипает Григорий.

Он бросает мешать мешанку и бежит в сарай за топором.

Откуда ни возмись с крыши с воплями слетает на него желтым комком курица.

Такая гнусь!

Чтоб курица обидела пана Григория?!

Да села на голову?!

Ведерный чугунный кулак был при Григории, и он со всего маху залепил касатке по уху. Та и пошла винтом по сетчатой загородке.

Делать нечего. Рубить край надо!

Григорий топор в руку, курицу в другую, подбежал к торчавшей попиком колоде и с полузамаха отвалил курице голову.

Эта история обрадовала маму.

— То, Гриша, — заключила она, — так и должно було случиться. Я стильно тебя просила. Зарубай та зарубай! Моя молитва и до курицы дошла. То еще хороше, что напала одна. А ну напади все шестьдесят! Шо делал бы? Га?

А в Москву я все же повез петуха.

1 сентября 1992

ОТДОХНУЛ И ПОГРЕБ ВЫРЫЛ, ИЛИ ДАТЬ СПАСИБО!

Вскоре после окончания средней школы я начал работать журналистом, и весь оставшийся кусок жизни припало мне куковать вдалеке от своих.

А кто не давал прикопаться возле наших?

В Евдакове, куда мы переехали из Насакирале, выходила газетешка «Путь к победе». В народе ее называли «Путь к горшку» или «Вокруг двора». А то еще короче: «Брехаловка».

Потом перебрались наши в Нижнедевицк. Была и там газетка «Ленинский завет». С издевкой навеличивали ее «Ветхий ленинский завет».

Тоскливые районушки не грели меня.

Мне нужен был размах!

И почти полжизни прокрутился я в столичных газетах и журналах.

На каждое лето я приезжал к маме, к братьям Григорию и Дмитрию в гости.

Поначалу ездил один.

Потом, женившись, стал ездить вместе с женой.

Но на этот раз Галинка осталась в Москве с маленьким Гришиком. Я приехал погостить один.

Я дома. В Нижнедевицке. У милой мамушки со старшим братиком Гришей.

Святые великие дни...

Я приехал уже под вечер.

Отоспался по полной программе.

А наутро началось мое гостеванье.

Гостеванье — это ломовая работа.

Мама, брат уже при солидных годах. Прибаливают. Кто же им поможет, если не я, в ком силешки еще играют?

Выкопать картошку, нарубить на всю зиму дров, заготовить угля, под зиму вскопать у дома огородишко, починить погреб — это все набегало сделать мне за время отдыха.

Не зря мама, провожая меня до автобуса, часто повинно говорила:

— Извини нас, шо столько пало тебе работы. Отдыха и не побачив. У нас отдохнул — и погреб вырыл!.. Тяжкий у нас отдых...

Я переоделся в старую одежду брата и стал рушить ветхий сарайчик. Порубил на дрова.

Вечер собрал всех за ужином.

— Гриша, — заговорила мама, — а якый сегодня дэнь? Я все дни растеряла.

— Четверг.

Минуты через две мама обращается уже ко мне:

— Толька! Якый седни дэнь? Я все дни растеряла.

— Вам же Гриша сказал.

— А у тебя уже и нельзя спросить? А вдруг Гриша ошибся. — И закашлялась. — Во! Шо цэ я ослабилась кашлем? Нигде не выходила... Не обидно, если б за порог куда вышла. А то сидючи в хате...

Мама ест яблоко и жалуется:

— Я яблоко не кусаю, а скребу... Биззуба... Еле доскребла...

— Да оставьте в покое Вы то яблоко! — Гриша подает ей чашку молока. — Вот Вам монька.

Мама замахала на него обеими руками:

— Ну ты зачем накачал повну чашку? Я и так уже почти намолотилась.

— С одного яблочка?.. Ешьте! Поправляйтесь!

— А я шо делаю? Тилько и ем... Да лежу... Вы, хлопцы, в работе. А

я лежу да лежу... Ниче не делаю, как коровя. Палкой меня надо гнать с койки в работу!

— Вы, ма, свое отработали, — на вздохе сказал Гриша. — Восемьдесят пять лет не восемьдесят пять реп! С помоями за дорогу не плеснешь!

— Подумаешь... Аж страх осыпае... А я смелая бабка. Добежала до таких годов и не скапустилась!

— Ешьте побольше и пробежите еще столь! — хохотнул Гриша. — Счастливого пути! — смеясь, он машет маме ручкой. — И на дорожку примите чашечку молочка.

Он поближе пододвинул к ней чашку с молоком.

— Молочко, Гриша, у меня не пропадэ... Тилько... Шо ж мы с тобой делаем? Я в хвори лежу. Ты посла операции... Слабкий щэ на ход... И тебя года бьют. Шесть десятков без году — это, сыно, вжэ багато.

— Видите, я богатый. Так и Вы ж не бедные! Не горюйте. Все образуется.

— К тому надо бежать...

Мама берет крупный помидор.

Смотрит на соль в банке.

— Соль, як ледянка... Гарни помидоры у нас уродились... Пряма сахарем усыпаны. Таки сладкие... Толька! А почему у вас хлеб?

— Я Вам уже десять раз говорил!

— Так то тилько десять... Ты не обижайся. Я трохи умниша була, як помолодче була... Так почему?

— Шестьсот рублей буханка. В два раза дороже, чем у Вас.

— Ка-ак цены возлетели! Когда-то буханка шла за шестнадцать копейшек. Перевернулось все кверху кармашками...

— Поделали, — Гриша наступил мне на ногу с легкой подкруткой, — поделали хватократы-демократы из нас клоунов. С сентября снова повышение цен!

Гриша вздыхает на улыбке.

— Ма! А Тольке надо дать спасибо! Сегодня сарайчик у дома сломал. Нарубил машину дров. Я только в ведре носил на погреб. На ползимы мы уже с дровушками! Так дадим спасибо?

— Та или мы жадни?! Дамо! Тилько... Одного спасибо малувано...

Мама надвое разрезает помидор.

Одну половинку посыпает крупной солью. Подает мне:

— На тоби, Толенька, помидора за хорошую работу.

25 августа 1994. Четверг

КАТИЛА МЫШКА БОЧКУ

Вечер.

Культурно отдыхаем перед телевизором.

Гриша полулежит в кресле. Голова на спинке. Торжественно храпит.

И по временам, оглядываясь спросонку, мужественно строит вид, что смотрит телевизор.

Я лежу на койке.

Пытаюсь всмотреться и вслушаться.

Но как ни всматривайся, кроме нервно дергающихся белых полос, ничего другого. Как ни вслушивайся, кроме дикого храпа, ничего иного благородного не доносится до ушей.

Это не смотрины.

Это муки.

Принимаю я эти телемуки стоически.

Хочется посмотреть. Все-таки про Зоценко. Сегодня ему стукнуло б сто.

Вдруг из-за иконки по верху угла серванта, проворно стуча хвостиком, как музыкальной палочкой, по святым объектам — четыре трехлитровые банки со святой водой, мамино богатство, восемь поллитровок с русской (Гришины завоевания рынка) — вдруг сквозь этот святой строй со звоном пробегает мышь и грациозно пикирует на спинку дивана, на котором я имею честь спать.

Придиванилась, деловито понюхала воздух и весело побежала по гребню долгой диванной спинки, как полуголенькая нежно-розовая гимнасточка по бревну.

Я в изумлении чего-то вякнул. Разбудил Григория.

Он не обиделся.

Напротив.

Бегущая мышка глянулась и ему.

И мы стали смотреть, что она нам покажет.

Но она ничего не показывала.

Знай себе бежала и бежала, бежала и бежала к телевизору.

Похоже, ей самой хотелось приобщиться к культуре, посмотреть чего-нибудь интересенького да свеженького.

Наши дурацкие морды, видать, ей не нравились.

С серванта она прыгнула на тумбочку с телевизором.

Я думал, она остановится перед экраном и станет смотреть.

А она обежала телевизор по краю тумбочки и пристыла.

Эта титька тараканья будет смотреть телевизор сзади?

Ну да!

Как мы в детстве. На халяву набившись в совхозный клуб, скорей летели на сцену и рассаживались на полу с обратной стороны экрана. Смотреть так фильмы было куда вкусней.

Забежала мышка за телевизор.

На том мы с нею и расстались.

Да не навек.

Среди ночи и я, и Гриша проснулись.

Мышь что-то дико катила. Гром стоял адовый.

— Что она там, сучонка в ермолке, катит?! — зло, сквозь зубы поинтересовался Григорий.

— Может, бочку на тебя? — выразил я предположение и костью пальца постучал в пол.

Но мышь не унялась. Еще обстоятельней покатила к норке под икону, в святой угол, свою звончатую добычу.

Жаль, что лень не пускала нас из-под одеял.

Но всему приходит конец. И мышиным фокусам. Может, она унесла свою находку? На том и успокоилась?

Утром я нашел у норки греческий орех, больше известный в народе как грецкий. Из самой Греции прикатила? Мышка разбежалась впахнуть его в норку. Но он был крупней норки и не проходил. Тот-то она старалась, как сто китайцев. Всю ночь гремела.

— Все-таки хорошо, что орех не пролез в норку, — сказал Гриша. —

И наше благосостояние не пострадало. А наоборот. Приросло! Где мышшка добыла этот орех? У нас же вроде не было орехов? Не было, так стало!

И Гриша торжественно раздавил орех. Съел.

— Вот я и позавтракал! — доложил он. — Сыт на весь день. Спасибо мышке!

— Чем выносить мышке благодарности, лучше боролся бы с этой нечистью. Почему не борешься?

— Борюсь. С санэпидстанции дали семечек...

— И ты их сам поклевал?

— Да нет. Поделился по-братски с мышками. Что интересно, посыпал — еще сильнее стали бегать!

— Семечки еще остались? Или сам доклевал?

— Да есть еще. Могу и тебе дать.

Я посыпал у самой норки.

И новой ночью мы спали спокойно.

То ли мышшка упокоилась. То ли мы за день так наломались — я на картошке, Гриша в стирке, — что не слышали ее походов.

Я склоняюсь ко второму.

29 августа 1994. Понедельник

И ГАРБУЗА ХОЧЕТСЯ, И БАТЬКА ЖАЛКО

Рань.

Солнце еще не проснулось.

Чтобы не разбудить маму и болящего Григория, на цыпочках крадусь в переднюю комнатешку, где и кухня, и обеденный стол, и ведро с водой на табуретке, и умывальник, и чуть в глубине мама на койке за печкой.

Тихонько умываюсь над ведром.

— Ну шо, сынок, подъем?

— Отбой. Чего вскакивать спозарани?

— Как спалось на новом месте?

— Да как... Обычно. Закрыв глаза и спал.

На электроплитке — она на обеденном столе — разогреваю вчерашний суп, вчерашнюю жареную картошку.

Мама пристально смотрит из-под одеяла, как я быстро ем, смотрит, смотрит, и слезы задрожали на глазах.

— Вы чего, ма?

— Ну это видано? Приехав у гости, а набежало одному убирать картохи... Одному в поле на лопате качаться... Вся работа на твои руки пала. А мы сидимо, як кольчужки. Я, як коровя, ниче не роблю. И Гриша по-сле операции никак не очухается... От горе насунулось...

В целлофановый пакет я кидая кусок сыра, краюху хлеба, два яйца, с десятком слив, только что подобрал в палисадничке под окном, три белых налива в черных пятнах.

Полевой княжев обед!

Сборы кончены.

Мешки под прищепкой на багажнике. Можно и в путь.

— Ну, сынок-золотко, подай Бог тоби счастья, здоровья! — сквозь слезы твердит мама каждое утро одну и ту же приговорку, когда я уезжаю в поле.

Глядь — я в домашних синих Гришиных тапочках.

— Лучше дайте калоши!

Я переобулся, прыг на велосипед и покатил.
Десять соток нашей картошки далеко в поле. Под самым Першином.
Туда километра четыре и дорога все чаще в горку.
С переменным успехом я то еду, то веду сам педальный мерседес.
Гришин костотряс «Урал» какой-то с припеком. Тяжел в ходу. И все время тянет куда-то в сторону. Еле удержишь. Что за дикость?
В первый день я убрал двенадцать рядков.
На второй чуть больше.
Я слегка загрустил.
Да если я буду убирать такими стахановскими темпами, я и в декаду не вотрюсь!
Завтра ты кладешь на лопатки пятьдесят рядков!
Старый метод копки кидай на свалку истории!
То я как убирал?
Сунул лопатку под корень. Перевернул. Лопату в сторону, выбираю интеллигентно. Не спеша, обстоятельно.
Теперь я отвожу намеченный фронт работ.
Пятьдесят рядков!
Отсек себе танцплощадку и скачи на радостях. Выкопай сразу все пятьдесят. Только потом начинай выбирать. Пока не уберешь, ни шагу к дому! Хоть до полуночи пляши на карачках!
Сначала я выкапываю с краю первые гнезда в каждом из пятидесяти рядков...
Завидно смотреть по сторонам.
Люди убирают под соху. Лошадка выпала, осталось подобрать.
И подбирают не по одному, а целыми ордами!
В полдня картошка перебралась из земли на машину и гордой княжной отбыла отдыхать на курорт. В прохладный сухой погреб.
И опустели соседние делянки.
А ты один катайся, катайся на лопате...
Солнце какое-то очумело злое.
Варишься в поту. Усталость переламывает тебя надвое. А кататься не бросаешь и на минуту. Край понравилось дураку лбом орехи щелкать.
Ворочать одному рядок за рядком тоскливо и медленно. Нельзя ли побыстрее? А что если пойти и выкопать сорок девятый? Ведь на целый рядок останется меньше!
Или чего не вскопать поперек последний рядок? Тогда в каждом рядке меньше останется гнезд, всего по семнадцать. А было по восемнадцать. Все-таки семнадцать меньше восемнадцати. Это в аккурат подтверждается долгими выверенными подсчетами...
В конце концов, как ни хитрил, а всю сегодняшнюю танцплощадку я перевернул вверх корнем.
Бело поблескивает на солнцепеке картофельная братия.
Я и не ожидал от себя такой прыти. Выкопал экую махину и не спустил гордый дух.
Раз живой, покувыркаемся дальше.
Поест жалю давно. Но я все еще не ел.
Заработай!
Как выкопаю намеченное, так и поем.
Заодно первый разок и отдохну.
Как ни трудно, доскребся-таки до поедухи.

Раскинул фуфайку по траве на краю рва, опустошил пакет и сверх того минуты три полежал в роскоши, раскидав по сторонам беззаботные руки-ноги.

Гулять так гулять!

То с колен, то сидя подобрал последнюю картошку уже в молодых сумерках.

Набежало шесть мешков.

Как же я их уволоку? Пускай и на пару с велосипедом?

А велик у меня с норовом.

Любит, чтоб ему кланялись. Чтоб перед ним приседали.

— Видишь, — толкую велосипеду, — чтоб тебе легче было, три мешка я спрячу в бурьян. Все равно ты больше не увезешь?

Он молчит.

Я затащил три мешка в заросли за межей.

Рядом с нами дали полоску одному. Поганых глаз он сюда и разу не показал. Выросло черт те что выше моей лысины.

Я зажал велосипедов хвост коленками, лажусь вспереть беременный чувал на багажник.

Велосипед нервно дернулся от меня и завалился.

— Хамлюга ты приличный! День же деньской спал на солнышке! И опять на боковую?! Домой поедем или тут заночуем?

Молчит.

Я подпихнул палку ему под сиденье.

Стоит как миленький. Не брыкается.

Покидал я мешки, и он тяжело повез.

Со зла позеленел, кряхтит.

Но везет под мудрым моим руководством.

Я бреду-упираюсь рядом, трудно держу норовистого за рога.

Дорога полилась с горки.

Я изловчился, сел между мешками.

Он сердито потащил.

Даже ветерок мимо ушей просыпал.

Я на тормоза.

Щелчок.

Или я солидола слишком напихал?

Я снова на тормоза.

И опять щелчок.

А он тащит все наглей.

Ну, епера!

Что было силы, сжал твердо руль, нажал ногой на бок передней шины. Не знаю, как и остановил.

— Бандюга с черной дороги! Что у тебя с тормозами-мозгами? Убить же мог! Больше я на тебя не сяду!

Он скрипнул: «Большой печали не будет».

Бредем потихоньку напару. Смирно молчим.

Надоели друг дружке.

Как вдруг новая напасть. Свалился верхний мешок.

Один на раме, два на багажнике.

Верхний и рухни бугром наземь.

— Или ты спятил? — дергаю за хохолок чувал. — Кто подсадит тебя на верхотуру? Лежал бы себе и лежал. Так нет, край ему валиться!

Стою посреди угрюмой ночной степи и ума себе не дам.

Ну как я его взопру? Одной рукой держу велосипед. Другой пробую поднять мешок.

Слабо.

Рука болит в локте, силы никакой. И такое чувство, будто она у меня вот-вот отвалится. До того налило усталости.

Кто бы помог?

Нигде ни души.

Только в низине-яме какие-то покорные, смиренные нижедевицкие огни.

Невероятным усилием я все-таки всталил мешок одной больной рукой. И медленней черепахи пополз по ночи дальше.

Больше всего я боялся уронить мешок снова.

Ненароком подобралась компания. За велосипедом смотри, за мешками смотри.

Эти друзья готовы в любую минуту свалиться и заночевать в степной канаве.

Ночевка в канаве им не улыбается, и велосипед норовит удрать от тебя. С горки тянет слоном. Не удержать. В гору же упирается опять, как слон.

Еле-еле пихаю.

И до того я с этой компанией наломался, что дома, когда я подкатил к калитке, я хотел прислонить велосипед к загородке, но не рассчитал, мешки вместе с велосипедом повалились набок. Усталость приварила руки к рулю, я не смог быстро разжать пальцы и рухнул вместе со всей этой артелью.

Гриша с мамой сидели за каштаном на лавке под окном веранды и все видели.

Гриша трудно подошел и жалко, по-старчески помог мне подняться.

— Проклятуха картошка! — буркнул он. — И бросить жалко. Столько трудов вбурхали! Не знаешь, почему будет на базаре. А то б дешевле прикупить. И жалко на твои муки смотреть... А помочь я тебе не могу... Чувствую, слабый на ход. Впервые в жизни не могу я свою картошку сам убирать... — И бессильно хохотнул: — И гарбуза хочется, и батяка жалко.

— Что за притча?

— Это мама рассказывала...

Мы стали вместе перетаскивать мешки в сарай.

— Прижимистый батяня купил маленький арбуз. И режет за столом. Это матери. Это старшей донечке. Это младшенькой... Это... По кругу была очередь отца. Но кусок был последний. А рядом с отцом сидел еще единственный сын. И отец со вздохом отдал свою долю сыну. И тут сын горько заплакал. «Ты чего плачешь?» — спрашивает мать. — «И как же мне, маме, не плакать? И гарбуза хочется, и батяка жалко...»

За вечерей Гриша поторапливал маму:

— Работайте, ма! Работайте! Чего ложку положили?

— Та я вжэ картохи не хочу. Я яблоко... Поскребу трошки...

— Ну, скребите, скребите, — разрешает Гриша. — А ты, — поворачивается он ко мне, — что накопал, то и привез?

— Да, — соврал я.

— Если когда придется оставлять там в бурьяне, то не оставляй в мешках. Россыпью оставляй. Вдруг кто нечаянно набредет... Не унесет... Ну, в карман напихает... Не беда.

Совет выслушать не возбраняется.

Но поступай по-своему.

— Да кто там набредет? Ночь. Разве что космонавты из ракеты увидят? Ну станут ли они размениваться на твой мешок?

— Люди в степи не постесняются... — уклончиво хохотнул он. — Я тебе не писал... Если б ты знал, что я после операции не смогу убрать картошку, ты б не сунулся в эту каторгу?

— Напротив. Обязательно б приехал! Сколько живу отдельно от вас, каждое лето приезжал навещать. А тут приехал бы на больший срок, чтоб все поделаться по дому.

Он хмыкнул и замолк.

Слышно лишь было, как на электроплитке закипал чайник.

— Это тебе для мини-сандуновской бани! — показал Гриша на чайник.

Мы выпроводили маму посидеть под окном на лавочке перед сном. А я тем временем выкупался в корыте. Поливал себя изо рта.

На следующий день я одолел еще пятьдесят рядков.

— Все! Завтра не пойдешь на картошку, — объявил Гриша. — Получаешь льготу на отдых.

— Солнце. А я задери кособланки³⁸ и дрыхни? А ну послезавтра дождя ударит? Дожму картошку. А там на отдых посмотрим.

Тут я включаю «Новости» и слышу: завтра в Черноземье дождь.

Во мне все заныло.

Три мешка в бурьяне и выкопанную, но не собранную картошку на двадцати рядках будет купать дождюха? И так в этом году картошка плохая. Спасибо Гришиному другу Валере Котлярову. Божьей милостью дружан прополол, когда Гриша лежал в Воронеже. И эти остатки кинуть? А ну дождища разбежится полоскать до двенадцатого сентября, когда я должен уже ехать? Билет-то на руках...

Ночью мне приснилось, как рекой лило с крыши.

Проснулся я в половине седьмого.

Дорога под окном сухо стекленела.

Я обрадовался.

На пальчиках выкрался из дома. Никто не проснулся.

Я на велик и в поле.

Надо мной брюхато провисало облако.

Вдали стоял то ли тугой туман, то ли уже шел дождь.

В Першине не было ни дымка. Иной колхозничек, этот горький черный коммунар, проснется о-го-го когда и долго будет очумело метаться из калитки в калитку, ища, где бы на халаву врезаться в жесточкий опохмелон. С семнадцатого года никак не опохмелится. Где уж тут до работы?

Что смогут, уберут с полей горожане и школьники-студенты с горячим участием военных. А на тоскливый хлеб ему дуриком отвалит кремлевский дядя буляляка.

³⁸ К о с о б л а н к и — кривые ноги.

Сбросил я с одного мешка траву. Из дырки в мешке выскочила мышь.
Нашла где теплую хатку!

В восемь я был уже дома с родной картошкой.

Говорю своим:

— Я дверь оставил незапертой. Вас тут не покрали? Все в полном составе?

— В полном! — в присмешке подтверждает Гриша.

Быстро позавтракав, я снова дунул в поле.

Осталось собрать с двадцати рядков. Да выкопать еще со ста пятидесяти пяти. Раз плюнуть!

Выкопал рядков десять — сломалась лопата!

Даже железо не вынесло моего энтузиазма!

Поскакал я на пару с велосипедом по ближним полянкам. Ни у кого нет запасной лопаты. Пожимают лишь плечиками:

— Мы под лошадку убираем!

Подобрал я выкопанную картошку и домой.

Хоть тормоза и не держат, но если тормозить остороженько, нерезко, то ехать можно. До первой аварии.

На спуске имени Бучнева — это невропатолог районной поликлиники, вымахал домину в два этажа у речонки Девицы, — тормоза мне твердо отказали.

А навстречу грузовики, сзади кучка легковиков.

Народу везде битком...

И с половины спуска я чудом сумел вырулить перед носом у КАМАЗа в отбегавший в сторону от дороги затравяненный проулок и поэтому, наверное, могу сейчас все это писать.

Докопал я остаточки.

Глянул окрест.

Мне стало грустно.

По чем я грустил? По черному полю, которое больше не увижу? По километровому колхозному стогу соломы, который гнил по тот бок рва и в прошлом году, и в позапрошлом?

Я поболтался по рву, нарвал в синюю сумку шиповника.

Возьму в Москву сыновца отпаивать.

Привез я последние три мешка.

Мама с Гришей в грусти сидели на лавочке под окном.

— Ну, сынок, — повинно проронила мама, — большое тебе спасибо! Вырыть картошку — это языком легко. А руками надо землю ворочать. Картоха там чиста, как орехи! Дай Бог тебе счастья, здоровья... Картошка — все богатство наше. Спасибо, сынок-розочка...

— У-у-у! — хохотнул в довольстве Гриша. — По части спасибо мы не жадниги. Сломал ты птичий сарайчик — спасибо! Нарубил дров на всю зиму — спасибо! Выкопал, выхватил из земли картошку — спасибушко! Вишь, сколько спасибов надавали? Вагон и большую тележку! Мы этими спасибами тебе шею уже перетерли! А если по большому счету, с тебя, браток, магарыч. Если ты убрал нам нашу картошку, то, думаешь, мы платим? Не-е... Платишь ты! По Москве безработица. А мы тебе — работеху до поту! Мы тебе такую возможность подали! Такую неслыханную заботу отвалили о твоём дорогом здоровьишке! Ты приехал бледный, слабый. А на нашем огороде, на нашем свежайшем воздухе какую мус-

кулатуру наел! — Он ударил ребром ладони по верху моей руки. — Гири накачал! В лице проявилась краска. Лопата кровь разогнала. Здоровье налицо! И все добыто нашими стараниями. Ну разве грех за это нам дернуть с тебя магарыч?

31 августа 1994. Среда

ЖЕНЮСЬ!

— Всякое дыхание любит пихание. Ты согласен?

— Еще как согласен! А потому к зиме женюсь стопудово!³⁹ — мрачно пригрозил мне Григорий.

— В который раз обещаешь? И все равно в твои годы надо поосторожней делать безответственные заявления.

— А какие мои годы? Ну какие?

— Через полгода шестьдесят. Не семнадцать.

— Вот именно! В семнадцать не грех и подумать. А в шестьдесят на раздумье — ноль!

— Да к чему такая спешка? Сорок лет колебался!

— А куда было в молодости торопиться? Все ж впереди! Вон дедушка Сережа Михалков женился в восемьдесят три. Но теперь он не мой ориентир. Женился же он во второй разок. Годы подпихивают. Надо мне погонять лошадушек. И сейчас моя компания мужички нераспакованные, кто и разу не забегал в брак ни с одной паранджой. И тут я выпередил всех. Холостым я уже пережил самых знаменитых женихов. Поэт Жуковский пал как жених в пятьдесят восемь. Что интересно, почти на два года я иду с опережением!

Он взял мамину палку под окном и, расклячив ноги, пошел стариком. Вылитый какой-нибудь святой Зосима.

— Ну как? Дедулио без фальши? — смеется Григорий.

— Без.

— Тот-то. Срочно нужна тетка!

Так его пятидесятичетырехлетний друган Валерка Котляров, который тоже все никак не женится, называет свою будущую жену. Тетка — и никак больше. Не жена, а именно вот тетка. Вроде нянечка. Не чужая. А своя. Родного замесу.

— Тетку срочно надо аж пищит!

— За сорок лет никак не мог решиться?

— А все разбежался...

— Ну теперь разбежался?

— Разбежа-ался. Эти гады с квартирой в спину толкнули. То тридцать лет прел с мамой в этом аварийном сарае-засыпушке, — тоскливо обвел он взглядом комнатуху. — Со старой матерью в одной клетухе... Куда вести жену? Или... С милым рай и в шалаше, а в подвале — и вообще! Или мы звери какие? Тридцать лет мариновали с квартирой. Гноили. А тут и бухни. Новосельевские ключики перед носом зазвенели! То не было приличной хатенки и ладно. А тут... Осталось вокняжиться в эти свои господские хоромы... Газ, вода, ванна! Полную ванну напустил. Нежишь-ся...

— На какую впопыхах нарвешься.

— А ну тегушка задурит?

³⁹ Стопудово — обязательно.

— Так я, — хохотнул Гриша, — эту щеколду разика два в полную окуну ваннушку и кончен балок.

— Закупалась! Сама!

— Именно-с! Только сразу не буду окунать. Пускай спервони потом-ка мне родит. Новую ж хижину кому я оставляю? Коммунякам? Хренушки! А все в квартире? Под Три Тополя, — глянул в окно в сторону кладбища под тополями, — не понесут со мной. Как ни проси. Всю жизнь копил и?..

Действительно, дом похож на склад. Всюду продираешься боком. Вещей битком в углах, на столе, в шкафу... Нераспакованными стоят цветной большой телевизор, оверлок, пылесос, магнитофон...

— Ну кому все это?! Только потомку! И брать буду, как Витяня Предурь. Холостовал этот крученый козлина безбожно долго. Один и шепни ему: «Чего баклуши сбиваешь? В Першине какая невеста-закром на корню сохнет-увядает?! Свиномамка на сто двадцать кило! Преполный погреб картошки! У самой повна пазуха цыцек!!!» Витоша и закрутится. «Ну-ка, ну-ка, что за штука?!» — щелкнул Витяй пальцами и рысцой жиманул в Першино. Пешком по рельсам! Надеючись, жеребчик и в дровни лягает! Все своими глазами увидел и женился. Забрал свиномамку на все сто двадцать кило. Ни грамма не оставил! Забрал весь погреб. Ничего не оставил! Все угреб! Даже блох ее. Ну, толкую ему, блохи уж и сверх всего. Так нет, говорит, у нее и блохи особенные. Прыгают, как балерины! Чего добру пропадать? Забираю! Заведу у себя в Гусевке маленький филиал Большого театра. И пускай прыгают. Пускай изображают маленьких лебедей! Мы за большими не гонимся. Мы и на маленьких в полной согласности... Вот и я... Созрел в шестьдесят... Созрело яблочко наливчатое... Само упало. Как хороший бухач. Ведь... Надо полоть, а я в больнице. Спасибо, Валерка-Хлебороб хоть прополот. Хоть что-то ты убрал. В этом году у меня недород на картошку. Возьму такую тетушку, у которой уродило картошку. У меня недород — там перерод. За тетушкой доберу!

— Потомка будешь сам замешивать или позовешь дядю соседа? Здоровье-то как?

Он кисло отмахнулся.

— А! Как у той кумы. То хлеб не ела, а то и воду перестала пить... Но это я так. По утрам хохотунчик еще вскакивает! Ты не смотри, что шестьдесят. А простуды не отпускают. На зорьке циклоп одеялку шатром вскидывает, простуда с боков и налетает... Покуда буду простужаться, до той точки я и мужик. А перестану простужаться — нету мужика живого! Повелю тащить под Три Тополя.

— Ну-ну. Легче стало дедушке. Неслышно стал дышать.

— Тот-то и хорошо. Легкие отличные, значит. Про меня еще долго не скажешь: то хлеб не ел, а то и воду перестал пить. Не воду! Водочку еще попиваю! Да как?!

— Молодцом! — кивнул я.

— Молодец на конюшне стоит. А я за столом ем и пью! Ам и пью! Ам и пью!! Бедная печень рассыпается на атомы! Ах, подать бы сюда тетушку да потолще. Я б ей показал, где раки ночью кукуют. Надо по глухим деревушкам заслать гонцов. Там и откопаешь тетку подурей. И чтоб погреб полный. У меня неурод — там перерод! А то нижедевицкие о-очень вумные. Как замаячил на горизонте ордерок на новую хатку, шлепоток везде кругом побежал с уха на ухо. Шу-шу да шу-шу. Ну, мне от этого ни жары, ни прохлады. На каждый роток не испечешь блинок. Одна бабай-

ка и подкати коляски: «Бяри мяне у нову фатиру». — «В качестве?» — «Женки, навернушко...» — «Так кто, — спрашиваю, — тебе нужен? Я или новое дупло мое?» — «Кунешно, обоюшки. Весь кон!» — «Я погляжу, так у тебя в головке прям богатейший склад ума. Только вот почему этот склад никто не охраняет? А?.. Ну, отдохни, птичка-рыбка моя. Посиди еще». Ведь чую, никак я ей не нужен.

— Пляшет на примете хоть одна кривенькая, да помоложе?

— Я сам кривенький. Зачем мне еще какую-то корявую таскать?.. А жениться пора. Пора давно перепорила... Потомка бы мне. И точку можно бы ставить. Жирнуху!

2 сентября 1994. Тяпница. (Пятница)

МЕШОК-СПАСИТЕЛЬ

Утром я побежал на почту, телеграммой поздравил своего маленького Гришика с промежуточным днем рождения. Сегодня ему два года и четыре месяца.

Вернулся.

Переодеваюсь в старые братнины одежонки — пойду для своего маленького Гришика рвать шиповник, — Григорий-большой и скомандуй:

— Стоп! Рубаху не снимай. Померяй.

И достает из своего гардероба приличный костюм. Новенький. Бирочка торжественно болтается.

— Дарю. За картошку. Можешь загнать. Тысяч шестьдесят без звука отстегнут. Или носи.

— Спасибо, братушка. Носить буду. Выходной костюм. А то у меня единственный выходной костюмчик уже старенький. Тридцать лет с гачком таскаю. А этот будет мне до похорон. Может, в нем и схоронят...

— Ну, о похоронах рано. Спервачку поноси.

После завтрака я на велик и дунул по улочке напротив наших окон. В сторону Гусевки. Справа по руке печально желтели из-за бугра лишь чубы тополей с кладбища.

Еду тихонько себе и еду.

Заехал за газовую. Так тут называют газораздаточный пункт. Простор вокруг пункта все ровенький, выложен огромными бетонными плитами.

Я уже хотел сойти с велосипеда и дальше идти с ним рядышком, как вдруг что-то ширнуло меня в бок:

«Неужель струсил? Боишься съехать?»

А вот проверим!

И я, крутнув руль, на дурьих ветрах помчался вперед.

От газовой это была уже не улочка, а одни овражные страхи. По ложу пересохшего дождевого ручья петляла улочка по бугру, почти отвесно падающего вниз.

Надо стать!

Так я подумал, как только меня понесло.

Но я не стал.

А в следующий миг уже страшно было останавливаться на полном скаку. Земля была сухая, в комочках и на них велосипед не остановишь. Он будет скользить, как корова на льду.

И все же я нажал на тормоза.

Щелчок!

И велосипед летит еще звероватей!
Я снова на тормоза. И снова щелчок.
Гос-по-о-оди!..

Не знаю почему, но я панически заорал:

— Ма-а-а-а-а-а-а-а-а-а!..

Не знаю, зачем я кричал, но я кричал.

Я видел за штaketинами вытянутые лица и летел, как смерть.

Изо всех сил я держал руль. Боялся выронить. Улица почти отвесная, в дождь по ней хлещут дикошарые ручьи, сбиваясь в один, жестокий и чумовой. Глубокие вымоины изрезали уличку, и я боялся не удержать на них руль.

Была мысль умышленно упасть.

Но чего падать раньше сроку? Уж лучше пока подожду. Если само уронит, возражать не стану. Госпожа Судьба!

А судьба, как говорила мама, штука такая: покорно поклонись и пойдешь.

От поклона не переломиться.

Только после падения пойду ли я?

Может, врезаться в сетчатый забор?

Железобетонные колья, которые держали забор, тут же погасили во мне это желание.

А скорость все авральней...

До поворота метров сорок. Поворот крутой, на девяносто градусов. На такой скорости я в такой поворот не впишусь.

Лететь мне все равно по прямой!

А на прямой — солома!

Знали, где я упаду, и постелили загодя?

Но кто бы еще опустил эту солому на землю? Огромная копна соломы торчит-нависает над землей. На тракторной тележке. А мне надежно светит лишь передний борт тележки и продвинутая навстречу мне железная забабaha, за которую тянет тележку трактор.

Выдвинутая железяка или борт!

Третьего не дано.

А я тем временем все непрерывно ору и думаю, что же мне делать. Наконец, я вспомнил, что у меня есть ноги, есть переднее велосипедное колесо. Я вставил ногу между передним колесом и трубкой над ним.

Кажется, ход немного срезается.

Но, может, мне это только кажется?

Да нет. Не кажется!

Черт подо мной останавливается почти вкопано, и я валюсь через руль на бугорок в скользких черных земляных горошинах.

Я быстро вскакиваю и оглядываюсь.

Общества вокруг набежало препорядочно. До сбева.

Ждет картинки смертельной. А у меня ни царапинки.

— Тормоза отказали... — пробормотал я ротозиням.

Их лица постнеют. Черт ли нес на дырявый на мост? Так орать и никаковского убивства?! Тогда на кой хренаж было здря весь мир сгонять на улицу?

Я так и не понял, почему же остановился велосипед.

Я так сильно жал ногой на колесо, что оно не посмело дальше вертеться?

Вряд ли...

Пожалуй, меня спас мешок, в который я собирался рвать шиповник для своего сына.

Мешок был у меня под слабой прищепкой на багажнике.

На рытвинах он выбился из-под прищепки и намотался между колесом и багажной трубкой так туго, что колесо больше не могло крутиться?

Я еле выдернул мешок и в близких слезах благодарно прижался к нему щекой.

Заныло в спине. У меня всегда начинает ныть спина, когда сильно понервничаешь.

Значит, рано еще мне под Три Тополя.

Надо жить.

И носить братьев подарок.

4 сентября 1994

СПОКОЙНОЙ НОЧИ, ГРИША, ИЛИ СВИДАНИЯ ПО УТРАМ

Сквозь вишневую пыльную листву льется в приоткрытое окно за тюлевой белой занавеской первый свет.

Утро.

Рука сама тянется за изголовье к верху телевизора, где лежит газетный конвертик с карточкой сына.

Уголок одеяла я собираю в гармошку, приставляю к синему заборчику карточку.

Гриша стоит у меня на сердце и очень серьезно всматривается в меня из ромашек. Точь-в-точь так, как тогда, когда я снимал его в августе за Косином.

Впервые я привез его на велосипеде на бугор, где раньше рвал ромашку.

Я стоял перед ним на коленях и кричал:

— Гриша! Бомба!.. Бомба!.. Ну бомба же!..

Обычно, когда я произносил это слово, он смеялся.

Между прочим, на этом слове меня учила грамоте в первом классе мама, ходившая в школу всего месяца три. Она твердила:

— Бомба. Правильно будет бомба!

Я упрямо гнул свое. Как было в книжке:

— Бомба!

То, бывало, тихонечко скажешь *бомба*, и сын грохотал взакатки.

А тут...

Строгие глаза внимательны.

Он наклоняется. Припадает лицом к объективу.

И я в легком шоке.

Почему темно? Ничего не видно.

Не сломался ли мой полароид?

Я аппарат в сторону.

Полароид мой и не думал ломаться. Просто Гриша закрыл объектив лицом. Старался увидеть меня в глазок.

Я смотрел на него в глазок с одной стороны, он на меня — с противоположной.

Я переступаю на коленях назад.

Он неотступно следует за мной.

— Гриша! Стой на месте и улыбайся. Бомба! Бомба!! Бомба!!!

Он все равно не стоит на месте.

Я раком карачусь назад.

Он с удивлением тянется за мной и деловито наклоняется к фотоаппарату глажку.

Что ж там разынтересного увидел папка?!

Наконец, в изнеможении я дергаюсь верхом назад. Между нами сантиметров шестьдесят. В аппарате стих звоночек, не мигает красный свет.

Я нажимаю на кнопку. Будь что будет!

И выползает эта картинка в цвете. Крупное лицо. Срезан чуть сверху лоб... И цветы, цветы, цветы... Ромашки тесно обступили Гришу. Одна любопытная ромашка даже выглядывала у него из-под мышки. Кажется, ромашки тоже тянутся к аппарату. Им тоже интересно заглянуть в глазок...

Глаза у Гриши живые, ясные, умные.

Он молча всматривается в меня, я в него.

И дلتяся смотрины, может, с час. Может, и больше. До той самой поры, покуда, тихонько откинув шторину на дверном проеме, не входит *в гости* мама.

— Ну шо, хлопцы, подъем? Спали весело, встали — рассвело?

— Так точно! — готовно откликается Григорий. — Входите, ма. Большой гостей будете.

— Толенька, как на диване спалось?

— Без происшествий.

Увидела на карточке Гришу, потеплела лицом:

— О! Який сыняка!

Все. Свидание с сыном кончено.

Я кладу карточку в газетный конверт и на телевизор.

И так каждое утро.

А в прошлом году со мной приезжала сюда другая карточка. «Прогулка с папиным пальчиком». Черно-белая. В рост. Я вел Гришику по березовому лесу. Меня на фото не видно. Лишь моя рука уцелела. Одна рука Гриши держится за мой указательный палец. На другой руке Гриша сжал пальчик крючочком. А почему за мой пальчик никто не держится?

За день еще не раз присядешь на диван с карточкой...

А вечером...

Во всякий нижедевицкий вечер я смотрю «Спокойной ночи, малыши».

Сегодня у этой передачи день рождения.

Ей тридцать лет.

У меня такое чувство, будто смотрю я эту передачу вместе с Гришей. Я чувствую его рядом. Будто мы сидим в Москве на нашем диване и смотрим по цветному телевизору «Сони». Стоит он у нас высоко на шкафу.

Смотрит Гриша цепко. Не дохнет. А ближе к концу передачи глаза у него наливаются горячими слезами. Передача еще не кончится, а он уже плачет навзрыд.

Мы с Галинкой сами чуть не ревим. Успокаиваем его.

А он плачет и плачет.

Жалко расставаться со Степашкой и Хрюшей?

Кто его знает...

И чтоб его не расстраивать, не стали мы больше включать эту передачу.

Подождем, как немного подвзрослеет.
Может, перестанет плакать?

Попрощались Степашка и Хрюша.
Спокойной ночи, Гришик. Спи, маленький, спи...

5 сентября 1994. Понедельник

БЕЗ ТЕБЯ

*И паутины тонкий волос
Блестит на праздной борозде.*

Федор Тютчев

Сегодня десятое сентября.

Мой день.

Уже перед тем как встать приснилась такая глупь.

Я проснулся (во сне) и лап, лап рядом по дивану. Разбежался разговеться! А веселушки-то моей нет!

Лежу жду.

Жду-пожду. А ее нет как нет.

И пошел я ее искать.

Нашел.

Переходим вброд речку. Я по пояс голый.

А вода в речке чистая-чистая.

Заходим в какой-то дом. Чего-то набрали. Идем. Заходим в лифт. И тут жена пропадает. И я спускаюсь со старушкой уже, похожей на нашу почтальоншу Марью Ивановну Жукову.

Выходим из лифта — нас поджидает моя женка.

Только я хотел ей что-то сказать, она снова пропала.

Как на человека спрос — так он сразу пропадает!

Цену набивает?

Тут я во зле и проснулся.

И в следующий миг не забыл слегка обрадоваться, что жена у меня только во сне пропадает.

Вошла мама.

— Ма! А когда я родился? Утром? Вечером? Ночью?

Мама обиделась:

— И все ото я должна помнить?

Она не помнила ни дня, ни года моего рождения.

— Ма, а когда я маленький был, Вы мне игрушки покупали?

Мама махнула на меня рукой как на двинутого.

— Какие там игрушки?.. Из твоих игрушек я помню только три. Кирпичина, ржавый обод с выброшенной кадучки и тунговая коляска. Кирпичина была тебе машиною. С кирпичиной ты один носился по куче песка на пятом районе и выл. Так тяжело ехала машина. С ржавым ободом летал по дорогам, подталкивал ладошкой. А коляска... Сначала я сама тебе ее делала. На маленькую палочку насаживаешь посередке маленькое, с голубинное яйцо, тунговое яблочко. По бокам от этого яблочка сажаешь крупные тунговые яблоки. Это колеса. В маленькое яблочко втыкаешь палку. Коляска готова! И с воем мотался ты с той коляской как

заводной... Вот и все игрушки... Ничего покупного... Нам года какие достались? Хлеба по кусочку давали. Тонесенькому, як листик. Все прожито, все забыто... И вспоминать престрашно...

На велосипеде с карточкой сына я утащился мимо кладбища на бугор.

Было солнечно.

Я один. Со мной лишь неунывающий весельчак ветер.

Горизонт, который я объехал в поисках шиповника для сына, лежал подковкой.

Чернели убранные поля...

Какие-то пронзительные дали...

Молча смотрел я вокруг, и все виденное лилось в стих про маленького Гришу.

БЕЗ ТЕБЯ

Почернели грустные поля.

В печали дали синие.

Пало лето. Не поднять

Восторга в смехе трав.

Ветры рвут тепло,

И замывается оно дождями.

До весны, сыновец, далеко,

А зима уж целится снежками.

Я на маминой территории.

За сарайчиком.

В огородчике.

Мама любит здесь побыть в одиночестве.

Она и сейчас сидит на перевернутом ржавом жбане, покрытом какой-то дерюжкой. Греется последним теплом.

Я подсаживаюсь к ней.

— Запасаюсь теплом на зиму, — грустно улыбается мама. — Сентябрь — дверь в дожди, в холода... Ветер разом колыхнет... Аж жарко! То холодно, то жарко... Бачишь, як ворон против ветра кричит? Край! Край! Край! Край тепла! Дождь будэ... Волосья у меня свалялось, як валенок. Надо сегодня помыть голову...

Гриша идет на низ. Там центр села. Магазины.

Он крикнул:

— Ма! Бегу в лавку сорить деньгами. Чего брать?

— Бери побольше та подешевше! — смеется мама.

Мама долго молчит. Потом тихо роняет:

— Як хорошо, шо ты прихав... Хоть надывлюсь на тэбе. А вот уедешь... Ну, когда Гриша в доме, ще ничо... А як уйдэ на завод, одной сидеть скушно. И стены, Толенька, боляче кусаются...

— Ма... А мне сегодня пятьдесят шесть. Что бы Вы мне пожелали?

— Та шо ж я тебе, сынок-золотко, пожелаю? Ты Грише скажи. Он при грамоте. Лучше шо придумае пожелать.

— Да не Гриша мне нужен. Вы! Я хочу, чтоб Вы сказали...

— Ну шо?.. Я всё забула, як барашка... Кибитка, — стучит себя ног-

тем по виску, — не варит. Тилько отбивает фокус... Ну... Счастья... Здоровья... Здоровье — это наше все! А без здоровья все — ничто. И дай Бог тебе жить туда надальше.

Ни торжественной ружейной пальбы по случаю моего 56-летия, ни стрельбы из бутылок с шампанским, ни глухого перепоя, ни просто примитивного буревестника⁴⁰. Ничего...

Никто из наших и не заикнулся про мой день.

И я ни на кого не в обиде.

У нас просто не принято отмечать чьи-то дни рождения.

И тянется это издалека.

Растет из вечной нищеты...

10 сентября 1994. Суббота

А через день я уезжал из Нижнедевицка.

Провожали меня до автобуса и мама, и Гриша.

Мама плакала, винилась, что у меня не отпуск получился, а каторга:
— Отдохнул — и погреб вырыл! Разве цэ отдых?

— И погреб, мам, надо рыть, если есть в том нужда. На своих работа не барщина... А отдохнуть еще успеется. Вот подбежит новое лето. Приеду отдохну.

И не знал я тогда, что говорил с мамой в последний раз.

Она умерла через полгода.

А спустя еще полтора года умер, так и не женившись, Гриша, мой милый братик...

Могилки мамы и Гриши в одной оградке, рядом, с березкой в изножье.

□ □

⁴⁰ Б у р е в е с т н и к — выпивка.

Евгений Григорьевич Новичихин родился в 1939 году в селе Верхнее Турово Нижнедевицкого района Воронежской области. Окончил Воронежский лесотехнический институт. Автор более сотни сборников стихотворений для детей, сатирических миниатюр, литературных пародий, переводов, краеведческих этюдов, нескольких киносценариев. Лауреат премии им. М.А. Булгакова и А.П. Платонова. Заслуженный работник культуры РФ. Секретарь правления Союза писателей России, член Союза кинематографистов. Живет в Воронеже.

Евгений Новичихин

«ДЫШАТЬ С ТОБОЮ ВОЗДУХОМ ОДНИМ...»

* * *

Стократ своей судьбою пообтесанный,
Я словно спал, от всех себя тая.
И вдруг моей постылой, тусклой осени
Слегка коснулась молодость твоя.

В тот час вспорхнули надо мной ветрила,
Вдыхая жизнь, по-своему граня.
... Что ж, ты меня, по сути, породила —
Теперь ты вправе и убить меня...

* * *

Мне привиделось:
Любят меня.
Смысл мне чудился
В каждой улыбке.
Не поэтому ль
День ото дня
Совершал я
Такие ошибки!

Сбросил я
Этот тяжкий балласт,
Эти гибельно-грузные гири.
Почему ж
Тяжелее сейчас
Мне в моем —
Безошибочном —
Мире?

* * *

То, что влюбленный слеп,
совсем не вздор.

Я сам порой
Своим влюбленным взглядом
Не замечал, увы, того, что рядом,
И не смогу заметить до сих пор.

Зато я вижу прошлого следы,
За горизонт заглядываю смело.
А то, что рядом много ерунды, —
Мне ровным счетом
никакого дела...

МОЛИТВА

Господи,
Спаси и сохрани
В ясный час ее
И в час ненастья.
Дай ей сил
В нерадостные дни,
Мудростью отметь
В минуты счастья.

Господи,
Избавь ее от бед,
От людей недобрых,
От болезней.
Пусть уж лучше мой
Иссякнет след,
Сгинет в бездне...

* * *

Иные даже
Крошке хлеба рады,
Ну а другим
Весь мир необходим.
А мне для жизни
Лишь одно и надо —
Дышать с тобою
Воздухом одним...

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ

Последняя любовь...
Она — девятый вал,
Громящий все и ледящий душу,
Вздымающийся выше встречных скал,
Обломки извергающий на сушу.

Затмившая собой и Солнца лик,
Она своим движеньем всекрушащим
Сметает то, что было преходящим,
От прежних лет оставив жалкий блик.
Последняя любовь...

* * *

Отчаянье —
Советчик ненадежный,
Так подведет —
Вконец заглохнет стыд!
Ну да, кто любит,
Тот — вполне возможно —
Поймет тебя,
Ну, а поняв — простит.
Но как ты смел
Фальшивить с Ней,
 презренный!
Кто за язык тянул тебя, скажи?
Свой шаг
Считать ты можешь
Откровенным,
Но он не лучше
Откровенной лжи!

* * *

От себя не уйдешь,
Убежать не удастся — тем более.
Убегал я не раз —
Вкус побегов изведав сполна,
Но опять и опять
Возвращался к знакомой мне боли,
И любовь оставалась
Знакомая тоже — одна.

Был и мир безучастен
К тревогам моим, как и прежде,
Да и сам я все так же
Бежал по делам впопыхах.
Только стал убегать от себя
Я все реже и реже,
Только чаще и чаще
Тоска оседала в глазах...

* * *

Смешон и непонятен
 в мире этом,
Гляжу на жизнь сконфуженно слегка.
Я — как пришелец здесь
 с другой планеты,
Любить не разучившийся пока.

Весна с ее цветастыми
 нарядами
Не к нам с тобой —
 к другим была добра.
Нас осень осыпала листопадами
И грела у вечернего костра.

Но мы не станем
 звать неповторимое —
Все то, что обошло нас стороной.
Я и зимой шепну тебе:
 «Любимая...»
И ты в ответ
 прошепчешь мне:
 «Родной...»

Взыграл февраль
 своей метелью белую
Или опять
 ромашки на лугу, —
Последний вздох
 с тобою вместе —
 сделаю,
Но раньше
 или позже —
 не смогу...

Илья Иванович Кесслер родился в 1926 году в Воронеже. Участник Великой Отечественной войны. Окончил отделение русского языка и литературы историко-филологического факультета Куйбышевского государственного педагогического института. Прозаик, публицист, краевед. Автор книг «Подгоренский край. С древнейших времен до начала Первой мировой войны», «Свет угасших звезд», «Повесть о влюбленных», «Близкое сердце», «Выбор». Живет в Воронеже.

Илья Кесслер

КУЧУГУРОВСКАЯ ОСЕНЬ

Повесть

*На то она и первая любовь,
Чтобы ее никто не забывал...*

Из песни

Она появлялась в дверях своего одноэтажного дома на улице 9 Января всегда в половине восьмого утра. Я прижимался к стене соседнего дома и ждал. Потом до самой школы шел за ней в нескольких шагах, перепрыгивая через выбоины в тротуаре, пиная попадающиеся под ноги камешки, но вместе с тем не выпуская из поля зрения девочку, к которой колдовски влекло меня каждое утро. Я видел впереди ее прямую спину, аккуратно подстриженный затылок, длинные, обтянутые чулками ноги, белые парусиновые туфельки... Она шла легко и быстро, ветерок играл концами пионерского галстука, но мне казалось, что ее портфель слишком тяжел и хотелось крикнуть: «Давай я понесу твой портфель!» Но за всю дорогу не решался сказать ей ни слова.

В первый раз я увидел Нину в конце последней четверти четвертого класса. Учительница привела новенькую, сказала, что зовут Нина, фамилия Сазонова, приехала из Тбилиси, теперь будет учиться вместе с нами, и посадила на свободное место за партой с Елей Джабаевой.

В новой девочке не было ничего особенного, может быть, только чуть раскосые и немного загадочные глаза. Скоро она обратила на себя внимание странными поступками. В конце нашего учебника истории были помещены портреты пяти маршалов Советского Союза, самых храбрых из героев гражданской войны. Однажды вошла учительница и велела трех из них зачеркнуть, и мы послушно принялись, макая перья в чернильницы-непроливайки и пачкая собственные пальцы, размалевывать прекрасные лица наших кумиров, мигом превратившихся во врагов. Мы трудились, высунув языки, и вдруг раздался голос Нины Сазоновой: «А я не буду зачеркивать». Учительница оглянулась на дверь, подошла к Нине и молча забрала книгу.

В пятом классе к нам явился новый учитель географии, молодой улыбочивый блондинчик. Часто, облизывая губы, он не столько скользил указкой по карте, сколько масляными глазками — по лицам и ногам наших девочек. Нина демонстративно отвернулась и смотрела в окно. Учитель остановился: «Девочка у окна, почему ты не слушаешь урок?» Нина резко повернулась к нему: «Мне не интересно вас слушать!» На перемене подбежала завуч: «Сазонова, как ты посмела?..» А вот еще случай. Миша Козлов отвечает домашнее задание по литературному чтению. Говорит медленно, неуверенно, запинаясь, у учительницы не хватает терпения: «Ладно. Садись. Ты плохо учил, с натяжкой «посредственно». Нина поднимает руку.

— Ты хочешь что-то спросить, Сазонова?

— Нет, я хочу сказать. Почему вы поставили Козлову «пос.»? Ведь он отвечал все правильно. Лицо учительницы покрывается пятнами.

— Может быть, ты, Сазонова, вместо будешь вести урок?

— Нет, просто, если бы я работала учителем, то была бы справедливой.

Как-то незаметно для нас и без всякого усилия с ее стороны Нина приобрела в классе какое-то особое место, неоспоримый авторитет. Девочки жались к ней, стремились подражать. Мальчишки силились привлечь ее внимание, иногда довольно неуклюжими выходками.

Необычность этой девочки, стремление к ней я почувствовал не сразу. Сначала все девочки мне были неинтересны. На переменах они, обнявшись, ходили туда-сюда по коридору или, сбившись в кружок, о чем-то шушукались, или без видимой причины смеялись, а мы, мальчишки, выкакивали из класса и, не теряя времени, мчались на верхний этаж, ко входу на чердак, подальше от глаз учителей, чтобы успеть поиграть в «жошку», соревнуясь, кто большее число раз, не уронив, подбьет внутренней стороной ботинка клочок шерсти со свинцовым грузиком на конце. После уроков, забыв поесть, играли в «подкоски» на теплом асфальте тротуаров и в футбол на пустыре. А вечером — цирк, сеансы французской борьбы, «бессрочной, до результата», знаменитые борцы с пленительными звучными именами, любимцы — Ян-Цыган, Орленок, Плясуля и противный, грубый, потный толстяк «Богатырь Белоруссии Калишевич». Еще — «Голос Сибири» Колосов, «Борец-великан» Осман Абдурахманов...

Это была моя жизнь, от нее меня лихорадило, к ней я рвался всей душой, всем моим мальчишеским сердцем.

Теперь в мою жизнь вошло нечто новое, еще не испытанное.

На уроках со своей парты я видел профиль Нины в свете окна: ее гордую головку, тонкий нос, чистый лоб, совершенную линию подбородка, легкий пушок щеки, высокую шею, на которой можно заметить, как бьется жилка под тонкой кожей... Она внимательно слушала учительницу или

смотрела на доску, но в какой-то момент вдруг оглядывалась на меня, наши взгляды встречались, и она, чуть-чуть помедлив, снова поворачивала голову к доске.

Однажды, подходя к дому Нины, я почувствовал опасность и не ошибся: от забора отделились два пацана со шныряющими глазками мелких воришек и долговязый малый лет пятнадцати — «фикса» во рту, собранные в гармошку голенища хромовых сапог, голова, стриженная наголо, низкий лоб с цепочкой прыщей, большое родимое пятно ниже правого глаза. Переваливающейся походкой под «блатного» он двинулся мне навстречу, загородив дорогу.

— Ты, фрайер, чего здесь потерял?

— Ничего. В школу иду.

— Ну, иди, иди, пионер, учись. (Он матерно выругался.) Читай газеты, прокурором будешь. Только мимо Нинкиного дома больше не ходи. Предупреждаю. Понял?

Довольно сильно задев меня плечом, он пошел в сторону Щепного базара. Мелкая шпана поплелась за ним.

Два дня их не было, на третий — с утра они поджидали меня. Фиксатый стоял поодаль, двое, присев на корточки, играли в деньги — лупили по стопке мелочи старинным тяжелым пятак. Когда я проходил мимо, один внезапно бросился мне под ноги, другой — толкнул в спину. Я упал ничком. Меня стали бить ногами, я закрывал голову и лицо. Подбежали взрослые:

— Хулиганы! Трое одного бьют. Кто-нибудь, позовите милицию!

Удары прекратились, я услышал топот убегающих и встал. Было больно и обидно, хотелось плакать, но я крикнул им вдогонку: «А я все равно буду тут ходить!» Кто-то из толпы сказал: «Мальчик, иди домой, умойся». Я подобрал портфель и вывалившиеся из него учебники, потрогал лицо — мокро и липко. Домой не пошел. Незаметно, через окно пробрался в школьный туалет и умылся под краном. На урок идти нельзя, классная сразу увидит садины на лице и запачканную одежду. Так же незаметно я прокрался в потаенное место в глубине школьного двора, где обычно прятались опоздавшие или курильщики. Там меня обнаружил Женька Громаковский, он, как всегда, опоздал.

— Ты чего такой?..

Я рассказал. Женька был самый сильный, а точнее, самый смелый мальчишка в нашем классе, отчаянный драчун. Невысокий крепыш с большой круглой головой и пятнами чернил на лице. Для него не имели значения возраст противника и его весовая категория. Если кто-то его вызывал «стукнуться» после уроков за школьным забором на пустыре, Женька, как разъяренный бычок с вытаращенными бешеными глазами, сопя, шел вперед и «брал на кумпол», то есть бил соперника головой. Редко кто выдерживал его яростный напор...

Женька сказал: «Завтра не ходи в школу один. Подойди к моему дому и свисти. Я выйду».

...Троица ждала. К нам шагнул тот, длинный, по-блатному запахи-вая одну полу пиджака на другую, с деланно скучающим лицом процедил: «Ну, я же предупреждал...»

Женька, не раздумывая, схватил его за ворот рубахи, притянул к себе и «взял на кумпол». Из носа Фиксатого хлынула кровь. Это стало сигналом к отступлению остальных. Я бросился догонять, нагнал одного, но бить не стал: он был слишком жалкий и грязный...

Когда я вернулся, Фиксатый вытирал рукавом расквашенный нос и божился, как заправский уркаган, ковыряя свой зуб ногтем большого пальца:

— Ты... Как тебя?.. Легавым буду... В натуре... Дай пять!

— Не хочу руки марать, — отрезал Женька, и мы, обнявшись, зашагали в школу. На этот раз он на урок не опоздал.

Вскоре его положили в больницу с гнойным аппендицитом, и я продолжал ходить той же дорогой один. Осмелевшая шпана снова принялась устраивать мне засады.

...Было свежее весеннее утро. Уже зацвели каштаны, с проспекта доносилось треньканье трамваев, малыши деловито шагали в школу, волоча свои портфели и мешочки с чернильницами. Я приближался к дому Нины, как всегда испытывая нетерпеливое желание поскорее ее увидеть и в то же время ощущая отвратительный холодок в спине и слабость в ногах от предстоящей встречи с ее «телохранителями». Да, они были здесь. Фиксатый стоял перед Ниной, курил толстую папиросу «Пушка» и что-то говорил, крепко держа ее руку. Его «ординарцы» тоже курили, вернее, мусолили во рту «бычки», то и дело сплевывая себе под ноги. «Пусти меня!» — Нина вырвала руку и повернулась ко мне: «А я тебя жду, возьми мой портфель». Трое застыли, как в игре первоклассников «Замри-отомри».

По дороге в школу Нина сказала: «Сегодня последняя спевка, скоро районный смотр. Не сбегай, приходи на репетицию». И посмотрела мне в глаза дольше обычного.

...Наш сводный хор построили в несколько рядов на сцене окружного Дома Красной Армии. У всех одинаковая одежда — светлый верх и черный низ, все в наглаженных красных галстуках, даже те из мальчишек, которые сразу после уроков засовывали их в карманы.

Непривычно яркий электрический свет, заливший огромную сцену... Наша праздничная одежда... соседство стольких знакомых и не очень знакомых ребят... радостное возбуждение...

Я стою рядом с Ниной, своим плечом чувствую ее горячее плечо. Седенькая старушка за роялем впиалась в ноты. В зале гаснет свет. Занавес открывается. Хоровичка становится перед нами, поднимает руки, словно крылья. Мы начинаем петь негромко, плавно, величаво, старательно передавая голосами полет горного орла, ширь нашей родины — «от края и до края». Хоровичка посылает руки вперед, и мы всеми силами наших здоровых легких выдыхаем его имя:

О Ста-а-ли-не мудром,
Родном и любимом,
Прекра-ас-ную пе-е-сню
Слага-а-ет на-род!..

Я люблю этого человека с ласковым прищуром мудрых глаз и густыми черными усами, но еще больше люблю другого человека, моего папу, которого уже четвертый год ни за что держат в холодном северном лагере. Это же несправедливо!.. Где же он, Сталин?!

Наивный мальчик. В этом я разберусь еще нескоро.

...Война шла уже больше двух недель, но как зловещую реальность я впервые ее почувствовал, вернее, почувал, когда однажды в нашем дворе появились незнакомые ребята — мальчик, тихий, серьезный, замкнутый,

и девочка с большими черными глазами, в которых застыли страх и боль. Брат и сестра. Они бежали с матерью из Могилева, полуголые, почти без вещей, будто выпрыгнули из горящего дома. Их приняли в свою тесную, полуподвальную квартирку родственники — дядя Лева и тетя Роза Затуловские. У ребят больше не было своего дома.

В этот же день я забежал к Затуловским, чтобы позвать своих друзей Саньку и Мишку во двор, но они даже не повернулись ко мне, потому что слушали, о чем рассказывает тете Розе незнакомая женщина, еще молодая, красивая, но какая-то помятая, в выгоревшем платье, с очень усталым лицом.

— Ночью, с третьего на четвертое июля, немцы ужасно бомбили Могилев. Наша улица почти вся была разрушена. Началась паника, все спешили выбраться из города. Папа и мама старые, Мара ждет ребенка, ее муж на фронте. Папа сказал: «Женя, беги сама, спасай детей». Люди бросали все и уходили пешком, нельзя было достать даже подводу. И что вы думаете, Роза? И в беде бываете удача: нас посадили какие-то папины знакомые. Они нигде не останавливались, гнали лошадей в направлении железной дороги. Позади горел Могилев. Мы обогнали людей, кто-то из них крикнул: «Впереди, перед Шаргородом, немцы сбросили десант». Нас охватил ужас. Дети вцепились в меня, плакали. Каким-то чудом мы выбрались на железную дорогу. На станции стояли обугленные вагоны. Мы ехали на открытой платформе, почти без остановок, без воды и еды. Нас бомбили и обстреливали, некоторых ранило, и даже перевязать их было нечем... Роза, какое горе я видела у людей! Но, славу Богу, что мы уже добрались до вас. Бедные дети! Что они испытали!..

Тетя Роза сказала: «Дети, нечего вам больше слушать, идите во двор, играйте, смотрите, чтобы никто не обидел Гришу и Анечку».

Ребята играли в футбол, то есть гоняли тряпичный «колобок», подбие мяча. Маленьких беженцев мы увидели в конце двора, возле высокого кирпичного забора с полуразрушенным верхом. Мы любили бегать по нему, рискуя свалиться на землю соседнего сада. Брат и сестра стояли неподвижно, на мальчике были Санькины штаны...

В июле-августе 41-го года при всей нашей мальчишеской беспечности мы не могли не заметить в городе тревожного настроения, многих примет войны. Некоторые школы были заняты под госпитали, взрослые один за другим уходили в армию, отец девочки из нашего двора записался в воронежский добровольческий полк. Ушел в армию сразу после десятого класса Игорь Паршин — любимец всей школы, еще недавно сыгравший Арбенина так здорово, как настоящий артист! Добился направления в военное училище старший брат моего одноклассника Тольки Овчинникова, хотя ему еще не исполнилось восемнадцати.

И все-таки нам казалось, что война еще где-то там, далеко. В городе в общем шла обычная жизнь. По главным улицам, звеня, бежали красные трамваи, пацаны катались на подножках, цеплялись за буфера. На нашем углу все та же продавщица доставала из жестяного бака и накладывала на формочку вкусное желтое ароматное мороженое с именами на вафле. В Кольцовском сквере работал фонтан. Зеленый гипсовый крокодил лежал посредине бассейна и извергал струю воды, целясь в веселый хоровод гипсовых ребят. В Пионерском саду — музыка, бесплатные аттракционы, затейники. В кинотеатре «Пионер» показывали любимую картину «Джюльбарс» о пограничной собаке и тоже знакомый, но все равно интересный фильм про эпроновцев, как водолазы выта-

скивают из моря затонувшие корабли. Песню оттуда можно было слушать снова и снова:

Море спит, прохлада веет,
Спят на рейде корабли.
В голубом краю синеют
Берега родной земли...

А в «Спартаке» шла новая, звуковая музыкальная комедия. Старый и немного смешной музыкант Антон Иванович долго сердится на девушку, которая поет не те песни, но затем он ей все прощает, потому что она очень веселая, красивая и все-таки очень хорошо поет. Но, самое главное, в «Пролетарии» каждую неделю — очередной «Боевой киносорник», где любимые герои довоенных фильмов лупят фрицев.

Как-то под вечер мама меня послала за бабушкой. Она, как часто бывало, ушла к Пурчанским в соседний дом и, конечно, заболталась с тетей Маней. Я немного оробел, когда мне открыл дверь ее сын Савелий, высокий молодой человек с орлиным носом и выпуклыми близорукими глазами. Прошлым летом он заканчивал мединститут и по комсомольской линии был направлен начальником турлагеря в Дубовку. Я был его пионером. Теперь он уезжал на фронт и пришел проститься с родителями и сестрой Аней. Дядя Яша как всегда у окна что-то шил. Маленький, рыжеватый, с чуть приплюснутым носом, в потертой жилетке, утыканной иголками. Он не был перворазрядным портным, из тех, кто шьет по журналам мод — к нему шли люди победнее, и он, как никто, мог перелицевать пиджак или штаны, превратить обветшалую вещь в новую. Не пренебрегал и просьбой поставить заплату и в этом случае не брал ни копейки. Тетя Маня, очень полная, нездоровая женщина, сложив руки на большом животе, смотрела на сына печальными глазами и что-то повторяла по-еврейски. Аня большим черным отцовским утюгом гладила свою юбку. В этом году она окончила нашу школу и стала совсем взрослой девушкой. Белыми, обнаженными до плеч руками она легко поднимала тяжелый утюг, такая крепкая, как яблоко «белый налив» в соседнем с нашим двором саду. Даже веснушки не портили ее белого свежего лица. Аня собиралась на танцы в Дансинг, в Первомайском саду, где играл оркестр Зямы Виницкого, и ничто, даже последняя встреча с братом перед отъездом на фронт, не могло этому помешать.

...В августе 1942 года на подходе к Хохлу в колонне изгнанных из Воронежа людей немцы учинят «чистку», внутреннюю облаву. Вглядываясь в глаза и носы, они будут выдергивать из толпы евреев, отводить в ближайший лог и там расстреливать. Вместе с другими погибнут Аня, дядя Яша и тетя Маня. Когда в 1945 году майор медслужбы Савелий Пурчанский вернется в Воронеж, то их могилы найти не сможет. Почти все расстрельные ямы времен войны безымянны...

А пока июль сорок первого, и даже сирена воздушной тревоги не очень пугает молодых, и даже чужой самолет с незнакомым рисунком крыльев, который в одно и то же время беспрепятственно появляется над городом, вызывает у мальчишек скорее любопытство, чем страх.

Но уже не усаживаются под вечер перед домом на собственных скамеечках бабушки, чтобы посудачить, и никто из жильцов не решается теплой летней ночью беспечно спать во дворе, на воле.

...Заканчивались летние каникулы, скоро в школу, учиться не очень хотелось, но по одноклассникам я соскучился, а главное, хотелось поско-

рее увидеть Нину на привычном месте — на второй парте слева. В последний раз в начале каникул я неожиданно встретил ее в нашем дворе: она приходила к Вере Комаровой. Оказывается, они знакомы, хотя Вера училась в другой школе. В нашем густонаселенном мальчишками дворе Вера была единственной девочкой. Но зато гораздо выше всех нас ростом. В играх «в войну» она по этой причине могла бы быть самым «Чапаевым», но почти всегда сидела дома и только вечером выходила во двор. И тогда мы бросали играть, собирались под деревянной лестницей, ведущей на второй этаж к закройщику Вощинскому, усаживались вокруг Веры близко друг к другу, и она в подлестничной темноте рассказывала страшные сказки («Отдай мою золотую ногу, отдай мою золотую ногу...») или пересказывала приключения графа Монте-Кристо. Вера жила в соседней со мной квартире, через стенку, мы даже переговаривались — так хорошо было слышно, но я никогда к Комаровым не заходил, может быть, потому, что вход к ним был с другой стороны дома. Зато к Вере часто приходил Санька Затоловский — они учились в одном классе. Санька был отстающим по русскому, и Вера «подтягивала» его. Санька после уроков нес ее портфель и вообще старался ей услужить. За это Саньку прозвали Санчо, как слугу Дон Кихота (Санька погибнет под Берлином в апреле 1945-го).

Проходя через двор мимо меня, Нина сказала на ходу: «Я уезжаю на каникулы к родственникам в Землянск». И все. Целое лето о ней не знал ничего, дверь ее дома была всегда закрыта, окна занавешены. Не было, конечно, и «постовых». Они вообще как будто исчезли из города — и пацаны, и сам Фиксатый. Впрочем, я еще раз встретил его. Через пять лет. В другом месте и при других обстоятельствах.

...1944 год. Я курсант авиационного училища в городе Уральске. Лето, вечер. Заканчивается наше восьмичасовое патрулирование по городу (офицер, я и еще один курсант). Вдруг подбегает запыхавшийся солдат: «Товарищ старший лейтенант, в такой-то части ЧП — самострел. Вам приказано выделить одного курсанта для сопровождения раненого солдата в санчасть». Офицер выделил меня. До расположения части бежал без передышки. У входа в казарму увидел майора и стоящего рядом с ним солдата без головного убора и ремня. Он был очень бледен, из кисти его опущенной руки на землю текла кровь. Я доложил майору о прибытии и взгляделся в солдата. Что-то знакомое было в его стриженной голове с низким лбом, в его лице с большим родимым пятном под правым глазом. Он оскалился от боли, и я увидел золотой зуб — Фиксатый! Майор приказал: «Доставить в санчасть. Там ждут...»

Я вел его по шоссе. Он заметно слабел, три пальца (он выстрелил из винтовки в свою ладонь) висели на сухожилиях, оставляя на дороге следы крови. И он наверняка узнал меня, но молчал. Я тоже. Вспомнил Воронеж, себя, лежащего лицом вниз около дома Нины и глотающего тротуарную пыль, его пинки, метящие мне в лицо... Но мстительного чувства не было: злопамятство — враг всего доброго в сердце. Мне жаль было этого человека, несчастного, струсившего, но такого же солдата, что и я.

В санчасти нас ждал хмурый офицер из Особого отдела. Молча кивнул в сторону тучного мужчины в белом халате. Тот завел нас в операционную. «Ложись на стол, — приказал раненому. — А ты ложись ему на ноги». Я телом чувствовал, как вздрагивали его ноги, как его пальцы со стуком падают в окровавленный таз...

...В конце августа меня вызвали в школу. Срочно. Зачем? Случалось, что вызывали родителей, точнее, маму, чтобы «серьезно поговорить» о моем поведении, но ведь теперь каникулы, уроков еще нет... И почему «срочно»?.. Прибегаю в знакомую с первого класса седьмую школу — красивое здание, самое большое на улице 9 Января. Оказалось, что собрали всех семиклассников, выстроили на школьном дворе. На крыльцо, как на трибуну, восходит наш директор Марфа Тимофеевна — «Тумба», как мы ее прозвали за непомерную ширину, и торжественно обращается к нам: «В связи с мобилизацией всех городских сил на уборку урожая уроки в старших классах отменяются (мы в сотню глоток орем: «Ура!»). Седьмые классы едут в Сине-Липяговский район, это далеко (мы еще громче вопим: «Ура!»). Попросите родителей — пусть вас обеспечат соответствующей обувью, одеждой и продуктами на дорогу».

...В старенькую полуторку умещается почти весь наш класс. Толкаясь, усаживаемся на досках, прикрепленных к бортам. «Мария Тихоновна, — кричим нашей классной руководительнице. — Садитесь к шоферу в кабину!» — «Нет, я с вами, а то еще повываливаетесь на ходу...» Двое из нас, нагибаясь через борт, подхватывают грузную Марию Тихоновну под мышки и втаскивают в кузов. Меня беспокоит, что нет Нины, без нее и ехать не хочется. Но вот и она. Загорелая, вытянувшаяся за лето, в клетчатом платье без рукавов с дорожной сумкой через плечо. Все приветливо закричали, протянули к ней руки.

Пожилой шофер высовывается из кабины: «Теперь все на месте? Тогда поехали». По грунтовой дороге выезжаем за город. Слева — еще полетному густо-зеленый лес, справа — безбрежное желтое поле, ползет самоходный комбайн... Сидим лицом к ветру, не отворачиваясь. Весело, хочется петь. Кто-то из девочек начинает звонко: «А ну-ка песню нам пропой, веселый ветер...»

Обгоняем большие группы парней, пылящих по обочине с заплечными сумками, мешками, чемоданами. Догадываемся: идут на призывные пункты. Дружно машем руками. Через несколько часов, охрипшие от песен и уставшие от однообразного сидения, мы останавливаемся на площади. Это и есть Синие Липяги, районный центр. Мария Тихоновна отправляется в райисполком — узнать, где мы будем работать. Невдалеке, на той же площади, толпятся люди, слышатся шум, выкрики, резкие звуки гармошки. Подходим ближе. Мужики и парни в куртках, телогрейках, пиджаках стоят, курят, сидят на телегах, груженных узлами и сумками. Бабы в платках, завязанных под подбородком, кормят мужей белым, обсыпанным крупной солью, салом. Старухи с ввалившимися ртами, готовые заголосить. Хмельные, пошатывающиеся парни, обнимающие своих подруг: наглядеться, наобниматься, нацеловаться напоследок.

На скамеечке, видимо, привезенной из дому, сидит гармонист. Его толстые мужицкие пальцы привычно, механически, но ловко перебирают кнопки двухрядки. Гармонь нарядна: на крышке смотрят друг другу в глаза яркие воинственные петушки. Гармонь издает то визгливые, то всхлипывающие звуки. Лицо деревенского музыканта с глубокими бороздами морщин, какое-то отрешенное. Взгляд обращен вовнутрь, в нем читается грустная, почти тоскливая дума.

В дверях появился какой-то военный начальник и стал выкрикивать готовых к отправке новобранцев. Гармошка вздохнула и умолкла. Гармонист аккуратно упрятал свой инструмент в футляр, слегка хлопнул по нему, как бы прощаясь, передал его женщине в мужском пиджаке, вдруг

завывшей, как по покойнику, на минуту прижал ее к себе («Ну, все, будя, будя!..»), надел шапку, схватил вещмешок и побежал строиться.

Мы вернулись к машине. Смеяться и баловаться не хотелось. Мария Тихоновна вышла из райисполкома и объявила: «Работать будем в совхозе «Кучугуровский», идти девять километров придется пешком, вещи повезет лошадь». Подбежал мужичок в картузе с обломанным козырьком и повел нас к «гужевому транспорту» — мухортой лошадке, запряженной в телегу с высокими целаялыми бортами, застеленной соломой. Побросали в телегу вещи и тронулись в путь по довольно узкой разбитой дороге. Светка Коган вспомнила, что она председатель совета отряда и заявила: «Отряд всегда ходит в ногу. Новая речовка! Я спрашиваю — вы хором отвечаете:

— Почему сегодня в поле
Вышел дружный наш отряд?
— Потому что все ребята
Жить по-новому хотят!

Тягостная сцена прощания у райисполкома быстро забылась. Мы шагали рядом с телегой. Привязанное к ее дну пустое помятое ведро качается, вихляющиеся колеса скрипят. Мы уже идем вольно, болтаем, то и дело кто-нибудь кричит: «А помните?..» И вспоминаются, и проигрываются на ходу смешные случаи из жизни школы, двора, пионерлагеря, и уже нет горя, только что заглянувшего к нам в глаза...

Много лет спустя об этом очень точно скажет один из нас — Сема Полковецкий:

Мальчишкам что?
Их резвый разум,
Как настроенье, пляшет сам,
И все желанья ясны сразу,
И слезы с шуткой пополам.
И всем их шалостям вольготно
В том круге детской суеты,
Где все заботы беззаботны
И где все сложности просты.

...Постепенно начало темнеть. Дорога белой полосой уходила вдаль. Давала о себе знать усталость. Наконец, мужичок-возница, словно проснувшись, изрек: «Усе. Совхоз». Деревенская улица пуста и темна. Жалкие огни в окошках. Остановились возле какого-то строения с едва заметным огоньком внутри. Из темноты возникла фигура: «С Воронежа? Это хорошо. Переночуете в клубе, сторож все покажет». Постучал: «Максимиш, опять заперся? Утром придете в контору, директор распорядится, куда что...» Сказал и растворился в потемках. Дверь отворил человек с керосиновой лампой в руке — носатое лицо, украшенное очками в железной оправе. Понес лампу вовнутрь, оставляя за собой чесночно-самогонный запах. Мы ввалились за ним. Большое пустое помещение с возвышением в глубине. Сторож поставил лампу на табурет и проявил желание поздороваться освободившейся рукой с Марией Тихоновной: «Ликтрчества нету по причине поломки движка. Зараз зажгу еще лампы. На полу тюфяки и сено. Ложитесь себе, небось, устали. Вам что ни свет вставать. А я снаружи посторожу».

Мария Тихоновна скомандовала: «Девочки налево, на тюфяки, мальчики направо — на сено».

Было душно. Запах сена смешивался с вонью керосина. Ребята сняли рубашки, девочки сбросили туфли и сандалии. Соседство лежащих почти рядом девочек волновало, я чувствовал какое-то незнакомое сладостное волнение.

Утром, вытряхнув из родительских кульков, мешочков и свертков содержимое в одну живописную кучу и быстро расправившись со всей этой вкуснятиной, мы направились в совхозную контору. Мария Тихоновна сообщила, что село называется Кучугурово. Это нас очень развеселило, вспомнилась былина:

Из того ли то из города из Мурома,
Из того села да Карачарова
Выезжал дородный добрый молодец,
Славный богатырь да святорусский.

Карачарово... Кучугурово... Женька, засунув четыре пальца в рот, свистнул Соловьем-Разбойником. Сема Полковецкий, изображая Илью-Муромца на коне, прыгнул на длинного Юрку Погорелова. Еще более смешным показалось название совхоза — «Овцеплемхоз». Почему не просто совхоз или колхоз? Мария Тихоновна объяснила: «Овцеплемхоз» — это хозяйство, где для получения хорошего приплода разводят овец на племя».

Только Овчинников, по прозвищу Очкарик, тут же загорланил: «Шагай вперед, комсомольское племя!» и замаршировал по дорожной пыли, смешно поднимая длинные пылящие ноги. «Значит, и комсомольцев разводят!» — обрадовался рыжий Леха Мещеряков, добродушное лицо Марии Тихоновны сразу стало испуганным: «Мещеряков, прекрати хулиганить!» Но уже Мишка Козлов, вечно отстающий по русскому языку, вытянулся в струнку, будто его вызвали к доске, и, состроив испуганную рожу, начал барабанить, как заученный стих: «Вымя, темя, семя, племя — это суффиксы на — ен!» Мы корчились и приседали от хохота. Мария Тихоновна безуспешно пыталась унять эту разгулявшуюся вольницу.

Вдруг Нина серьезно сказала: «Может, хватит? Вы ничего не заметили, когда Миша демонстрировал свои потрясающие знания по русскому языку?» Мы пожали плечами: «Не-е-т...» А Нина продолжила: «Так вот, к нам незаметно подошел Пушкин и поздоровался: «Здравствуй, племя молодое, незнакомое!..» Мы, конечно, ей не поверили, но все-таки затихли, а кое-кто даже оглянулся, но Нина уже смеялась над собственной шуткой. Я подумал: «Оказывается, у Пушкина есть такие стихи. Надо найти...»

Остановились у глубокого колодца. Гремя цепью, достали тяжелое ведро с водой, поставили на сруб и по очереди, утопая носами, глотали вкусную студеною влагу. Блаженствуя, растянулись на траве.

Подошли овцы. Кто-то даже присвистнул: «Ну и племя!..» Овцы были облезлые, с вытертыми желтыми боками. Мужичок-погонщик с коричневым от солнца и ветра лицом, опершись обеими руками на такую же коричневую сучковатую палку, как на посох, внес ясность: «Эта овца, ребята, плохая, беспородная. Ценная у нас пасется в степи или стоит в кошарах...» Мария Тихоновна его прервала:

— Простите, не подскажете, где находится контора?

— Да, почитай, вы уже пришли. Вон загородка, при царе Горохе была усадьба, а потом стала контора...

На двери висела черная металлическая доска с надписью от руки белой масляной краской: «Кучугуровский овцеплемхоз. Контора». В помещении пахло махоркой, бензином и мышами. Перед кабинетом директора на некрашеной, отполированной посетителями деревянной скамейке ждали приема двое мужчин в спецовках и сапогах с широкими голенищами, вероятно, трактористы или шоферы. В приоткрытую дверь был виден портрет Сталина. Под ним за столом сидел человек в почти такой же куртке полуголодного образца. Он поднялся, протянул Марии Тихоновне руку, сипловатым голосом сказал: «Будете работать во втором отделении, там работают бабы, извиняюсь, женщины... Не справляются, люцерна перестояла. Подмогните, ребята».

Второе отделение оказалось широким полем с разбросанными по нему рядами копен. Издали они были похожи на игрушечные куличики, но вблизи оказались большими, в половину человеческого роста, цилиндрической формы с отвесными стенками и немного заостренным верхом. Вдали виднелись пестрые фигурки — там кто-то работал.

Нас встретила женщина лет сорока, внушительных размеров. Все в ней было крупно: фигура, руки, лицо. И глаза тоже необыкновенные: большие, голубые, ясные. «Меня зовут Аграфена Егоровна, — сказала женщина. — Вон там (показала на край поля) работают наши бабы, моя бригада. А вы будете работать здесь, тоже как бы моя бригада. Но городские, вы уж на меня не обижайтесь, к нашей работе не дюже способны. Пока не попривыкнете, буду вас учить, помогать. Вот эти копешки сложены для проветривания, чтобы сено не портилось. Вы приехали вовремя, сено уже сухое, и нам с вами надо переложить его в скирды. Скирды будем класть в два ряда на расстоянии ста метров ряд от ряда... Чтобы было не так тяжело, выделяю вам две рабочие лошади».

С этого дня началась трудная, незнакомая нам работа. Мы разбились на звенья. Одни подвозили сено к месту закладки скирда, другие его складывали. Работа была мучительна: когда в слежавшийся пласт сена всаживаешь вилы и поднимаешь над головой, от тяжести подгибаются колени, внутри все обрывается. Но мы, мальчишки, не показываем вида, хорохоримся, помогаем девочкам. Я слежу за Ниной, вижу капли пота на ее раскрасневшемся лице, соринки сыплются на шею и застревают в волосах. Когда ее тонкие руки никак не могут поднять толстый колючий ворох сена, я подбегаю и тоже хватаюсь за черенок с насаженными на него тяжелыми вилами... «Не надо, я сама», — говорит она. Но я настаиваю, и мы вместе подхватываем этот груз и вскидываем наверх воза. Он растет, даже лошадь по сравнению с ним кажется маленькой... Теперь можно ехать к скирду, гордо шагать рядом с телегой, держа в руках длинные вожжи, или, забравшись наверх, блаженно вытянуться и хоть сто метров проехать. Колеса телеги скрипят, воз покачивается, как большой корабль на волнах, даже страшновато, но какое удовольствие!

Аграфена Егоровна, с детства привыкшая к крестьянскому труду, удивительно легко, весело, умело, споро, даже красиво делала то, с чем справлялись мы так тяжело и неловко. Стоя на самом верху скирда в синей, очень идущей к ее глазам мужской рубаше, она принимала сено, равномерно укладывала, уплотняя, утрамбовывая вилами. Рассказывали, что ее муж, Ефим Кузьмич, призванный в армию, тоже был большим мастером этого дела...

Трудно давались нам уроки Аграфены Егоровны, но в одном нам по-

везло: открылась возможность осуществить голубую мечту каждого городского мальчишки — поездить верхом.

За лошадьми мы ходили на конюшню. Вручая одну из них мне, коных, хромым инвалид Василий Игнатьевич, предупредил: «Верхом на Диогене не ездь — отобьешь попу». Высокий флегматичный серой масти мерин был невероятно костляв. Какому деревенскому остряку и эрудиту пришло в голову назвать эту конягу именем древнегреческого философа в бочке, дознаться я не мог: «Не, бочки с силосом возит у нас Чалый, а Диоген, как слабосильный, завсегда при сене». Увидев Диогена, Нина заметила: «Дон Кихот назвал такую лошадь Росинантом».

Другая лошадь, работавшая на сене, была маленькая, совсем такая, как пони — пегая, с густой гривой и длинным хвостом. Она сразу стала нашей любимицей: потрогать Пегашкину жесткую гриву, похлопать по шее, дотронуться до бархатных губ хотел каждый, а девочки, привыкнув, даже целовали ее симпатичную морду.

Из клуба нас перевели в одноэтажное здание начальной школы, выделили три классные комнаты. Приходили мы туда только ночевать, спали по-прежнему на полу, но раздельно, в разных комнатах, на матрацах, набитых сеном. Усталые, засыпали почти сразу. Рано утром нас будили переклички петухов, лай недремлющих собак, и возчица с фермы, сгружавшая бидон с молоком для нас. Мы выскакивали наружу, ежась от холодка, предвестника скорых утренников, подбегали к кадке с водой, толкались смеха ради, поливали друг другу в ладони. Выпивали по кружке молока, и когда неяркое солнце лениво восходило над избами и огородами, шумной ватагой, сопровождаемой собаками, шагали по невысохшей росе все дальше от деревни, в степь, туда, где виднелись еще неубранные копны.

И начиналась работа — до боли в спине и плечах, до кровавых мозолей на ладонях, до склеенных от пота волос. Обедали здесь же. Совхоз отпускал бесплатно мясо, хлеб, крупу, картошку, помидоры. Мальчково-водовоз доставлял воду.

В большом котле, подвешенном над костром, Галя Денисюк варила вкуснейший пшенный суп с кусочками сала. Помешивая деревянной ложкой и ежеминутно пробуя свое варево, вызывающе у нас нетерпеливую слюну, она, наконец, кричала: «Хлопци! Обид готов, пидемо йисты!» В наш класс поступила Галя поступила года два назад. Толстая смешная девочка с веселыми коричневыми глазками-пуговками, с круглыми, словно надутыми мячиками-щеками. Быстрая, веселая, домовитая толстушка, она была похожа на маленькую женщину. Девочки липли к ней, мальчишки с удовольствием подчинялись.

Всем мальчишкам ужасно хотелось поездить верхом на лошади. Лучше — на Диогене, он, хоть и ленивый, но высокий, почти конь. По очереди пробовали, но долго просидеть на его костлявой спине не могли, сползали то влево, то направо, чтобы не было так больно. И слезали. Можно было, конечно, поездить на Пегашке, но неинтересно — ему только детей в цирке катать. Предлагали сесть Вене Сверчкову, круглому отличнику и самому малорослому мальчику в классе, но он ответил тут же сочиненным стишком: «Я б оседлал упрямого Пегаса, а на Пегашке ездить не хочу». Нина, вытряхивавшая сор из туфлей, резко сказала: «Ты просто боишься. Терпеть не могу трусов».

Как-то раз, принимая от меня Диогена, Василий Игнатьевич спросил: — Ну, как, катался на Диогене?

- Катался.
- Больно?
- Немного...

— Немного, — передразнил он. — Босиком, небось, катался? А ты надень ботинки, да поддай ему в бока, чтоб шибче побежал, галопом. Не так больно будет. А рысью лучше не ездь...

Я последовал его совету, и это было концом моих попыток научиться ездить верхом и началом чего-то более важного...

Однажды в конце работы, когда все пекли на костре картошку, я отошел с Диогеном подальше, подвел его к дереву и оттуда впрыгнул на его худую спину. Диоген не двигался. «Но-о!» — крикнул я негромко и дернул за повод. Диоген пошел шагом. Я дернул за повод сильнее, и мой ленивец, наконец, побежал рысью. Больно. Вспомнил советы конюха и поддал Диогену в бока каблуками ботинок. И вдруг он побежал совсем по-другому — широко, как-то длинно и плавно. И было совсем не больно! И подо мной уже не ленивая коняга, а конь ретивый, сказочный, чапаевский... Как весело скакать все дальше, в поле! Вдруг лошадь резко остановилась, по инерции я перелетел через ее голову... Удар о землю. Дурно... Уходит сознание... Темно в глазах... Безразлично повернул голову: лошадь стоит рядом и что-то щиплет, опустив шею... Понемногу прихожу в себя. Чувствую — кто-то тронул мою руку. Нина! Очень близко ее глаза, чуть раскосые, в слезах, губы дрожат: «Ну, разве можно так?.. Ты такой бледный!» Вытирает мой мокрый лоб платком, помогает подняться...

Лошадь конюху мы сдавали вместе. Он ничего не заметил. Или сделал вид, что не заметил, может быть, чувствуя свою косвенную вину. Мы вернулись к костру. Догорающие головешки вспыхивали и рассыпались искрами. Ребята почти не обратили на нас внимания, зато Мария Тихоновна клокотала, мясистые губы, черные от картофельной кожуры, прыгали: «Где вы пропадали? Один без моего разрешения куда-то уехал на лошади... Другая следом исчезла... Мы беспокоились. Я головой за вас отвечаю... Ребята, тушите костер, пошли. С тобой, Нина, поговорим отдельно...» О чем они говорили отдельно, Нина от меня скрывать не стала. Мария Тихоновна отвела ее в сторону и сказала, что наше уединение ей не понравилось, что Нина — девочка и должна понимать... Нина ответила, что мы дружим и вообще сама привыкла отвечать за свои поступки.

...Как всегда, мы возвращались с работы под вечер. Шли деревенской улицей, пахло молоком, дорожной пылью и... войной. Около дома Аграфены Егоровны увидели молчаливую кучку людей, подошли поближе, я спросил у плачущей старухи, обвязанной теплым платком, в мужском пиджаке и шерстяных носках, сунутых в галоши: «Бабушка, что случилось?..» Расслышал только: «Феня... почтальонка... похоронка...» Так вот почему Аграфена Егоровна не была с нами на работе!..

Не раз потом я видел ужас в глазах деревенских женщин при появлении почтальонки и вслед за тем слышался страшный, отчаянный крик.

Заскучали по дому. Когда, бывало, уезжал в пионерский лагерь, меня уже через неделю охватывало чувство беспокойства, почти тоски, нетерпеливое ожидание приезда мамы на свидание. А здесь мы уже около трех недель, все сильнее главное, хотя и потаенное, желание: хочу домой! Бегаем на почту. Здесь всегда, даже в теплый солнечный день, прохладно. На стене плакат: женщина в красной косынке чем-то похожа на Аграфену Егоровну, только не на веселую, а суровую: сдвинутые брови, строгие глаза, указательный палец прижат к губам. Внизу — большими красны-

ми буквами: «Не болтай!» А наверху, помельче, черными: «Будь начеку, в такие дни подслушивают стены, недалеко от болтовни и сплетни до измены».

...С утра стылость, мелкий дождик, но все равно работу не бросаем. Вдруг Женька, замечающий все первым, орет: «Кто-то приехал!» В бричке, запряженной гладким вороным жеребцом, директор совхоза, грузный, в полувоенной фуражке, из-под расстегнутого плаща выдается толстый живот, лицо измученное, голос хриплый:

— Вот машину угробил по этим чертовым дорогам, на лошади надежнее... Ну, как вы тут?

Мария Тихоновна отвечает бодро, за всех:

— Стараемся, Иван Кузьмич! Какие военные новости? Какая обстановка на фронте? Как в Воронеже?

— Немцы остановлены у Ростова. Воронеж укреплен надежно. Наш секретарь райкома проинформировал, что в город с фронта прибыла славная дивизия генерала Руссиянова. Между прочим, на танках написано: «Воронежский колхозник». Машины построены на средства наших сел и деревень.

Говорит бодро, а в глазах какая-то озабоченность и тревога. Вена Сверчков поднял руку, как в классе: «У меня вопрос: когда поедем домой?»

— Через три-четыре дня и поедете. Еще какие вопросы? Как кормежка? Мясо отпускают нормально? Без мяса сил не будет. А вот с хлебом придется чуток урезать, с ним туговато стало... Мария Тихоновна, с отъездом решим в ближайшее время. Поднажмите, ребята, прошу.

Стеганул кнутом жеребца, тот рванул с места рысью.

Слова директора «с хлебом становится туговато» вскоре обрели для нас вполне зримый смысл. В Кучугурово — главная усадьба совхоза, есть магазин, но за последнее время полки заметно опустели. Хлеб привозят раз в неделю. К сельмагу с утра сходятся люди, усаживаются на крыльце — бабы в ситцевых платках и платках, повязанных поверх головы, старухи и старики в телогрейках и старых валенках, к ним, шмыгая носами, подбегают и убегают нетерпеливые ребяташки. В магазин не пускают, пока не привезут хлеб. «Едут, щас давать начнут!» И только что спокойно беседовавшие соседи выстраиваются в очередь, теснясь и перебраниваясь — дают по одной буханке в руки, может, всем не хватить. Вижу: из очереди выбирается светлоголовый худенький мальчик лет восьми. Крепко прижимает к груди буханку свежего печеного хлеба, придерживая ее острым подбородком и щекой, ноздрями втягивая сладкий запах, чувствуя теплоту, добрую тяжесть. Хлеб!..

— Помкомвзвода, выделить людей за хлебом!

— Командиры отделений, выделить людей за хлебом!

Холодный, сырой февраль сорок четвертого года. Башкирская степь. Алкинские лагеря. Запасной стрелковый полк. Казарма нашей автоматной роты. Деревянные нары с длинным общим для всех тюфяком вместо подушек. В проходе три стола, врытые в землю, по одному на отделение. Промокший взвод вернулся с учений в поле. Время обеда, есть хочется нестерпимо. Есть хочется всегда, мысль о еде неотступна, как наваждение. Еда — главная тема и цель. Голод изнуряет физически и морально. Слабые духом «доходят», есть целые подразделения «доходяг», непригодных для строя, но готовых наброситься даже на отбросы пищи. Автомат-

чки — люди покрепче. Возвращаясь в казарму после утомительных марш-бросков, лазанья по мокрому полю по-пластунски, мы с увесистыми ПППШ на груди по команде «Запевай!», равняясь на ходу, простуженными голосами затягиваем привычное:

Белоруссия родная,
Украина золотая,
Ваше счастье молодое
Мы стальными штыками оградим...

Совсем скоро, на фронте, эти ребята будут первыми подниматься в атаку, врывать в населенные пункты на броне танков, сеять панику в тылу противника. И погибать тоже первыми.

Мне семнадцать лет. Третий месяц в армии. Остриженная голова, тонкая шея со следами фурункулов, мешковатая редкая шинель, огромные, изрядно разбитые ботинки, сырые портянки и обмотки, которые я сушу, прижимая к огромной раскаленной бочке, приспособленной для отопления... Высушить не успеваю — за хлебом выделяют меня.

Помещение хлебозерки набито солдатами. Проталкиваясь сквозь густую человеческую массу к окошку выдачи, носом чую фантастическую смесь двух запахов: тошнотворный запах испарений от мокрых шинелей и головокружительный дух свежего хлеба, проникающий через окошко-амбразуру. С трудом к пробившись к раздаче, хватаю свою буханку, сую под шинель за пазуху, крепко прижимаю к груди, знаю: когда буду вылезать из толпы, многие попытаются отщипнуть, отодрать хоть кусочек.

Отделение меня ждет. Вернее — ждет хлеба. За столом двенадцать человек. Во главе стола — командир отделения, младший сержант. Ему уже за тридцать, немногословен, невысок, крепок в кости, удивительно вынослив. Каждый день, шагая в строю, мы видим впереди его спину как знак надежности. На гладкой, без карманов, гимнастерке, там, где у других сержантов болтаются медали, у него привинчен овальный значок «За Халхин-Гол». Он достает из брючного кармана складной нож, висящий на тонком кожаном ремне. Все глаза устремлены на нож и хлеб. Острым лезвием командир безошибочно рассекает хлебный кирпичик на двенадцать абсолютно одинаковых ломтиков толщиной в палец и передает каждому. Одну горбушку оставляет себе, другая, по очереди, полагается одному из солдат. Во внутреннем употреблении пайки — испытанный биологический и экономический расчет: корка съедается с первым (миска жидких щей), мякиш смешивается с кашей и утрамбовывается ложкой. Небольшой, но зато густой комок в желудке переваривается дольше, чувство голода наступает не так быстро.

Хлеб!

Весна сорок четвертого года... Те же лагеря, та же казарма. Ночью поднимают по тревоге. Наскоро натянув одежду, сунув ноги в ботинки и обвив их обмотками, выскакиваем наружу. Темно. То ли мокрый снег, то ли дождь. Команда: «Взвод, становись... Бегом — марш!» Задыхаясь, долго бежим по грязной дороге неизвестно куда и зачем. Вскоре впереди затемнело что-то большое. Подбегаем: три «Студебеккера», крытых брезентом, застряли, буксуют в глубоких развороченных колеях. Толкаем и сзади, и с бортов, утопая ботинками в грязном месиве... Но что там, под брезентом? Нащупываю мешки, в них твердые плитки чего-то... От толчка один мешок развязывается, и я чувствую рукой... большой толстый сухарь. Хватаю его и, бросив толкать, в темноте отбегаю в сторону и пря-

чу его в грязный снег. Вижу — и другие делают то же... Наконец, машины, надрываясь моторами, пошли. А мы побежали отрывать каждое свое припрятанное сокровище...

Шагая в строю, потихоньку отщипываю от намокшего сухаря кусочек и кладу в рот. Поскрипывает земля на зубах, но с чем сравнить этот вкус ржаного сухаря во рту голодного человека!

Хлеб...

Оказывается, в селе есть пруд. «Сходить бы искупаться, поплавать», — атакуют ребята Марию Тихоновну. Та обороняется: «Времени нет, надо работать. Да и холодно уже...» Мы тоже не отстаем: «Ну, хоть разок, Мария Тихоновна! Сходим!» Мария Тихоновна сопротивляется, хотя чувствуется ее колебание: «Вернетесь к родителям в Воронеж, купайтесь на речке сколько захочется...»

Если бы мы понимали причину раздвоения нашей учительницы: с одной стороны, почему бы не доставить удовольствие ребятам, с другой — страх за их жизнь. Прошлым летом в пионерлагере на реке Усманке утонул мальчик из нашей школы. Его воспитательницей была подруга Марии Тихоновны. Она побежала в дом, где жила семья утонувшего мальчика. Отец и мать уехали за телом. В дверях стоял высокий старик, растерянный, содрогающийся от беззвучных рыданий, с мокрыми, словно выцветшими блекло-голубыми глазами. Он повторял только одно слово — «деточка», и было непонятно, о ком он: об утонувшем внуке или о виновнице несчастья, молодой учительнице, стоящей рядом с ним с бескровным лицом... Больше в этом доме Мария Тихоновна не была, не была и на похоронах мальчика, но знала (вся школа знала), что учительницу без конца вызывали в прокуратуру, допрашивали. От всего пережитого она поседела, чуть не тронулась умом.

Сложную ситуацию разрядил все ведающий Женька: «Мария Тихоновна, если идти на работу другой, короткой дорогой, тогда пруд будет на пути и мы не много времени потеряем. И пруд, говорят, неглубокий. Да мы все умеем плавать!..»

Ей ничего другого не оставалось, как сдаться.

Лично я с удовольствием бы не пошел на пруд. Дело в том, что я не умел плавать. Да, дожил до четырнадцати лет и не умел, а признаваться в этом было стыдно.

Пруд открылся неожиданно, небольшой, красивый, местами заросший ивняком. Чистая, прозрачная вода с золотыми чешуйками на поверхности. Какая здесь, наверно, тишина в безлюдье, но на берегу слышались детские голоса: деревенские ребятки уже с утра здесь. Горланят, плещутся, ныряют, выскакивают из воды с красными глазами, некоторые совсем голые, дрожат, прижимая к посиневшему в пупырышках телу согнутые в локтях руки, но, еще не успев просохнуть, снова бросаются в воду.

Мы останавливаемся поблизости, раздеваемся, подходим к воде, окунаем ноги, и охотников искупаться сразу становится меньше. Мария Тихоновна явно этому рада. «Лева, проверь дно, здесь не глубоко?» — просит она Леву Куницына, чемпиона школы по лыжам. Он медленно входит в воду, осторожно ощупывая ногами дно, потом плывет «по-матросски», раздвигая в стороны руки. Женька окунается, быстро выскакивает на берег и орет: «Не-е, холодно!» и сразу натягивает рубаху. Из девочек только толстوشка Галя прячется за кустом, через минуту выходит в чер-

ных трусиках и, прикрывая грудь руками, входит в воду, окунается и тут же взвизгивает: «Ой, девчата, яка вода холодна!» Но плывет вразмашку, по-мужски, с середины кричит весело: «Хорошо! Не холодно ничутьючки, окунитесь, девчата!» Настороженная Мария Тихоновна не дает соблазну развиться, умело сыграв на природной женской чистоплотности: «Нина, Еля, Света, есть возможность для постирушки, я и мыло принесла».

Вижу Нину, стирающую какую-то вещичку. Ветерок треплет тонкое платье, обтягивает гибкий стан, плотно облепляет ноги... Подбегает счастливая, хохочущая Галя, тоже принимает что-то стирать. Неожиданно там, где только что бесились деревенские пацанята, стало тихо, мы повернули головы. Они окружили какого-то парнишку лет пятнадцати, наверное, тоже деревенского. Не слишком рослый, босые ноги, засученные до колен штаны, распушенная рубаха, шапка густых спутанных волос. О чем-то поговорив с мальчишками, направился в нашу сторону, но, не останавливаясь и не здороваясь, прошел чуть дальше, неспешно разделся, немного постоял и вдруг подпрыгнул и стремительно, как гимнаст, бросился в воду, выбросив вперед руки. Вот сильными бросками он отплывает на середину, ложится на спину, солнце освещает его загорелое тело. Мы следим за ним. Он уже плывет, как торпеда, каким-то особенным, неведомым нам стилем, глубоко зарываясь лицом в воду. «Кроль, — говорит Лева. — Так плавают Бойченко, абсолютный чемпион СССР». Нина кричит: «Браво!» и хлопает в ладоши. Он исчезает и неожиданно выныривает совсем близко от нее. Выходит на берег, небрежно собирает одежду. Волосы мокры, капли воды дрожат и стекают по смуглой коже. Он шагает мимо нас, замкнутый, отчужденный, с невидящими прозрачно-голубыми, как две льдинки, глазами. Нина смотрит ему вслед и говорит Еле: «Хороший мальчик, правда? Смелый и красивый, только какой-то нелюдимый. Жаль...»

И тут со мной происходит необъяснимое: быстро раздеваюсь и вхожу в воду. Кажется, сама душа сжимается, но я ложусь на грудь... И плыву! Вода держит меня, телу становится теплее... Плыву дальше... Уверен — непременно доплыву, должен доплыть до того берега.

На нашем берегу Мария Тихоновна встретила меня с отпечатком на лице паники и облегчения. Поймал взгляд Нины, в нем тоже смешение чувств: еще не исчезнувшего испуга, удивления и одобрения. Женька Громаковский вытаращил на меня глаза, как на чудо морское: «Ну, ты даешь!..»

Мария Тихоновна заторопилась: «На работу мы все-таки опаздываем, быстро собираться!»

Нина подошла ко мне: «Пойдем вперед». Мы вышли на дорогу. «Ты знаешь, — сказала она, — я сразу догадалась, что ты не умеешь плавать. Я тоже. И не уверена, что научусь. А вот бегать люблю, догоняй!» И помчалась впереди меня. Я видел, как мелькали подошвы ее тапочек, видел загорелые сильные икры... Когда дорога стала круто подниматься в гору, Нина резко остановилась, и я с разгона чуть не сбил ее. Запахавшись, мы стояли почти вплотную друг к другу, я слышал частое биение ее сердца, совсем близко видел ее сияющее лицо. Меня вдруг охватила какая-то необыкновенная нежность, и я поцеловал Нину в щеку.

— Это еще что такое?

Лицо ее, минуту назад такое открытое, приветливое и радостное, теперь выражало удивление и гнев.

— Ничего, — сказал я растерянно.

— Если ты думаешь, что переплыл пруд и поэтому тебе все можно, то ошибаешься.

Помолчав, она назидательно произнесла:

— Этого нельзя делать с бухты-барахты.

Внимательно посмотрела мне в лицо и вдруг мягко прикоснулась к моей руке. Раздались голоса — ребята нас догоняли. Мы шли рядом. Неожиданно Нина сказала:

— Не правда ли, тот мальчик, который приходил на пруд, похож на Артура из книги «Овод» Лилиан Войнич? Читал?

— Нет. Это, наверно, про насекомых. Про насекомых неинтересно...

— Это не про насекомых. Так звали человека. А какие тебе книги интересны?

— Приключения, фантастика. Ты читала повести Беляева «Тайна двух океанов», «Голова профессора Доуэля»?.. Они печатались в «Пионерской правде», почти в каждом номере, с продолжением.

— Читала, не понравилось — люди какие-то неживые, придуманные.

— А этот Артур... Не придуманный?

— Нет, это итальянский мальчик, потом юноша. Жил сто лет назад. Он очень любил мать, но она заболела и умерла. Другим близким ему человеком был священник Монтанелли. В конце книги оказывается, что это его отец. Может быть, Артур и сам стал бы священником, но однажды прочитал книги, которые получил от студентов. И понимаешь, он решает помочь итальянскому народу освободиться от нищеты, несправедливости и от австрийцев-завоевателей. Он исчезает, как будто утонул, а на самом деле пробирается на корабль, отплывающий в Южную Америку. Ты не представляешь, сколько всего он там испытал! Когда через несколько лет он вернулся в Италию, то хромотал, правая рука скрючена, на лице страшный шрам, заикался... Но он закалил свое тело и душу и вернулся, чтобы бороться. За ним охотилась полиция, за его голову обещали огромные деньги, в газетах печатали приметы: небольшого роста, волосы черные, глаза светло-голубые, лоб высокий... Но он был неуловим, его всегда выручали смелость и умение принимать любой вид. Знатные люди, аристократы, принимали его за своего. И еще он любил детей — однажды он спас избитого отцом нищего мальчика...

Нина так хорошо рассказывала, что я подумал: «А ведь это действительно интереснее, чем то, что я читал про приключения». Спросил:

— Нин, а почему все-таки книга называется «Овод»?

— Это было прозвище Артура. Он был журналист и так подписывал свои статьи, острые, беспощадные статьи. Кусал, как овод, и был неуловим, как Овод...

— Его так и не поймали?

— Поймали. И расстреляли. Он сам командовал своим расстрелом. И при этом улыбался... А знаешь, как заканчивается книга? Письмом Овода перед смертью одной девушке, ее звали Джемма. Я выучила его наизусть, слово в слово: «Я любил вас Джемма, когда вы были еще девочкой. Я и теперь люблю вас. Помните, я поцеловал вашу руку, вы рассердились и просили никогда больше этого не делать. А теперь я целую бумагу, на которой написано ваше имя...»

Нина замолчала. Я тоже молчал. Думал...

Деревня нас с Ниной сблизила, мы открывали друг в друге то, что не успели узнать в Воронеже.

«Ты любишь стихи? — однажды спросила Нина. — Кто больше всех

поэтов тебе нравится?» Я ответил: «Конечно, Пушкин. В четвертом классе на пушкинском утреннике я читал его стихи, и меня наградили книгой. Вот слушай: «На берегу пустынных волн стоял он, дум великих полн, и вдаль глядел. Пред ним широко река неслася; бедный челн...» Нина прервала: «Мне тоже нравится Пушкин, но Лермонтов мне ближе: «Ты помнишь вечер и луну, когда в беседке одинокой сидел я с думою глубокой...» У Пушкина дума царя о будущем великом городе, а у Лермонтова дума грустная... Пушкин погиб на дуэли. И Лермонтов тоже. Он был очень гордым: «Я не унижусь пред тобою», — сказал он одной женщине, но все время думал о ней и мучился...»

Меня пронзила догадка: значит, Нина тоже знает про это? Я еще не посмел ей рассказать, что читаю не только Беляева, но и украдкой — взрослые книги, которые беру в шкафу отца. Без разбора — Горького, Панферова, Шолохова... Многого не понимал, но во всех этих книгах было то, что поражало и разжигало воображение. Я вертелся в моей кровати без сна, мучимый загадкой отношений между мужчиной и женщиной. Что-то тайное, стыдное, даже страшное, как убийство или насилие, и в то же время невероятно влекущее, волнующее, жгуче любопытное...

...В соседнем дворе, кишашем темными личностями, жила девчонка. Она «ходила» с блатными и ворами, смачно ругалась и учила пацанов на чердаке тому, о чем большинство из нас только слышало... Моя мама сказала о ней: красивая, но порочная. Но как раз своей порочностью, откровенным обещанием еще неиспытанной близости она и нравилась мальчишкам, вызывала такой острый интерес.

Нина тоже была красива, нравилась мальчишкам, но ни от кого из них я не слышал даже намека на грубое стремление к ней. Это было скорее товарищеское обожание своей, но в то же время особенной девочки. Я, такой же мальчишка, как они, был почему-то молчаливо призван быть к Нине ближе, чем остальные. И никто не смеялся над тем, что мы часто уходили и приходили вместе. Успокоилась и Мария Тихоновна.

Иногда с нами гуляла Еля Джабаева. Я ее знал с первого класса. Былинка в темно-синем платице, два тонких пушистых хвостика на затылке, черные блестящие продолговатые глаза. Еля — ассирийка. Перед войной ассирийцев в Воронеже было много. Когда и как они попали сюда, не знаю, но они были очень заметны: торговали на базаре мелочью, сидели в своих крохотных деревянных будочках, чистили обувь, подбивали набойки. Их мальчишек всегда можно было видеть на стадионе «Пищевик», когда заливали каток. Юркие, дерзкие, черноголовые и черноглазые, они молниями носились на своих «хоккейках». Взрослые ассирийцы, смуглые носатые мужчины в белых спортивных свитерах широким голландским шагом проплывали круг за кругом на «норвежках», коньках с длинными и острыми полозьями. Однажды я увидел на катке Елю. Шел снег, играла музыка, кружились снежинки. Она была в шерстяной шапочке, неумело каталась с отцом, держа его за руку. Увидела меня, что-то крикнула, взмахнула руками, потеряла равновесие и шлепнулась на лед. Шапочка валялась рядом, а Еля смеялась, искрясь черными, счастливыми глазами... Славная девчонка, она дружит с Ниной.

Дети города, мы с Ниной теперь открывали для себя неброскую прелесть деревенской природы. За деревней — бурая ботва недавно убранных огородов, сухой чернозем пашни с грачами, готовыми к отлету, вдали — жнивье и степь с пятнами полыни и бурьяна. Печальные цвета осени. Только в одном месте еще видна зелень — это посадки, небольшая роща.

Но и она заметно меняется: кажется, еще недавно клен, под тенью которого мы останавливались, был густой и зеленый, а сегодня его листья уже потеряли свою свежесть, пожелтели, подует ветерок, и они падают на землю. «Совсем, как сморщенные маленькие люди, цепляются за наши ноги, ищут защиты», — задумчиво говорит Нина. Я смеюсь: «Какие же это люди! Это мертвая, не связанная с людьми природа». Нина отвечает очень серьезно: «Нет никакой, отдельной от нас природы, и эти листья, и гонящий их ветер — это движение жизни. Все мы связаны...»

И вдруг она спрашивает: «Хочешь послушать мои стихи?» — «Ты пишешь стихи?», — удивляюсь я.

— Пытаюсь. Послушай...

Дубок зеленый, молодой врос в землю
И, обхватив ее корнями, как руками,
Сосал живительную влагу,
Как материнское святое молоко.
Был молод он еще и слаб,
И ветер гнул его жестоко,
А дождь слезами состраданья поливал,
И он мужал,
Пышнее становилась крона,
И ствол, что стан,
Уже не гнулся под напором ветра,
И корни уходили глубже в землю.
Дуб потому живет так много лет
И стоя умирает,
Что материнским молоком
Его земля всю жизнь питает...

Я выпалил: «Нинка, ты гений!» В порыве восхищения хотел ее поцеловать, но вспомнил про ее «с бухты-баракты» и только положил руку на ее плечо. Как мало до сих пор я знал о ней! Попросил: «Расскажи о Тбилиси, ты ведь там жила до Воронежа. Какой он? У меня есть двоюродный дедушка — добрый, веселый, с большой бородой. Когда я был маленьким, то любил осторожно дотрагиваться до нее. Дедушка вдруг щелкал крупными белыми зубами, я пугался, а он хохотал. Дедушка Матвей работал проводником и однажды привез мне из Тбилиси виноград и персики — в Воронеже таких не было. И с тех пор, когда говорят о Тбилиси, вспоминаю огромную кисть черного винограда и чувствую запах персиков...»

— Это правда. В Тбилиси виноград не продают, он растет в каждом дворе, вьется по деревьям, галереям и балконам. В Грузии очень много виноградников. Грузины, вообще кавказцы, любят вино, ни один обед, даже обычный, не обходится без вина. Вином запивают лецвади, то есть шашлык, столы завалены свежей зеленью, острыми приправами. Да, грузины пьют много, но я никогда не видела пьяных грузин. Они веселые, красиво протяжно поют и зажигательно танцуют. Мы жили в древней части города, там улицы узкие, петляющие, домики лепятся друг к другу. Рядом с нами жили в основном грузины, я привыкла к их резкому, как бы захлебывающемуся говору, и сама научилась говорить по-грузински, хорошо знала их привычки. Я замечала, что мужчины очень заботятся о своей внешности, сорочки меняют несколько раз в день, любят красиво одеваться, носят башлыки, опоясываются узким ремешком с серебряной чеканкой. Женщины одеваются скромно, голову покрывают черной косынкой, по праздникам на них не белые, а черные одежды.

Грузинки стройные, красивые, молчаливые, застенчивые. Знаешь, мне даже казалось, что грузинская женщина смотрит на мужа, как служанка на господина. Мне это не нравилось.

Нина остановилась, сняла листочек с моего рукава и неожиданно спросила:

— Ты знаешь, почему меня называли Нина? Однажды мама рассказала мне одну историю. В те годы, когда в Петербурге жили Пушкин и Лермонтов, недалеко от Тифлиса, так тогда назывался Тбилиси, командовал полком князь Александр Чавчавадзе. Он был поэт, смелый и веселый человек. У него была дочь Нина. В это время в Тифлис приехал для продолжения службы при генерале Ермолове — ты, наверное, слышал об этом герое Отечественной войны 1812 года — Александр Сергеевич Грибоедов. Он был известен в России почти как Пушкин. В Тифлисе самым гостеприимным и культурным местом был дом генеральши Прасковьи Ахвердовой. В этом доме Грибоедов увидел княжну Нину Чавчавадзе, воспитанницу Прасковьи Николаевны, совсем еще девочку. Через несколько лет они стали мужем и женой. Ей было двадцать, ему тридцать семь. Но вместе прожили совсем немного — Грибоедова назначили русским послом в Персию, и он там был зверски убит противниками мира с Россией. Нина не получала от мужа писем, подозревала неладное, чувствовала, что от нее что-то скрывают, она требовала сказать правду, требовала отвезти ее к нему...

Обо всем этом мне рассказала мама на горе Мтацминда — самом высоком месте в Тбилиси. На ее склоне расположен древний монастырь Святого Давида, в котором похоронены многие великие грузины. У входа в ограду я увидела статую молодой женщины: в безутешном горе она склонилась над надгробной плитой. Это памятник на могиле Грибоедова, его поставила Нина. На плите выбиты ее слова: «Дела твои бессмертны в памяти русской, но зачем тебя пережила любовь моя?» Через несколько лет она умерла, и ее похоронили рядом с мужем... Мои родители, конечно, были очарованы этой женщиной. Вот и меня называли Ниной.

Я вспомнил, что дедушка Матвей называл Тбилиси восьмым чудом света.

— Да, это действительно похоже на чудо. Тбилиси просто сказочно красив. Постарайся представить: город лежит в широкой котловине, с трех сторон окружен хребтами, а по дну этой котловины течет изумрудная Кура, по ее террасам и по склонам гор разбросан город. Там, как и в Воронеже, есть правый и левый берег, их соединяют очень красивые мосты. На левом берегу, над Курой, виден древний храм Метехской Богоматери. Издали он как будто сложен из детских кубиков с острыми башенками. Меня туда возили родители. Крепость там почти полностью разрушена. Я лазила по ее каменным ступеням, взбиралась на открытые всем ветрам пустые окна, разглядывала наличники с изображением крестов и ромбов и удивлялась, как эта маленькая церковь-крепость могла сопротивляться многочисленным врагам...

Налетел ветерок.

— Тебе не холодно? — спросил я. — В Тбилиси, наверно, всегда тепло?

— Летом страшно жарко. Лучше всего осенью, когда стоят теплые, солнечные дни, пахнет цветами, виноградом, персиками, абрикосами. Над головами — густая зелень чинар и каштанов... В Тбилиси я родилась, но ты сейчас удивишься — Воронеж мне нравится больше. Я скучаю по нему душой, как по большому умному другу, по трамваям на проспекте,

по Кольцовскому скверу, по Пионерскому саду и особенно по театру. Ты любишь театр?

— Вообще-то я люблю больше кино. В «Пионере» даже состою в активе, дежурю, слежу за порядком. За это нам разрешают смотреть картины, сколько хочешь. Бесплатно. В театре, конечно, тоже здорово. Еще в третьем классе я смотрел «Золотой ключик», «Финист — Ясный Сокол», а потом, кажется, в пятом — «Белеет парус одинокий».

— А я в пятом классе была в театре в первый раз. Тетя Клава повела меня в Молодой театр (потом его назвали ТЮЗ). В нем меня поразило все: стулья с красными сиденьями, бархатный занавес, звуки оркестра перед началом, красивые декорации, костюмы, игра актеров. Сначала тетя мне тихонько показывала — это Рощина, это — Папов, Шатов, Струйская... Потом я их узнавала сразу. Ты знаешь, меня так волновало все, что происходило на сцене. Я и плакала, и смеялась, и сердце так билось, будто готово выскочить... Я, кажется, в Молодом пересмотрела почти все.

— Ты хочешь стать артисткой?

— Нет, я просто люблю театр. А когда стану взрослой, хочу работать с детьми, лучше — в детдоме...

Мы шли по узкой тропинке, я ощущал ее руку в своей и был счастлив.

— Нина, почему ты все время говоришь о какой-то тете и никогда — о маме?

— У меня нет мамы.

— А отец?

— Отца тоже нет. Но он не умер.

— А где же он? — Нина осторожно освободила свою руку, остановилась.

— Ты читал книгу Гайдара «Военная тайна»?

— Да, давно, еще в пятом классе.

— У меня тоже есть тайна. Тайну доверяют только самым надежным людям. Я расскажу тебе. Мы жили в Тбилиси, мама, папа и я. Все было хорошо, жили дружно и весело, я ничего не замечала. Но однажды я услышала разговор отца с мамой. Я находилась в соседней комнате, и они об этом не знали. Отец сказал, что у него есть женщина, которую он любит, и что он уходит к ней. И ушел. Мне казалось, что я переживаю больше, чем мама, я не могла понять, почему он ушел от нас, спросила маму — почему? Она ответила спокойно, хотя я видела, чего ей это стоило: «Ты еще маленькая, но, может быть, поймешь, что я скажу. Муж и жена живут вместе до тех пор, пока любят друг друга. А если кто-то из них разлюбит, то уходит. И удержать его нельзя. Человек свободен — это правило всех порядочных людей». «Значит, папа порядочный?» — спросила я. «Да, конечно», — ответила мама. Я не верила ей, я видела, как она страдает, как украдкой плачет, как худеет. И ты знаешь, я почувствовала, что становлюсь старше, сильнее ее, почувствовала ответственность за маму. Я хотела как бы собой заменить ей отца, заставляла ходить со мною в кино, развлекала, как могла. Но она становилась все молчаливее, задумчивее... Через год умерла.

— А отец знал о ее смерти?

— Узнал. Хотел, чтобы я жила с ним, но я не могла предать маму. Меня забрала тетя Клава в Воронеж, она врач... А у тебя есть отец? Твою маму я видела в школе, а отца ни разу.

Я рассказал о том, что произошло в нашей семье. «Помнишь, — ска-

зала Нина, — в четвертом классе я не стала зачеркивать маршалов. Я почему-то не верила, что они враги. Твой папа тоже честный и хороший человек».

Нина долго молчала, потом, как всегда неожиданно, спросила: «Как ты думаешь, немцы захватят Воронеж?»

До сих пор такая мысль мне в голову не приходила. Казалось, фронт еще далеко, немцев обязательно погонят обратно. И директор совхоза недавно говорил, что Воронежу ничто не грозит... Хотя до нас доходили разные слухи: большие гурты овец перегоняют в восточные районы... Кто-то видел в райцентре много наших красноармейцев, пешком и на грузовиках, озабоченных и хмурых. Чувствовалась какая-то неразбериха и растерянность. Мы все чаще видели пролетающие немецкие самолеты.

Беспокойство Нины, таящееся в вопросе о Воронеже, передалось мне. И вестей из дома все не было. Когда я появлялся на почте, за перегорожкой немолодая женщина в поношенном форменном кителе встречала меня одним и тем же: «Тебе, мальчик, письма еще нет. Пока из Воронежа в район дойдет, пока там разберут...» Но другие-то получают! Только позже, уже дома, я узнаю, в чем дело. Папе после возвращения из лагеря жить в Воронеже было запрещено. Он поселился в Усмани, устроился бухгалтером на махорочную фабрику. На другой день после моего героического выезда на уборку урожая в Кучугуры папа получил предписание незамедлительно выехать совсем в другую сторону — в Верхнеуральск, на поселение. Мама отправилась с ним — проводить до места, помочь устроиться и, по возможности, быстрее вернуться ко мне...

Все случилось неожиданно-негаданно, как обвал.

В этот день, вернее, вечер, должны были привезти кино. Вечера еще стояли довольно теплые, и фильмы показывали на улице. Вешали на амбар большую простыню, на треноге устанавливали киноаппарат, выносили из клуба скамейки. Зрители постарше (между ними обязательно наш первый кучугуровский знакомый, ночной сторож) усаживались на них, дети располагались на земле поближе к экрану. Наконец, запускали движок, и девушка-киномеханик крутила ручку и часть за частью показывала картину. Между частями люди разговаривали, грызли семечки, курили. Кино — везде кино, и мы, городские, тоже сидели на земле, около старого амбара и ждали нового чуда. Кажется, еще час назад после работы ноги заплетались от усталости, но ведь — «привезли кино!»

Я предложил Нине до начала фильма немного походить в нашей рощице, она не возражала, но попросила подождать, если немного опоздает. Я ждал в условленном месте. Прошло полчаса, Нины не было. Прошло еще полчаса, кинофильм уже шел — звуки далеко разносились в тишине. Я не понимал, в чем дело... И вдруг увидел: из рощи выходит Нина, а рядом идет тот, похожий на Артура. Они о чем-то разговаривали. Нина увидела меня, пошла быстрее ко мне, остановилась, оглянулась на него, потом снова повернулась ко мне. Я видел, как брови ее мученически изогнулись, глаза смотрели виновато, но, не сказав ни слова, она вернулась к нему. Кровь ударила мне в голову, я слышал, как она стучит в висках... Я бросился в сторону... Обманутый, униженный, бешеный, бежал, не разбирая дороги...

Пришел в школу, когда все уже спали, лег, пытался успокоиться и уснуть, но как только закрывал глаза и поворачивался на бок, сон уходил. Вспоминал все, что произошло, сердце снова начинало громко стучать, билось о ребра...

Это была бессонница, первая бессонница в моей жизни.

На следующее утро, когда мы выходили на работу, к школе подъехала санитарная машина. Из нее вышла женщина в военной форме. Нина вскрикнула: «Тетя Клава!» и побежала к ней. Они обнялись. Нина рукой показала на Марию Тихоновну, женщина в форме к ней подошла и стала о чем-то говорить. Мария Тихоновна кивнула головой, что-то сказала Нине, и та побежала в школу. Вскоре она вернулась, держа в руке сумку. Ребята ее окружили: «Меня отпускают домой!» Поискала глазами меня и подошла, тихо сказала: «Увидимся в Воронеже. Там все объясню». Прыгнула в машину и помахала нам рукой. Чихнув бензиновым выхлопом, машина умчалась.

А через три дня отпустили и всех нас. Тот же мужичок в картузе без особого успеха погонял мухортую лошадку, и мы шли за телегой. В райцентре, у призывного пункта, по-прежнему толпился народ. Перед входом в райисполком нас ждала знакомая полуторка. Но настроение было другое: нетерпеливое волнение от скорой встречи с родными смешивалось с грустью расставания и какими-то смутными предчувствиями.

Еще до въезда в Воронеж мы увидели недавно вырытые длинные глубокие канавы, вбитые в землю столбы. На контрольно-пропускном пункте нас остановили военные и проверили у шофера документы. В начале улицы Плехановской торчали ошестинившиеся, как огромные чугунные ежи, заграждения. На проспекте нас обогнали два грузовика, в кузове сидели люди с чемоданами, узлами, мешками. Стало совсем не до шуток. Поближе к своим домам ребята один за другим покидали машину. Я побежал к себе.

Мама была дома, я обрадовался, но меня удивило ее крайне озабоченное лицо и непривычный беспорядок в квартире. Мама сказала: «Давай твою одежду, постираю... Поешь и помоги упаковать вещи — мы уезжаем в эвакуацию. Надо успеть на эшелон, нас обещали взять. Так велел папа, он будет добиваться разрешения жить с нами или где-нибудь поблизости...» Я не хотел уезжать. Завязывал веревками и стягивал ремнями вещи, а сам думал о другом: найти Нину, увидеть, поговорить, ведь она сказала, что в Воронеже все объяснит. И она сама — уезжает или остается? Я сказал: «Мама, мне обязательно нужно сбежать кое-куда. На полчаса...» Мама взглянула на часы: «Только на полчаса. Очень прошу тебя, я буду волноваться».

Я помчался к ее дому. Дверь была закрыта, занавески на окнах задернуты...

Часа два спустя, лежа на общем для всех настиле из досок в тесной и душной теплушке, уносившей меня неизвестно куда, я прятал горячие слезы отчаяния. Ехали медленно и долго, в узкое окошко видел проплывающие телеграфные столбы, слышал перестук колес, скрип и стон деревянного вагона и думал о том, что встреча с Ниной объяснила бы все. И прежняя обида, ревность, досада постепенно сменялись глубокой печалью... Потом (очень скоро) подхватил и понес ветер войны. Иногда вспоминал о Нине, о нескольких днях рядом с ней на излете детства как о чем-то очень важном и, наверное, потерянном навсегда... А, может, еще встречу ее? Бывает же такое...

В апреле 1945 года неожиданно-негаданно получаю большое письмо от Ели Джабаевой: «...После возвращения в Воронеж из Кучугурова весь наш класс разбросало. С некоторыми ребятами я потом, когда вернулась после освобождения Воронежа, встречалась, спрашивала, что извест-

но о других, в том числе о тебе. Никто не знал, жив ли ты, где находишься, что делаешь. Слышали, что эвакуировался, и больше ничего не знали. А я очень хотела узнать. Дело в том, что уже три с лишним года я ношу в себе одно мучительное чувство, чувство долга перед тобой, даже вины. Я помню выражение твоего лица и весь твой какой-то «загнанный» вид, когда Нина уезжала с тетей в Воронеж на машине. Она попросилась со всеми, а ты стоял в стороне, она подошла и что-то тебе сказала. После приезда в Воронеж я ходила к ней домой, но ее не было, оказывается, она помогала тете в госпитале. Потом мы с ней все-таки встретились, я спросила, виделись ли вы, она сказала — нет: «Он уехал, я не успела ничего объяснить ему, может быть, когда-нибудь встретимся, я этого очень хочу...»

Так вот — вы уже никогда (никогда!) не встретитесь. Нины больше нет. Уже давно нет. Последний раз я ее видела живую 12 июня 1942 года, а мертвую на следующий день, 13 июня. День был воскресный, погода стояла чудесная, и мы решили сходить в Сад пионеров. Ты помнишь, там всегда было интересно, а в этот день был праздник окончания учебного года. Она пошла раньше, потому что у нее там была какая-то группа малышей. Я только вышла из дома, слышу — летит самолет, большой, двухмоторный, немецкий. И сразу страшный взрыв, вижу — над Садам пионеров огромный черный столб дыма. Побежала туда, сад уже был оцеплен, подъезжали санитарные машины, выскакивали врачи и санитары с носилками, еще какие-то люди. Позади оцепления, в саду, были видны черные вырванные из земли деревья и на них — клочья детских тел. Подбегали родители, их не пускали, они страшно кричали и рвались туда. Я стояла у входа и с ужасом видела, как клали в машины детей — одни почти невредимые, другие засыпаны землей и песком. Некоторые выбиралась из сада самостоятельно, плакали, были напуганы. Я искала среди них Нину, и вдруг ее пронесли мимо на носилках. С носилок бессильно свешивалась рука, платье набухло от крови... Как тяжело об этом писать...

Погибло очень много детей, хоронили несколько дней. Мама меня не пускала, но на похороны Нины я все-таки пошла. Ты помнишь, где она жила — в небольшом доме на улице 9 Января. Там с ней и прощались. Пришли некоторые ребята из школы, Мария Тихоновна, соседи. Она лежала в простом, как видно, наскоро сколоченном гробу. Тело закрыли простыней, а лицо было открыто. Она лежала такая красивая, как живая. Родителей у Нины не было, все делала ее тетя, она держалась хорошо, достойно, была в форме военного врача и увезла Нину на кладбище, кажется, на той же машине, на которой забирала ее из Кучугорова в Воронеж... Ой, я сейчас подумала, что этот конверт самодельный и письмо в него не войдет, поэтому следом пошло продолжение...»

Скоро пришло еще одно письмо, в котором Еля писала мне: «Перед неожиданным отъездом Нины в Воронеж вечером она была чем-то взволнована. После отбоя легла рядом со мной и начала шепотом рассказывать, что с ней произошло. Она познакомилась с мальчиком из деревни, который приходил к нам на пруд. Его зовут Вадим, он москвич, вернее, жил в Москве до одиннадцати лет. В это время случилось несчастье, такое же, как в твоей семье, только он лишился не только отца, но и мамы. Родственники, у которых были свои дети, перебрасывали Вадима от одного к другому, боясь оставлять у себя надолго. Только одна тетка, которая жила в деревне и работала на почте, согласилась взять его к себе. Так он

оказался в Кучугурове. Когда мы перешли в седьмой класс, он окончил в селе семилетку, а казался Нине гораздо старше, потому что много знал, много читал. Вадим был очень серьезным, беспшашное веселье наших мальчишек считал шутовством. Он много думал о судьбе своих родителей, которых на его глазах увели ночью. Его тетя, помнишь, сидела за перегородкой на почте, такая симпатичная, относилась к Вадиму, как мать. А он рвался уйти от нее, деревенская жизнь была ему не по нутру: идет война, ему уже пятнадцать лет, а в армию не берут, говорят, еще мал. У него была цель — убежать из дома, хотя знал, что этим сильно огорчит тетю. Он надеялся прибиться к какой-нибудь военной части, приписать возраст, попасть на фронт. Он разрабатывал подробный план побега и доверил свою тайну Нине. Я поняла, что Вадим ей нравится, но ей нравился и ты. Она рассказала о вашей встрече в роще, когда мы сидели в кино. Ей было стыдно, что она поступила как бы предательски, видела, что с тобой сделалось, когда она вышла из рощи с Вадимом. Говорила, что утром объяснит тебе все. Вадим, как и она, фактически был сирота, ей нравилась его смелость, решимость любой ценой добиться своей цели. Но и он, сказала она про тебя, мой самый лучший, самый верный друг, чистый, как стеклышко.

Вот главное, что я хотела тебе написать. Не буду описывать, как мы с мамой бежали под снарядами из Воронежа, как добирались до Анны, как там жили и как в 43-м вернулись в разрушенный Воронеж. Конечно, и теперь живется нелегко — мой папочка погиб на фронте, работает одна мама, в аптеке. Но, как она говорит, пережили многое, переживем и это.

Я в этом году закончила десятый класс, класс маленький, в основном девочки, из мальчиков никто не нравится. Ходила к Марии Тихоновне, она работает учительницей, но в другой школе, вспоминали наш класс, как мы весело жили и здорово работали в Кучугурове, осенью сорок первого года. И вот уже 1945-й! Поздравляю тебя с Новым годом! Сейчас у меня каникулы до 12 января. Новый год мы встречали с девочками в Доме офицеров. Сначала я танцевала, а потом вспомнила Нину и убежала домой, упала в кровать и плакала. Ведь мы начали дружить с того самого дня, как ее посадили за мою парту. Так и сидели все три года. Я часто бывала у нее дома, разговаривали, пили чай, готовили уроки. Еще в четвертом классе рисовали какие-то бордюры в тетрадях, потом писали друг другу стихи в альбомах, лазили за яблоками в чужой сад, читали книги про пограничников, сами сочиняли и разыгрывали сценарии про «границу на замке». Нина была пограничником Карацупой, а я ее верной собакой Индусом. Я всегда была ведомой, а она ведущей, но без малейшего превосходства. Как нам было интересно, какое было чувство понимания друг друга, притяжения, мы просто были влюблены друг в друга.

В Кучугурове я видела, как крепнет ваша дружба и не хотела ей мешать, понимала, что это важнее, чем дружба двух девочек. Нина была очень, очень дорогой для меня человек!

Отметки в аттестате у меня неплохие, хочу поступить учиться на врача. Мединститут вернулся из Ульяновска. Да, забыла сказать, адрес твой узнала так: я была у подруги на улице Пирогова, там дома механического завода. Вошел красивый мальчик, лет пятнадцати, сосед. Подруга сказала, что это Юра Панов, твой двоюродный брат. Он сбежал, принес твое письмо и фотографию, где ты в летной форме, в фуражке с «крабом», такой мужественный, совсем не похожий на того худенького мальчика с чубчиком. Я прочитала в письме твои слова: учусь нормально, здоров,

сыт, материально обеспечен, настроение хорошее, наша земля освобождена от врага, сейчас самое главное скорее добить немца...»

Смерть Нины ошеломила меня. Долго сидел, соединяя обломки воспоминаний, сравнивая, сопоставляя...

...Это было еще «в гражданке», два года назад. Провинциальный городок Сухореченск. Девятый класс. Летняя жара. Квартира одноклассницы Ляля Гиль. Она ленинградка, но живет в Сухореченске уже десять лет, после убийства Кирова их выслали сюда с матерью и бабушкой. Мать куда-то ушла надолго, и мы веселимся одни. Играет патефон, крутится большая черная пластинка — Лещенко «Помнишь ли меня, моя Татьяна?» Запрещенные пластинки Петра Лещенко подарил Витьке Летуновскому проездом с фронта его отчим. Ляля Гиль, пухленький, маленький медвежонок, учит меня танцевать («раз — два — три — четыре» — считает бархатным голоском). Я неловко двигаюсь, то и дело наступаю ей на ноги. Останавливаемся, еще не опустив руки, в соседней комнате. Ляля — красная, вспотевшая, над маленькой верхней губкой — капля... Поцелуй вышел неожиданным, и мне не понравился: губки у Ляли липкие, как конфета. Я потянул ее в большую комнату, к ребятам...

А это было уже в училище.

На станции выгрузили авиационные моторы, установили пост, и я несколько раз «заступал» на этот пост. Напротив платформы стоял состав, один из вагонов был пожарный, и в нем жили пожарницы, девушки такого же возраста, как и я, может, чуть постарше, с солдатскими погонами, в очень чистых и почти белых от частых стирок гимнастерках, перехваченных ремнем и безукоризненно заправленных в юбку. Все было в них по-женски изящно, а ноги, даже в кирзовых сапогах, были притягательно красивы. Некоторые девушки иногда подходили ко мне, знакомились, болтали, расспрашивали: хорошая ли невеста осталась дома, страшно ли летать на самолетах, просили рассказать «случай». Я находился еще в учебном батальоне, и нас, курсантов, каждое утро после политинформации уводили на реку Урал разгружать баржи, но я бессовестно выдавал за собственные подвиги некоторые сюжеты из заезженных авиационных баек.

Они были разные, эти девчата: одни еще тихие, недавно из деревни, другие, городские, более опытные, более раскованные. Самая бойкая — Люба, младший сержант. Круглое лицо, задорный вздернутый носик. Блестящие глаза смотрят смело, пилотка на густых темных волосах кокетливо сдвинута. Тесноватая гимнастерка только подчеркивает богатые формы. Рядом с моторами стоял огромный тюк верблюжьей шерсти без охраны. Озорничая, Люба забиралась на самый верх тюка и со смехом скатывалась вниз. Подол ее юбки слегка задирался, смущая меня.

Однажды, в субботу под вечер, Люба подошла ко мне одна:

— Тебя когда сменяют?

— Да еще не скоро.

— Девчонки отпросились на танцы в клуб железнодорожников. Хочешь, пойдем в вагон, погреемся. Есть чай, хлеб, сахар...

Она посмотрела мне в глаза страшно откровенным, пугающим и мающим взглядом.

— А моторы? А винтовка?

— Спрячь в шерсть... Пойдем...

В вагоне сняла ремень, расстегнула пуговицы гимнастерки, обнажив

белые шары груди, порывисто обняла мою голову, прижала к себе, задышала часто... Под юбкой нижнего белья не было...

Так произошло мое первое грехопадение, мальчик стал мужчиной. Но это оказалось так просто, механически-примитивно, без обожания, без слез счастья...

Моторы, не охраняемые полчаса, и винтовка были на месте.

...Бил ветер жизни, листая дни за днями. Едва закончилась одна война, тяжелая, долгая — на Западе, как коротко прогремела другая — на Востоке. С ее окончанием началась моя островная жизнь длиною в шесть лет: землянка нашей эскадрильи на берегу океана, аэродром, полеты, наряды, дожди и туманы, свирепые ветры и метели, борьба с заносами, клуб, самодеятельность, новые встречи, новые разочарования... Но и в условиях непростой армейской повседневности я не забывал о том шоковом впечатлении от гибели Нины, когда словно оборвалась какая-то живая ткань души. Вероятно, нечто похожее испытал бы еще один человек, узнай он об ее смерти...

Середина октября 1945 года. Южный Сахалин, порт Отомари. Пахнет рыбой, смолеными канатами и японской рисовой водкой саке. Ждем посадки на пароход «Эрнст Тельман», который по пути на Камчатку захватит часть нашего авиационного полка и выгрузит на Курилах. Время стоянки каждый коротает, как может: одни прогуливаются по пристани, другие «добирают» за прежний недосып, третьи пробуют американские консервы, выданные в качестве сухого пайка, кто-то пытается с пирса ловить рыбу, некоторые наиболее шустрые ребята, успевшие овладеть двумя японскими словами «вакаранай» («не понимаю») и «ориготе» («спасибо»), отправляются за пределы порта, чтобы попытаться раздобыть саке. А мне интереснее наблюдать за подготовкой судна к выходу в море: как заливают в емкости питьевую воду, бункеруют уголь, заполняют трюмы грузами. Визжит паровая лебедка, «Вира помалу!» — кричит один из портовых рабочих, и кран поднимает с берега какой-нибудь ящик или баранью тушу, несет над палубой, останавливает над люком... «Майна!» — и груз исчезает в трюме.

Наблюдают за погрузкой и свободные от вахты члены экипажа. Снизу вверх вижу их фигуры, лица. Мое внимание привлекает молодой моряк — в мичманке, очень красивой куртке с молниями и капюшоном, подбитым белым мехом. Он облокотился о поручни и повернулся в мою сторону. Стоп! Где я его видел? Не могу вспомнить. И лица как следует издали не разглядеть...

Раздается команда строиться. Построились. Инженер полка «обрадовал»: на грузовом пароходе каюты для пассажиров не предусмотрены, нам придется плыть в пустом трюме. По трапу поднимаемся на палубу, но влезать по железной лестнице в трюм не спешим: надо попрощаться с берегом, с Отомари (который еще не стал Корсаковым), с Сахалином (который, оказывается, по-японски — Карафутто). На мостике появляется капитан: трубка во рту, черное пальто, белоснежный воротничок. Кто-то прокричал в мегафон: «Отдать швартовы! Выбрать якоря!» Выходим в Охотское море. Погода превосходная. Солнце. Штиль. Все сто авиаторов на палубе. Некоторые впервые видят так много воды вокруг. Только вода — до самого горизонта, темно-синяя, с прозеленью. Берег уходит все дальше... Ребята слоняются по пароходу: стрелки-радисты заглядывают в дверь радиорубки, техники спускаются в машинное отделение. А у меня

застрял в голове этот морячок — хочу найти. На полубаке слышны звуки гитары и знакомый тенор — матросы окружили нашего механика Гену Фокина. Он поет о том, как советские и английские моряки топят германские корабли:

И рейдеры рухнут под пеной седою,
Их путь безвозвратен, а рейд их глубок,
Останутся только дымки над водою,
Русский дымок и английский дымок...

Вдруг вижу среди матросов того, кого ищу, он уже переодет в простую парусиновую куртку. Увидел меня, пошел навстречу:

— Я, кажется, тебя знаю.

— И я вроде знаю.

Теперь могу рассмотреть его. Тот же, только стал повыше ростом, немного раздался в плечах. А лицом скорее похудел, на лбу ранние морщины, две, от крыльев носа до губ, довольно крупные. Но все равно красив: темные волосы, голубые глаза...

— Откуда сам? — задаю вопрос, который во все времена задавали друг другу при знакомстве молодые русские солдаты и матросы.

— Из Воронежа. Вернее, из Воронежской области, деревня Кучугурово.

— «Овцеплемхоз»?!

— Можно и так сказать...

— Так тебя Вадимом зовут?

— Будем знакомы, — шутит Вадим и протягивает твердую ладонь. — Идем ко мне, чего тут стоять.

Спустились в его каюту. Маленькая, но чистая, четыре койки, четыре рундука, столик, плафон, мягкий свет, иллюминатор.

— Вот тут наша обитель, квартира на четверых, нижняя койка у двери — моя. Нравится?

— По сравнению с казармой-то? Рай.

— В этом раю иногда выть хочется... Садись. Куришь?

Подвинул пачку заграничных сигарет. Непривычный сладковатый запах дорогого табака заполнил каюту.

— Кучугурово... — выдохнул он вместе со струйкой дыма. — Столько времени прошло, а все вижу, как ясным днем. Там ведь тетя у меня, на нее оформил аттестат... Я убежал от нее сразу после вашего отъезда в Воронеж. Хотел прорваться на Запад, но шла война, народ перемещался больше в другом направлении — восточном. Поезда уносили меня все дальше на Восток — на третьей полке, на крыше... Попадал в воровские кодлы «щипачей» (карманников), «вертил углов», то есть чемоданов. Мои поездные скитания кончились тем, что на одном железнодорожном вокзале во время облаты меня приняли за бродягу. В общем вагоне этапировали в Уссурийск, в воспитательно-трудовую колонию...

В каюту вошел парень: «Николай меня зовут. Ну, мне на вахту, я пошел...» А Вадим продолжал свой рассказ:

— В общем, чуть не пошел тюремной дорожкой, но вовремя понял — это не мое, неблизкое мне по духу. Короче, хватило сил вырваться, нашлись люди, помогли — послали в школу в юнг во Владивосток. Это было осенью 1942 года. Проучился почти год, хотели направить в военно-морскую спецшколу, но я отказался. Захотелось воли, романтики, начитался Джека Лондона. Пошел во Владивостокское морское пароходство...

Вадим помолчал, посмотрел в иллюминатор:

— Вошли в пролив Лаперуза, качка будет сильнее... Ну, вот в кадрах получил назначение на средний рыболовецкий траулер, палубным матросом. Чего захотел, то и получил...

Усмехнулся.

— Ты слышал что-нибудь о труде рыбаков в море? Уродуются там люди еще как. Сплавал две экспедиции, сети метал, рыбу солил. После экспедиции месяц гуляешь. Общага, монет заработал много, ресторан «Золотой Рог»... Были девки, были девушки из Рыбного института, неплохие... Но ни с кем мне не было так интересно, как с той девочкой из вашего класса — Ниной. Она меня понимала с полуслова. Мы с ней и разговаривали то считанные часы, а как много она успела сделать для меня. На годы хватило. Особенная она была, надежная. Когда мы с ней выходили из рощи, ты о нас подумал черт знает что. А я даже за руку ее не взял. И больше не видел. Кто-то сказал, что уехала в Воронеж, адреса не знал...

Теперь я стал рассказывать о том, как искал ее в Воронеже, как досадовал, злился, ревновал, как все это постепенно прошло и остались только грусть и благодарность. И надежда, что когда-нибудь (мне еще трубить и трубить) встречу. «На такой девушке я бы женился», — сказал Вадим. Что-то внутри кольнуло, но нечто более сильное, доброе, родившееся от исповедальной откровенности Вадима, взяло верх. Но говорить на эту тему мне больше не хотелось, спросил:

— А как ты оказался на этом пароходе? Слишком трудно было на траулере?

— Не в этом дело. Здесь труднее. Знаешь слово «инцидент»? Вот он и произошел инцидент в море, как любят выражаться журналисты. Ночью были на промысле, попался хороший косяк. Я стоял на тряске, рыбы по колено, все лицо в чешуе, спина болит, руки отнимаются, но страшно хочется курнуть хоть раз. Вынул «Беломорину»... А старпом пасть разинул и начал орать: «Салага! Не сачкуй!» Я сказал: «А пошел ты...» После этого нам вместе в море не ходить, одному кому-то списываться. Ну, не старпому же... Пошел я к капитану, он неплохой был мужик, учел ситуацию. На первой же плавбазе отпустил, справку нарисовал — по болезни. Во Владивостоке провалялся немного в общаге и снова в кадры: прошу направить на парход. Как раз на «Эрнсте» оказалась свободная роль, то есть должность. Кочегара. Прошел медкомиссию, курсы и вот уже полгода на этом пароходе и шлепаю.

— Вадим, ты сказал — здесь труднее...

— Понимаешь, на траулере, хоть и мотало нас и уродовались в море, но как-то дружно жили и работали. Мужики там никаких сантиментов не признают, но в беде всегда выручат. Мы все делали вместе, не очень разделяли — кто матрос, кто боцман, кто дрефмейстер. В котельной все кочегары, кроме меня, тридцатилетние старожилы, малограмотные, но выносливые, сильные, как лошади, и злые, как собаки. Звери друг другу никогда не помогут, думают только о себе — как больше заработать, сходить в «загранку», сколотить капитал, а когда придет время — списаться на берег, выгодно жениться, устроиться охранником в порт, купить дом, завести хозяйство... Их только большие деньги и держат в море. Правда, салагой меня не называют, но смотрят свысока: «Молодой, сгоняй на камбуз, узнай, что на второе...» Кстати, ты посиди, а я схожу на камбуз, принесу компот, поедим. Ты такого никогда не ел — только наш кандей умеет такой готовить...

Он ушел. Я внимательно обвел глазами каюту — на койке Вадима две книги. Удивился обеим: «Кола Брюньон» Ромена Роллана и «Физика» для средней школы Перышкина. Когда он вернулся, я листал книги, удивление еще не сошло с моего лица. Вадим это заметил: «Я всегда много читал, но здесь, на пароходе, понял: как много прекрасных книг я еще не знаю. Когда заходим в большой порт, две-три книги обязательно покупаю. Там, в рундуке, целая библиотека собралась. Иногда послушаешь ископаемых братьев-кочегаров — выть хочется, а лягу с книгой на койку и отдыхай душой».

— А «Физика» зачем?

— А это «дед» дал — главный механик. На каждом судне главного механика «дедом» зовут. Да он и немолодой уже, от моториста до второго человека на пароходе дошел. Его во всем пароходстве уважают. Знает, что у меня родителей нет — опекает, жалеет. Позовет в машинное отделение: «Ты еще молодой, жидкий, делаешь работу не по силам. Кочегар — это не специальность. Чтобы специальность достойную иметь, надо учиться. Ты, говорит, парень неглупый, смысленный и к выпивке, замечаю, не слишком тянешься. Я тебе дам учебники, изучай, вспоминай, что забыл, а почувствуешь уверенность — сдавай во Владивостоке экстерном в техникум или институт...»

Порубали компот, действительно отменный, а рогалики были еще вкуснее. Вадим собрал посуду, смахнул со столика крошки.

— В шесть часов мне на вахту...

— А мне можно с тобой?

— Я тебе говорил — тяжело, не выдержишь.

— На пикирующем летаю, к перегрузкам привык.

— Это совсем другое. Помнишь старую песню: «Товарищ, я вахту не в силах стоять, — сказал кочегар кочегару...» С тех пор немного изменилось... Да и хватятся тебя там, в трюме...

— Все будет нормально, договорюсь.

— Ну, смотри... Приходи через час. Нет, подожди. Погода испортилась, штормит, качка, захочешь травить — к борту не подходи, на море старайся не смотреть, смотри на палубу. В ваш гальюн не ходи, он из досок сделан и прикручен к борту с внешней стороны, висит над водой, не удержишься — может смыть, оправься у меня...

Я вышел на палубу, в лицо — резкий соленый ветер, за бортом — водяные горы, волны ударяют о борт, взметают пенные столбы, выплескиваются на палубу... В трюме некоторых уже вывернуло, мой начальник связи лежит зеленый, в ответ на просьбу только махнул рукой — иди. Но полежать время еще есть. Я лег на топчан. Укачивает, мутит, железные переборки поскрипывают, за ними, совсем близко, вода, слышу как-то глухие звуки... Пора. Встаю. В каюте Вадим бросает мне выстиранную рубу: «Одевайся, пошли».

— Котельное отделение, — сказал Вадим, когда мы вошли в довольно большое помещение. Много труб, окрашенных в разные цвета, наверху вентилятор, посередине котел, напоминающий огромную стальную бочку, с торца видны две большие трубы.

— Двухтопочный оборотный котел, — представил Вадим внушительную конструкцию. — Не самое новое достижение инженерной мысли, но и не совсем допотопный, вроде котла Ползунова конца восемнадцатого века.

Вижу несколько приборов, кранов, клапанов, читаю: «Указатель уровня воды», «Питание котла водой», «Контроль давления пара»...

— За всем этим я должен следить. Но главная работа у нас с тобой другая. Видишь ли, наша посуда не сдвинется с места, если в этом котле не будет пара. А его не будет, если мы с тобой не кинем в топку необходимое количество угля... С его заготовки и начнем.

Мы приняли сверху уголь и сгребли в большую кучу. Штыковая лопата в этом случае — очень удобный инструмент, но не для того, кто берет его в руки впервые. Через полчаса работы мои ладони жгло, руки болели...

— Теперь пошли к котлу. Видишь две топки? Первая моя, вторая твоя. Все, что буду делать я, делай и ты.

Вадим начал разводить огонь. Я делал то же самое: уложил в топку сухие дрова, зажег их смоченной в мазуте паклей, когда дрова разогрелись, подбросил куски угля. Потом лопатой стал подбрасывать угля все больше, сначала на переднюю часть решетки, затем на заднюю, как можно быстрее, чтобы топка при открывании дверцы охлаждалась меньше. Мы забрасываем уголь через равные промежутки времени. Появляется красное пламя с темными полосами. Смотреть в топку почти невозможно, жар уже нестерпим. Забросив по четыре-пять лопат, закрываем дверцы и, тяжело дыша, плюхаемся на угольную кучу. Мы уже по пояс голые, в одних рабочих брюках, обливаемся потом, с жадностью подставляем лицо и тело под мощную струю вентилятора, глотаем теплую воду из ведра. Кажется, поднять тяжелую лопату или удержать лом у меня уже не хватит сил. Но через минуту отворяю дверцу топки — кокс спекается, надо ломом приподнимать пласты шлака, чтобы воздух проходил сквозь слой горящего топлива... Пламя становится желто-соломенным, температура возле котла поднимается до сорока градусов по Реомюру, газы от угля, который мы периодически на полу поливаем водой, щекочет ноздри, дышать труднее. Угольная пыль, шлаки и сажа смешиваются с потом, грязные потоки стекают по телу...

Потом — чистка котлов, еще более тяжелая работа. Наконец, всю удаленную из топок и поддувал золу и шлаки убираем из котельного отделения, бадьей поднимаем наверх... Конец нашей шестичасовой вахты. Вижу подвахтенного кочегара, волосатого, гориллообразного верзилу с железными мышцами и цветной татуировкой на груди и спине. Посмотрел на меня с кривой усмешкой. Вадим говорит: «Пошли в душ». Шатаюсь, иду за ним.

Просторная кабина, зеркало, вижу свою физиономию, черную, как у шахтера, вылезшего из забоя, с ввалившимися щеками и страшно уставшими глазами. Вадим сует мне через приоткрытую дверь чистые кальсоны, тельняшку, махровое полотенце, туалетное мыло и мочалку. Сбрасываю грязную робу и вхожу в душевую. Тугие струи теплой, горячей, прохладной воды, давно забытый аромат туалетного мыла возвращают мне силы и свежесть...

В трюме мои товарищи мучались от качки, пароход добросовестно отсчитывал морские мили, а я упал на топчан и мгновенно уснул. Спал очень долго.

В шестом часу пополудни увидели один из островов Курильской гряды. Входим в большой полукруглый залив. В нем отражается громада потухшего вулкана. Небо прояснилось, ветер поутих, легкая бортовая качка. Все вылезает на палубу. Темно-синяя гладь залива, гигантская гора, словно вырезанная на перламутровом предвечернем небе... Потрясающая картина!

Около нас останавливается второй штурман парохода:

— Залив Хитокапу. Будете теперь каждый день на него любоваться. Напротив — поселок Оннебецу и ваш аэродром.

Поселка не видно, но мы замечаем, что какие-то суденышки направляются к нам.

— Самоходные баржи, — объясняет штурман. — К пирсу подойти не можем, выгрузим вас здесь. В сетке будем спускать на баржи...

Через полчаса мы готовы. Слышим знакомое «Вира! Майна!», и громадная «авоська» — сеть для подъема грузов — уже пронесит по 8 — 10 человек первых из выстроившихся ребят над морской бездной и шмякается на дно баржи.

Подходит Вадим. В куртке, той самой, что была на нем в день погрузки в Отомари.

— Выгружаешься?.. В сетке поосторожней... Ну что же, давай прощаться.

Пожали друг другу руки, не удержались — обнялись. Вадим сказал очень серьезно:

— Спасибо тебе, — и добавил шутливо, — пониже летай.

— А ты поменьше надрывайся в своей кочегарке.

— Ничего, выдержу... выплыву, — сказал бодро, а в глазах спряталась тоска.

— Ну, счастливо в море! — я старался казаться спокойным. Меня позвали, подошла моя очередь.

— Подожди, — Вадим снял с себя куртку и протянул мне. — На память.

Я вытащил мундштук из цветного наборного плексигласа, выточенного для меня чудесным механиком Жорой Бискэ в ПАРМе на Южном Сахалине, близ городка Оттай:

— Это тебе на память.

Вадим вставил в мундштук сигарету:

— Отличная вещь. Ну, пока.

Отвернулся, как-то сразу сторбился, быстро пошел к своей каюте. Больше я его никогда не видел...

Прошли годы и годы, много прожито и много пережито. Ничего уже не вернуть. Но около двух лет назад произошло почти физическое воплощение того, что было целую жизнь назад и казалось забытым, давно исчезнувшим, растворившимся в потоке времени.

...Закончились краеведческие чтения, я выходил из зала, меня остановила высокая пожилая женщина. Что-то мне в ее лице показалось знакомым. Неужели?.. Она опередила меня: «Да, Вера Комарова, узнать, конечно, трудно — прошло столько лет». Мы обнялись. Потом сидели у меня дома, жена накрыла стол, мы пили чай, а Вера рассказывала:

— В тот день, когда ты уезжал с мамой и бабушкой в эвакуацию, я откуда-то вернулась довольно поздно и узнала, что днем приходила твоя мама и отдала нам ключ от вашей квартиры. Так она и стояла пустая, я только один раз в ней побывала, 7 ноября 1941 года, когда на площади 20-летия Октября был парад. Туда не пускали, а из вашего окна хорошо было видно. Я высунулась и видела Тимошенко на коне, вернее — его спину, большую серую папаху и лоснящийся круп коня маршала...

Вера рассмеялась, а я спросил:

— Сами-то вы были в эвакуации, успели уехать? По ее лицу пробежала тень.

— Ты, наверно, помнишь: зима сорок первого — сорок второго года была страшно холодная, я тогда простудилась и долго болела. Между прочим, лечила меня Ребекка Матвеевна Мухина, прекрасный человек и врач. Ее немцы во время оккупации Воронежа расстреляли за укрытие раненых красноармейцев в ее больнице, она находилась в 29-й школе. Ее и расстреляли во дворе школы. Так вот, когда я немного поправилась, в начале лета мама (отец был на фронте) отправила меня в Тойду, к своей сестре. Сейчас я с ужасом думаю, что было бы, если бы немцы заняли это село и мама не успела приехать, а я осталась бы одна... Но мама приехала. Она работала главным бухгалтером на фармзаводе, руководящие работники, в том числе мама, уходили из Воронежа последними, уничтожив весь наличный спирт. Мама добралась до Тойды в одних босоножках и папином пальто. Тойду обстреливали, бомбили, помню, как дрожала земля. Из Тойды уехали на лошадях в Анну, это близко. Там — вавилонское столпотворение: люди сидели на земле, жгли костры, жены военных ждали какие-то машины... Мы забрались на ночь в пустой хлебный фургон. Утром прошел слух, что кто-то из начальства застрелился, паника усилилась. Нам надеяться было не на что. И вдруг проходивший мимо человек начальственного вида остановился около мамы: «Ася!» Это был начальник областного управления легкой промышленности, до войны работал с папой. Он нас и вывез в Борисоглебск.

На Борисоглебск были возложены функции областного центра, сюда должны были быть эвакуированы все областные организации. Но организованной эвакуации, как осенью сорок первого года, не получилось. Получилось массовое бегство. Не только многочисленные простые воронежцы добирались до Борисоглебска, кто как мог, но и само начальство. Все утряслось, но не сразу. Жить было негде, местные жители через забор спрашивали: «Кто? откуда?» — и на квартиру не пускали. Маме через военкомат дали комнатку в одном из домов авиационного училища имени Чкалова. Всю мебель составляла школьная парта. Мама устроилась бухгалтером — существовать можно было: выдали карточки, выстояв длинную очередь, получали какие-то бесплатные обеды. Мы даже ходили в театр, здесь был драматический театр имени Чернышевского, занесло в Борисоглебск и несколько актеров из областного театра. Актеры двух театров давали совместные концерты. Зимой зрители сидели в пальто и в головных уборах.

— Вера, и когда же вы вернулись в Воронеж?

— Через месяц после освобождения. Из Борисоглебска до Воронежа ехали в товарной теплушке более двадцати суток! Спали на канцелярских столах. Наконец, выгрузились в Воронеж. Не было вокзала. Грязный март. Не улицы, а горы кирпича, заваленного снегом. Везде предостережения: «Осторожно, заминировано!» Нас с мамой привезли в частный сектор, там дома сохранились. Высадили где-то под горой: «Занимайте». В пустой комнате стоял только старинный «беккеровский» рояль. Помогли растопить печку: «Живите!» Но на второй день мы нашли в доме два трупа: кем-то были убиты хозяева. Жить было страшно. Снова повезли на проспект. Обогнали лошадь, тащившую повозку, от толчка грубая ткань, которая накрывала повозку, сползла, и я опять увидела трупы. Нам дали комнату на пятом этаже чудом сохранившегося дома на улице Карла Маркса.

С первого дня у меня возникла мысль пойти туда, где мы жили раньше, на проспект Революции, 62. Но каждый день кто-нибудь подрылся. Моя мама смелее меня, вдвоем пошли по тропинкам, очень осторожно, мама впереди, я за ней... Нашего дома не было. На его месте — большая воронка. Края засыпаны снегом и, представляешь, торчат спинки наших стульев. Наклонилась, лежат наша вязаная салфетка и какая-то фотография. Вгляделась — класс, школьники, среди них узнаю тебя. Невероятно: дома нет, а листочек бумаги даже не помаялся! Я подобрала фотографию и хранила у себя шестьдесят лет. Надеюсь когда-нибудь отдать ее тебе. Ведь я уехала из Воронежа после окончания школы, в сорок шестом, в Ленинград, окончила институт иностранных языков, преподавала в институте гражданской авиации. Я хорошо знала и любила Ленинград, но меня всегда тянуло в Воронеж...

— Вера, ты, наконец, покажешь нам эту фотографию?

— Не покажу, а отдам. Вот она...

...В который раз вглядываюсь в карточку. Наш класс. Сфотографировались в начале июня сорок первого. Еще не зная, что завтра будет война, что мы отправимся в Кучугурово, не зная, что станется с каждым из нас потом. В центре — Мария Тихоновна. Как она была еще молода, а нам казалась... Скромная, но достойная поза, спокойное лицо, темное платье с белой вставочкой на груди. Стала заслуженной учительницей, своих детей не имела, умерла в 1969 году.

Слева от классной руководительницы — председатель совета отряда Света Коган. Пионерский галстук с металлическим зажимом, на платье значки — БГСО («Будь готов к санитарной обороне») и ВГТО («Будь готов к труду и обороне»). В начале семидесятых Светлана Моисеевна Коган уехала в Израиль. Писала Толе Овчинникову, что живет в Хайфе, втором по значению после Тель-Авива городе, получает хорошее пособие, на жизнь хватает. Первое время тосковала по России, по Воронежу, по друзьям, но потом повседневные заботы вытеснили это чувство. Живет жизнью своего государства.

Лучший друг Женька Громаковский. Скрестил руки, смотрит чуть исподлобья, наклонив круглую, упрямую голову. Очень любил свой завод, начал токарем — закончил начальником производства. Вышел на пенсию — и сразу инсульт.

Веня Сверчков. Маленький, да удаленький: окончил Саратовский университет, стал доктором физико-математических наук. Там, в Саратове, и живет.

Примерный ученик, чемпион школы по лыжам Лева Куницын мечтал об ученой или спортивной карьере, а стал летчиком-инструктором. Стал пить, был списан, появился в Воронеже, потом где-то затерялся.

Мишка Козлов. Кто бы мог вообразить, что этот тугодум станет директором крупного воронежского магазина.

«Очкарик» Толька Овчинников. Подполковником вышел в отставку, но еще несколько лет работал в отделе капитального строительства горисполкома.

Сема Полковецкий. Вьющиеся волосы, живые умные глаза, в школе писал хорошие стихи, но пошел на физмат, работал инженером-конструктором на Сызранском гидротурбинном заводе, вернулся в Воронеж, много лет трудился в космической отрасли.

А это — Еля. Смуглое личико, тонкие косички, детская шейка и большие восточные глаза. Она была первой, кого я разыскал в Воронеже. Даже не сразу узнал в этой энергичной, зрелой женщине прежнюю хрупкую, застенчивую девочку. Но глаза — продолговатые, ассирийские — те же. Вышла замуж за журналиста, работала заместителем главврача санатория, главным терапевтом города... Умерла на операционном столе, сорокалетней.

Рядом с ней — Нина...

Чуть в стороне от оживленной Театральной улицы стоит памятный камень. На нем маленькое изваяние мертвой голубки, как бы упавшей рядом с медной черной доской. Надпись: «13 июня 1942 года в бывшем городском Саду пионеров от бомб, сброшенных фашистами, погибло более 300 детей».

После возвращения в Воронеж, бывало, подолгу стоял здесь, читал и перечитывал этот текст. Вспоминал жуткие слова из письма Ели: «Бесильно свесившаяся с носилок рука... Ее набухшее от крови платье...»

Теперь все меньше хочется думать о них мертвых, о Нине мертвой. Представляю ее себе живой, как тогда, в те счастливые незабываемые кучугуровские дни. На пороге юности.

И печаль моя светла...

Александр Иванович Мальцев родился в 1948 году в селе Лесополяна Нижнедевицкого района Воронежской области. Окончил исторический факультет Воронежского государственного университета. Работал в Воронежской области учителем, директором школы. Служил в органах МВД. Публиковался в региональной печати, коллективных сборниках. Автор четырех поэтических книг. Живет в поселке Бор Рамонского района Воронежской области.

Александр Мальцев

МЕЛЬНИЦЫ

СТАНЦИЯ НИЖНЕДЕВИЦК

*Поезда усталые...
В памяти росчерк лиц...
С детства во мне составами
Станция Нижнедевицк!*

Из ранних стихов

Здесь,
В родном для меня захоlustье,
Деревенские мальвы цвели...
На картошке, на щах и капусте
От сохи, от плетня, от земли
В люльке ивовой с громким криком,
По-крестьянски пошитый лыком,
Из пеленок спеша в мужики,
Я все крепче сжимал кулаки.

Чтобы в травы скорее, к солнцу,
Где букашит лохматый шмель,
Слушать, как скрипит у колодца,
Важно кланаясь, журавель.

ТЫ МОГ БЫТЬ УБИТЫМ

Ты мог быть убитым, а вовсе не пленным,
И наспех зарытым войною-бедой.
В огромной могиле с братвою военной
Лежал бы в Крыму под высокой звездой.

С войны б не дошел до родного порога,
И мать бы не встретил, не стал мне отцом.

Завистливо глядели мы вослед
Велосипедам редким на дороге.

Зато, когда полуторка в пыли
Показывалась где-то на дороге,
Неслись за ней и ног не берегли...
О, как легко тогда носили ноги!

ПОМНЮ

Ту камсу на газете,
Пену пива и слов,
Помню гомон в буфете,
Толчею мужиков.

Отвоеваны страны.
Боль испита до дна.
Гомонят ветераны
Над бутылкой вина.

С костылями у стойки
У буфетчиц Марусь
Просит дяденькой водки
Победившая Русь...

СО ДНА ПАМЯТИ

— А ну, глазастый, вдень в иголку нитку, —
меня просила бабушка. Она:

— Какой там леший балует калиткой?
Посунется, глядит за занавеску.
Со вздохом оторвется от окна,
пошепчется с Царицею Небесной

И: — Ну, где ты, дед? Телка поить пора.
Сыпни курам, корове дай немножко.
Тут, глянь, их сколь — делов опять с утра,
а ты там затеваисси с картошкой...

— Не гомони, тут хворост не горит,
тут под загнетой ничего не видно.
Ну, пшел, проклятый, свет загородил...
Мычит телок. Телку и так обидно.

Кот на приступке жалок без тепла,
но печь тепла еще не накопила.
Плывут дымы над крышами села,
и дед впотьмах по сеням ищет вилы...

Их жизнь текла, и суетно стекла.
Она, как сон. Она — неповторима!
Там на погосте, на краю села
они лежат. Не проходите мимо.

МЕЛЬНИЦЫ

А еще было мельниц в округе, не счесть,
По ольшанским, ореховским кручам.
Где без крыльев, сходящие просто в навес,
Где крылами от ветра скрипучи.

Было форсом тогда увисеть на крыле.
Поднимали все выше и выше!
И сходилось все в точку внизу, на земле,
Чуя сердцем, как жердочки дышат.

А потом, как с обрыва, дугою и вниз!
И — как маятник, что на исходе,
Чтоб потом, как награда медалью: гордись!
Или что-то еще в этом роде.

От подобных игрушек в хребтине мороз
Даже нынче, когда вспоминаешь...
Но и в этом есть что-то, коль в сердце пронес —
Как себя ты иначе узнаешь?

Лишь сейчас, в этой мере жестоких забав,
В этой степени страха и риска,
Нахожу я разумность и степень добра,
Разнесенно в пространстве и близко!

Вот поэтому, встретив знакомых, узнал:
Как там мельницы те, а как эти?
Мне ответил знакомый — снесли «наповал»,
Как и не было мельниц на свете...

Как и не было бревен на конус вверху,
Шестерни наверху деревянной.
Даже привод на жернов, — он тоже в труху...
В душу ветер сквозно, окаянно.

СЕЛО ОЛЬШАНКА

Памяти Валентины Золотаревой

Месяц светел, белеют хаты,
Темен лес и блестит вода!
Как таинственные палаты
Соловьиный сад у пруда.

Выше церковь. За ней, далече,
Там, на самом верху, ветряк.
По холмам, будто шаль на плечи,
В лунном свете лежат поля.

К ветряку и туда, за мельницу,
Заворачивает тропа.
Редко кто-то случайно встретится,
Чтобы скрыться опять впотьмах.

Лишь старухи пройдут с узлами,
С вечной ношей в своих руках.
С голубыми, как небо глазами
И мечтою, развеянной в прах.

Пробредут по-старушечьи бережно,
Скрипнут двери, прольется свет.
Спит Россия ночная, безбрежная,
И конца ее отдыху нет.

ПОСЛЕДНИЙ СВИДЕТЕЛЬ

— Эй, памяти старая лошадь,
Поймаю — не дрогнет рука!
Так гибнуть выходят на площадь
Отжившие сроки века.

Из детства излом и провалы,
Изорванный в клочья бетон.
Тут долго земля пустовала,
Как не затихающий стон.

И мы уже стали большими,
И жизнь понеслась мимо глаз
В насквозь пропыленной машине,
Вовсю нажимая на газ.

...Вот тут она ахнула — бомба,
Вот тут и оставила след;
В кустарнике клочья бетона,
А больше свидетелей нет...

ДЕРЕВЕНСКИЕ УСАДЬБЫ

Говорят: патриархально,
Говорят мне, что смешно
Восторгаться днем пасхальным
И смотрением в окно.

Дорожить дерюгой в доме
Из старинного тряпья,
И вдыхать тепло и томно
Запах спелого жнивья...

Но во мне зовущестъ далью,
Пыль и хлопоты дорог.

Я люблю избу, фатально
Повалившуюся вбок.

В явь во мне:
хмельные свадьбы,
Топот пляса, пьяный гик,
Деревенские усадьбы,
Бабьих споров шум и крик...

В тишине мне больно уши,
Брошено стоят сады...
Луг не нужен, дом не нужен,
Конь не помнит борозды.

Как же быть? Что стало с нами?
Даль молчит, и холм, и лес.
Нет навоза под ногами,
Пуст сарай и гол навес...

Александр Мальцев

КОГДА МЫ РОСЛИ

Рассказ

Мы не выбираем ни время, ни место рождения, ни родителей, а все это однажды становится родным до боли и навсегда. У каждого болота свой кулик, у каждого кулика свое болото.

Солнце на станции Нижнедевицк вставало в Воронеже, садилось в Касторном. Орехово — на севере, на юге — Ольшанка. Больше нигде я так четко сторон света не ощущал. В промежутке между Нижнедевицком и Касторной чья-то авиация в войну разбомбила чей-то эшелон. Пацанвой мы слонялись по мелколесью возле железнодорожного полотна, собирая патроны и вообще все, что попадет под руку. Умиляли маленькие окаменевшие кусочки немецкого мыла, пластмассовые пенальчики с остатками какой-то мазюки. Поговаривали, что это немецкая мазь от пота. А вот снаряды были предметом особой заботы — их прятали по кустам. Тогда, в начале пятидесятых, для послевоенной детворы такого рода занятие было обычным делом.

Я вывалился из небытия как-то незаметно и непамятно. И хотя момент этот очень важный ощущением себя в осмысленном земном пространстве, с людьми он происходит длинно во времени: очень постепенно входя ощущением окружающего вначале неосознанно, потом осознанно, потом ярко сознанием зрелым, ярко и тускло одновременно сознанием угасающим, уходящим в старость. Жизнь — это короткие радости и растянутость печалей, это путь из небытия в небытие. Промежуточное состояние в ней не запоминается. Помнятся отрывки, куски, обрывки слов, картинки, выплывающие и тут же угасающие. Как только «выпал», как из гнезда, из детского неведения и начал осознавать окружающее, первыми, кого я узнал, были папа и мама, чуть позже — корова, потому что корова давала молоко. Ее я еще долго не видел, но слышал утробное «му-у» и пил ее молоко. Давала корова молоко теплое, а я любил холодное, на мой взгляд — недоенное. Если мне давали теплое молоко, я с ревом требовал недоеного.

Сестры тогда еще не было — она появится через семь лет, — поэтому, перескочив предстоящее, обозначились бабушки, дедушки, тети и дяди. Все они были почему-то большими, а я — маленьким. И хотя на этом обстоятельстве особенно внимания никто не обострял, мне это казалось очень несправедливым. Какой-то голос внутри мстительно шептал: вот вырасту!

Первые открытия, поразившие меня, мальчика, состояли в том, что знаемые мною тети Дуси, Моти, Насти, Раи и дяди Миши, Николаи, Петры были вовсе друг другу не родственники, а совсем-совсем посторонние люди. Этот парадокс порождал в душе моей бурю протеста. Я любил всех одинаково.

Потом-потом выяснится, что два рода объединили папа с мамой, а я для этих родов стал не просто объединяющим, я стал началом третьего. В нашем дому появлялись представители то одного, то другого семейства. На праздники они сходились в компанию, пили водку, закусывали, и им было весело, как будто и не было закулисных разговоров-обсуждений — кто какой.

Дядья с обеих сторон были добрые, простые деревенские мужики. У всех были жены, и мне казалось: нашли они их не где-то, а «всегда» жили-были с ними. Незамужние материны сестры до замужества по очереди, по старшинству или по мере взросления жили в нашей крохотной избенке. Их свадьбы справлялись тут же, и я робел при чужих людях — их мужьях.

После свадеб отец с матерью подолгу обсуждали, кто какой. Сначала обменивались мнениями за обеденным столом, потом подолгу шептались уже вечером в постели. Кстати, о постельных делах, мне кажется, я знал с рождения. Может быть, знание накопилось исподволь: оттуда чуть, оттуда кусочек, оттуда, еще оттуда — и сложилось в образ. Со временем обмены мнениями стихали. Компании на праздники собирались все многолюднее.

На вечеринках все разговоры выходили на войну. Ее вспоминали, она бесцеремонно влезала в разговоры, настойчиво напоминала о себе. Война во мне из-за этих разговоров разромантизировалась, стала неприятательской. Отец — все про плен, мать — про оккупацию. Продолжение толков о ней вызывало совсем иное отношение к тем, кто ее видел, к тем, кто о ней говорил. И это было плохо потому, что все путало и пониманию многое становилось недостижимо. Одно дело — долго пытали, он молчал, его расстреляли. Пришли наши. Торжественно похоронили, помнить пообещали! Это героизм! А рассказанное отцом что?

У молодоженов появлялись дети, мои двоюродные братья. Но когда они выросли, мы немного чурались друг друга. Видно, в программе природы они числились родней не первой.

Одно из очень сильных впечатлений связано с паровозами. Сегодня этих красивых сильных машин не увидишь, а тогда — от маленькой маневровой «кукушки» до тяжелого грузового ФД! В промежутке — этого вида голубовато-зеленые пассажирские.

Колеса у всех паровозов красились сочетанием красного с белым. Так вот, колеса паровозов и сводили меня больше всего с ума. Насыпь железнодорожного полотна метрах в ста от окон, и видеть ежедневно предмет обожания и не обладать им стало невтерпещ.

Однажды, когда паровоз подошел к колонке и машинист, повернув ее хобот, стал набирать в тендер воду, я решил идти снимать колеса.

Вытащила из-под колес мать. Крепко прижимая меня к себе, она с каким-то надрывным волчьим воем бежала к дому. А паровоз, густо окутанный паром, со свистом, с громким, как змей-Горыныч, шипением трогался с места и увозил так нужные мне колеса, выкрашенные белым с красным.

Дома мне что-то втолковывали, но я ничего не понял. Колеса, к моей великой горести и печали, продолжали катиться мимо без моего участия...

Памятны пустыри-плешины — место наших игр в лапту и прятки. Через весь поселок железнодорожная насыпь. На ней прожита чуть ли не большая часть детства и юности. Это, как бы сейчас сказали, был универсальный комплекс: детский сад, парк культуры и отдыха и даже участок производственной деятельности. И ничего, что многие лишились рук, ног и самой жизни. Каждый — и мы, и они тоже — полагал, что *этого именно с ним* не может случиться. Если б думалось иначе, не было б войн, никто б нигуда не выходил, да и человечество вряд ли бы состоялось.

На железнодорожной насыпи хозяйничала «кукушка» со знакомым машинистом. Она расталкивала вагоны под разгрузку леса, угля, досок. Все выгружалось прямо у насыпи. Мужики ставили лесины к вагонам снаружи, наклонно изнутри и с матом, с беспорядочными криками «давай, пошел, давай» выталкивали бревна. По лесинам они гулко скатывались вниз, образуя хаос. Здесь потом хорошо было играть в прятки. Ревели паровозные гудки проходящих составов, пахло разогретым креозотом от шпал, тонко выкрикивала «кукушка», а вдали, за будкой стрелочника, высокий семафор то вскидывал «руку» вверх — идет поезд, то опускал вниз — проезд закрыт. Здесь, в междупутье, в песке искали порох.

Лаконичен деревянной резьбой и великолепен торжественностью был деревянный вокзал постройки царских времен. Еще можно было прочесть кое-как забеленные таблички — указатели классности пассажиров с дореволюционной орфографией. Высокие круглые металлические печи в холодное время года топились углем. Намерзнувшись в долгих дорогах из дальних сел, пассажиры жалась к ним, грели об их поверхность руки.

Вечером зажигались расставленные по стенам на специальных полочках десятилинейные лампы. Они освещали ярче семилинейных домашних. Чуть в стороне от вокзала кирпичный полуподвал для хранения ламп с надписью над дверью с дореволюционной орфографией «Ламповая» на металлической пластинке. На его теплой от солнышка цементированной крыше мы, пацанва, проводили время в разговорах. Любили наш вокзал самозабвенно и ревниво, отмечая его преимущества в сравнении с другими вокзалами станций.

Привокзальную площадь-перрон окружали старые тополя в черноте гнезд и грачей. С раннего утра и до позднего вечера грачиный грай сливался с паровозными гудками, шумом и свистом пара, криками мужиков и грохотом выгружаемых бревен или досок, стуками молотков и мерными «хоровыми» криками путевых рабочих, подтаскивающих шпалы и рельсы для замены, образуя великое благозвучие памяти детства.

С торца вокзала буфет. Неповторимый, густо настоянный запах хамсы и пива. Сюда ежедневно сползались и съезжались мужики ореховские, ольшанские, местные. Два или три столика, пивные бочки. Тесно и потно. Мужики на костылях, на палочках, на протезах в форме бутылки горлышком вниз... Пивные кружки тесятся на столиках, на пивных бочках.

Гомонят, в основном, о войне, вспоминают какие-то бесконечные обиды, плачут, не стесняясь слез, с зубовным скрежетом. Иногда внезапно, как ураган, начиналась драка: звякало стекло пивных бокалов, хрюскали костыли, глухие удары по спинам и чавкающие по лицам, прерывистое дыхание...

Это была техническая необходимость, необходимость сброса «давления» эмоций, накопленных за годы войны в окопах, сброса переполненности несправедливостями жизни. Тяжело, как ход набравшему паровозу, тормозилась привычка решать все по-военному быстро и просто...

Раз в месяц, а может быть, чаще или реже на станции отцепляли вагон-клуб. На его «борту» во всю длину красовалась эта надпись. Из вагона вытаскивали движок с генератором и подолгу пинали. Выворачивали свечу, чистили контакты магнето, разбирали карбюратор и после установки каждого прибора на место пинали, пинали, пинали...

Наконец агрегат давал вспышку, окутываясь синим дымом, потом другую. Частота пинаний резко увеличивалась, увеличивалось время «схватываний», пока очередное схватывание не перерастало в ровный стрекот. И мы, пацанва, и потный от старания пинальщик-моторист переводили дух: слава Богу! После запуска агрегата на всю станцию, до самых-самых дальних ее уголочков, доносился разливистый голос Лидии Руслановой, с блатцой — Леонида Утесова, вкрадчивый — Марка Бернеса.

Теперь надо было попасть на *этот* сеанс. Сеансы будут и потом. Сеансы будут повторятся столько, сколько вагон-клуб простоят в нашем тупике, но попасть надо на этот. У входа черная толпа и нам, пацанве, просочиться сквозз эту густую массу нет никакой возможности. Мы обречены войти последними. Наши пятьдесят копеек в руке, либо пятаками и мятыми двушками, либо трешками и копейками, побывавшими под битой в игре «бе-бе», влажны от пота. И вот билет оторван, и через коротенький коридорчик с запахом туалета — в «зал». Наши места почти впритык к экрану, и потому смотреть можно было только в полулежащем положении. Но неудобства не замечались. Мы впитывали экранную романтику принципиальности, самопожертвования, героизма и еще многое из того, что несли наши тогдашние фильмы. Сзади мерно стрекотал киноаппарат «Украина».

Где-то в середине сеанса включался свет, выводя из забытья. Вставляли бобину с лентой второй части, гас свет, стрекот аппарата возобновлялся, и мы вновь погружались в мир грез с красивой любовью, с красивыми людьми, с красивыми поступками, с торжеством справедливости и чести.

По вечерам «дышал» паровик водокачки. Может быть, он «дышал» и днем, но его дыхание перекрывалось другими звуками. В домах, а правильнее — избах, крытых соломой, с земляными полами, загорались желтым светом семилинейные керосиновые лампы, и необыкновенный вечерний уют и покой входили в жилье. Доили коров, управлялись по хозяйству, жарили на ужин картошку. И еще долго в моей памяти, несмотря на взросление и изменение образа жизни, запах керосина и жареной картошки связывался с детством, а еще — с «большим домом».

Двухэтажное пристанционное здание, тоже царских времен, с тесными клетушками-квартирами железнодорожников. В длинных коридорах уютно шумели примусы, чадили керогазы, уютно пахло пищей, и нам, нездешним пацанам, жизнь в большом доме виделась малиной. Пацаны большедомовские глядели на нас свысока. Их отцы водили поезда, были дежурными по станции, путевыми обходчиками, стрелочниками...

Рядом с домом на пустыре шли бесконечные городошные бои, игра в «бе-бе» на деньги, собирались вечерние «улицы» с гармошкой, частушками и лихой матаней. Солдатские вдовы, еще совсем молодые, лузгали на лавочках семечки, смотрели на счастливую молодежь, думали свои тогдашние совсем не веселые думы. Потом они как-то совсем незаметно заторопятся к мужьям своим — без них, видно, и жизнь была не в жизнь!

Я из них, вдов большедомовских, запомнил Нину Павловну Полухинову. Она курила завернутый в газету «козьей ножкой» самосад, говорила

грубым мужским голосом. Двое ее сыновей родились до войны. Поднимала, ставила на ноги она их одна.

Некоторые большедомцы, нахлебавшись коммунальщины, начинали строиться, но процесс затягивался на долгие годы. Работа, безденежье. Дома закладывали побольше, в расчете на сынов. Надорвавшись, сами умирали рано, едва успев вселиться, сыновья уезжали в город, минуя все удерживающие крепостнические рогатки.

Позади большого дома каменный пакгауз, развороченный взрывом. Высокие стены, глубокие провалы подвалов — место наших игр в «латки». Игра очень подвижная, эмоционально насыщенная, но никто не разбил, не сломал руку или ногу в азарте игры. Бойкие, цепкие и крепкие росли пацаны после войны. Вообще игры послевоенной детворы были жесткие, бескомпромиссные. Мы добирали то, что должны были получить в случае продолжения войны. Видимо, так заложила, запрограммировала нас природа на всякий случай. Во время игр в войну рукопашная до первой крови, пытка «языка» до предела возможности терпения. И упаси Бог от идеологической невыдержанности — сразу схлопочешь «в рыло»!

Против вокзала через железнодорожное полотно — «Вторчермет». Сюда мы приходили вооружаться. Высокие штабеля касок, кучи негодных автоматов, винтовок, пулеметов. Обвязывались пустыми пулеметными лентами, надевали каски, подбирали оружие, и луговина нашей Ломихи превращалась в поле боя. Крики, азарт «войны» с мордобоем рукопашной, пытки «языка», атаки.

Волоча тяжелый «Дегтярев», я тогда думал: как же с такой тяжелой железякой, да еще под пулями бежать по глубокому снегу или по неровностям местности в атаку? Неужели, кроме этого архаизма, нет ничего другого? Зачем в лоб, когда можно обойти? Но с годами стратег во мне благополучно умер, осталось неприятие убийства человека вообще и в межгосударственных спорах в частности. Мне стало чуждо и противно понятие: уничтожить противника. Он — человек одной нации, я — человек другой нации, другой веры, почему вдруг противники? Это глупость властей. Иногда думаю: создать бы международное правительство из простых рабочих на временной основе типа ООН и запретить воинскую повинность и право правителей использовать мирных людей в военных конфликтах. Запретить использовать мишенью силуэт человека, показывать в фильмах и на телевидении убийство и прицеливание, направление оружия на человека признать тягчайшим грехом, задействовав церковь. Изъять изделия и запретить производство детской игрушки военной тематики, военных машин, оружия. Признать, в конце концов, аморальность убийства. Человека, свершившего такое, рассматривать как нечто выходящее за рамки понятия — человек. И наступил бы, пусть не сразу, конец войнам.

Когда на носу появились конопушки, отец пошутил: «Это ржавчина с каски осыпалась...».

Хотелось скорее пойти в школу и вот почему: стоял на отшибе железнодорожный вагон без колес с множеством лючков, дверок, решеток и везде были надписи по-немецки. Читать я выучился рано. Особо запомнилась книжка про курящего медведя. Мне казалось, научись я читать по-ихнему, все пойму.

На слух различали марки паровозов, грузовые и пассажирские составы. По-настоящему завидовали машинистам паровозов. Часто шли эше-

лоны с солдатами. Двери грузовых вагонов были открыты. Доска или рейка поперек входа и множество лиц...

Через лощину, ту самую Ломиху, жили Клюевы — дядя Яша и сыновья. Старший Андрей уже тогда водил пассажирский. По вечерам они выносили на крылечко мандолину, балалайки и играли красивые нежные мелодии...

Тот бок через лощину потому и назывался тем, а не этим. На том боку не было даже колодца, и за водой тамошние жители ходили по тропке вниз меж трав и кустарников туда, на самую луговину Ломихи. Колодец тот был очень старый, обомшелый с дощатым овершьем. На том боку, кроме дяди Яши, жила женщина, показывавшая мне в гробу носочки на ногах покойного моего деда. Жил еще мой сердечный друг со своей мамой и отчимом Иваном. Чуть дальше очень бедное семейство в малюсенькой избенке — Пряткины. А дальше — семейство машиниста паровоза с женой и двумя детьми, девочками. «Девятый завод» — подворье Машки-самогонщицы с дочерью и сыном.

С будущим другом меня сблизил его гости. Они приехали с двумя девочками и вскоре уехали, подарив ему на прощанье платье. Прослышав о таком событии, пацанва двинула на тот бок глядеть на мальчика в платье. Около хаты лежали две большие плетеные из лозы корзины, а возле корзины играл белокурый мальчик в платье девочки. Это сейчас я понимаю: недавно закончилась война, солдат с пробитыми легкими пришел домой и, слава Богу, успел сотворить белокурого мальчика прежде, чем умереть от ран.

Женщина, мать белокурого мальчика, подобрала где-то старого каторжника Ивана, чтоб не быть одной, привела к себе. Мужик отбыл на Колыме лет десять. Намерзся, оставив в далеких краях зубы и здоровье за двусмысленную частушку. Теперь зимой и летом ходил в валенках и телогрейке. В крохотной избе не сиделось каторжанину, гнал он на улицу маму с сыном, сам туда выскакивал, орал непотребное так, чтоб всем и на том и на этом боку было слышно. Ночевали они, где придется, а Иван кочевряжился, уходил в соседнюю деревню к брату. Менять же Колькина мама — Шура ничего не хотела. Она шла в соседнюю деревню за Иваном и без него оттуда не возвращалась.

Как все русские бабы, не несла, а надрывно волокла она свой крест, топя железные печи на вокзале, сметая и смывая там зелень мужицких харчков, кормя Ивана с Колымы и поднимая сына. А мы тогда шли на тот бок с враждебным настроением-намерением наказать отступника от мужских правил: носить штаны, а не бабье платье. Но пока дошли, позабыли, зачем шли, или хотели позабыть, потому что сердца наши еще не ожесточились, не взматерели. Кольку мы «в стаю» приняли, и он с тех пор играл и взрослел с нами.

Обходил я, много лет спустя, подворья людей с «того бока». Шемящая душу боль как навалилась на подходе к развалинам брошенного жилища, так не отпускала до конца. Давно умер дядя Яша, зарабатывавший на жизнь клейкой галош, копчением сала, подшивкой валенок. Закрутила любовь на стороне Андреева жена, и он запил, запил в темную голову и умер на вокзальной лавке, и теперь это некогда аккуратное и ухоженное хозяйство догнивало, брошенное людьми, позабытое Богом.

Другой сосед, теперь уже с этого бока, путевой обходчик дядя Ваня, дышал часто и сипло. Во время войны машинистом паровоза вел он состав. Возле хутора Боевой Сигнал, что в трех километрах от нашей стан-

ции, состав настиг немецкий бомбардировщик. Осколок бомбы тяжело ранил машиниста. Дяде Ване тогда удалили легкое.

Путевой обходчик в будни, подрабатывал он по выходным на выгрузке из вагонов угля, леса. Мужики по окончании выпивали, а он, купив буханку хлеба, съедал ее и шел достраивать свой дом. Последний раз видел его стоящим у дороги. Почти слепой, опираясь на палку, смотрел или слушал он проходящие поезда и думал о чем-то своем. Узнал меня, нет — не знаю. Помню, на приветствие «засипел», перегоняя воздух остатками легкого:

— Сколько могил выкопал, а покойников не видел. Отломишь доску, а там черная паутина и пусто. Кто ее там, эту паутину, натягивает, зачем? Скоро самому туда, вот штука-то!

Проезжая поездом Боевой, смотрю всегда в окно. Слева, по ходу на Воронеж, у железнодорожной насыпи большая оплывшая воронка, уросшая кустарником. Летом здесь бушует разнотравье, гудят шмели и крупно краснеют ягоды клубники.

Роман Палехов

СИЯНИЕ НАД БОЛЬШИМ ХИНГАНОМ

Главы из романа

Роман «Сияние над Большим Хинганом» написал Роман Яковлевич Палехов (настоящая фамилия Гребенкин), который родился в 1923 году в городе Нижнедевицке Воронежской губернии. Он окончил Высшие литературные курсы, работал в аппарате правления Союза писателей РСФСР. Писатель был участником Великой Отечественной войны, которую закончил на Дальнем Востоке. Тем событиям и посвящены главы из романа, с которыми мы предлагаем познакомиться читателям.

Над Большим Хинганом — беспокойное, все в движении небо. Где-то прошли дожди, и к самым кручам хребта приплыли холодным туманом разреженные облака. Двигается дымка, стелются на глыбы камней клочья тумана, в вышине быстро несутся плотные серые тучи... Из глубоких ущелий солдаты глядят только сюда, только вверх: они хорошо понимают, отчего это так тревожно бьется небо об огромные мертвые кручи. И не то от усталости, не то от нетерпения взять скорей последний подъем, им чудится, что не тучи плывут, не хлопья тумана стелются, а неудержимо валятся вниз сокрушенные горы...

— Скорее, на перевалы, чтоб не случилось того, что было в Халун-Аршане! — так сказал генерал Бородин вчера, когда стало известно о встречном движении японской дивизии.

Подполковник Аверин вспомнил эти слова сейчас, когда большая дорога через Хинган, наконец, навилылась и пошла круто вверх, на подъем, будто прыгнув в беспокойное небо. Привстав в стременах, командир полка потянулся к биноклю. Перед ним вздымалась стена. Дорога у высокой разлатой горы растекалась на два рукава; идти нужно было налево, к этой стене. Как идти? С одной стороны громоздится скала, с противоположной, как бараний лоб, наперла другая. «По бережку... — развернул Аверин на седле карту. — Ничего себе — бережок! Только что с самолета он и может показаться положим... — И опять приставил к глазам бинокль. — А-а... Вон он, сам Колчин! Карабкается... Ну что ж: понадеемся. Он все-таки ловкий мужик... А японцы-то — опоздали! Вот не понасажали бы они, сволочи, смертников в укрепления...»

Обе горы составляли ущелье, а ущелье переходило в овраг, который и упирался в отвесную стену. Была лишь одна возможность приблизиться к перевалу — по овражному берегу. Колчин так и повел свою роту, а вместе с ней спешившийся эскадрон цириков, самоходки заставы, потом головной батальон. Он шел уверенно, потому что давно с профессиональной точностью разведчика и геолога выверил на карте каждый отрезок подъема и потому что подъем этот имел возможность осмотреть с самолета.

Когда Аверин увидел, что самоходки, кособочась и останавливаясь, как обессилившие жуки, все-таки приблизились к перевалу, из могучей груди его вырвалось:

— Полк, не стоять ни секунды! Комбаты — ко мне! Знамя полка рачехлить — и вперед! Где Головач? Ни иголки мне здесь не забыть: все на ту сторону перебросить. Приказ — штурмом взять перевал!..

Начался штурм.

Головной батальон пропустил вперед пушки на конной тяге — для пробы. С диким ржаньем, оступаясь на острых камнях и кровавая ноги, кони рванули вверх, на берег оврага. Постромки натянулись струной; солдаты схватились за них, подцепили лямки, впряглись. Свистнули кнуты, и, чуть не перевертываясь на выступах камня, пушки медленно двинулись в гору. Крутизна оказалась большой, и напрямик кони идти не могли — они стали бросаться из стороны в сторону под разногласные крики ездовых. Место дальше гиблое было: справа — гора, слева — кромка оврага, обрыв. Стоит коню немного оступиться на острой каменной глыбе — и не собрать тогда ни лошадиных костей, ни обломков железа. Развернуться же негде: рядом пробуют силу моторов и ловкость рук шоферы — они крутят туда и сюда баранки на полный винт, жмут ногами педали, стараясь тоже зигзагом въехать на гору. Две машины одолели гиблое место, но одна, груженная сверх всякой нормы, покатила с металлическим визгом назад: не выдержали тормоза... В открытой дверце мелькнуло перекошенное лицо шофера: грузовик летел в гущу людей и орудий. Другого выхода не было, и шофер круто повернул руль. Машина ударила правым бортом о камни. На глазах полкузова разлетелось в щепки, а поклажа рассыпалась и покатила вниз.

— Не плошай, браток! — кричала пехота другому шоферу, который тоже едва удерживал грузовик на тормозах. — Брешет, возьмем! А ну, навались! Подхватим машинку! З-заводь!..

— Он же, ребята, которые сутки не спит, — начал оправдывать своего сослуживца водитель. — Когда ж ему было чинить тормоза?

Перевал исчез в пыли и дыму. Где-то вверху, в невидимом небе, шли самолеты; гул их слился с ревом танков и воем машин. Стало совсем как в бою, только никто не стрелял, а может быть, и стрелял, да не было слышно.

Сержант Головач, развернув на ветру алое Знамя, как на крыльях, летел к перевалу. Держа древко за самый конец, чтобы полотнищу было свободней, он по-горняцки ловко, надежно ставил ноги на острые камни. За ним спешили бойцы знаменной охраны.

— Солдаты, не подкачать! Весь Китай с перевалу виден! — бросил Головач через плечо.

— И Москва!

— И Берлин! — подхватили стрелки.

По выступам камня, как по ступенькам, солдаты сначала даже на

гору пошли друг за другом, не нарушая строя. Но подъем становился все круче, и колонна спуталась, изломалась. Солдаты начали карабкаться, хватаясь руками за глыбы. Потом совсем стало трудно. И вот, прижавшись к камням, один протягивал руку вверх, подставляя ее под сапог смельчаку — для опоры, другой, усевшись на ослизлый обломок и намотав ремень на ладонь, подавал конец тяжело нагруженному бойцу.

Облепила пехота крутую стену...

Генерал Бородин подъехал к последнему перевалу, когда все самоходчики, автомобилисты, ездовые и идущие в пешем строю убедились, что хоть и с огромным трудом, но подняться на перевал все-таки можно. Приказав шоферу убрать машину, комдив принял рапорт Аверина:

— Полк берет перевал. Через двадцать минут первый батальон будет на той стороне.

Бородин протянул подполковнику руку, хотя и видел его уже несколько раз.

— Все, товарищ Аверин, идет хорошо, — оказал он. — Японцев мы обскакали. — Комдив стал жать руки всем, кто подходил к нему: заместителю Аверина по политической части, командирам двух батальонов, офицерам-артиллеристам, начальнику штаба полка, гвардейцам-минометчикам, совсем незнакомым ему людям...

Подъехал начальник штаба дивизии полковник Березин. Генерал прервал разговор с офицерами и начал отдавать распоряжения для передачи их командирам других частей о чередовании техники, транспорта и колонн пехоты на крутизне, о том, как следует распределить место на перевале.

Потом он повернулся и быстро пошел в гущу солдат. В общем строю, как солдат, он и стал подниматься к последнему перевалу.

А на перевале получилась задержка. Командир бригады тяжелых танков послал вперед несколько боевых машин в качестве пробы, и первая же машина загородила узкий и неудобный спуск. Этот спуск был не то что крутым, а просто-напросто страшным. За перевалом лежало ущелье — глубокое, мрачное и глухое: по верху его тянулись гребни высоких стен, поставленных друг против друга. Тропка на перевале обрывалась возле каменной глыбы, а потом словно падала вниз: она была ровной, как узенький водопад, и ни в одном месте не изгибалась... По днищу теснины вилял мелкий, промытый водою овраг, а выход из нее был похож на щель между черными кривыми зубами; на выходе плавал туман в два этажа... Подъехав к каменной глыбе, механик-водитель притормозил гусеницу и занес правый борт, чтобы двойным поворотом приблизиться к спуску. Но танк сорвал с камня дерн и поплыл боком вниз. Длинная пушка описала в небе дугу, и через мгновение ока машина повернулась кормой вперед. Получилось так, что у механика-водителя теперь позади были откос и тропинка, которых он видеть не может, а перед люком — высокая глыба, на которую ни за что въехать нельзя. И развернуться негде.

Тяжелый танк повис над обрывом, перегородив единственный путь. Только пехота могла пройти возле него. Экипаж оставил машину. Механик-водитель, скрипя зубами и бормоча что-то под нос, бегал кругом, ложился у гусениц, проверял на глаз крутизну, измерял землю шагами в самых различных направлениях. Поднявшись на глыбу, он увидел, что все мало-мальски свободное место на перевале забито машинами, самоход-

ками и пехотой, потом бросился к самой круче, но быстро ушел от нее, стуча кулаком себе в грудь и бормоча еще громче, словно отчаявшись.

— Спокойней, — посоветовали ему офицеры. — Возьми себя в руки.

Офицеров возле танка столпилось много, и механик ответил всем им сразу:

— Да я-то — черт бы со мной, хоть и расшибусь. А вот машины не будет. И задержал сколько войск!

Он юркнул в люк. Офицеры накинудли петлю стального каната на кормовой рым, а петлю на другом конце — на рым второй, стоящей сзади, машины.

Наконец, механик-водитель дал газ. Люди стояли с замершими сердцами.

Танк громыхнул гусеницей по камню, подался чуть вверх, завернул — и остался стоять боком на глыбе. Теперь из башни, из верхнего люка, можно было бы прыгнуть в самую пропасть...

В этот момент генерал Бородин с Авериным и оказались на перевале.

Ничего не сказав комдиву, командир полка подошел к танку. Всегда краснолицый, он сейчас побледнел и гневно поджал губы, отчего его упрямый нос сделался очень горбатым. Вид у Аверина был такой, будто он решил вытащить механика-водителя за воротник.

— Ты ш-што? — зашипел он, заглядывая в открытый люк. — Первый раз едешь?!

— Первый раз, товарищ подполковник... через такую кручу...

— А ты знаешь, какая это круча?

— Так точно, знаю.

— Ну, гляди, если знаешь. На меня чтоб обиду потом не имел. Вот так.

Аверин отошел и, растопырив ручищи, стал ждать.

Крен был очень большой. Правая гусеница вместе с катками зарылась в землю, а левая, верхняя, будто только слегка прикасалась к каменной глыбе. Казалось, стоит включить мотор, и танк перевернется от одного звука. Нужно было живой представлять машину, чтобы хоть чуть надеяться на ее благоразумие... Но механик-водитель, наверное, больше надеялся на себя и только поэтому рискнул переключить рычаги.

Нижняя гусеница осталась на месте, а верхняя простучала по камню. На секунду танкист включил заднюю скорость; вслед за этим он заглушил мотор и отпустил тормоза.

Стальная крепость проутюжила камень и плавно поехала вниз.

Аверин вынул огромный платок и вытер вспотевшие крупными каплями шею и лоб.

— Сук-кин сын, вывернулся! — проговорил он. — Медаль ему «За отвагу»! Чей это солдат?

— За мастерство, — сказал уже рядом стоявший комдив.

— За мастерство — медаль «За отвагу». Жаль, что нет медали «За мастерство», а то бы я настоял, чтоб ему две сразу вручили. Вот это танкист! На пятаке развернулся... Так чей же это солдат? — не уgomонился Аверин. — Ваш? Адъютант, запиши номер части, фамилию, имя и прочее... Головач! — обернулся он назад, где на перевале стоял сержант, державший распластанное на ветру полковое Знамя. — Поднимись-ка повыше, вот на эту скалу. Будешь стоять, пока весь полк не пройдет. И пусть Знамя далеко будет видно!

В дивизии были данные, что японские укрепления под Миньшуй-Голом и Учагоу так и остались не занятыми врагом. Однако и полковник Березин, и начальник разведки, и командир дивизии генерал-майор Бородин предпочли все-таки проявить осторожность: ведь они, то есть командование головной дивизии, несли всю полноту ответственности за обеспечение выхода армейских колонн в долину Таоэрхэ. Японцы не стояли на месте на одной минуты, и верить даже данным непрерывной авиационной разведки никто, конечно, не осмелился бы. Да и как они могли верить, если уже были известны все подробности боя, происшедшего за хребтом, в долине Таоэрхэ, два-три часа тому назад. Гораздо раньше основных сил армии последние кручи взял передовой подвижной отряд, организованный командармом из подразделений самоходчиков, танкистов, истребителей танков, гвардейцев-минометчиков и мотопехоты. Этот быстрый и сильный отряд выскочил на шоссе, что вело к первому маньчжурскому городу Солуни, и налетел на полностью готовый к бою японский артиллерийский полк. Долго отряд не задержался: хотя он и понес потери, но полк был раздавлен. Генерал Бородин точно знал, в каком месте, с какой целью и какими силами враг сделал попытку ввязаться в бой, и у него не оставалось сомнения в том, что надо ждать решительных и, поскольку это были японцы, скрытных и неожиданных действий.

И подполковник Лихачев приказал Колчину выслать в ущелье разведгруппу с радиостанцией.

На это сложное и опасное задание старшим пришлось идти младшему лейтенанту Василию Ступачеву.

Со Ступачевым шли ефрейторы Бекас и Королев, Машкин, радист Пилипенко с напарником. Сам Колчин остался с другой радиостанцией на перевале, держа двустороннюю связь — с разведгруппой и личной радиостанцией начальника штаба.

Поднявшись первыми на перевал, разведчики остановились. Колонн тогда еще не было видно, и лишь несколько верховых показалось из-за горы. Последний, самый высокий хребет! Направо, на юг, и налево, на север, тянулись такие вершины, громаднее которых не было уж ни спереди и ни сзади... Полюбоваться бы, запомнить величавую эту картину навек — такой ведь случай дается раз в жизни, да и дается не всем, — но надо спускаться, работать, разведывать путь полкам.

— Не даром спешили! — сказал Пилипенко, зная, что, несмотря на предстоящее опасное дело, все переживают торжественное волнение.

— Да уж что говорить, поднабил бы нам здесь япошка, если б хребтину занял! — выразительно проговорил Машкин, дивясь всему на свете: и движению туч, и молчаливому покою диких гор.

— В том и стратегия, чтобы бы да не бы, — буркнул Ступачев, стоя перед обрывом и глядя вниз, вдоль отвесной тропинки. Глаза у него были узкими, а ноздри раздувались. — Только где ж эти самые укрепления, товарищ капитан?

— Смотри лучше, — коротко предупредил Колчин. — Террасы дорог подходят к обеим стенам с противоположных сторон: где-то должны быть и амбразуры.

Солдаты переглянулись, а Королев сделался бледным, как мел. Все понимали, на что идут: ущелье может заговорить пулеметным огнем, и, если это случится, живым никому не уйти.

— За мной! — тихо скомандовал Ступачев.

И комочки бойцов покатались по спуску без остановок. Над ними быстро выростали высокие, мрачные стены ущелья.

Оказавшись на дне ущелья, разведчики сбились в кружок, посоветовались. Младший лейтенант назначил парный дозор: он назвал Машкина и Королева; старшим считался Машкин.

Ущелье молчало. Но под ногами разведчики видели свежий след телеги и лунки конских копыт... Этот след спускался в промоину высохшего ручейка, а промоина медленно углублялась, превращаясь в овраг. Бывший конник и старый разведчик, младший лейтенант Ступачев уже сделал вывод, что здесь проезжала военная бричка — об этом говорили следы от подков — и что проезжала она недавно.

Машкин и Королев шли вдоль овражка, но не по дну, а по верху, по берегам: дозор по дну оврага не ходит. Ступачев с радистами и Бекасом двигался сзади, по дну. Королев был напряжен до предела. Изо всех сил он старался быть не хуже других, но стоило Машкину оступиться, как ноги у него сами собой подламывались в коленках. В такие мгновения он испытывал самое ужасное чувство: испуг то и дело оказывался напрасным, а каждое новое усилие сдержаться в следующий раз ни к чему не приводило. Наконец, рот необстрелянного бойца стал сухим, а в горле у него закололо. Младший лейтенант Ступачев приказал Королеву не пропустить мимо глаз ни одного подозрительного пятна по левой стороне ущелья — такое пятно может скрывать какой-нибудь признак укрепления, и он, Королев, сын сибирского охотника, должен увидеть, увидеть дот во что бы то ни стало, иначе безвозвратно пропало все: и честь, и прошлая заслуга, и право называться разведчиком. Только не подводили бы ноги: Машкин хоть на него и не смотрит, но все равно видит — это уж Королеву известно...

А Машкин тоже не был спокоен. Его тонкая, небритая из-за вечной нехватки времени шея легко и быстро вертелась в воротнике гимнастерки. Возможно, что он и робел, однако Королеву этого не казалось.

Так разведчики шли долго, начиная думать о пределе этого напряжения. И было не удивительно, что они никак не могли свыкнуться с гнетущей тишиной ущелья: никаких признаков вражеских укреплений не обнаруживалось, а самоходки заставы все не нагоняли их. Разведчики оторвались от своих. Поняв состояние бойцов, Василий Ступачев, у которого от волнения на виске билась кровь, остановил дозор.

— Машкин, — сказал он обычным, немного придирчивым тоном, который выработался у него в бытность старшины роты, — чтобы завтра к утру выбрился, как полагается. А то у тебя шея, как у общипанного чочета...

Этих слов, пожалуй, было более, чем достаточно — глаза у солдат немедленно повеселели, — но Машкин ответил:

— Слушаюсь. Мыла будет в достатке: япошка, видать, все трущие места очень жирно намылил: до Порт-Артура ему бежать — дорога не ближняя.

— Ну, это ты брось! — подправил его Ступачев. — Плохо глядим, вот ничего и не видим.

— Да вроде не плохо.

— Все. Шагом марш.

И только взобрался дозор опять на берег оврага, как сам Машкин

шарахнулся вниз, обратно в овраг. Королев сделал то же самое. Обдирая о камни живот, локти и подбородок, ничего не понимающий, малоопытный сибиряк сполз, как пришлось, под откос; руки его сами собой взвели автомат. Он оглянулся. Крепко прижавшись к земле, все пятеро разведчиков смотрели куда-то наверх, а Ступачев полз по кромке оврага к груди камней. «Проглядел», — пронеслось у него в голове, хотя все обратились лицами не к левой, а к правой стене, за которой он не должен был наблюдать.

Ступачев подполз к груди камней, где лежал ефрейтор Бекас, пригнул голову, взвел автомат. В воздухе треснул залп автоматов. И тут Королев чуть не вскочил. Ему показалось, что он защищен хуже всех, что место под ним самое открытое и что первая пуля с горы шлепнет его раньше других. Но чья-то железная рука придавила необстрелянного бойца. И тут Королев понял, что лежит он не один, а рядом с Машкиным.

А младший лейтенант Ступачев подал сигнал прекратить стрельбу. И только теперь Королев различил среди камней, чуть заросших травой, серое, точно обмазанное речной синей, высохшей глиной, пятно; вдоль этого пятна была прочерчена неширокая черная полоса, как-то странно глядевшая вниз. «Дот!» — поздно подумал он, еще крепче сжав автомат и целясь под самую амбразуру.

И Королев очень удивился тому, что младший лейтенант вдруг встал во весь рост и пошел туда, где лежали радисты.

— ...В двух шагах от вас, в двух шагах, — услышал затем он бас Ступачева, говорившего в трубку радиостанции. Эти слова совсем сбили Королева с толку: километра два прошли от перевала, а передается — в двух шагах!.. Но Ступачев продолжал докладывать о том, чего не было: — Две щелки, две... Не отвечают... Били — не отвечают... Без альпенштоков не заберусь, не заберусь... Нет времени, времени нет... Прошу указания...

Королев начал искать глазами вторую щель. Он испуганно оглянулся на противоположную сторону, туда, где заметить вражеский дот полагалось ему, и обомлел: слева тоже была амбразура. Как мог Ступачев, идя сзади, все видеть с обеих сторон, это для Королева было непостижимым.

— Молодец, — вдруг сказал ему Машкин. — Глаз у тебя острый. В тайге, говоришь, вырос?.. Я, между прочим, тоже оба сразу увидел. Вот же, черти-япошки устроили как: пожалуйте, значит, в ущелье, а они вас — огоньком с двух сторон!

Как Машкин обманывался! Выходит, он, Королев, предупредил всех, первым заметив вражеское укрепление? Поэтому фронтовик Машкин великодушно и прощает ему испуг, который заставил метаться в мелком овражке? Нет, чужой славой Королев пользоваться не привык. Легче пережить стыд.

Разряжая автомат, он вздохнул: — Нет, Иван, все было не так. Неправдой жить я не умею: после всех увидел я дот. Придется мне из разведки уйти.

— Цыц! — тихо предупредил его Машкин. — Как я сказал, так оно и было: ты первым увидел оба дота и потому не мог сразу найти, где лучше укрыться. И шабаш! Все врут, что в первом бою им не было страшно.

И выдумывают что-нибудь. А без этого оправдания ты знаешь кем выглядел со стороны? Потом скажу кем...

Пощечина, и та была б лучше таких слов!

— Знамя на перевале! Знамя! — крикнул вдруг ефрейтор Бекас.

Высоко на горе, над падающими тучами, ярко-ярко полыхал красный

огонь. Рядом со знаменем были видны люди, танки, машины. Разведчики подняли оружие над головой, замахали пилотками. Ущелье перестало быть страшным.

Поднял автомат и Королев, но глаза его набухли слезами. Радость разведчиков-фронтовиков и торжество тех, кто берет перевал, совсем противопоставили пережитую им боязнь решительному порыву тысяч людей... С малых лет сибиряк ненавидел трусов. Однако он никогда не подзревал, что ненависть эта имеет такое глубокое содержание. Нет, трусы, конечно, не просто бояться и не только бояться. Они мирятся с самым гадким на свете чувством, чувством, которое так унижает и так оскорбляет. Королев сейчас ненавидел себя больше всех, потому что видел уж первый результат трусости: не велика сделка с Машкиным, но это все-таки сделка — сделка со своей совестью.

Разведгруппа снова двинулась в путь. Справа и слева, с придвинутых близко друг к другу круч, на них безмолвно глядели узкие, черные щели бойниц.

— Вот они, мертвые памятники гнилой японской стратегии! — говорил Ступачев, все ясней и ясней слыша за спиной грохот танков. — А вообще-то устроено хитро: значит, до перевалов можно спокойно идти, привыкать к глушине, можно, значит, и перевалы брать. Пожалуйста: раз вы осмелились идти через степи и горы. Спускайтесь и с перевалов. А потом — нате вам: из всех амбразур!.. Тут уж ни вперед, ни назад... Вот же как гадюки устроили!

— И бомбить здесь нельзя: — прибавил Бекас, — бомбой в стену не попадешь, зато как раз по своим будешь сыпать.

А Машкин и Королев продолжали свой разговор, который, впрочем, завершился довольно быстро.

— А если ты насчет совести передо мной беспокоишься, — сказал Машкин, — то прояви себя, как надо, в другой раз, и мы на сто двадцать процентов квиты.

— Ладно, попробуем расквитаться, — ответил Королев сухо, взяв себя, наконец, в руки.

Сзади послышался лязг гусениц. На бешеной скорости мчался тяжелый танк, качая длиннейшим стволом. Разведчики радостным криком встретили верных друзей по самым опасным делам.

— Тяжелый прошел — остальные пройдут! Водитель с хода повернул машину на месте, поставив ее почти на попа, — и тут же грянул пушечный выстрел. Амбразура на круче оскалилась вспышкой разрыва снаряда. Но гул рассеялся, а дот огнем не ответил. Укрепления были пусты.

* * *

Много войск штурмовало в этот день последний, самый высокий кряж Большого Хингана. Ввязавшись в ожесточенные схватки за Хайларский, Чжалайнорский и Халун-Аршанский укрепрайоны, японцы проглядели глубокий обход советскими армиями всех этих насиженных могущественных укреплений.

И обстановка за Хинганским хребтом из-за этого накалилась до предела.

Центры боев пока еще не были перемещены, однако на участках обхода ясно складывалось положение, предвещающее появление новых

очагов схваток. И особенно беспокойно было в полосе действия той армии, которая непосредственно обходила Халун-Аршан. Генерал-полковник — командующий этой армией — немедленно выехал к своим головным полкам. Его дивизии перешли через Хинган во многих местах, но он выбрал левофланговую группировку соединений, впереди которой шла дивизия генерала Бородина.

Встреча комдива и командарма произошла недалеко от выхода из ущелья. Генерал Бородин сидел на табуретке за небольшим, но крепким дубовым столом, поставленным возле автовагона прямо на траву. С ним было немного людей — начальник штаба, начальник разведки, дивизионный инженер да помощник начальника связи по радио. Все остальное начальство находилось в войсках. Генерал Бородин только что отдал приказ на развертывание дивизии с целью захвата нескольких невысоких гор, расположенных за железнодорожным разъездом, и теперь все были нацелены на этот разъезд: и солдаты, и командиры, и политработники, и штабники. Дивизия прерывала марш и шла в бой. Генерал Бородин уточнял обстановку.

Командарм подъехал не один: его свита разместилась в пяти легких военных машинах, с ним прибыла мощная радиостанция. Среди генералов и офицеров оперативной группы командующего были и танкисты, и авиаторы, и артиллеристы, и представитель монгольской Народно-революционной армии. Идя навстречу генерал-полковнику, одетому в светлозеленый комбинезон, Бородин в первую очередь подумал о том, что отданный приказ об образовании довольно широкого фронта в районе разъезда наверняка изменяться не будет: в противном случае специально к нему такая представительная группа не выехала бы. «Значит, дела серьезнее, чем я предполагал, — отметил он. — Имеется, очевидно, какое-то новое решение...»

Командарм и комдив остановились друг против друга в траве, помятой машинами; остальные тоже остановились, кого где застал этот момент встречи. Перед лицом сотен солдат, шагавших в колоннах, генерал-полковник с особым вниманием, очень спокойно выслушал рапорт, ничем не нарушив воинского ритуала. Потом он пожал руку Бородину, и вся свита двинулась за ними к автовагону, за которым стоял столик с разложенной картой.

— Прежнее решение об оставлении вашей дивизии в качестве широкого боевого охранения отменяется, — начал командующий. — Вместо дивизии у разъезда остается всего один полк со средствами, которые ему будут приданы и которые его будут поддерживать. Этих средств выделяется также немного, но столько, чтоб задача была, безусловно, выполнена. — Он замолчал, вдруг задумавшись над картой, словно забыв, что он не один. — Образно выражаясь, — продолжал командарм, — японцы считают, что мы можем удовлетвориться попыткой охватить их войска, отступающие из трех укрепленных районов. Более смелые их прогнозы, как об этом свидетельствуют пленные японские генералы, касаются вопроса окружения всей северной вражеской группировки. Иными словами, подразумевается, что мы пойдем на Цицикар и там соединимся с войсками Второго Дальневосточного фронта, наступающими из Благовещенска. Оба эти предположения весьма реалистичны, но нас они интересуют лишь в том отношении, что в обоих случаях японцам выгодно создать как можно больше очагов сопротивления в районе Большого Хингана. То есть задержать нас, вывести остатки частей из опасности, а затем организовать

фронт, защитив центральную часть Маньчжурии, где сосредоточены военно-промышленные города, арсеналы, склады, где находятся политические центры Маньчжурии... Война необычная: сплошной фронт врага мы разрушили, и нам поэтому необходимо знать общую обстановку, — заметил командующий. — Что касается наших планов, то нужно иметь в виду одно обстоятельство, о котором говорится в заявлении товарища Молотова: Япония стоит за войну, мы же должны потушить этот очаг и потушить как можно скорее. Мир ждет полного мира. Вот почему нам не интересно ждать, пока японцы произведут перегруппировку и окажут нам организованное сопротивление. А из этого следует вывод, что нам невыгодно задерживаться в Хингане. Мы научились окружать и дробить более значительные группировки врага, чем северная группировка. Исходя из этого, и принято решение не потрафлять генералу Ямада в его намерении затянуть войну. А чем больше будет советских частей в другом месте — где намечено Верховным Главнокомандованием, — тем вернее решим мы нашу самую большую задачу...

Выслушав это вступление, генерал Бородин вспомнил о своих прежних размышлениях о возможном ходе событий. Да ведь именно так он все себе раньше и представлял! Только до вчерашнего дня представления эти не увязывались им с конкретной боевой обстановкой. Появление на шоссе вражеского арtpолка и данные о передвижении дивизии Китамуры¹ в районе разъезда целиком захватили его внимание: не до армейских и тем более не до фронтовых планов было ему!

«Все это прекрасно, — отметил комдив, — но как быть с управлением: часть дивизии воюет, а часть уходит все дальше и дальше?.. Какой полк оставить? Где буду я и где — замкомдив? Как с боепитанием быть, со связью?..»

Роем нахлынули на генерала вопросы: за всю службу комдивом он ни разу не руководил так необычно оторванными друг от друга полками.

— Боевую обстановку доложит генерал-майор Бородин, — объявил командарм.

— Противник... — без всякой паузы начал Бородин, вытаскивая из-под карты командующего свою карту.

Он стал говорить о том, что японская дивизия, стоявшая до последних дней в районе города Солуни, не приняла боя от танковой армии и направилась на северо-восток, обходя шоссе Солунь — Хандагай; она остановилась в горах, в пяти километрах от разъезда, к которому приближаются полки его, Бородина, дивизии. По шоссе, однако, было отмечено движение артиллерии на конной тяге и нескольких автомашин с пехотой. С противоположной стороны — с севера — авиация обнаружила движение разрозненных групп японской пехоты, тоже в направлении железнодорожного разъезда. Соприкосновения с врагом дивизия пока не имеет.

— Таким образом, — сделал Бородин вывод, — в ближайшее время возможна встреча с десятью-пятнадцатью тысячами активных штыков противника.

— И с тремя примерно тысячами солдат марионеточных войск Пу И, — добавил командарм, соглашаясь с выводом генерала.

Потом Бородин доложил о том, какого пункта достиг авангард и его разведывательные органы, о боевом порядке дивизии.

¹ Командующий японской Квантунской армией, имевшей в Маньчжурии несколько фронтов.

— Теперь ваше решение в связи с новой задачей? — спросил командующий.

— Головной полк, видимо, столкнется с японским отрядом во встречном бою, — сказал Бородин. — Затем он захватит вот эту гору с той стороны разъезда, организует охранение на флангах и обеспечит выход колонн на шоссе.

— Правильно, — опять согласился командующий. — Этого будет достаточно. А в дальнейшем обстановка подскажет, что делать.

— Насчет руководства прошу дать указания, — обратился к нему комдив.

— А это дело уж вашей смелости, — ответил генерал-полковник. — На некоторое время задержитесь вы, а потом все возложите на командира полка. Товарищи! Мы должны смело поручать проводить подобного рода операции командирам частей. У вас кто идет впереди — ордена Кутузова полк?

— Так точно.

— Им командует такой грузный, широкоплечий подполковник? Аверин?

— Да.

— Это у него на козырьке фуражки намечены зарубки — для определения дистанций? Бородин улыбнулся:

— У него, товарищ командующий... Все засмеялись.

— Помогите ему, выделите максимум огневых средств, наладьте серьезную разведку, мобилизуйте политработников штаба дивизии.

— Будет сделано.

— Имейте в виду, что японское командование может позариться на свои пустующие укрепления. В этом случае нужно будет навязать Китаю активные бои.

— Ясно.

— Для дальней связи со мной мы оставим вам вот эту радиостанцию. Она достанет до самой Солуни.

Командарм и комдив более не располагали временем. Об этом напомнил подъехавший отряд броневиков и мотоциклов, который должен был сопровождать армейское начальство, объезжающее войска.

Короткое прощанье, и генерал-майор Бородин остался опять со своими офицерами.

Шли пятые сутки похода. Было уже предвечерье, когда горы вздрогнули, будто от грома. Возле самой реки Таоэрхэ, у неширокого мелкого брода, куда вышел направляющий батальон полка Аверина, вдруг всплеснулись разрывы артиллерийских гранат. Прибрежный кустарник рвануло в разных местах, заголосили осколки, комья земли простучали по лугу и шлепнулись в воду. Спереди, с той стороны долины, из-за гор долетел низкий гул японской гаубичной батареи. Этому гулу тотчас ответило эхо: высокий кряж с ожесточением и будто с гневом отбросил звук. И загрозотало кругом, загремело.

Рассыпавшись цепью поперек поймы реки, прыгая в воду и раздвигая телами кусты и траву, бойцы полка устремились вперед. За рекой, на зеленом лугу, чернела насыпь железной дороги, виднелись каменный дом и путевая будка. Приказ был короток — за насыпь!

Над лугом повисли черные, синие, белые, как молоко, тучи дыма и гари. В кустах рассыпалась дробь автоматных очередей, захлопали кара-

бины. В небе, низко над головой, проревели штурмовики — «воздушные танки», и сейчас же пропели бомбы; воздух толкнуло разрывами, и вершина горы, возле которой поворачивала насыпь, раскосматилась в рыжей пыли.

А сзади развернулись артиллеристы. Приседая, пушки метали огонь, подбиваясь прозрачным дымком... Танки пошли напрямик, по кустам, а пехота уже бросала ракеты за насыпь.

Подполковник Аверин повел на врага батальоны.

У самых построек разъезда бойцы столкнулись с колонной японских машин; их было шесть, но солдат, горохом ссыпавшихся с кузовов, оказалось много. Загорелась беспорядочная перестрелка, пока комбат не поднял залегшие роты. Минометчики обрушились на постройки, и японцы врассыпную бросились отступать от разъезда.

На левом фланге бой завязался у самого полотна. Вражеская пехота стреляла с насыпи, но полотно железной дороги было слишком точной целью для артиллеристов и минометчиков: японцы не выдержали и побежали.

Аверин передал приказ завернуть правый фланг, чтобы наступать вдоль насыпи, а потом захватить гору, то есть выполнить основную задачу полка. Все оказалось в точности так, как предусматривалось: гора будто имела глаза — она так и смотрела на изгиб шоссе, на которую должны выйти другие дивизии. Не захватить ее было нельзя: японцы оттуда могли направлять огонь батарей, бить по броду, по выходу из ущелья и по шоссе...

Получив этот приказ, солдаты двух батальонов, только что окопавшись после атаки, снова пошли вперед. Дуги ракет теперь потянулись к вершине зеленой, красивой горы — к громадным обнаженным глыбам камней.

Вот цепи стрелков дружно, приступом, взяли пологий откос. Потом фланги загнулись, а центр стал отставать: японцы отвечали редким ружейным огнем. Будто большие клешни сжимали гору.

С первых шагов наступления от железной дороги солдаты видели много, на удивление много японских солдат; с тяжелыми ранцами на плечах или без ранцев они с поразительной легкостью убегали от пуль, взбираясь на гору. Но вот их почти не было слышно, и это насторожило всех. Однако в бою многое настораживает, а схватка из-за этого становится лишь горячее.

Сержант Головач сначала нес пулемет на спине, а потом покатыл. Его помощник и подносчик патронов поспедали за ним, громыхая полными лент коробками.

— Направление — на камень! — кричал лейтенант. — Головач, левее бери! На макушку не надо — отстанешь...

Головач ничего не видел у себя под ногами. Он не чувял земли. Махнув по потному, будто облитому смальцем, лицу рукавом, он оглянулся на командира и возразил:

— Возьму! Цэ ж курган, а не гора.

Он прибавил шаг и скоро очутился впереди всех. Пулеметчик явно рассчитывал засесть возле камней и с вершины открыть огонь, куда ему будет угодно: со ската так не ударишь.

Головачу пришлось карабкаться на четвереньках, но он увлек за собой стрелков, приговаривая:

— Пулемет на горе — ураган!

Уже были близко тяжелые, громоздкие глыбы камней, как в лица солдат хватили горячие волны сильных взрывов. Золотой, колючий песок обжег глаза пулеметчику, но с ног не свалил. Головач из последних сил рванулся вперед, но в пыли и дыму налетел на кого-то. Сам собою сжался кулак, и шахтер коротким тычком, из-за уха, ударил самурая в лицо. Японец свалился ему под ноги.

Сержант дернул пулемет, перекатив его через врага, и хотел было таким же манером ударить другого, но промахнулся. А этот второй самурай споткнулся о пулемет и покатился вниз, под гору. Два выстрела сзади покончили с ними.

— Ленту! — сказал Головач.

Мимо него пробежали стрелки, обсыпая глыбы камней автоматным огнем.

— Гранаты к бою! — прокричал лейтенант.

Это был сигнал для атаки. Головач еще пробежал немного вперед и упал за пулеметом у самых камней, откуда японцы бросали гранаты.

— Коробку трассирующих! — приказал он, захлебываясь от возбуждения. — Я им устрою сейчас рикошет!

Нажав на спуск, Головач весь подался вперед, к пулемету, точно желая помочь машине работать ожесточенней, быстрее. Горящие точки пуль тонкой струей налетели на камень, брызнули в стороны и загудели обзленными осами.

Пехота где-то внизу кричала «ура», а на вершине крика не подхватили: чересчур тяжело достался подъем. Здесь, у камней, только и швырялись гранатами да не уставали перезаряжать оружие. Но, наконец, и на вершине послышались крики, означающие победу: японцам возле камней стало невмоготу, и они начали убежать.

— За мной! — скомандовал Головач и, повернув пулемет, покатил его к давно облюбванному местечку.

Генерал Бородин вместе с Авериным выбрал наблюдательный пункт: для этого пригодилась глубокая щель, вырытая японцами на скате холма. Давно повечерело. Долину, всю заросшую сочной травой, а кое-где гаоляном в два человеческих роста, пересекли зубчатые длинные тени от гор. Там и здесь над травой мелко дрожали облачка мошек — комаров-толкунов. Если бы не артиллерийская перестрелка, было бы очень тихо, как бывает в вечернее время, но японцы стреляли из гаубиц, а наши то посылали мины, то открывали беглый огонь из орудий.

Бой начался с марша, без веской предварительной подготовки. Поэтому комдив и командир полка спешно разбирались в том, что произошло, отдавали от одного лица приказания, существо которых состояло в том, чтобы держать каждого командира на переднем крае и в резерве, каждого командира приданных и поддерживающих средств в напряжении и готовности действовать на более широком фронте. Вместе с этим генерал и подполковник искали ответы на многочисленные вопросы, связанные с началом боя на неизученной местности и с еще не определившимися силами противостоящего противника.

На время своего пребывания в полку генерал Бородин оставил с собой подполковника Лихачева, помощника Березина по оперативным делам, офицера-радиста, дивизионного инженера, еще нескольких штабников. Остался с ним и начальник политотдела. На наблюдательном пунк-

те, однако, были только Лихачев и оперативный работник. Дивизионный инженер ушел готовить саперов к ночному минированию шоссе на левом фланге и оврага — на правом, радист вместе с армейскими связистами организовывал связь; остальные тоже занимались своими делами. Начальника политотдела вообще не было видно с самого начала боя: он то звонил от комбатов, то был на батареях или у самоходчиков, вставших в засаду.

— ...Мы приняли и принимаем меры согласно нашей задаче, — сказал Бородин, когда все мало-мальски было налажено. — Теперь давайте посмотрим поглубже.

— Я думаю, товарищ генерал, разведроту вы оставите мне всю целиком, — почему-то покраснев, попросил Аверин.

— Что — старая дружба с Колчиным может на пользу пойти? — сказал без особого умысла Бородин. — Нет, всей роты, пожалуй, много. Оставим две группы и взвод монгольских кавалеристов... Позовите сюда Колчина и Жамбалона, — приказал он Лихачеву. — Так. Теперь тщательно изучим все данные о противнике. Лихачев, ушел посыльный? Идите сюда... Начнем с того, что за спиной у полка движутся колонны дивизий. Такая ситуация вряд ли понравится и Китамуру, и штабу Квантунской армии. Быть серьезным боем — это ясно. Ответим на два вопроса: какими силами враг воюет сейчас и второй — что могут предпринять новые его части. Силы врага...

В ходе боя было захвачено несколько пленных, и комдив с Авериним могли говорить только о той группировке, что с большими потерями была отброшена от разъезда. Но даже и о ней складывалось странное впечатление. Отряд, посаженный на грузовые машины, принадлежал дивизии Китамуры. Пехота, действовавшая без машин, тоже принадлежала этой дивизии. Но пехота прибыла к разъезду вчера, а мотопехота — сегодня.

— Что ж: Китамура хотел что ли усилить оборону разъезда сотней солдат? — спросил сам себя Бородин и ответил: — Ерунда. Он мог бы подбросить полк, тем более, что даже японским солдатам известно об угрожающем положении.

— Этот прожженный вояка где только не дрался, — сказал Лихачев. — Помните, как хорошо на китайском фронте он разбирался, по гоминдановской ли дивизии нанести удар или по народно-революционной? И гоминдановскую не выбрал: знает, что гоминдановцы разбегутся, а коммунисты ударят в тыл, а если по коммунистам ударить — тут хоть и победы большой не будет, зато за контрудар гоминдановцев можно не опасаться!.. Все взвешивает, все чуует.

— Я тоже так думаю: все взвешивает, — согласился комдив.

— А если, товарищ генерал, взять из резерва две роты и занять дополнительно вот эти холмы? — спросил командир полка. — Удлинить фронт. А двумя ротами я полк расшибу. Вот так.

— Скажу по секрету, Аверин: эти холмы должен был занимать второй полк, — ответил комдив. — Но теперь ты должен беречь каждое отделение.

— Понимаю.

Прибыли разведчики — Колчин и Жамбалон.

— Капитаны, идите сюда, — позвал их генерал. — Вы, Колчин, оставите здесь двух офицеров с разведчиками, сами с остальными поедете за дивизией. А вы, товарищ Жамбалон, оставите сабельный взвод во главе с офицером. Сами тоже отправитесь по основному маршруту.

— Товарищ генерал! — произнес возражающе кавалерист. — Можно, если офицер буду я?

— Хотите остаться?

— Так точно.

— Хорошо.

Колчин молчал. Жамбалон перехватил у него инициативу, и он искал выход.

— Товарищ генерал, — наконец, осмелился капитан. — В последние дни мы с Жамбалоном часто вспоминали бои на реке Халхин-Гол...

— Тоже хотите остаться? — не дослушал его Бородин. — Интересно получается: Аверин говорит, что жить и воевать без Колчина не сможет, Колчин — без Жамбалона. Вот новые порядки в дивизии! И еще, небось, Ступачева оставите?

— Оставляю, товарищ генерал!

Комдив шлепнул по своей коленке ладонью.

— А я что говорю: это ли не компания! Но попробуйте только с заданиями не справиться! Я тогда научу вас дружить.

Да! А за мою уступку вам, Колчин, придется расплачиваться: всех трех шоферов отправьте в распоряжение начальника тыла. Вы без них обойтись способ найдете, а тыл захлебывается от недостатка водителей.

Колчин метнул на генерала жгучий, несогласный взгляд, но одумался.

— Слушаюсь! — сказал он, спрятав досаду в прищуре глаз.

Подполковник Аверин почему-то вздохнул, а генерал махнул капитанам рукой — ступайте, мол: разговор окончен.

— Так, Аверин, — продолжал комдив, — насколько я понимаю, у Китамуры имеется три наиболее ясных пути: первый — обрушиться всей дивизией на разъезд, — это плохо; второй — частью сил ринуться к укреплениям, — это еще хуже; и третий — вообще уйти отсюда, — что уж совсем нехорошо. Что, интересно, предпримет он?

Анатолий Прокофьевич Бабенко родился в 1945 году в деревне Ступино Камешковского района Владимирской области. Окончил отделение журналистики Воронежского государственного университета. Более 20 лет проработал ответственным секретарем нижегородской районной газеты «Ленинский завет». Издавна увлекался поэзией. Публиковался в региональной печати. Член Союза журналистов России. Живет в селе Нижнедевицк Воронежской области.

Анатолий Бабенко

МАКУШКА ЛЕТА

* * *

Привычный дом. Котлинка. Сад.
Дороги в полевых цветочках.
Приветливый случайный взгляд
Из-под линиялого платочка.

Стада. Колодцы. Запах трав
И шелест спеющей пшеницы.
Цветущий чобор на буграх,
В райцентре рынок — спины, лица.

Бормочет трактор вдалеке
С тележкой лесного сена.
Кто в путь собрался налегке,
Пусть будет он благословенен!

Здесь голубые небеса,
Здесь женских ног ступни босые —
Здесь вся неброская краса
Центральной полосы России.

«АФГАНЕЦ»

День догорал июльской позолотой,
Закат сулил прохладу и уют.
Презрев иные срочные заботы,
Мы все решили вырваться на пруд.

Расположились. Застолбили место.
Забросив снасть, уткнулись в поплавки.
На берегу под вечер стало тесно,
То здесь, то там сидели рыбаки.

Поднялся ветер, изменив картину.
Забилась рябь у каменной гряды.
И будто ветром принесло машину —
Вдруг «Запорожец» замер у воды.

Водитель, смуглый и полураздетый,
Махнул рукой по-братски сквозь окно
И задымил в машине сигаретой,
И из бутылки потянул вино.

Сюда он прибыл словно бы на танцы!
Но скинул снасти. Пот со лба утер.
«Скажите: место занято «афганцем».
Меня все знают». И завел мотор.

Ну, будешь рад подобному соседству?
Вернулся вскоре. Лязгнул зуб двери.
И как ножом мне полоснул по сердцу,
Коснувшись вдруг протезами земли.

Взяв костыли, со смехом, с полубрехом,
Наперекор и ветру, и судьбе,
Он по коровьим пахнущим лепехам
Заковылял пружинисто к воде.

День догорал, оранжевый багульник.
Сосед был востр. И мудр, как Магомет.
Пусть он блатной. Пусть вор и богохульник.
Прощаю все! Протезы — аргумент.

Час позже «Запорожец» голосистый,
Как БМП, прогрохотал с бугра,
И желтый знак машины инвалидской
Напомнил мне безглавого орла.

* * *

Вижу я, что окна посветлели,
Коль москитных сеток уже нет.
Мы готовы встретить дождь, метели —
Весь осенне-зимний форс-букет.

На поля не ходим как на праздник —
Ведь работы кончились уже.
Улетят грачи, и, может, зяблик
Вместо них промчится по меже.

Лес вдали редееет и светлеет,
Коротка вечерняя заря,
А душа, как волосы, седеет —
Значит, дни уносятся не зря.

Да и жизнь, увы, не откровенье,
Как и мой косноязычный слог.
Суть ее — слепое повторенье
Прадедовских суетных дорог.

* * *

Макушка лета. Дамы обольстительны,
Ослепнуть можно от открытых плеч.
Разрезы юбок умопомрачительны,
Увидишь ножку — потеряешь речь.
Но жизнь есть жизнь. На нивы пожелтевшие
Пришли комбайны. В небе тонкий серп.
Девчонок сельских бедра загоревшие
Напоминают испеченный хлеб.

* * *

Два дня назад звонил Шипилов,
Селькор старинный: «Как дела?»
Меня вот это зацепило,
«Нормально все!» — ответил я.
«Ну, если будешь у нас, в Синих,
Мой друг, прошу же: заезжай!
Бурьян вокруг дома не косили,
Забросили наш этот край.
И я живу, как одиночка:
Что влево, вправо — никого.
Боишься, как бы летней ночью
Пожара не было б. Того,
Когда пожарка не успеет,
Когда за здорово сгоришь...»

Из года в год село пустеет,
Уходят люди из-под крыш
Родных, где жили-не тужили,
Работали для трудодней,
Вручную сено ворошили,
Рожала мал-мала детей.
Неужто гибнет та Россия,
Та милая святая Русь,
Становится она бессильной,
Больной? И думать не берусь
О том, что будет завтра с нами,
Цивилизации конец,
И кто подхватит наше знамя
И новый возведет венец.
Каков же будет новый облик
России? Будет ли она?
И жаль терять ее до боли...
Но ведь другие времена!

И потому Иван Егорыч
Отшельником ведет итог.
Со временем, друг, не поспоришь...

Но я приеду. Дайте срок.

* * *

О чем-то девушка спросила,
Ответил вяло, невпопад.
Все потому, что вижу диво,
Влекущее меня в азарт.

Лучи пронизывают платье
Девчонки прямо между ног,
И в мире лучшее занятие —
Смотреть подобное кино.

Не порно — классика Родена,
Как в первом чтении закон.
Ну почему так неизменно
Воображенье будит он?

Пусть ноги стройны, бедра тонки,
Подвижна талия осы,
И грудь тугая под футболкой,
И капли бельевого росы —

Все разом вдруг перемешалось
В моей седой уж голове.
Любовь? Влечение? Просто шалость?
Ее заботы — о белье,

Прищепках, сушке. Но бес свяжет
Все это в чувственный сюжет.
Девчонку встретил бы на пляже —
Забыл бы, ничего в ней нет.

А тут влечет ведь необычность:
Среди двора и белым днем
Все напоказ, до неприличия
Раздета солнечным лучом.

Каким богам она молилась,
Каким была верна ветрам?..
Она мне долго еще снилась
И приходила по утрам.

Борис Григорьевич Новичихин родился в 1933 году в селе Верхнее Турово Нижнедевицкого района Воронежской области. Окончил Харьковский институт инженеров транспорта и.м. С.М. Кирова. Более сорока лет работал во многих городах на стройках. Автор трех сборников стихотворений. Живет в городе Старый Оскол Белгородской области.

Борис Новичихин

ТРИ ШАГА ДО СМЕРТИ

Рассказ

1

Едва ли вспомнил бы я об этом эпизоде, если бы не случай. Путь нашей туристической группы лежал к горному массиву Матра в Западных Карпатах по следам 53-й армии генерал-лейтенанта Манагарова, которая на исходе войны внезапным наступлением через горы окружила и разгромила фашистскую группировку. Тем самым сорвала планы немцев по уничтожению венгерских промышленных предприятий в городах Кундехьеш, Шелип, Лоренц.

По прибытии в Венгрию, мы, российские туристы, своим ходом должны были направиться в названные выше города и соседние с ними поселки. Ведущий группы, амбициозный молодой человек, представившийся участникам команды Артуром Петровичем, требовал от участников похода беспрекословного подчинения и дисциплины, не допуская никаких вольностей. Правда, и у него, жесткого и излишне самоуверенного руководителя, некоторой слабинкой пользовалась единственная девушка в группе — симпатич-

ная Анечка. Она была к тому же самой молодой и неопытной путешественницей, попавшей в отряд «стариков» благодаря своему влиятельному брату Дмитрию. Мужики иногда использовали это обстоятельство, когда нужно было организовать внеочередной привал в благоприятном месте, искупаться в водоеме или просто отдохнуть в тени прибрежных деревьев и тем самым хоть как-то ослабить силу изнуряющего зноя макушки венгерского лета.

Незадолго до нашего выхода на маршрут еще в России Артур Петрович встретился с ветераном-фронтовиком, бывшим штабным офицером армии Манагарова, о чем сам рассказал нам при первом знакомстве. Во время похода он постоянно сверял путь следования группы с туристской картой Венгрии и набросанной от руки ветераном-штабистом схемой передвижения наступавших в далеком 1944 году частей Красной Армии.

Переводчиком в группе был Йозеф — венгр из местных жителей, плохо знавший русский язык. Однако Артуру Петровичу удавалось с ним общаться, благодаря знанию нескольких венгерских слов и разговорнику, который он изредка вынимал из кармана рюкзака, а также мимике и жестам.

Редкие в этой местности тенистые деревья виднелись в стороне от нашего маршрута. Мы же шли мимо невысоких виноградников да участков низкорослой кукурузы, изрядно прихваченной жарой и от того пожелтевшей до срока.

— Ур-р-аа! Живем! — крикнул кто-то из идущих впереди, увидев будто выросший из-под земли колодезный вал под козырьком.

— А туристам без воды и ни туды, и ни сюды, — шутливо пропел чей-то голос.

— Проси Артура о привале, — шепнул Ане шедший рядом с ней Дима. И хотя она и на шаг не успела приблизиться к ведущему, как тот громко объявил ожидаемую путниками остановку:

— Группа, слушай мою команду! Привал на десять минут. Следующей будет остановка на обед. У подножия вон той горы. До нее полтора-два часа ходу, не меньше. Запаситесь водой. Если невтерпеж — перекусите, но по-быстрому.

В десятке метров от колодца млели на солнце две тенистые яблони. Под одной из них неприметно сидела на потемневшем пне морщинистая старуха с вязаньем. Яркий, цветастый, почти законченный свитер в ее руках был полным контрастом с тусклым, мрачным видом самой старухи. «В Венгрии я впервые, но, где же я мог видеть точно такой свитер? — думал я, приближаясь к старой женщине. — Рисунок какой-то необычный и в то же время очень знакомый...»

— Спроси мамашу, не был ли кто в России из ее родственников, — обратился я к Йозефу. Переводчик тупо посмотрел мне в глаза, не понимая, о чем идет речь. Подошедший Артур, выслушав меня, повернулся к венгру:

— Россия, Москва, война, — произнес он подряд несколько слов и сделал руками нечто похожее на окуляры или бинокль. Направляя «окуляры» то на меня, то на свитер, продолжал:

— Пуловер в России точно такой, — он показал опять на меня и «окулярами» на свитер.

Я подивился Артуру Петровичу: надо же, я ничего не сказал про войну. Но он и меня натолкнул на мысль: «А когда же и где еще мог я

видеть венгров? За границей я впервые. Еще Москва... В столице мы были проездом, всего-то два часа. Но в памяти четко запечатлелось это время».

Между тем переводчик что-то говорил старухе. Он тоже показывал то на меня, то на ее свитер. Но она без всякого интереса реагировала на его слова, продолжая угрюмо делать свое дело.

Артур схватил венгра за рукав:

— Воронеж... Сталинград... Курск... Пиф-паф..., трр-дд-ддд-ды, ма-дьяры, война, — выговаривая эти слова и звуки, он хватал себя за голову, изображал страдальческое лицо, страх...

Старуху что-то насторожило. Переводчик, повторяя за Артуром названия городов, говорил еще что-то по-своему. Язык его был непонятен, но жесты повторяли Артуры.

Старая женщина вдруг бросила вязанье, вскочила с пня и запричитала точно так, как голоса русские бабы в деревнях по усопшему. Но не в первые минуты, а на второй или третий день. Когда уже и сил не осталось, все слезы выплаканы. И слова похожи не на рыдания, а скорее на глухие, тяжкие стоны и невнятные звуки.

Между всхлипами и выкриками старуха стала хватать меня за руки и футболку. Иногда кого-то звала. Потом вдруг стала взвизгивать. Временами казалось, что она потеряла рассудок, повторяя в иступлении имена:

— Жени, Жени... Михай, Михай...

Вскоре на ее крики прибежала еще одна старая женщина. Это и была та самая Жени. При ее появлении имя Михая стало повторяться еще чаще. Сначала они говорили между собой. Потом обе мадьярки стали наступать на меня, то и дело дергая за руки. Не добившись от меня ничего вразумительного, они стали трясти Йозефа. Неведомо, что говорил им венгр и что пояснял ему и старухам Артур. Я же хоть и был в центре внимания, но оставался единственным, кто не мог промолвить в ответ мадьярам ни слова, несмотря на все их попытки чего-то от меня добиться. Мне казалось, что этот базар уже никогда не кончится.

Между тем Артур Петрович не потерял контроль за временем и объявил конец привала. Но не тут-то было... Одна женщина вцепилась в меня, другая — в Артура — не отпускали. Что-то говорили им Йозеф и наш глава, о чем-то просил Артур венгра? Кое-как все же удалось освободиться от цепких рук мадьярок.

— Я обещал им зайти на обратном пути, — пояснил мне потом Артур Петрович.

Мы приближались к подножью горы. Местность вокруг менялась и становилась все живописнее. Я же все это видел как бы в тумане или неясном сне. Более реальной в тот момент была сцена у яблонь с участием двух старых женщин и свитер в руках одной из них. «Свитер, свитер, свитер, — не выходило у меня из головы. — Где и на ком я мог его видеть?» Я, казалось, не замечал, что происходило вокруг? Только отчетливо слышалось веселое щебетанье Анечки, рассказывавшей брату Диме какую-то забавную историю. Переговаривались остальные туристы... Наконец я на минуту перестал принуждать свою заснувшую память. И как нередко бывает, тут же все вспомнил.

Это было в начале февраля 1943 года. Несколько дней назад наше село освободили от фашистов. Зима стояла суровая и снежная. В полу-сотне метров от нашей халупы овраг, а за ним большак, ведущий на запад. Овраг этот самый большой из тех, которые я тогда знал. Ширина его по центру не менее ста метров, а протяженность почти километр. В самом начале, сверху, он соприкасается с большаком, а внизу удаляется от большой дороги, расширяясь настолько, что там разместился сад из десятка яблонь. Рядом с садом — большой дом под жестяной крышей, где живет Егор Павлович с женой Верой Федоровной, тещей и дочерью.

Между домом и нашей хатой под соломенной крышей — огород. Летом, в самую жару, нам с матерью приходилось выпалывать здесь сорняки. Третий в нашей семье, четырехлетний братишка Юрка, обычно не столько помогал, сколько мешал, поэтому мы его отводили к бабке Дуне. Она за ним не очень-то следила, но в огород к нам не допускала.

«Картошник» был нашим кормильцем. Считая себя взрослым, я хорошо это понимал. Но в сильную жару, забывая о взрослости, убежал вниз, где за картошником, рядом с высоким забором Егора Павловича, располагался наш вишневый сад. Вишня поспевала в самое время прополки. Наслаждению и радости от тенистой прохлады и спелых ягод, казалось, не будет конца...

Наискосок от нашей хаты, поближе к оврагу, такое же убогое строение деда Акима. В его семье на одного человека больше. Видно, потому и хата выглядит более внушительно. Но снаружи она почти такая же, как и наша. Тоже крыта соломой и осела на один бок. У самой вершины оврага еще две такие же халупы. А дальше, по всей длине оврага, никакого жилья не было. Только в стороне, удаляясь от промоины, пролегла улица похожих друг на друга хат с почерневшими от времени крышами.

Война перечеркнула мое детство. В свои десять лет я зачастую не мог провести в своем сознании четкую границу между игрой в войну и самой войной, которая окружала меня всюду. Я всерьез готовился вступить в ряды Красной Армии и бить фашистов. Тем более было за что! На моих глазах при немецкой бомбежке погибла моя ровесница Танюшка. При отступлении фашисты погубили полтора десятка женщин и детей, бросив связку гранат в погреб, где люди спасались от снарядов и бомб. Среди погибших были и три моих знакомых девочки. Две еще совсем маленькие, а третья, двенадцатилетняя «невеста» — красавица Настя с чудесной косой.

Поэтому я считал, что имею полное право и веские основания по закону справедливости бить фашистов. Уже не раз я стрелял из настоящего боевого автомата, настоящими патронами. И не раз хвастался перед пацанами своим умением. Это хвастовство чуть было меня не погубило.

Однажды Васька Назин из нашей компании, подобрав где-то противопехотную гранату, тайком притащил ее на излюбленное место нашего сбора, к оврагу. Явно поверив в мою опытность, он без злого умысла вытащил гранату из-за пазухи:

— Держи, боец! — крикнул он мне командирским голосом. Перед этим выдернул чеку. Я же впервые держал в руках такую штуковину. На мое счастье, чувство опасности вызвало у меня мгновенную реакцию. Я тут же отбросил гранату в овраг, и она взорвалась в пятнадцати метрах

от нас. К моему удивлению, была сохранена моя репутация знатока не только германского, но и нашего оружия (граната была советской).

Был у меня еще один повод считать себя достойным бойцом Красной Армии. Как-то пришлось наблюдать нам, местным пацанам, за нашими частями. На военной полуторке в кузове мы увидели парнишку в обмундировании, показавшегося нашим ровесником. В отличие от меня он был маленького роста, но гордо взирал на нас, подростков, одетых кто во что. На большинстве из нас была не своя, а потрепанная отцовская и даже материнская одежда. Все мы были босые, с непокрытыми, заросшими и зачастую грязными головами. Он же был в новенькой по размеру форме, маленьких брезентовых сапожках и пилотке с красной звездочкой. Но в его руках не было оружия. Стало быть, у меня перед ним преимущество. Мой трофейный автомат был всегда наготове. Его я подобрал у брошенной немецкой полевой кухни. К тому же знал, где взять к нему патроны. Одно я тогда не учел: парнишка стал сыном полка, потому что потерял родителей. Я же был пока что единственным материнским помощником.

Тогда я плохо представлял другие занятия, кроме военных. В памяти остались бомбоубежища и окопы. Множество окопов от разорвавшихся снарядов и бомб. Они, как правило, часто использовались для наших «военных» целей. Той снежной зимой мы рыли окопы еще и в снегу. Честно говоря, играть, как того хотелось, мне редко выпадала удача. Всякая такая «война» очень быстро заканчивалась, так как мать то и дело звала на помощь. Вот и в этот раз. Не успел я занять позицию в снежном окопе, как услышал знакомый голос:

— Бо-о-ри-ис, Бо-ря! — звала она. И надо было бежать домой. Дела есть дела!

Тут что-то задержало меня на минуту. Это были три силуэта, осторожно передвигавшихся по дну оврага. Февральский снег был довольно плотным. И все же то один, то другой, то третий изредка проваливались по колено и выше. Несмотря на это, они шли вниз, не решаясь подняться на более твердую поверхность. Странно, что двое из них были в ботинках, а один — в сапогах. Я забыл на минуту материнский призыв. Схватил автомат трофейный и, направив его в сторону врагов, крикнул: «Хенде хох!»

Автомат не был заряжен, но те, кто двигался по дну оврага об этом, конечно, не знали. Они вяло подняли руки вверх. Один из них произнес: — Гитлер капут!

Я понял, что они идут сдаваться, и опустил оружие. Форма на них была какая-то не такая, не похожая на немецкую. Я вспомнил, что уже видел раньше такую форму. Это были мадьяры. Оставив автомат в окопе, я побежал домой.

3

Наша Милка не давала молока, ждали приплод. Мать позвала меня, чтобы сбежал за молоком к тете Вере. Через несколько минут с бидончиком я стоял у нее на пороге и от неожиданности не мог вымолвить ни слова. Из хозяев никого не было. Советский офицер с двумя звездочками на каждом погоне допрашивал пленных, только что виденных мною в овраге. Он сидел у окна, нервно постукивая рукояткой пистолета по столу, и задавал вопросы. Потом, не ожидая ответов, переходил на крик и матерщину. Переводчика не было. Но для офицера это, видимо, не име-

ло никакого значения. Магьяры не понимали по-русски, к тому же они не боялись.

В передней стояло два стола: кухонный — возле русской печи и большой обеденный, за которым сидел офицер. Слева от входной двери была скамья размером от входа до святого угла, а за нею вешалка во всю стену, заполненная одеждой. Магьяры жались к стене, ноги их подсекала скамья, но одежда и стена не давали упасть. Офицер не обращал на меня никакого внимания. Пока я наблюдал, ни один пленник не проронил ни слова. Поглядывая на икону, они продвигались к святому углу, прося защиты у Бога. Но что Бог? Разъяренный офицер сейчас был сильнее.

Из задних комнат наконец показалась тетя Вера.

— Пойдем, пойдем, Борь. Налью тебе молока, — поспешила она увести меня от этого кошмара.

4

Допрос оказался коротким. Не успел я с молоком дойти до дому, как услышал позади резкий, уже знакомый голос:

— Двигай, двигай, сука! — тыча дулом пистолета в спину пленника, показывал офицер левой рукой в сторону вишен. Магьяр сделал три шага в указанном направлении. Раздался выстрел в спину. Но рука стрелявшего дрожала от злости и ярости. Он промахнулся. Пленник побежал. Глубокий снег мешал ему. Второй и третий выстрелы были точнее. Какой из них стал смертельным, не знаю. Но после второго магьяр еще пытался бежать.

Я остановился, как вкопанный, будто вмерз в снег. Забыл про молоко и досмотрел эту расправу до конца. Второго приговоренного вывел из дома пожилой боец, внешне похожий на деда Акима. Только на своих ногах и без бороды. Путь пленника был тот же, в сторону вишневого сада. Но он в отличие от первого, уже нисколько не сомневался в своей участи: он видел, где лежит его убитый товарищ. Поэтому сразу же сделал попытку бежать. Однако оружие в этот раз было надежнее, а рука бойца не дрогнула. Внешне он был спокоен и образцово выполнил приказ.

Я ожидал, что третьего магьяра на расстрел выведет молодой красноармеец, остававшийся в доме. В армию он, видимо, попал недавно, был в новенькой форме. Бабы в селе поговаривали, что ему, похоже, не было еще восемнадцати лет. Но произошла какая-то заминка. Пожилой солдат уже возвратился в дом, а третьего пленника не выводили... Наконец из дома показались двое. Вслед за пленным снова шел боец, похожий на деда Акима. Расстрел повторился так, будто я смотрел тот же фильм.

Возвратился я домой совсем растерянным. Молча поставил бидончик на стол. Не раздеваясь, сел на табурет.

— Что с тобою? — спросила мать.

— Магьяры, — ответил я.

— Что магьяры?

— Наши расстреляли магьяра.

Больше я не смог ничего сказать. Мой разум не воспринял тогда событие в разумной полноте. С одной стороны, магьяры были нашими врагами. Стреляли в наших. Вероятно, убивали. Но, с другой стороны, они еще раньше, до встречи с офицером, побросали оружие. Уже никому и ничем не угрожали. Еще там, в окопе, на краю оврага я отчетливо понял:

они шли сдаваться. Мне вспомнился лозунг довоенных лет: «Если враг не сдается, его уничтожают». Но эти-то сдались. Стало быть, заслужили прощение.

До нас уже тогда дошли слухи, что в освобожденном Воронеже, на его восстановлении работали тысячи военнопленных немцев. «Эти мадьяры могли бы помочь бабке Дуне восстановить ее хату, — пришла мысль в мою голову. — Половина хаты была разрушена при немецкой бомбежке, а мадьяры были молодыми и сильными ребятами...»

5

Несколько дней вокруг меня все разговоры сводились к одному. Расстрел мадьяр не оставил никого равнодушным. Не только взрослые, но и дети значительно моложе меня говорили о расстреле. К вечеру того самого дня к матери заглянула тетя Вера и с порога:

— Здравствуй, Марусь, слышала о мадьярах?

— Борис рассказал. А сейчас Юрку забирали от тетки Дуни. Она ругала вашего лейтенанта почему зря. За что он их так жестоко наказал? Ребята были безобидные, безоружные...

— Марусь, у него семью мадьяры порешили. Двух малолеток и жену расстреляли, хату спалили. Сынка и дочку показывал на карточке — из глаз слезы, а сам зубами скрипит...

— А убитые все лежат у нас в огороде?

— Нет-нет. Сразу же после расстрела красноармейцы перенесли их ниже нашего сада и закопали.

Я вспомнил про свой автомат, брошенный в окопе, и убежал. Забрал оружие, принес и запрятал его в сарае. Мать заходила сюда нечасто, только в самое холодное время, когда мерзли руки при доении коровы. В теплые дни предпочитала доить в более чистом дворе.

Когда я вернулся в хату, тетя Вера уже ушла. Но после зашла бабка Дуня, и я узнал новые подробности.

— Оказывается, молодой боец отказался убивать мадьяра, — рассказала мать. — Вера Федоровна слышала, как он сказал лейтенанту: «Я не убийца. Расстреляйте меня, но я убивать безоружного не буду!»

— А што ш изделал ентот анчихрист? — спрашивала дотошная бабка Дуня.

— Федоровна сказала, что вlepил ему пощечину, — ответила мать.

— Не видать ему, вражине, добра. Кто ему дал такие права самоправство чинить. Нету такого позволенья и закону такого нету! — Бабка Дуня знала, что говорила.

Несмотря на то, что всему селу уже было известно о погибшей семье лейтенанта, на его сторону становились немногие. А бабка Дуня тверже всех придерживалась своего мнения.

— Тетка Дуня упрямая, — говорила мать. — Нет бы лейтенанта подержать, а она пленных защищает. А как от них Гавриле досталось! Остался калекой на всю оставшуюся жизнь...

— В том немецкие фашисты виноваты, — возражал я.

— Какая разница, — отвечала мать.

— Они шли сдаваться и оружие побросали, — твердил я.

— Конечно, это так, — соглашалась она. — Можно было простить им войну. Скорей всего, их силой заставили...

До войны Егор Павлович работал в конторе «Заготзерно» вместе с моим отцом. По рассказам соседей, ему всегда удавалось избежать тяжелой, а если была хоть какая-то возможность, то и всякой работы. Как-то объявили воскресник. Услышав, что руководитель направляет всех мужчин на перетаскивание тяжелых, сырых бревен, он, примостившись на бревне, скромненько заявил:

— А я шкурки буду обдирать.

И тут же начал очищать бревно от коры. Работа эта не планировалась, но поскольку руководитель бригады почему-то не возразил, Палыч весь день просидел на одном бревне. Так же «мастерски» ускользал от ответственности, при малейшей возможности сваливая свои промашки на других. А главное, что мне было непонятно, как так случилось, что мой отец, который без очков совсем ничего не видит, уже второй год на фронте, а Егора Палыча на войну не взяли, хотя я никогда его в очках не видел. А сил ему хватало мешки с зерном из подводы разгружать да к себе в амбар носить.

В тот военный год семьи, у кого мужики оставались дома, не голодали, как мы. У них и хлеб был, и даже мясо ели. Но такие семьи были исключением, большой редкостью. Из полусотни сельских дворов, расположенных поблизости, я знал, кроме Егора Палыча, только деда Акима, потерявшего ногу в Первой мировой, да дядю Гаврила, чудом спасшегося из плена и полуживым вернувшегося домой. Во всех других семьях оставались одни бабы и дети.

От Воронежа до села наши наступали, опережая слухи. Не успели мы узнать об освобождении Воронежа, как с Белой горы раздались крики: «Ур-ра-а!» и пушечные выстрелы по фашистам. Гитлеровцы бежали в панике, побросав много техники и имущества. Повозки, автомашины, полевые кухни, орудия, мотоциклы, велосипеды, снаряды, мины можно было увидеть всюду. Они валялись в садах, огородах, на улицах, в оврагах. Нередко можно было встретить трупы фашистов на снегу. Но больше всего бросались в глаза крупные лошади-тяжеловозы. В особенности раненые. Лежит такая на снегу в луже крови, снег под нею подтаял, вся дрожит... Пытается встать, но не может.

Рано утром прибежала к нам бабка Дуня.

— Марусь, живодер-то наш мясом никак на всю жисть запасаится?! Уж, другу лошадь прикончил. Мерзлятину не хоча брать. Прямо возля ихнего дому в саду ляжить. А яму свяжатишку подавай! Супротив нас на дороге ляжала. Гляжу нонче, штой-то не так. Шасть к окну, а там замес-то живого меряна половинкадохлой клячи...

— Теть Дунь, а, может, это не он? Ты ведь его не видела?

— А хто ш ишшо?! Мой Гавришка с одной рукой, што ли? Дак яму она на дух не нужна!.. Я яму гуторила — сама схожу с топором. У нас на дугу такая ж ляжить. Токмо мерзлая. Ешь — не хочю! Сказал — ня буду. Да я и сама ня стала бы...

Время было не только холодное, но и голодное. Нашу семью спасала Милка. А без молока основной едой была картошка. Хлеба, как правило, не было. Если матери удавалось достать немного зерна или муки,

то она добавляла одну-две горсти в протертую картофельную массу и пекла хлеб, напоминавший больше вкус картошки, чем хлеба. Но и картошки не всегда хватало. Ту, что мать оставляла на семена, она закапывала в глубокую яму во дворе или огороде. Оставшиеся после посадки семена доедали.

Перед нашим освобождением я простудился, хворал, несколько дней пролежал в постели. В одну из последних ночей под утро в хату набились продрогшие и голодные мадьяры, человек семь или восемь. Я проснулся и вижу, как мать, растопив печь, поставила варить картошку в большом чугушке. Мадьяры по очереди заглядывают в чугунок и видят там много воды и мало картошки. Они о чем-то переговариваются между собой. Приготовив такой завтрак, мать дает мне и Юрке по две маленьких картошечки, а себе и каждому мадьяру наливает в кружки картофельного бульона. Они благодарят ее по-своему. Что-то говорят непереводимое между собой. Лишь одно слово понятно и звучит чаще других: «Шталинград, Сталинград...»

Народ деревенский догадлив. Позже утром, когда мадьяры ушли, соседи, услышав рассказ матери, поняли, что в Сталинграде произошло что-то неладное для оккупантов. И скоро придут наши.

8

В конце февраля ясные морозные дни сменились метелями. Так запуржило, что из села не выберешься и в село ни на чем не проедешь. Мать вместе с другими односельчанами ушла на расчистку дороги, оставив под моим наблюдением Юрку, и попутно попросила поглядывать за нами, непоседами, бабу Дуню, как бы на всякий случай. Обычную по тому времени жизнь, ее трудности и лишения мать никогда позже не любила вспоминать, не говорила она и о тяготах того февральского дня, как мерзли до костей на степном проселке и грелись с помощью лопаты. Зато не раз рассказывала о том, с каким аппетитом обедали Егор Палыч с Верой Федоровной, как уплетали поджаристые, румяные котлеты.

— Вера Федоровна и меня угощала котлетами. Но я отказалась. Аппетитно выглядели: пышные, большие, как лепешки, — говорила она мне и Юрке. — Но как вспомню, что они из мяса немецких лошадей, которые лежат на дорогах, так тошно делается. А Вера Федоровна весь обед покоя не давала, все дразнила: «Пей, подружка, пру-тя-тя. Ешь, дорогуша, пру-тя-тя». Это она так мое молочко обзывала. Простите меня, детки. В конце обеда угостила меня Вера Федоровна оставшимся хлебушком, маленьким кусочком. Не удержалась, взяла. Потом не знала, что делать: для вас в карман положить от соседки неудобно, а если не съесть самой, надо назад вернуть. Не удержалась, съела...

9

Лейтенант, расстрелявший пленных мадьяр, оказался энкаведешником. Из тех, что следовали за фронтом и подчищали освобожденные территории не только от военнопленных. Разобравшись в делах оккупированного села, он уже через три дня арестовал бывшего старосту, который поддерживал фашистов. В тот же день вся команда отправилась в районный центр. В большом доме Егора Павловича не осталось посторонних глаз.

Через месяц разговоры о расстреле стихли. Но тут село стали посещать оттепели и нас накрыла новая волна пересудов, связанных с убитыми мадьярами. Кто имел одежду, подходящую к сезону, стали появляться на людях в новом облачении. Как-то невестка деда Акима, тетя Оля, зайдя к нам, полусшепотом поведала маме:

— Заходила к соседям. Видела новый свитер на Егоре Палыче. Ей Богу, с мертвого мадьяра снял...

— Да ты что?! — удивилась мать. — Не может быть! Люди видели, как красноармейцы их одетых-обутых закопали.

— Дак ночью откопал! Вот увидишь, скоро и обувь объявится, а, можа, и форма!

В хате, кроме меня и братишки, никого не было. Мать повздыхала, поохала и занялась своими делами. Ей обычно было некогда ляды точить, как она часто любила повторять. Тетя Оля тут же ушла. А ее прогноз насчет обуви вскоре сбылся. Егор Палыч в оттепели все чаще стал появляться на людях в своей кожаной куртке, из-под которой нетрудно было рассмотреть яркий и красивый свитер. Как-то и я повстречал его в этой одежде, но уже без куртки и в сапогах. Очень похожих на те, в которые был обут один из расстрелянных венгров. Помню, еще тогда у меня возник вопрос: почему неодинаково обуты мадьяры? Сапоги я эти не очень запомнил. Но...

— Откель они у него нашлись?! — спросила с презрением бабка Дуня, утверждая очевидный факт. И я был с нею согласен.

Прошел также слух по селу, что Егор Палыч продал или обменял пару ботинок и в них видели какого-то мужика из соседнего колхоза. Куда делась вторая пара, Бог знает? Но то, что Егор Палыч и их снял с убитого, теперь уже никто не сомневался. По селу упорно ходили слухи, что перезахоронил он мертвых совершенно голыми, как говорят «в чем мать родила». Снял даже подштанники.

Когда фактов стало больше, чем слухов, к бабке Дуне откуда-то пришло новое слово для Егора Палыча.

— Мирадер, — твердо сказала она.

Егор Палыч был первым на селе, кого назвали так «почетно»...

10

Мы долго и нудно поднимались в гору. Вокруг были зеленые деревья, которых не коснулось еще дыхание осени. Воздух был чище, чем в долине, и не так жарко. Энергичнее стали туристы, чаще остановки, еще веселее Анечка. Оживленному, веселому настрою группы способствовал яркий солнечный день, мягкая прохлада ближнего леса и легкий, некрутой подъем. Я все это замечал, но как во сне. А более реальной, чем сама нынешняя жизнь была та далекая военная пора, в тумане которой я находился. И еще меня мучила совесть за свое малодушие, которое я проявил, не ответив на вопрос старой венгерки. А вопрос был прямой:

— На ком ты видел такой свитер, на живом или на мертвом?

Возможно, звучал вопрос немного по-другому, но смысл мне был передан именно такой. Я сделал вид, что не понял. Хорошо, что была возможность свалить вину на переводчика, который не знал многих русских слов.

Мне хотелось уже сейчас оставить группу. «Бог с ним, с походом, —

думал я. — Надо сказать правду женщинам о Михе. А был ли он среди тех мадьяр? — мучили сомнения. — А Жени-старуха, разве похожа она на невесту? Да, столько времени прошло... Она же тогда была другой, совсем еще юной...»

Как же рассказать старушкам о том, что свитер видел я на мертвом их сыне и женихе. И как это сделать? Ведь я ни слова не знал по-венгерски. Потом пришли в голову другие вопросы и начались иные мучения: «Были ли у старой венгерки еще дети, есть ли внуки?» «Выходила ли Жени замуж, не дождавшись Михая, или до сих пор живет несостоявшейся вдовой?»

Сколько ж безответных вопросов война оставила о судьбах людских...

Наталья Васильевна Рыжих родилась в селе Верхнее Турово Нижнедевицкого района Воронежской области. Окончила Воронежский государственный педагогический институт и Орловскую региональную академию государственной службы. Работает выпускающим редактором в редакции районной газеты «За изобилие» Колпнянского района Орловской области. Публиковалась в региональных изданиях и литературных сборниках. Автор книги «Житейские истории». Живет в поселке Колпны Орловской области.

Наталья Рыжих

ЗАБЫТАЯ ПЕСНЯ

* * *

Ни строчкой, ни звонком
Тревожить не намерен.
Твой адрес — незнаком,
Твой телефон — утерян.

Лишь за полночь, впотьмах
Все явственней, все ближе
В приснившихся стихах
Я светлый облик вижу.

Смеющийся овал
С морщинками родными,
Но я зашифровал
Твое святое имя.

Не выдам никому
Печального секрета.
А муж... скажи ему:
Случайно сходство это.

Да разве я рискну,
Да разве ж я посмею
Назвать его жену
Любимую своюю.

* * *

В музее имени тебя
Есть писем старые страницы:
Они спустились, словно птицы,
Воспоминая теребя.

А в ветхом сборнике стихов
Цветок, подаренный когда-то.
Хоть в памяти и стерлась дата,
Напомнить он тебя готов.

И пусть прошло так много дней,
Немало сделано ошибок,
Твой образ, как мираж, стал зыбок,
Но память сердца все сильнеей.

Зачем расстались мы, любя?
Был каждый в правоте уверен...
Как жаль, что адрес твой утерян
В музее имени Тебя.

* * *

Не боюсь я капризов природы,
У меня свой погоды прогноз:
Хоть журчат вокруг вешние воды
И забыт, наконец-то, мороз,

Если нет тебя — хмуρο и пусто,
В сердце слякоть, хоть дождик не льет,
Даже солнышко светит так грустно,
Птичка с ветки уныло поет.

Но пусть тучами небо покрыто
И подкрались опять холода,
Хлещет ветер по лужам сердито —
Для меня это все не беда:

Ни тоскливая серая слякоть,
Ни сухой изнуряющий зной
Не заставят ни хныкать, ни плакать,
Если снова ты рядом со мной.

Подойдешь ты походкой упругой,
Улыбнешься, за руку возьмешь:
— О! Какая чудесная вьюга!
Ах! Какой восхитительный дождь!

* * *

Все реже звучат переливы гармошки,
Не слышно аккордов знакомых, родных.
От песен чужих мы устали немножко,
А сердце так просит напевов своих.

Веселье и грусть нам подарит гармошка,
Расскажет о доле, о сложной судьбе,
А если нелегкою станет дорожка —
Поможет гармошка и мне, и тебе.

Мелодия льется, как дождь на ладошку,
Услышишь те звуки — и сердце замрет...
Пусть внук синеглазый, взяв в руки гармошку,
Забывшую песню для деда споет!

* * *

Зачем мы строим замки из песка?
Возводим башенки, крепим колонны, своды?
Порхает трепетно ваятеля рука,
Дав творческой фантазии свободу.

Растут чертоги дивной красоты,
И на глазах возводятся строенья,
Все воплощаются и планы и мечты
В податливом песке без промедленья.

Мы из песка возводим города —
И истина простая познается:
Красивые, они не навсегда,
Легко уходит, что легко дается.

Разрушит время замки на песке,
Но кто-то там же их построит снова.
Ведь люди не грустят о пустяке
И верить в чудеса всегда готовы.

РОДНИК ДЛЯ БОЛЬШОЙ РОДНИ

О времени, о жизни, о себе
ведут диалог
доктор философских наук
Иван Иванович Борисов
и доктор технических наук
Василий Иванович Борисов

Иван Иванович Борисов родился в 1936 году в селе Верхнее Турово Нижнедевицкого района Воронежской области. Окончил исторический факультет Воронежского государственного университета. Доктор философских наук, профессор кафедры истории философии ВГУ. В 1998-2006 годах был ректором Воронежского государственного университета. Член Академии гуманитарных наук, Российского философского общества. Автор более 250 научных и методических публикаций, в том числе 6 монографий. Живет в Воронеже.

Василий Иванович Борисов родился в 1939 году в селе Верхнее Турово Нижнедевицкого района Воронежской области. Окончил физический факультет Воронежского государственного университета. Доктор технических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук. С 1962 года работал в Воронежском НИИ связи, где прошел путь от инженера до генерального директора. В 2005-2008 годах — основатель и генеральный директор ОАО «Концерн «Созвездие», в настоящее время 1-й заместитель генерального директора по научной работе. Автор свыше 120 работ и книг по проблемам помехозащищенности радиотехнических систем. Живет в Воронеже.

Из этой семьи вышли трое ученых, но, кажется, гены здесь ни при чем — их родители были малограмотными крестьянами. Не могут похвалиться братья и элитарным образованием — будущий ректор вуза и гендиректор оборонного концерна начинали свои жизненные университеты в обычной сельской школе. В чем же особенность и уникальность их судеб?

ВОЗДУХ РОДИНЫ, ОН ОСОБЕННЫЙ

Иван Борисов: — Родом мы из Верхнего Турова. Село это древнее, история его уходит почти в 350-летнюю даль. Наши предки были, очевидно, людьми мастеровыми. Не случайно в «Строенной книге города Воронежа» за 1670 год отмечается, как хорошо они отремонтировали башню Глухую и часть городской стены воронежской крепости. Из недавнего советского времени помнится иная историческая изюминка: о Нижнедевицком уезде, его селах писал Ленин в своих знаменитых трудах о загнивании капитализма. Впрочем, какая в этом доблесть? Говорилось о нашем крае как о невыносимой глуши, прозябавшей в нищете. Местная экономика на 80 процентов подпитывалась реализацией спиртных напитков. Словом, при таком капитализме жилось крестьянам плохо. Однако от пришедшего на смену социализма, как мы теперь понимаем, тогдашней деревне тоже стало не намного слаще. Коллективизация, индустриализация страны... Такие жесткие эпохи ломались на спинах людей. Все давалось тяжелейшим, изнурительным трудом.

Но, конечно, нам интересны не сами по себе древности или любопытные факты. Кажется, в этих долинах, будто в ладонях, земля собрала некое магнетическое вещество. Оно влечет нас отовсюду. Работал я как-то на Кубе. Пышная природа, океан — рай земной, да и только. А дочка-школьница считала дни, когда вернемся домой. Душа просилась сюда, к степным холмам, где все стежки искожены, к маленькой речке, которая до донышка перемерена, к чистым родникам, утолявшим жажду... По каким жизненным дорогам судьба ни кружит человека, эта сладкая ностальгия, воздух родины, дым отечества всегда подскажут, откуда ты ушел и куда тебе возвращаться. Так всегда было и будет: молодость тянет тебя за порог, а годы прибывают к отчей земле. Мы давно здесь не живем. Но здесь могилки наших родителей. Каждый год мы приезжаем сюда.

Наша семья как раз и возникла здесь в самые переломные 30-е годы прошлого столетия. У отца с матерью было нас пятеро. Осталось четверо — три мальчика и девочка. Еще один братишка умер перед войной в двухлетнем возрасте. Семья у нас была большая, простая, трудовая. Отец, Иван Михайлович, работал железнодорожником на станции Курбатово, рядом с селом. Мама, Мария Ивановна, трудилась колхозницей. Родители пропадали на работе с утра до ночи. На правах старшего я руководил, как говорится, всем двором, младшими братьями да сестрой. Когда они чуть подросли, в 10 лет меня отдали на хутор в подпаски. В голодном 1946 году это меня, собственно, и спасло. Голод унес тогда немало людей. В нашей семье тяжело болел Василий. К счастью, его выходили. Ну, а я целое лето пас коров. Кормили пастухов молоком да кашей. Так что голод мне был ни по чем. Правда, потом лет десять я на молоко и смотреть не мог...

Василий Борисов: — Действительно, те годы были нелегкими. Я тоже успел походить в лаптях. Сызмальства мы работали. Каждому находилась работа по росту, но без поблажек. На нашем попечении был огород. За счет него мы и выжидали. Потому все силы были брошены на огород. Пахали все. Утром выходили 50 соток копать. К вечеру заканчивали. Картошка, свекла, что-то из зерновых — рожь, горох — все это было, без преувеличения, нашим спасением. Еще я пас домашний скот — коров, телят да козу. Вставать надо было в 4 часа утра. Но донимал не ранний подъем, а наглая коза — лезла напролом всюду, соломенную крышу у соседа жевала! После 5 класса я начал работать в колхозе. Летом меня определяли на комбайн помощником-копильщиком. Жатва, жара, поля, машины — дух захватывало!

Это время я вспоминаю с наслаждением. Это было наше детство со всеми радостями и печальями, забавами и всякими выдумками. Представьте, наш Иван осно-

Верхнетуровская школа. 1952 год

вал в Верхнем Турове футбол. А случилось так. В войну, когда село было оккупировано, в нашем доме жил немец-комендант. Его денщики забавлялись занятой игрой в мяч. Когда в январе 1943 года они драпали из села, то с различным хламом оставили два футбольных мяча. Отец хотел их сразу употребить на подметки, но один мяч мы все-таки у него выпросили. Вырубили жердины, поставили ворота. И началась игра! Примерно так — кто догонит мяч, тот и пинает. Позже учитель физкультуры рассказал о футбольных правилах, показал, как надо играть. Стали мы тренироваться и были лучшими в районе... Вот такая динамичная была жизнь — работа, игра, а мы — в гуще всего.

МАМА... ПЕРЕД ИМЕНЕМ ТВОИМ

И.Б.: — Самое дорогое в воспоминаниях о том времени у нас, несомненно, связано с именем матери. Только сейчас, понимая цену всему, можно, наверное, постичь, какую ношу она несла на своих плечах. Военная оккупация. Василия чуть немец не застрелил: взял он кусок хлеба со стола, а тот рассвирепел и хват за автомат. Что говорила фашисту мама, как умоляла — не знаю. Но заслонила собой сынишку, уберегла. А послевоенные тяготы... Нас четверо — мал-мала-меньше. Сколько ж нужно было труда приложить! Кто-то сказал, что у матери только один недостаток — у нее лишь две руки. Но эти добрые руки удивительным образом до всего доходили и все успевали — одеть, накормить, уберечь от болезней, научить всему полезному и нужному. Потому и мы очень многое умели: трудиться на огороде с весны до осени, варить еду, заготавливать сено, носить воду, кормить скотину, нянчить младших... И делалось это помимо школьной учебы. Да не дай Бог, чтобы в ущерб ей.

Помню, нас, школьников, водили работать в колхоз — пололи просо, подсолнух, убирали свеклу. На наш стол от этого мало чего попадало. Зерно из колхоза начисто выметало государство — то на фронт, то в города. Иногда мы собирали в

поле оброненные колоски. Целый день, не разгибаясь. Приносили домой сумку с колосками, смотрели, как мама их сушила и разминала, веяла и молола на домашней терке муку. Пекла хлеб или лепешки пополам с лебедой или толчеными желудями. Чтобы всем хватило хотя бы по куску. Сейчас понимаешь, каков истинный нравственный вес того материнского хлеба. И знаешь, что главная школа жизни приходится именно на те суровые, требовательные годы.

В.Б.: — Наших родителей в селе уважали. Отец имел 4 класса образования, среди односельчан слыл грамотным. Если колхоз что-то продавал на стороне, обычно в поездку снаряжали его. Говорили: «Ивану Михайловичу быть бы кладовщиком или счетоводом...» Но сам он на это не решился, так и работал на железной дороге. Весь дом, вся дисциплина в семье держались, я считаю, на матери. Она всегда была спокойной, ровной, требовательной. У нас не были приняты в отношениях чрезмерные эмоции: поцелуи, причитания, слезы напоказ. Но в то же время мы чувствовали себя дома, что называется, как за каменной стеной.

Все постигали через труд. Через трудности и труд родители готовили нас ко всему, что вдруг могла потребовать жизнь. В этом и заключалась их природная мудрость. Всех выходила мать, на ноги поставила, на путь истинный направила. Все мы состоялись и в человеческом, и в профессиональном плане. Старший брат, Иван Иванович, человек известный, был ректором Воронежского госуниверситета, доктор философских наук. Я стал членом-корреспондентом Российской Академии наук, доктором технических наук, профессором. Младший брат, Михаил Иванович, кандидат экономических наук, возглавлял экономическую службу производственного объединения «Электроника». Кандидатскую он защитил в МГУ. Ему был открыт прямой путь в докторантуру, но у него обнаружился тяжелый недуг. Миша безвременно умер. Сестра, Анна Ивановна, всю жизнь кропотливо работала на Воронежской кондитерской фабрике, награждена двумя орденами Трудовой славы.

Все это — родительская заслуга и гордость. В селе как говорят? Дай Бог деток, да чтоб разумных... Такие семейства в любой деревне в чести. И у нас так было. В страшный голодный 1946 год председатель колхоза на правлении говорил: «У Машки Лапушкиной (так называли нас по-уличному) тяжелая ситуация. Дети с голоду пухнут. А семья-то разумная. Надо помочь». Помогли. Выписали 10 килограммов пшена. Понимаю, что для матери не было выше почести, потому что она смогла накормить нас. А еще, сколько себя помню, она, неграмотная крестьянка, побуждала нас к учебе. Все жилы вытягивала в работе — лишь бы дети учились. Когда я думаю об этом, всегда вспоминаю слова выдающегося педагога Сухомлинского о том, что для воспитания ребенка требуется более проникновенное мышление, более глубокая мудрость, чем для управления государством.

ЧЕМУ РЕФОРМЫ НАУЧАТ ШКОЛУ?

И.Б.: — Конечно, то, что из нашей семьи вышло столько ученых, удивляет многих. Но особых секретов в этом нет. Более того, все легко объясняется. Говорят, что процентов на 85 человек формируется в семье. Она у нас была не праздная. Еще 10 процентов жизненной шлифовки отводится школе. С этим нам тоже повезло. Наша сельская школа была, на мой взгляд, уникальной. 700 учеников — трудно даже представить такое детское половодье. Потому что сегодня и сравнить не с чем. Нынче там за партами 120 школяров. Но главное не в этом. Суть — в отношении. Я начал учиться, когда еще гремела война, а ребята — в послевоенные годы. Всего не хватало: учебников, тетрадей, нечем было топить, нечего одеть. Но первой после немецкой оккупации открыли в селе школу. Чуть отряхнулись от войны, председатель пригласил в село целый десант выпускников из педучи-

Встреча на родной земле

лица и института. Обеспечил жильем, продуктами. Считал, что огороды и сараи учителям ни к чему: ни на что не отвлекайтесь — учите детей. Как я понимаю, они хорошо делали свою работу. Я до сих пор помню массу школьных стихов, люблю классику. Помню и мои страдания, когда учил: «Плакала Саша, как лес вырубали...» Жалко было ее до слез.

Я очень благодарен своей школе. Она не просто давала знания, но и учила пытливости, ответственности за свои поступки. С детства, со школьной скамьи мы не могли сидеть сложа руки. После учебы я сразу подался в Воронеж, выучился на машиниста кранов. Работать направили в Минск. Я понимал: мне надо помогать семье. В армию сам напросился — тогда без этого и парень не парень. Был танкистом — сейчас иногда так хочется зайти в свой бокс, посидеть в танке... Служба не только приучила меня к внутренней собранности и порядку, но и дала неожиданную свободу мысли. Будто в противовес известному тогда поэтическому слога-ну «Мы диалектику учили не по Гегелю» на политзанятиях я неожиданно врубился в этого Гегеля, увлекся Кантом, ранним Марксом...

У философии есть своя необъяснимая магия. Помню, как-то с университетским коллегой сидим в скверике, дискутируем. Рядом мужчина слушал-слушал да и вклинился: «Извините, что за беседа у вас — вроде все по-русски, а непонятно, но при этом так интересно...» Конечно, я очень рад, что мне удалось открыть в ВГУ факультет философии и психологии. Уверен, со временем заговорят о воронежской философской школе.

Вообще, годы университетского ректорства — мой интеллектуальный, управленческий пик. Хотя совпало это со временем смутным, безденежным: конец 90-х годов — начало нулевых. Но вместе с подвижниками мы превозмогли негатив. Кажется парадоксальным, но кризис одолели своим ростом, выжили благодаря бурному развитию. Кратко говоря, построили 4 новых корпуса, учебные площади выросли вдвое, открыли массу новых специальностей, направлений, несколько факультетов — международных отношений, фармации, компьютерных технологий...

Вся моя жизнь прошла на ниве образования. Помню, что было, но не всегда понимаю, что будет. Я не считаю себя ретроградом. Не буду много рассуждать о

том, что советская школа обеспечила стране рывок от сохи к космосу. Это факт. А сейчас все яснее выявляется другое: нынешние реформы в образовании непонятны людям, поэтому они не воспринимаются обществом. Мне доводилось работать во многих реформаторских комиссиях, ситуацию чувствую изнутри. Поэтому на душе тревожно. У многих моих коллег на душе неспокойно. Государство самоустраниется от образования. Вряд ли это правильно.

Вот принимается новый закон об образовании — 400 страниц текста без внятных целей. Этот закон должен обеспечить условия выполнения концепции по развитию образования. А ее еще нет. Да и сам закон может действовать лишь через массу подзаконных актов, которые в лучшем случае появятся через годы. За это время или шах помрет, или ишак сдохнет. Но каравану давно уже покоя нет: его то туда погонят, то среди дороги бросят без воды и еды. Вот, к примеру, идет процесс слияния, укрупнения школ. Чем это регламентировано? По сути — ничем. Просто решили, что так будет экономнее. Но вспомним, во что обошлась стране пресловутая экономия на неперспективных деревнях?! Теперь взялись, будем говорить прямо, за сокращение высшей школы. Может, это и объективный процесс. Может, высшее образование не нужно всем подряд. Но если избавляться от «неэффективных» вузов, значит, нужно думать, что делать с выпускниками школ, которые не попадут в институты и университеты. Надо создавать им рабочие места, развивать систему профессионального образования. Никого это не колышет.

Вот это самое печальное — наш караван плетется неведомо куда. Стандарты, которым молятся реформаторы, давно обветшали. Пресловутое тестирование на Западе подвергается ревизии. В ВГУ проводился такой эксперимент. На год мы направили студентов в США поучиться. Я был там у них, спрашиваю: «Что понравилось?» Говорят: «Выучили язык, изучаем востребованные специальности...» Предлагаю: «Может, еще на год останетесь?» Зашумели: «Нет, поедем домой. Мы и так в учебе отстали, надо догонять своих...» Мы давно знаем, что уровень фундаментальной подготовки у нас выше. Тем не менее реформируемся без разбору и без раздумий. А ведь каравану, идущему без цели, ни один ветер не будет попутным.

С другой стороны, система образования, конечно же, нуждается во внимании. Сколько говорится о скудных ресурсах школ, неподобающе низких зарплатах учителей... Однажды дискутировали мы об этом в компании, где были главы районов, другие высокие чиновники. Рефрен один: «Нет денег». Я тогда сказал: «Урежьте вдвое свои банкеты, а деньги положите в спецфонд для школ. Пусть и бизнес туда подкинет толику. Ведь он у нас социально ориентированный и ответственный». Потускнели мои собеседники сразу, разговор свернули.

Ясно, что без заинтересованности ничто не сдвинется с места. Наш премьер на себе это прочувствовал, когда его сын недавно поступал в вуз. Журналистам о реформе и ЕГЭ он так и сказал, что, дескать, пока на себе не испытаешь, не поймешь, что это такое... Ну, если на самом верху возникло какое-то понимание, может, теперь прекратится уничтожение системы образования, без которой ни одна отрасль не выживет.

ВЫХОД В УКЛАДЕ. НО ТОЛЬКО В ШЕСТОМ

В.Б.: — Само собой, мысли брата во многом мне созвучны. Школа отгранила в нас то, что заложила семья. Я окончил школу с золотой медалью, первым из сельских мальчишек. Почему так учился? Просто не представлял, как можно не выполнить задание. И сейчас тоже. Эта обязательность — внутреннее свойство, код, матрица. На всю жизнь. Присматриваюсь к детям, внукам, племянникам, угадываю знакомые черты. Ничего не поделаешь — гены пальцем не сотрешь.

Я вовсе не мечтал стать ученым. В школьных сочинениях писал: «Остаюсь в

Поздравления — брату

колхозе». Душою не кривил. Мне нравилась сельская жизнь: поля с размахом, деревенский пятачок с танцами, с гулянкой. Хотел поступать в СХИ. Но главный инженер МТС отсоветовал: «Посмотри, я ни дня, ни ночи не вижу. Это от тебя никуда не денется. Попробуй другой жизни. Голова у тебя варит. Иди в университет...» Так я стал учиться на физфаке ВГУ. Однако долго не мог принять и понять город: как это к вечеру у тебя нет никакой работы, отдыхай, смотри кино? Однако у нас было принято так: в какую борозду попал — паши! Постулат нехитрый, но универсальный. Любопытно, что столь же просто оценивал нашу профпригодность и отец, когда мы, уже состоявшиеся люди, приезжали к родителям в гости. Както я привез им в подарок цветной телевизор. И вот отец начинает разговор:

— С Василием понятно: телевизор может сделать или отремонтировать, работает на жизнь. Аня на фабрике конфеты варит: тоже хорошо. Мишка — бухгалтер, не последний человек. А как Иван?

— Иван — философ.

— Чем же он занимается?

— Ну, думает, как мир устроен. О человеке думает.

— Это что же, наподобие как поп? — изумляется отец. — Размышлять о человеке, конечно, занятно, но как семью прокормить...

Мне с работой крупно повезло. Я попал в невероятно интересный коллектив. Почтовый ящик № 121, военный институт. Пахал в своей борозде так увлеченно, что в августе 2012 года с удивлением обнаружил, что работаю в НИИ связи, как называют в просторечье наш концерн, 50 лет, из них 22 года генеральным директором. Оборонка, конечно, сфера серьезная. От дефицита внимания мы никогда не страдали. В советское время наши решения позволяли обеспечивать паритет сил с вероятным противником. Но 90-е годы нас крепко испытали на излом. Каждый выживал, как умел. Площади производственные продавали, деньги проедали и банкротились. Мы предложили коллегам объединиться. Так создали «Созвездие» — единственный в стране концерн ОПК с головным центром в провинции. Когда другие рушились, мы выросли на треть.

В 2008 году, когда я уходил с поста гендиректора, наш коллектив насчитывал 6, 5 тысячи человек, против 4 тысяч в 90-х. Молодых работников до 28 лет — около 2 тысяч. Так срабатывает наша кадровая стратегия. Я рассказывал о ней на общественной палате. Все начинается с детского садика, где отбираются ребята для учебы в гимназии имени Басова. Потом они учатся в ВГУ или техническом университете. С 3 курса приходят к нам, мы им платим четверть ставки. К молодежи вопросов нет — грамотные, умные, талантливые ребята. Мы реально сделали науку производительной силой. У нас есть аспирантура, свой ученый совет. Воспитали 175 кандидатов, три десятка докторов наук.

Все это могло бы нас радовать, но... Есть порядок других цифр. Академик Велихов как-то писал, что судьбу государства решают 3 компонента — производство, наука и образование. Производство рухнуло у нас в 10 раз. Объем вложений в науку в 90-е годы упал в 5 раз. Образование в плачевном состоянии. Вот сейчас на высшем уровне озаботились, куда исчез инженер? А он ушел в торговые сети, в банки. Зачем человеку авиационное образование, если у нас самолеты не выпускаются?

Ситуацию надо менять кардинально. Потому что инновационный прорыв, выход из кризиса видится в переводе экономики в 6-й технологический уклад. Его динамично осваивают развитые страны, Китай, юго-восточный анклав. Нам чрезвычайно сложно встать в этот ряд. Мы остаемся в пятом укладе. Слишком много упущено за последние 20 лет.

Сегодня мир активно идет по пути создания глобального информационного пространства. США ежегодно прокладывают 15 миллионов километров волоконнооптических линий. Они ими опутали себя, всю Африку... Всюду лежат эти жилы. В нашей стране за год протягивают 15 тысяч километров таких линий. Мы пока что создали единое информационное пространство в военной сфере. А они скоро могут прийти до каждого человека. Единственное, в чем мы их превосходим — мобильная телефония (240 миллионов трубок на 145 миллионов населения).

Интернет, компьютер, мобильная связь — это и есть составляющие глобально-информационного пространства. Сегодня кто сильнее в информационной разведке, тот лучше защищается, точнее нападает. И не только в военной сфере. Экономика — это тоже борьба. Сражение будет идти за каждого человека — в том числе и через навязывание своих нравственных ценностей, духовных и моральных приоритетов. Слияние человеческого мозга и компьютера — кажется, фантастика. Но ученые над этим уже вплотную думают...

ИНТЕРНЕТ ИНТЕРНЕТОМ, А НА СТОЛЕ ТОМИК ГОГОЛЯ

И.Б.: — К человеческой душе апеллируют многие вызовы. И нынешние, и будущие. А чем подпитывается душа? Какая порука держит человека на круге жизни? Раньше на эти вопросы, кажется, ответить было проще. Понятнее были нравственные матрицы: семейные устои, народные традиции, книги, искусство... Государство всемерно развивало сферы, которые просвещали человека. У нас в селе в 1951 году открыли прекрасную библиотеку. В клуб приезжали артисты из Воронежа. Это был праздник души. От того времени у меня остались все лучшие привычки. Мы очень много читали. И сейчас люблю посидеть с книгой. Больше приходится углубляться в философскую, историческую, специальную литературу. Но для души сейчас у меня на столе лежит томик Гоголя. Бываю в театрах. Слежу за выставками...

Но почему сегодня человек стал для государства как бы малоинтересен? Особенно дезориентирована молодежь. Она предоставлена себе самой, днями висит в Интернете, неведомо где тусуется. Критерии, по которым судят о добре и зле, о

красоте и безобразном, сегодня размыты. А без этого человек беспомощен. Им очень легко манипулировать. Вот почему я обеспокоен тем, что государство уходит из этой тонкой духовной сферы. Я не против современного искусства. Но людей надо научить его понимать. Раскрывать его смысл или бессмыслицу. Тогда и станет понятной глумливая суть выходок «Pussy Riot» в храмах. Должны быть понятны границы гармонии, меры, нормы. Любить свою землю, свою Родину — это норма. Ненавидеть свой народ, презирать Отечество — психическая аномалия. Таковы вечные истины. В любом государстве они должны быть на первом месте.

В.Б.: — Сегодня мир меняется стремительно. Возникают новые идеи, новые замыслы. К примеру, можно услышать разговоры о скорой смерти печати, книги. Для нас, бывалых книжечеев, это чуть ли не катастрофа. Но я думаю, что не все столь трагично. Вот, кажется, Интернет всеохватен. Он всюду проник, отвратил наших детей от чтения. Но Интернет содержит всего 10 процентов информационного ресурса. Остальные 90 процентов — печать, книги, библиотеки. Можно вспомнить и такую логическую цепочку: кино не сгубило, как предрекали, театр; телевидение не вытеснило кино. Будет жить и книга.

Но нам нужно понять, чего мы хотим? К примеру, общество очень беспокоит школьная реформа, в том числе и образовательная политика в области русского языка и литературы. Я не специалист, но понимаю: язык связан с мышлением, а чтение формирует мысль. Значит, эти предметы — человекообразующие. Поэтому нам нужно определить ясный алгоритм реформы образования, а не шарахаться из стороны в сторону.

Я верю в то, что красота, культура, книга как ее часть, спасут мир. Но для этого мы сами должны встряхнуться, пробудить в себе энергию, новые внутренние силы. Конечно же, мы хотим жить достойно, сохранить страну и передать своим детям и внукам богатые знания и опыт. Но это требует от нас очень большого труда.

Публикация Владимира НОВОХАТСКОГО

Евгений Новичихин

СФАБРИКОВАННОЕ ДЕЛО

(Судьба крестьянина на сломе эпох)

Земля... История знает немало примеров, когда эксперименты политиков над деревней ломали человеческие судьбы, трагически отзываясь в будущих поколениях. Рушились устои, торжествовали беззаконие, безнравственность и бездуховность. Нередко вчерашние друзья, соседи становились заклятыми врагами.

Время от времени зуд экспериментаторства вспыхивает с новой силой, грубо вторгаясь в естественные процессы развития деревни. Именно поэтому нелишне внимательно всматриваться в уроки прошлого. Один из таких уроков — в следственном деле № 389/6816, о котором пойдет речь.

Из протоколов допроса свидетелей

«Колтаков Яков Григорьевич говорил, что хлебозаготовки душат крестьян хуже податей при царизме и что крестьяне дураки, если терпят все это, вместо того чтобы выгнать коммунистов и передать власть в руки народа...»

«Ликвидацию кулачества, говорит Колтаков, проводят неверно, т.к. уничтожив зажиточную часть деревни, примутся за отбор имущества у середняка и бедняка и выгребут последний хлеб...»

«Только благодаря советам и разъяснениям тов. Колтакова Якова Григорьевича я, Воронин, вступил в колхоз...»

«Колтаков — горячий защитник Советской власти...»

Из протокола заседания группы бедноты при Курбатовском сельском Совете Нижнедевицкого района от 6 марта 1930 г.

«Слушали: о ликвидации кулака как класса.»

«Постановили: Гражданина Колтакова Якова Григорьевича ликвидировать как класс по 3-й группе по следующим причинам...»

Справка

«В дополнение к своему отзыву даю следующую справку, что в делах Курбатовского сельсовета до ареста и вообще в период моей работы в сельсовете Колтаков Яков Григорьевич не принадлежал ни к какой группе по раскулачиванию, но при аресте его председатель сельсовета Шубин (фамилии, помеченные здесь и*

далее звездочками, изменены по этическим соображениям. — Е.Н.) в присутствии Паринова и лица, который арестовывал Колтакова Я. Г., меня как секретаря заставил написать справку на Колтакова под свою диктовку, что он отнесен к 3-й группе по раскулачиванию.*

К сему — Маркин».

...Страницы следственного дела № 389/6816 пестрят вот такими противоречивыми показаниями, документами и фактами. Иногда один и тот же свидетель сначала утверждал одно, а спустя несколько месяцев — совсем противоположное. Что заставляло людей менять показания? Или — кто заставлял? И в каком случае — в первом или во втором? Следственное дело об этом умалчивает. Можно лишь догадываться.

В конце 80-х годов я опубликовал в областной газете большой очерк «Связь поколений». Позднее он появился и в моей книжке «Верхнее Турово», вышедшей в серии «Земля Воронежская. Энциклопедия городов и сел». Основываясь на архивных документах и воспоминаниях непосредственного участника событий Арсентия Борисовича Прасолова, я рассказал о действовавшей в Верхнем Турове в начале прошлого века революционной организации «Туровское крестьянское братство». Девять повешенных, двадцать шесть замученных в тюрьмах, на каторге и в ссылке — таков трагический итог раскрытия крестьянского братства властями.

Брошюра А.Б. Прасолова «Как туровские крестьяне боролись с самодержавием», вышедшая в конце 30-х годов в Москве, в 1992 году была перепечатана журналом «Подъём» с моим предисловием. В нем я в частности обращался к читателям с просьбой сообщить о дальнейшей судьбе как автора воспоминаний, так и других, оставшихся в живых, участников революционных событий в селе.

И вот в моих руках оказалось «Дело по обвинению гр. Колтакова Я. Г., Лопатина И. Е., Карпова М.Ф. *», хранившееся многие годы в архивах КГБ. Двое из обвиняемых — Колтаков и Лопатин — в прошлом были членами «Туровского крестьянского братства». Первый осужден тогда к бессрочной каторге, второй — к бессрочной ссылке. Оба освобождены после революции. Третий же обвиняемый, Карпов, как будет ясно ниже, человек, во всех отношениях отличающийся от первых двух.

Дело это начато 9 июля 1930 года. Замечу, что до его появления все трое — уже при Советской власти — привлекались к судебной ответственности. По разным, однако, причинам. Например, И.Е. Лопатин показал 11 июля 1930 года, в день ареста:

«Судим в феврале 1930 г. за невыполнение семфонда к 2-м годам лишения свободы и 5-ти годам высылки, но окружным судом оправдан».

В протоколе допроса Я.Г. Колтакова от 31 июля (тоже в день его ареста) читаем:

«Сведения о прежней судимости: в 1929 г. за хулиганский поступок с председателем сельсовета осужден на 1 год 8 мес. лишения свободы и 2 года высылки, но окружным судом оправдан».

О «хулиганском поступке с председателем сельсовета» следует сказать особо, потому что именно он, этот «поступок», что называется, «вышел боком» Якову Григорьевичу Колтакову. Об этом «поступке» один из свидетелей рассказывает так:

«Колтаков Яков Григорьевич пришел в сельсовет и обратился к председателю Совета Паринову с вопросом: за что его лишили голоса. Паринов ответил, что за скупку и продажу картофеля и яблок. Колтаков начал ругаться нецензурными словами, а когда Паринов сказал, чтобы он прекратил ругань, т.к. здесь

учреждение и висят портреты вождей, пред. ВЦИКа Калинина и Рыкова, то Колтаков обругал эти портреты и ударил папкой пред. сельсовета Паринава».

Судя по всему, отношения Колтакова с местным начальством (жил он к тому времени уже не в Верхнем Турове, а в соседнем Курбатове) складывались не лучшим образом. Тот же свидетель показывает:

«Числа 28 июня с.г., проходя мимо чайной, видел, что там стоял Колтаков Яков Григорьевич с несколькими крестьянами, которые смотрели, как дурачок Тихон Козьмич Новичихин бегал с колом за бывшим секретарем сельсовета Кузиным, причем Яков Григорьевич говорил, что блаженный бьет власть — это неспроста, а надо понимать крестьянам и мотать на ус».*

О том же рассказывает и другой свидетель:

«...Дурачок Новичихин затеял драку с бывшим секретарем сельсовета Кузиным, что увидел Колтаков и сказал, что это знамение, если уж блаженные восстали».

Острый на язык Я.Г. Колтаков, конечно же, был у курбатовского начальства «бельмом в глазу».

Словом, обвинения И.Е. Лопатина и Я.Г. Колтакова в «антисоветской деятельности» были явно притянуты за уши и объяснялись амбициями местных чиновников. Они не могли смириться с тем, что остались, как говорится, в дураках после несостоявшихся обвинений крестьян: ведь окружной суд признал и одного, и другого невиновными. Задетая честь мундира заставляла начальство искать новый «криминал».

Обвинения, предъявленные третьему подсудимому — М.Ф. Карпову, несколько другого порядка. Начну с того, что членом «Туровского крестьянского братства» он не был, так что прошлое не связывало его ни с Колтаковым, ни с Лопатиным. До появления следственного дела № 389/6816 он тоже привлекался к судебной ответственности. Но его вина — совсем иного рода: крупная растрата в период работы в Туровском потребительском обществе и поджог склада с целью ее сокрытия.

Из заключения Карпов вернулся досрочно, но не в связи с оправданием, как Колтаков и Лопатин, а по случаю амнистии, приуроченной к десятилетию Советской власти. А в нашем деле ему инкриминировались, в отличие от двух других арестованных, не только 10-й и 11-й пункты неизвестной 58-й статьи, но еще и пункт 13-й. Для того чтобы читателю было ясно, о чем идет речь, вернемся в 1919 год, когда Верхнее Турово было захвачено белыми. В центре села стоит ныне скромный обелиск, надпись на котором гласит:

«Они погибли от рук белогвардейцев:

Анохин П.И.

Козлов И.П.

Пушкин М.Ф.

Панин Н.М.

Зацепин А.П.

Новиков А.И.

Новиков Д.Г.

Воронин А.И.

Белоусов З.С.

Булгаков В.И.

Прасолов Ф.А.

Новичихин И.Г.».

Село Верхнее Турово. Обелиск в память об односельчанах, расстрелянных в годы гражданской войны

револьвер системы «наган» и девятнадцать тысяч рублей денег и повели мужа моего Пушкина. Казаки приняли его у ворот и посадили в сельсовет. На другой день утром я пошла к Карпову М.Ф. попросить узнать о муже. Карпова М.Ф. дома не было. Я разговорилась с его матерью и стала просить ее, чтобы она походатайствовала перед сыном своим Карповым М. Ф., чтобы не убивали мужа моего. На что она ответила, что нельзя отпускать таких людей, как мой муж Пушкин, что они приносят слишком много вреда. Дней через пять мужа моего и других коммунистов, всего 5 чел., отправили в Нижнедевицк, где и расстреляли. Двух же коммунистов расстреляли здесь, в Верхнем Турове».

Из протокола допроса свидетеля Пушкина М.М. от 26 апреля 1931 г.:

«Во время прихода белых банд Шкуро в 1919 г. моего отца Митрофана Васильевича, как члена партии, вечером, около 9 часов, пришли и арестовали Карпов Михаил Федорович, Маркин Василий Иванович, Швецов Лаврентий и Панин Константин Петрович, бывший староста при белых, которые взяли у отца револьвер и казенные деньги, приказали ему одеться похуже и отправили в Нижнедевицк, где ночью в числе арестованных его расстреливали, но он остался жив и пришел домой через два дня. Пробыв дома около двух недель, его ночью во дворе застрелили, но неизвестно кто. Наутро пришли Карпов Михаил Федорович и Швецов Лаврентий, забрали со двора оставшуюся шапку и казачью плетку».

Как видите, показания жены М.В. Пушкина и его сына трактуют обстоятельства расстрела по-разному. Впрочем, сыну в 1919 году было всего лишь одиннадцать лет.

Именно этот текст я цитирую в своей книжке «Верхнее Турово». Жаль, но во время работы над книжкой я еще не знал, что в надписи на обелиске искажены инициалы некоторых земляков. Как неопровержимо свидетельствуют архивные документы, Анохина звали Павлом Никитовичем, Козлова — Иваном Власовичем, Пушкина — Митрофаном Васильевичем, Панина — Даниилом Михайловичем, а одного из Новиковых — Дмитрием Парфеновичем. Но это — между прочим. В данном случае нас интересует то, что обвиняемый М.Ф. Карпов имел к тем событиям самое непосредственное отношение.

Из протокола допроса свидетеля Пушкиной М.Ф. от 10 июля 1930 г.

«В 1919 г. при захвате территории с. Верхнее Турово белыми бандами Карпов пришел в офицерской форме вместе с Забойневым Лаврентием и Маркиным Василием Ивановичем к нам в дом, оставив казаков за воротами, арестовали мужа моего Пушкина Митрофана Васильевича, отобрали у него

Другие свидетели также показали, что Карпов «при занятии с. Верхнее Турово белыми, вступил к ним добровольно и был принят ими офицером, ходил по селу с погонами», «был в руководящей группе по поимке коммунистов», «руководил... изъятием коммунистов из с. Верхнее Турово».

Что касается самого М.Ф. Карпова, то на допросе 11 июля 1930 г. он показал:

«Во время пребывания белых в Верхнем Турове ими был расстрелян Анохин Павел, сочувствующий РКП(б), а больше при мне ничего не было...»

Однако на вторичном допросе, 24 июля, он, не признавая себя виновным, сказал:

«Я в белые войска не вступал, а уехал вглубь территории, занятой белыми войсками. Коммунистов я не выявлял и не выдавал. У моего товарища, члена партии и председателя сельсовета Пушкина Митрофана Васильевича я был дома вместе с Маркиным Василием Ивановичем, ушедшим с белыми как белый офицер. Я с Маркиным зашел к нему единственно с целью предупредить Пушкина, чтобы никуда не показывался... Пушкина мы дома не застали и, немного поговорив с женой Пушкина Матреной Филипповной, мы ушли и больше у него не были.»

Следователям ОГПУ Родионову и Соколову представлялась возможность расследовать обстоятельства расстрелов в Верхнем Турове. Но они этого не сделали. Даже не попытались разыскать лиц, названных женой и сыном М.В. Пушкина. Ограничились лишь получением справки сельского Совета об «отсутствии этих лиц неизвестно где».

Создается впечатление, что дела трех крестьян объединены в одно следствие только для того, чтобы «вина» Колтакова и Лопатина выглядела более убедительной. Но как раз это в конечном счете и подвело следователей. Вряд ли они, начиная следствие, могли предположить, что оно обернется для них сокрушительным поражением. Причиной этого поражения стала настойчивость родных Я.Г. Колтакова. Но не только она, а главным образом — то, что, будучи приговоренным до революции к каторге по делу о «Туровском крестьянском братстве», Яков Григорьевич отбывал эту каторгу в московской Бутырской тюрьме.

Но обо всем по порядку.

В августе 1930 года П.Г. Колтакова, жена арестованного, направила заявление прокурору ЦЧО по надзору за органами ОГПУ. Она писала:

«Портрет моего мужа находится в Музее Революции как борца за счастье трудящихся... муж мой находится в личных отношениях с бывшим председателем сельсовета Париновым, который в настоящее время состоит уполномоченным по раскулачиванию... Благодаря такому положению мой муж был раскулачен, несмотря на то, что он всегда был бедняком.»

Вот уж, поистине — «благодаря»!

К заявлению были приложены несколько положительных отзывов односельчан о Я.Г. Колтакове.

Сын Якова Григорьевича — Сергей, рабочий-смазчик станции Воронеж-II, в заявлении на имя прокурора РСФСР, наблюдающего за органами ОГПУ, пишет, что дело сфабриковано действительными врагами Советской власти:

«...Отец неоднократно по проискам врагов лишился избирательных прав и раскулачивался, но благодаря высшим административным губернским и областным органам восстанавливался, а отсюда нарастала все большая ненависть со стороны действительных врагов Советской власти на местах. Было созда-

но уголовное дело, которое закончилось тем, что председатель сельсовета Паринов 27 августа 1929 г. приговорен был к принудработам, и это, последнее, не прошло бесследно для отца моего, так как Паринов со своими единомышленниками создал дело по ст. 58-10 УК».

Из заявления сына явствует, что ранее подала жалобу прокурору ЦЧО дочь Я.Г. Колтакова, по мужу — Буланова.

Примечателен в заявлении сына и еще один факт:

«Моего отца знали и знают т.т. Рудзутак, Маслов (нач. бюро жалоб НКПС), Григорьев (нач. трансплана НКПС) и др. видные члены ВКП(б). Наконец, за его невинность ручаюсь своей головой я — не как сын, а как рабочий, которому старик дорог за его прямолинейность и, несомненно, советскую идеологию, способный до самой смерти гореть и сгореть за интересы рабочих и крестьян...»

Так в деле впервые появляется имя Яна Эрнестовича Рудзутака — видного революционера, соратника В.И. Ленина, советского партийного и государственно-го деятеля. Оказывается, земляк-верхнетуровец был хорошо с ним знаком. В 1909 году Я.Э. Рудзутак, рижский рабочий, возглавлявший партийную организацию, был приговорен военным судом к пятнадцати годам каторги. Он отбывал ее сначала в Рижском центральном, а затем — в Бутырской тюрьме. Здесь-то и познакомился с ним Яков Григорьевич Колтаков. В начале 20-х годов Я.Э. Рудзутак был генеральным секретарем ВЦСПС, входил в состав советской делегации на Генуэзской конференции, работал секретарем ЦК РКП(б), а во времени описываемых здесь событий был наркомом путей сообщения СССР. Именно в этот наркомат, на имя другого своего московского знакомого — начальника бюро жалоб Маслова — Яков Григорьевич Колтаков написал из Старооскольской тюрьмы карандашом на клочке бумаги следующее письмо:

«Дорогой тов. Паша! Вначале шлю тебе привет, а затем прошу извинить меня за то, что я Вас осмеливаюсь беспокоить своими просьбами: меня заставляет необходимость. Я опять томлюсь в заключении благодаря сфабрикованному вновь на меня обвинению теми негодьями, о которых я тебе лично говорил, а также и писал тов. Рудзутак в первом моем письме. Я надеюсь, с помощью Вашей и это дело будет разоблачено и негодяи понесут должное наказание от советского суда. В данное время осмеливаюсь и посылаю к тебе своего сына Сергея Колтакова, прошу принять от него мою жалобу и отослать в наркомфин; и нельзя ли ускорить рассмотрением мою жалобу, так как промолг (в письме именно так. — Е.Н.) и штраф с меня сложены, а индивидуальное обложение с меня не сложено, а его с меня не полагается брать.

Затем вторая просьба: будьте добры, позвоните Вы в амбулаторию НКПС ст. врач Сергееву, к которому Вы меня тогда посылали с записочкой от имени тов. Рудзутака для освидетельствования моего здоровья — это было 16-17 августа 1929 года. Документы об освидетельствовании у меня украли, поэтому нужно взять в амбулатории, в канцелярии копию об освидетельствовании меня и передайте ее моему сыну.

Если возможно, передайте мой привет товарищу по несчастью Рудзутак Яну Эрнестовичу. Еще раз прошу, тов. Маслов, не бросьте меня в моем несчастье. Прошу: напишите от себя хоть несколько строчек на память. Заключенный Колтаков. 10.IX.30 г.»

К «тов. Маслову», как видно из письма, Я.Г. Колтаков обращается то на Вы, то на ты, называя его Пашей. Понятно, что они были очень хорошо знакомы, но высокий пост Маслова Яков Григорьевич постоянно держит в уме.

Письмо это в деле сохранилось. Кто препроводил его следователям? С какими просьбами или указаниями? Ответа на страницах дела нет. Ясно одно: без вмешательства Я.Э. Рудзутака здесь вряд ли обошлось. Ведь именно после этого письма дело начало «раскручиваться» в обратную сторону. Сначала появляются показания свидетелей — теперь уже в пользу Я.Г. Колтакова. Потом — процитированная в начале этого очерка справка секретаря сельсовета Маркина о подлоге с отнесением Колтакова «к 3-й группе по раскулачиванию». И наконец — постановление старшего уполномоченного ОГПУ Морикова, который нашел:

«Следствие по делу Колтакова проведено недостаточно полно».

Заметьте: речь идет пока только об одном Колтакове. О Лопатине и Карпове — ни слова. Все объясняется просто: дело Колтакова потребовали в Москву. Резолюция на клочке бумаги гласит: «Очень срочно».

В Москве разобрались действительно быстро. Вот распорядительное постановление Коллегии ОГПУ от 13 января 1931 года:

«Колтакова Якова Григорьевича из-под стражи освободить под подписку о невыезде. Дело направить в ПП ОГПУ ЦЧО для исследования...»

Но на месте признать ошибку не спешили. Постановление об изменении меры пресечения принимается только 9 апреля — через три месяца. У Колтакова отбирают подписку о невыезде из Курбатова и освобождают.

Могли ли спокойно отнестись к этому руководители сельсовета — те, кто состряпал дело? Появляется документ:

«Гражданин Колтаков Яков Григорьевич из имущества имеет дом, под железом крытый, и надворные постройки. Земельный надел получает по уменьшенной норме как кулак, и Курбатовский сельский Совет предусматривает, что гражданин Колтаков для селения Курбатова будет являться социально опасным элементом (так в тексте — Е.Н.)».

Логика в справке — никакой, но о ней и не заботились.

А рядом — еще одна справка, в которой говорится, что Колтаков якобы «бежал с белыми на своей лошади», а его сын Сергей служил «в охране белых». На эту откровенную липу следователи уже не «клюнули». Они просто начали отфутболивать следственное дело из одной инстанции ОГПУ в другую. Полномочное представительство ОГПУ по ЦЧО препровождает его Оперсектору ОГПУ Старого Оскола. «На исполнение» — говорится в сопроводительном письме. Оттуда дело направляют уполномоченному ОГПУ по Нижнедевицкому району Герасимову — «на исследование». Исследование это предусмотрительно предлагают провести «в плоскости постановления» коллегии ОГПУ. Герасимов, не уложившись в данные ему четыре дня, тянет еще полтора месяца, после чего возвращает дело в Старый Оскол, сообщая, что никаких новых материалов собрать ему не удалось. Через месяц документы снова оказываются в Нижнедевицке. Опять предлагается исследовать дело и указываются возможные направления такого исследования. Исполняющий обязанности начальника Оперсектора ОГПУ Кудрявцев, препровождая дело, намекает на несостоятельность обвинения:

«...Очевидно, ведущий следствие совершенно себе не представляет момента, когда начали организовываться колхозы».

Ясно, что никто не хочет взять на себя ответственность и поставить точку, оправдав Колтакова. Его-то оправдать можно, а как быть с Лопатиным и Карповым? Через десять дней все тот же Герасимов отправляет дело все тем же старооскольским коллегам, объясняя:

«...Задержка дела произошла вследствие подбора более ценных свидетелей, но, несмотря на тщательный подбор и выезд на место, свидетели все-таки более ценного материала не дали... более ярких материалов достать негде».

Фактически это — признание поражения: свидетели, мол, очень ценные, свои в доску, но, увы, факты у них — никудышные...

Характерно, что вся эта переписка снова, как и прежде, вертится лишь вокруг имени Я.Г. Колтакова. О Лопатине и Карпове следователи как будто забыли. Оно и понятно: указание сверху пришло не по ним.

Ну а обвинения, предъявленные Я.Г. Колтакову, лопались, как мыльные пузыри. Но следственное дело-то было общим — одним на троих!

И вот 20 июля 1931 года появляется постановление уполномоченного Старооскольского оперсектора ОГПУ Рогова:

«Избранную меру пресечения в отношении обвиняемых Колтакова Я.Г., Лопатина И.Е. и Карпова М.Ф. — содержание под стражей — отменить, освободив перечисленных выше лиц из-под стражи. Следственное дело в отношении вышеперечисленных граждан дальнейшим следствием прекратить и сдать в архив на хранение».

Вот так, довольно неуклюже, но наиболее простым способом вышли следователи из тупика, в который сами себя и загнали. Обстоятельства расстрела в 1919 году ряда жителей Верхнего Турова так и остались нерасследованными. По свидетельствам старожилов, человек, которого я называю здесь Карповым, вскоре после освобождения исчез из села и больше здесь никогда не появлялся. Как говорится, и след простыл! Что касается Якова Григорьевича Колтакова и Ивана Егоровича Лопатина, то они до конца своей жизни трудились здесь, на родной земле.

К рассказу о несостоявшемся обвинении добавлю, что в начале 30-х годов (это следует из документов дела) в Верхнем Турове, возвратившись с каторги и из ссылки, проживали и некоторые другие бывшие члены «Туровского крестьянского братства»: Иван Тимофеевич Гребенчиков, Илья Антонович Новичихин, Константин Петрович Панин, Семен Иванович Щукин. Член организации Василий Антонович Новичихин в село не вернулся, переселившись куда-то на Амур, а Егор Егорович Лопатин остался жить в Сибири. Автор книги «Как туровские крестьяне боролись с самодержавием» Арсентий Борисович Прасолов с начала 20-х и до начала 30-х годов прошлого века жил в Сочи. В мае 1930 года приезжал в Верхнее Турово. Кстати, его книга поступила тогда в село в небольшом количестве — экземпляров тридцать. Один из этих экземпляров хранился в деле № 389/6816, но в 1992 году изъят «для использования в музее Управления федеральной службы безопасности по Воронежской области». Сегодня эта книжка о событиях начала века в Верхнем Турове — действительно музейная редкость.

Александр Викторович Зайцев родился в 1988 году в селе Нижнедевицк Воронежской области. Окончил естественно-географический факультет Воронежского государственного педагогического университета. Работал менеджером в различных воронежских бизнес-структурах. Публиковался в журнале «Подъём», коллективных сборниках. Автор книги стихотворений «Ведро дождя». Живет в Воронеже.

Александр Зайцев

БУСИНКА

* * *

И чего искать в этом зареве,
Если брешь и плешь ходят около?
Ледяные губы слюнявили
Папироски тлеющий окорок.

Банный день в аду — это завтра нам,
У меня весна как рука висит.
Скоро снег зашьет-залатает рвань
Из негодных лат и холодных плит.

Почерк сбивчивый — по пенькам бежал,
Через речку вброд — ледоколице,
А когда на сердце лежит печаль —
Ближе капище, но не поприще.

Мне б испить воды — да огонь кругом,
Каждый выдох — словно Рифей¹ обвал.
Говорят, что счастье в краю другом,
И кузнец его не по мне ковал.

Ближе взгляда темный небес оскал,
И забава птицам — звезду клевать.
Мать щедра к младенцу, но без соска
И младенец жрет ледяную мать.

Ведь иную медь не разрубит сталь,
На четыре правды вранье одно ж...

¹ Р и ф е и — от латинского Rhiphael montes — Рифейские горы, так ряд античных ученых называли Урал.

Снег на лбу и веках, дружочек стай,
Я хочу любви заглянуть под нож...

Твоих губ отраву испить,
А потом — беда-не беда,
Из клубочка-сердца вся нить
В забытья чертог завела.

Мел щеки, змеиный бросок волос
Под ударом ветра — шальной стрелы..
Я корнями в боль, словно зубы врос
И твои кнуты, как пирог милы.

Когда все мечты в погребках истлели,
Замерзает плевков, рта не покинув,
И любовь сироткой стучится в двери,
Но пред нею гнутся любые выи.

Облака совьются устами в танце,
Свет внутри тем ярче, чем ночь темнее.
Я проснусь кольцом на любимом пальце,
И засну в руках, как с цветами веер...

* * *

Снежное крошево, вечное палево.
Ручки браслетят стрельцы государевы.
В радостях жизни — крупинки хорошего.
Вечное палево — снежное крошево.
Птицы последние. Небо пропащее.
Сил не хватает менять настоящее.
В боль собираю мгновенья соседние.
Небо пропащее. Птицы последние.

* * *

Слово новое, морозное, жемчужное.
Если поймано единожды — не бейся ты.
Я искал тебя за реками и стужами,
Чтоб в твои тугие косы повплетать цветы.
Зачерпнуть из твоих ведер малой чарою,
Захлебнуться в забытья твоими лунами,
И нести тебя дороженьками старыми
Через время неприкаянное, мутное...

* * *

Я на север послал триодиннадцать душ,
Забросал чередою случайных огней.
Невеселые трубы играли мой туш,
Разноликие боги стелили постель...

По непройденным тропам струятся дожди...
Лишь вчера был живой, а сейчас — корм для крыс.
Все дороги в скатерку — по глади беги.
Все равно упадешь, словно дождь сверху вниз.
За иссинью ветров затухает заря,
Молодая листва отдается ветрам.
Бог проходит по душам, цветами соря,
Мы ступаем ногами по этим цветам...

* * *

Север выслал холодный ветер.
Новый год становится старым.
Настигает сегодня вечер,
Солнце запад багрянит шаром.
На снегу следы чьих-то лапок,
На ушах — лапша не остыла.
Мне опять приходится плакать
По хорошим этого мира.

* * *

Завесь мне глаза шторами облаков!
Полюблю... Молчи и старайся не дышать!
Когда рушится мир, мы вместе будем без слов
Гнутой иглой поступков время в вечность сшивать.

Завяжи мне глаза лентой ярких дней!
Я люблю... Говори же, пожалуйста, не молчи!
И открой мне небо прекраснее и светлей,
Звезды ярче солнц, но не ярче нашей свечи.

Забери же глаза: мне они уже не нужны.
Я любил... ну и что... вероятно, кризис прошел.
Только горло жжет, и под сердцем — в локоть ножи,
А души осколки забрызгали серый пол.

* * *

Серебрил закат, золотил мосты,
Нес в ладонях свет — расплескался весь.
За его спиной по воде следы,
Но он знал — камнями встретят здесь.
Заплетал в слова переливы лун,
Раздаривши сердце, молил: люби!
Его тихо пели, но пары струн,
Как всегда, достаточно для петли...

* * *

А чего мне не печалиться
За глаза твои серебряные,
За недели эти медленные,
Что весной называются.
Прилетели птицы синие,
А дрозды и сойки вымерли,
И теперь в лесу предутреннем
Пылью листики припудрены.
В повилке безысходности
Пропаду во ржи над пропастью
За черемуховым праздником —
Дуракам и в мае маслено.
Медякам и в шапке боязно.
Быть мечтает гайка поездом.
Только рельсов не придумали,
И поэтому внутри болит.
Поливает-выворачивает,
Во все стороны раскачивают
Ожидания с надеждами
И страдания промежду них
Руки, скрученные памятью,
Головы бессонной маятник,
Да подаренная бусинка
На тесемочке на узенькой.

* * *

Наберу я голоса в рукава,
Понесу по Свету божьему.
За зарею с коромыслом краля шла,
Лада шла по росе — босы ноженьки.

Плакать, не найдя приют в горах,
Негоже, даже если дышать не всласть.
Соберу я голоса в рукава...
За зарею к Боженке краля шла.

Утро мироточит, а ночь грешна.
Распустились звезды — цветы небес.
Зачерпни мне голоса в рукава...
Прошепчу я миру, что правда есть.

Игорь Николаевич Маркин родился в 1964 году в Воронеже. Окончил исторический факультет Воронежского государственного университета. Работал научным сотрудником Воронежского областного краеведческого музея, экскурсоводом. Публиковался в журналах «Москва», «Подъём», «Российская Федерация сегодня», газете «Литературная Россия». Живет в Воронеже.

Игорь Маркин

ЧИСТАЯ ВОДИЦА КЛЮЧЕВАЯ

(Творческий путь композитора
Константина Массалитинова)

Родовой «колыбелью» собирателя, хранителя и пропагандиста народной песни, замечательного композитора и настоящего патриота родной земли Константина Ираклиевича Массалитинова является край Нижнедевицкий. Из архивных документов начала и середины позапрошлого века известен купец из Нижнедевицка Казьма Алексеевич Массалитинов. Дети и внуки Казьмы проживали в этом уездном городе все XIX столетие, а его правнук, по имени Ираклий, и есть отец нашего знаменитого земляка Константина Массалитинова.

Переехав из Нижнедевицка в Воронеж на рубеже XX века, Массалитиновы сначала имели свой дом на нынешней Пушкинской улице, а после жили на Помяловском спуске. Ираклий Массалитинов рано овдовел и ему пришлось одному воспитывать четверых детей.

Рассказывают, как еще маленьким Костя часто приходил к знакомым в скобяную лавку, что располагалась «на Круглых рядах» — сейчас на том месте разбит сквер с памятником жертвам белого террора. Мальчик взбирался на забор и начинал размахивать в воздухе руками, как будто дирижировал. Практичные приказчики с лавочниками ухмылялись и судачили промеж себя: «Малец-то у Массалитинова с чудинкой».

Но Костя не был «чудной», он был поэт и таким непосредственным поведением выражал свою мечту посвятить жизнь музыке и песне. Еще до революции Массалитинов принялся ее воплощать, поступив в музыкальную школу по классу фортепиано. Он и в зрелые годы любил под настроение сесть за фортепиано и «поиграть классиков» — Баха, Скрябина, Рахманинова.

В первые советские годы Массалитинов учился в Воронежской консерватории, с энтузиазмом участвуя в музыкальной жизни города — работал концертмейстером в небезызвестной «Синей блузе», пробовал свои силы на эстраде и руководил хором подшефной музыкальному техникуму воинской части. Уже тогда он принялся за первые обработки русских народных песен.

В 30-е годы в нашем городе все ярче раскрывался самодеятельный хор при швейной фабрике «Первое мая», куда пришли песенницы из различных сел, и среди них скромные девушки Дуся Осипова и две Маши — Морозова и Мордасова, впоследствии ставшие артистками Государственного Воронежского русского народного хора. Таланты, талантищи, самородки: Осипова даже в преклонном возрасте, будучи тяжело больной, наизусть помнила до тысячи нигде не опубликованных народных песен! Увлеченный неповторимой мелодией деревенской поэзии и первозданной чистотой народной песни, молодой композитор Массалитинов с огромным желанием сотрудничал с хором.

Массалитинов и песня — неотделимы друг от друга. Песня сопровождала его всю жизнь. С ней Константин Ираклиевич встретил войну. 21 июня он приехал в село Александровку на генеральную репетицию хора перед ответственным выступлением в столице. Репетировали прямо на улице. Позже Массалитинов вспоминал о тех чувствах, что захватили его в последний мирный вечер 41-го: «Какую удивительную красоту приобретают песни здесь, на просторе, где нет стен, чтобы удержать их от той дали, куда просится душа в звуках родных мелодий. Спели воронежскую «Калинушку»... Слушая, ощущали, как переплетаются, разговаривают друг с другом звуки. Силу богатырскую, а не просто удаль разухабистую приобретала старинная солдатская песня в исполнении людей, породивших бессмертные песни народные и хранивших их как священную заповедь». Солдатская песня — как предчувствие. Вскоре по селу пронеслось тревожное: «Война!», и песня осталась недопетой.

Воронежская швейная фабрика перешла на военные заказы. Участники хора ночевали и репетировали прямо в цехе. Там же рядом с верстаками стоял беккерровский рояль.

С песней Массалитинов провожал земляков на фронт. Во время концерта в цирке, стоявшем напротив бывших Круглых рядов, тех самых, у которых маленький Костя «дирижировал», девушки-исполнительницы едва сдерживали слезы. А как иначе, когда они пели для своих родных и близких, кого, может, уже никогда не увидят. Но петь надо, чтобы вдохновить на подвиг уходящих защитников отечества. В том концерте пели песню Массалитинова «Победа будет за нами!» А написал ее Константин Ираклиевич на стихи Михаила Светлова, опубликованные в «Правде» на второй день войны. После концерта духовой оркестр грянул старинный марш «Прощание славянки»...

С июля 1941 года Массалитинов находился на фронте в сводном духовом оркестре 303-й стрелковой дивизии 845-го стрелкового полка Смоленского направления. Как в свое время его земляк капельмейстер И.А. Шатров, автор бессмертного вальса «На сопках Манчжурии», капельмейстер Массалитинов тоже сражался! Но среди свиста пуль и грохота взрывов он и на передовой не расставался с песней. Константин Ираклиевич вспоминал, как однажды после тяжелого боя, во время краткого затишья, бойцы услышали хоровое пение. Это за деревней через усилители передавали сердечную и родную «Калинушку»...

Под Ельней Массалитинов был тяжело ранен и после лечения в октябре 41-го возвратился в Воронеж.

Осенью того же года в нашем городе готовился военный парад, принимать который должен был маршал Советского Союза С.К. Тимошенко, а главным дирижером сводного духового оркестра Юго-Западного фронта стал Массалитинов.

И вот 7 ноября 1941 года на нынешней площади Ленина ровно в 10-00 музыканты взяли в руки начищенные до блеска инструменты. Тротуары заполнились народом. Когда из ворот обкома партии верхом на белом коне выехал маршал Тимошенко, Константин Массалитинов взмахнул дирижерской палочкой. Уже настоящей, а не воображаемой. Под звуки оркестра маршал объезжал войска, здоровался с воинскими частями и в ответ слышал громогласное ура. Парад удался!

Тогда же в Воронеж с оккупированной гитлеровцами Украины и Белоруссии прибыли представители творческой интеллигенции — писатели, художники, музыканты. К слову, среди них находились мало кому знакомые молодые эстрадники Березин и Тимошенко со сценическими именами «Галкин» и «Мочалкин», которых, придет время, вся страна будет знать как Тарапуньку и Штепселя.

Самым знаменитым из прибывших поэтов был Твардовский. Александр Трифонович не любил писать стихов для песен, но встретившись с Массалитиновым и выслушав одну из задумок композитора, обещал написать слова на сочиненную Константином Ираклиевичем мелодию. В результате родилась песня «У дороги дуб кудрявый», которая вскоре прочно вошла в репертуар различных хоров.

В январе 1943 года на базе лучших колхозных ансамблей и хора швейной фабрики «Первое мая» образовался хор русской народной песни Воронежской области. Его руководителем был назначен К.И. Массалитинов, а директором — верный спутник жизни композитора Галина Болеславовна Рогинская.

Константин Ираклиевич Массалитинов

Ираклий Федорович и Мария Моисеевна — родители К.И. Массалитинова

СВЕДЕНИЯ О ПООЩРЕНИЯХ				И НАГРАЖДЕНИЯХ		
№ записи	Д а т а			Поощрения и награждения	На основании чего выдана запись (документ, его дата и номер)	
	Г о д	М е с я ц	Ч и с л о			
1	2	3	4	5	6	
1	1935	XII	31	За подготовку и участие в организации проведения сел. пришкольного и объявлена благодарность.	приказ № 117 от 31/12-35г.	
2	1935	VI	15	За активное участие в работе по курсу заочников и курсы благодарность.	приказ от 15/VI-35г.	
3	1938	XII	26	За добросовестное участие в работе в период благодарности и курсы.	приказ № 196 от 26/12-38г.	
4	1938	XI	14	За организацию оркестра к 2 годовщине октября - благодарности Горьков.	приказ № 129 от 13/11-38г.	

Из трудовой книжки К.И. Массалитинова.
Записи 1930-х годов

Военный билет офицера запаса Вооруженных сил Союза ССР
К.И. Массалитинова

Серия II		Серия II	
№	27271	Массалитинов	
		(фамилия)	
		Константинов	
		(имя)	
		Иванович	
		(отчество)	
		К.И. Массалитинов	
		(личная подпись владельца билета)	
			
Военный билет выдан			
Осетия 1948 г.			
г. Воронеж			
(подпись) _____ (подпись) (должность, дата выдачи) _____			
I. ВОЕННО-УЧЕТНЫЕ ДАННЫЕ			
1. Род войск (служба)	Артиллерия		
	ВУС № 255		
2. Военское звание	Сей капитан 2/р		
3. Запас	1	разряда	разряда
		разряда	разряда
4. Должность	Командир 2-го див. артилл.		
5. Должен состоять на учете по 31 декабря	1948 года		

И пусть хор полностью состоял из самодеятельных артистов, но они были молоды и талантливы, пели душой и сердцем.

О том, что Воронеж освобожден от фашистов, Массалитинов узнал, находясь в рабочем поселке Анна, куда временно перебрался хор. Услышав о радостном событии, он тут же написал песню «Гвардейцы на запад идут». Этой песней композитор приветствовал освобождение родного города.

Возвратившись в Воронеж, первое время Массалитинов с Галиной Болеславовной жили в помещении областной библиотеки, что располагалась на Плехановской, недалеко от бывшего цирка. Целыми днями репетировали, в «квартире» же только ночевали прямо на связках книг.

Первый концерт в освобожденном городе хор дал 30 апреля. А затем были летние гастроли по войсковым частям 1-й гвардейской стрелковой дивизии генерала Руссиянова, в составе которой сражался и наш Воронежский добровольческий коммунистический полк. Ездили хористы и к гвардейцам Донского казачьего корпуса генерала Селиванова. Давали по 2-3 концерта в день. Их везде ждали с нетерпением, радостью и совсем «не военными» букетами полевых цветов, ведь песни напоминали бойцам о доме и мирной жизни.

В победу над врагом хор внес и материальную лепту, перечислив деньги на сборку танка, который назвали «Русская песня». Эта боевая машина прошла немало фронтовых верст и завершила свой славный ратный путь в Берлине. В конце войны газета «В бой за Родину» напечатала посвященное воронежскому танку стихотворение М. Поля «Русская песня».

Отгремела война, пришло время не танков, но мирных машин, время пахать и сеять на истерзанной вражеским нашествием земле. Но еще свежа опаленная войной память — трудно, да и невозможно отделить одно от другого.

«По земле проходят поколения, //И земля их подвиги хранит, //Есть в краю воронежском селенье, //Где поставлен трактор на гранит». Это слова из песни Массалитинова «Трактор на граните» и посвящена она Герою Социалистического труда Зинаиде Мелентьевне Молозиной, жительнице хутора Дмитриевского Нижнедевицкого района. Когда враг нагрянул в соседнее с хутором село Острянка, трактористка Молозина разобрала своего «железного коня», а после разгрома фашистов Зина одной из первых выехала на нем пахать землю. Трактор этот стоит на гранитном постаменте в центре села, о нем и сложена песня, которую много раз пел хор Нижнедевицкого районного дома культуры. Массалитинов, бывая в том краю Нижнедевицкого района, всегда подходил к памятнику, чтобы поклониться ему.

В победный 1945 год хор не раз давал концерты в Москве и различных областях страны, с неизменным успехом выступал в освобожденных районах земли Воронежской.

После войны Массалитинов приступает к работе над первыми в музыкальной литературе произведениями крупной формы для народного хора. Он создает свое-

Гвардии старший лейтенант
К.И. Массалитинов
после контузии под Ельней.
1941 год

К.И. Массалитинов с женой Г.Б. Рогинской
и дочкой Наташей. 1950 год

образный музыкальный спектакль о прошлом и настоящем Воронежского края — театрализованную хоровую сюиту «Край родной» и кантату «Русь» на слова И.С. Никитина. О последней музыковед С. Орешников писал: «Величаво-державная никитинская «Русь», где звукопись, как жемчужное шитье по смугло-золотой травчатой парче».

Это был счастливый для композитора период. Под руководством Массалитинова работали талантливые люди с «искрой Божьей» — воистину творческий союз по-на-

стоящему одаренных личностей. Авторитет Константина Ираклиевича, простого и отзывчивого человека с настоящим русским характером и широкой душой, был очень велик. В народе так и говорили — хор Массалитинова.

В своем творчестве коллектив чутко выражал тонкую лирику, драматизм, эпичность и богатство душевного мира русского человека, исполняя старинные и современные, задумчивые и веселые, лирические и шуточные песни.

Массалитинов просто кипел идеями. В 1959 году Воронежский хор принимал участие в VI Всемирном фестивале молодежи и студентов в Вене. По окончании фестиваля хор поехал с концертами по Австрии, а Константин Ираклиевич — домой, готовить новую программу.

В 1968 году Массалитинов совместно со знаменитой «Гнесинкой» участвовал в организации Воронежским отделением Союза композиторов РСФСР фольклорной экспедиции по селам Семилукского, Хохольского, Рамонского и Нижнедевицкого районов. В подобных поездках Константин Ираклиевич не уставал повторять: «... познай народное творенье, обратись к живительному источнику, где песня берет свое начало. Если песня народная годами вскармливала тебя и силу тебе дала, освежи память, сердце свое, поезжай в село, попей чистой водицы ключевой, и она вернет тебе молодость, силы прибавит».

В те же шестидесятые в Воронеже был создан Клуб любителей народной песни, и это стало настоящим открытием новой формы собирания, изучения и пропаганды народного музыкального творчества с участием фольклористов, композиторов, литературоведов, а также народных певцов и самодеятельных хоров нашей области. Массалитинов знал все ансамбли и народные хоры области, ко всем относился с любовью. А с некоторыми руководителями коллективов крепко дружил. Например, с Варварой Елфимовой, руководителем фольклорного ансамбля «Старинущка» из села Новая Ольшанка Нижнедевицкого района.

Клуб любителей народной песни — явление в нашем городе удивительное. Официально он «родился» в здании Никитинской библиотеки. Все тот же уголок Воронежа, с которым так много связано в жизни и творчестве Константина Ираклиевича Массалитинова. Уголок, вместивший в себя путь от детской игры «в дирижера» к всеобщему признанию и доброй людской памяти.

СЛУШАТЬ, КАК РАЗГОВАРИВАЮТ ДРУГ С ДРУГОМ ЗВУКИ...

(Письма Константина Массалитинова к дочери Наташе)

Имя Константина Ираклиевича Массалитинова занимает достойное место в ряду представителей русской культуры советского периода. Он был активным и определенным во взглядах на мир деятелем новой социалистической эпохи — и, в то же время, верным сыном родной земли: воодушевленно работал, осознавая себя истинно народным композитором, корнями вросшим в русский пейзаж, в традиционный национальный обиход и песенное наследие. Всеми своими силами Массалитинов ревностно служил этой культурной «почве» своей страны, стремясь передать собственную любовь к фольклорным шедеврам грядущим поколениям, вовлечь в пропаганду народной песни новых музыкантов.

Неудивительно, что для композитора чрезвычайно важным было ежедневное общение с природой, когда он мог «слушать, как переплетаются, разговаривают друг с другом звуки...», это поддерживало физические и творческие силы; восстанавливало гармонию внутреннего существования — и внешней среды бытования; отчасти уравновешивало собою насыщенный рабочий график востребованного обществу деятельного и неравнодушного человека.

Мысли о творчестве и организационные заботы тесно переплетены в письмах Массалитинова к дочери Наталье, в начале 1960-х — учащейся Воронежского музыкального училища, затем, с 1966-го по 1971 год — студентке Московского Музыкально-педагогического института имени Гнесиных. Видя в ней продолжателя своего служения музыке, Константин Ираклиевич делился с дочерью подробностями профессиональной деятельности, композиторскими радостями, рабочими проблемами и личным трудовым и жизненным опытом. Его суждения о людях и ситуациях, о самом себе порою полны юмора, иногда резки, но всегда — откровенны и прямы, высказаны без «двойного счета». Интересно, что практически в каждом массалитиновском письме есть некие лирические вкрапления, посвященные природе, где совсем по-особому проявляется человеческая суть композитора — душевно щедрого, по-детски искреннего, открытого до восторженности. Где-то встретишь просто упоминание о каком-либо погодном явлении, которое осталось в памяти, а в иных местах — поистине поэтичное и убедительное описание-вживание, «вчувствование» в окружающую красоту. Так естественно обнаруживает себя присущее творческой натуре Массалитинова тонкое сопереживание природному миру: ощущение движения воздуха во время прогулки, птичьего гомона, дурманящего запаха зелени после грозы... И строки этих внезапных «лирических отступлений» характеризуют композитора, фольклориста, хорового дирижера и музыкально-общественного деятеля Константина Ираклиевича Массалитинова, пожалуй, не менее ярко, чем его творения — как личность цельную и органически национальную.

Римма ЛЮТАЯ

Дорогая Наташа!

Сегодня воскресенье тихое, утро дождливое, в саду дивный аромат, гармония цветов. Вчера вечером была страшная гроза, гром — что орудийный залп, стрелы молнии. Наши испугались, и прибежали Галя¹ и Клаша² в конец сада к берегу³, и стали кликать меня; я, конечно, весь промокший вернулся с Витей (соседским мальчиком тринадцати лет, моим товарищем по рыбалке). Такой сильный ливневый был дождь с небольшими перерывами, а сейчас тихо, тихо — и аромат даже с земли какой-то, и хотя мрачновато, но очень, очень тишина мечтательное настроение вызывает...

Сейчас 11.30 дня. Галя с Клашей пришли с базара, земляники мне принесли, ем с молоком, вкусно. Пришла телеграмма: сегодня ночью к нам приезжают Юля⁴ и Валя Беляева⁵ — вот потеха, пусть погостят, мы все рады. Уже в саду рву вишни, черная смородина поспевает, яблоки зреют очень быстро, а теперь, после такого-то дождя, все оживет...

У меня в саду в одной бочке три карасика живут, ведь в бочке-то вода наливается из речки, так что им хорошо: я их кормлю мушками, булкой, речной травки бросаю в бочку.

Сегодня в один час дня из Воронежа будет мой концерт часовой передаваться, называется «Песня дорогу нашла». Мне твой бывший пионервожатый Маркуша⁶ прислал программку. Оказывается, эта передача уже шла по радио из Москвы. Кажется, ее автор А. Досталь⁷. Будем ловить по двум радиоприемникам, послушаем.

Ты пиши нам каждый день. Мать очень волнуется. Она так много пережила с моей болезнью, что так и думает, что с тобой что-то случилось — перерыв в письмах... Пиши хоть открытку каждый день, нам будет приятно всем получить от тебя весточку, ведь без тебя скучновато. Мы с матерью решили, что приедем тебя встречать в Воронеж, а затем шесть-семь дней ты пробудешь в Воронеже — и снова с нами вместе поедешь в Тамбов на садовый урожай, это будет очень хорошо и для тебя, такой добавок отдыха — нужен...

Снова лось приплывал меня проведывать, я ему дал пару пирожков, он приветливо помахал и уплыл в лес...

Целую мою дочурку. Папа Костя.

[не датировано, вероятно — 1962 год]

Дорогая моя Наташа!

Приехав от тебя, я снова попал в какой-то круговорот, но он не убавляет моих сил и энергии, потому что он не злой — а близкий моему сердцу и пониманию. Во-первых, я, наконец, почти ежедневно сажусь на два-три часа к инструменту и пишу «Праздничный хоровод» — одноактный народный балет с хором и солистами. Мой успех в академическом хоре убедил меня писать одновременно партитуру для народного и академического хоров. Ведь это позволит на сцене занять больше действующего народа, усилит пение и театральное действие. В моей новой работе будет три части (или эпизода), и первый — минут на восемь-десять — я уже заканчиваю. Мне будет трудно со словами, пока пишу только саму партитуру и для солистов, но придется с Г. Воловиком⁸ — он это может сделать добротной на готовую музыку, сам в прошлом музыкант (если, конечно, не будет пить).

Так вот, попишу — и на два часа уйду в Детский парк и его окрестности, гуляю. Снег уже окончательно стал бурый, черным, и не везде через дорогу перейдешь: вода бежит. Пришла рахманиновская весна, ранняя, но предвестник бурных вод...

К.И. Массалитинов в доме творчества композиторов.
Поселок Руза в Подмосковье. 1960 год

...Снова гости. Мама тебе писала — скажу только тебе — уж больно мой цикл⁹ всем понравился. Интересно на обсуждении, на радио сказал выдающийся композитор А. Арутюнян¹⁰, что я не только в совершенстве пользуюсь законами народной песни, а подчиняю их своей воле и новое рождаю — акварель... и т.д., и т.п. Армянские композиторы внесли предложение в СК СССР через Мурадели¹¹ — издать снова мой цикл, как он исполнялся для академических хоров.

Очень хочется все лето быть вместе с тобою и, конечно, надолго не разлучаться.

Я тоже очень озабочен таким отношением партийных организаций к музыкальным вузам. На что уж мы учились в гражданскую войну, но нас на дрова не посылали. Наши руки и голоса берегли для народа, чтоб мы стали музыкантами, певцами, а сейчас, да еще в столице, такие заядлые «большевики», что пусть хоть у вас у всех связки надорвутся и пальцы оторвутся — лишь бы выполнить глупое указание вышестоящих. Да, в таком вузе многому научиться можно, но меньше всего — музыке...

Ну, доченька, мама тебе тоже письмо послала, и я напишу тебе еще скоро.

Поклон всем подружкам, обнимаю. Папа.

[не датировано, вероятно — 1967 год]

Дорогая Ната!

Жалею, что с тобой не поговорил, но скоро мы обнимем тебя дома.

Меня на 22 апреля пригласили в Горький — двадцать лет оркестру баянистов Автозавода. Это такой замечательный ансамбль (70 музыкантов!), в котором педагоги консерватории солируют, я о нем писал в «Советской культуре». На 25 апреля приглашают на «Ленинградскую весну» на десять дней и в Одессу на съезд хорового общества, куда хочет меня послать ВХО¹²... Но зональный смотр позволил мне от всего отказаться.

Сейчас усиленно пишу «Праздничный хоровод», уже первая часть на девять минут закончена, пишу расширенную вторую — конец. С большим удовольствием прочел в журнале «Музыкальная жизнь» статью Ростроповича — даже если читала, то еще прочти. Она многое напомнила: мои молодые годы, когда мы часто устраивали музыкальные вечера друзей, где играли, слушали классику — трио,

квартеты, сонаты и многое другое. Вот он прав, что музыкант формируется не только в стенах вуза, а каждодневно и, конечно, в музыкальном воспитании — домашнем. Концерты тоже хороши, но их надо порой с партитурой слушать, обсуждать в своей компании.

Получил дружеское письмо Ив.Ив. Мартынова¹³. Он 25 апреля приезжает в Воронеж: читает лекции интеллигенции города, и для встречи с нами будет слушать пленку нашего III Пленума СК¹⁴. Будет слушать и мой цикл есенинский. В пятницу записали «Журавли» — Московское радио, которое присылало в Воронеж свою звукозаписывающую аппаратуру. Переписали и наши пленки с трансляции (симфонические произведения и мой цикл).

У нас совсем тепло, вечером 19 градусов, ходим в летнем пальто, я в берете.

Люблю слушать в парке скворцов: они сейчас поют любовные напевы, друг перед другом и перед своими скворчихами — а то ведь к лучшему певуну перепорхнет!

Скворцы песней воют, а грачи каркают, крыльями от своего гнезда чужаков отгоняют, бьют. Как всегда, грачи против конфетной фабрики в садике погнездились...

Вчера купил себе одну удочку — хорошая, большая. Думается мне, что Репное¹⁵ нам дадут, надо готовиться.

Был А.М. Астафуров¹⁶, я ему рассказал о возможной экспедиции к ним. Он уже назвал ряд сел, где много интересного. Хочет сам включиться вместе с нами.

Мать мало пишет, только вчера проводила секретариат зонального смотра — у нас обедали, чай пили. У нее еще и рука побаливает, так что писать много тяжело, но, слава Богу, только ушиб; снимали — и никакого перелома нет.

В Москву ездил М.А. Бородин¹⁷ за балалайками, готовые привез. Так мотался — был один, а надо было забрать десять инструментов...

В комнате СК сделали хороший ремонт, а пианино Маслов¹⁸ не отдает, хамло. Девчата¹⁹ получили одну комнату, поместили их.

До скорой встречи, всей дружной компании привет весенний.

Обнимаю. Папа Костя.

17 апреля 1967 года

Дорогая Наташа!

Снова вечер, сидим у телевизора, Нина²⁰, конечно, консультант по программе.

Сегодня вдруг утром поднялся такой страшный снежный буран, что Нина поспешила вернуться домой, вместо базара. Понимаешь, даже фортки открывались!..

Я гулять не ходил, много работал над шестой женской лирической песней. У нас полная договоренность с Боковым²¹ обо всем цикле²², думаю его к Новому году окончить, если использую часть музыки из «Праздничного хоровода». Боков за то, что надо писать свадебный эпизод.

Говорил с И. Шаровым²³ — будем с ним работать для телевидения — кино «Земля поет»²⁴. Так, может, хорошо: и то, что с Боковым делаем — тоже запишем на телевидении. Конечно, надо А. Юрлова²⁵ подключить, солиста взять²⁶...

Понедельник [очевидно — поздняя осень 1967 года]

Дорогая Наташа!

Приехали домой, как всегда, к вечеру, попили чай. Встретились с Юлей, она по-прежнему веселая, полная. Сегодня она и Нина до обеда были у Вали, готовили «стол» к свадьбе...

Божественные стоят дни, особенно сегодня: тепло, 27 градусов, солнечно и после ветров тихо, тихо. Я утром с часок походил — до сосенок вверху: скворцов слушал и передразнивал, насвистывая. А речка — зеркальная, спокойная и манящая посидеть. Ну, я, конечно, выехал по своей проволоке на лодочке, где еще

Дорогая Наташа!

Сегодня воскресенье тихое, утро дождливое,
в саду гудит асфальт, загрохот цветоч.

Вздох ^{вздохи} ~~вздохи~~ страшная угроза, грохот-это
орудийного залпа, стрельба машин. Машин и му-
шкетеров, и прибавили Гай-Кана в Конце,
сиди к берегу, и стали Китайцы мез, я,
Канеко, все промолвили ввиду де Литея

(соседским мальчиком в лес, мои товарищи
по рыбалке). Какое событие милое в дом
дождя с небольшим перерывом, с сидит
тихо, про паролит даже с жидким кашей,
и тайт мрачновато, но о чем о чем
туманная метафорическое настроение
возникает... Сейчас 11³⁰ дня, Гай

с красной кровью в баюга,
женщина мне принесла, ели ко-
рочкой, мучно. Кровинка тережались:

Сегодня пошла к Нань Куньжунь
Корзи Вадь в охота - вост

помоща, куда похотят, мы все
рады. Еще в саду рбу финиш

П. Шорадина посидели, в лес
звезд очень тихо, а теперь
после массового гоним все оживет...

→ Мелко в саду 1 одного бонне
→ Каринка шивит, вездь бонне

→ Лояа наивалод изресту,
Т.П. Мы хороши. Из
→ время шумит...

Фрагмент письма К.И. Массалитинова дочери Наталье

К.И. Массалитинов с дочерью Наташей.
Поселок Репное под Воронежем. 1969 год

произведения на праздничные концерты. Завтра придет со своим магнитофоном и наиграет свои песни Н. Емельянова²⁷. Я, конечно, специально ничего не писал, а девчат²⁸ с кое-чем предложу на концерт.

Недавно ушел от меня С.А. Миловский²⁹: приносил две песни, которые он подал на областной смотр. Я назначен председателем жюри, и вот не стесняется показывать, а ведь конкурс-то с девизом³⁰, да Бог с ним.

Пятнадцатого — заседание жюри, уже подано пять песен; потом 16-го утром на три дня поедem в Репное, захватим Юлю. Сейчас дни редчайшие в природе — теплынь, и я хожу часами в одних трусах, босой...

Ты знаешь, приехал из Москвы Никифоров³¹ и сказал, что Барсов (зам. Щепалина³²) согласен прислать в Воронеж комиссию послушать девчат, подожду. Они с прибылью успешно выступают. Сегодня поехала Зеленева³³, и в четверг М.А.³⁴ с ЮрВасом³⁵.

Наташа! С кем же ты живешь в общежитии, как дела?

Ты обязательно все песни показывай, ведь ты же не виновата, что такой г...й магнитофон (а песни — настоящие!...). Я рекомендую тебе, когда будете докладывать об экспедиции, то «попоэтизируй» немного — о природе, о людях хорошо расскажи, о достопримечательностях — надо не стесняться. Всегда так: кто сумеет завлечь слушателей, создаст картину, да еще хорошо, вдохновенно текст песни донесет — это все побеждает.

Пожалуйста, пусть Руднева³⁶ вышлет фотографию Лебедевой³⁷.

Не забывай нас, пиши, звони. Скоро поедem в Ленинград, увидимся. Целую, папа.

Лучше питайся, вовремя, режим дня соблюдай — психовать смолоду нельзя, вредно в жизни самостоятельной отзовется.

Мать очень тебя любит, это надо понять и нас не забывать...

12 сентября 1967 года

Дорогая Наташа!

Вот уже тринадцатое, пообедали, я захотел с тобой поговорить, так как сегодня утром почтальон принес от тебя весточку со стихами Н. Массалитиновой. Было время, сел к фортепиано. Песня не куплетная, но хочу подобрать к ней ключик — форму изменную, начало (две строки) уже на нотной бумаге.

У нас во всех комнатах сирень — сирень и ландыши. Это я ездил два дня с Шишлянниковым, а до цветов я просто жаден до ужаса: рвал букетища такие в Репном, что все удивлялись моему художественному вкусу... и жадности. Ведь сейчас целые бесконечные аллеи сирени во всех концах!..

Был на своем ягоднике, прополод, уже земляника в цвету. Лодка легкая, весла самые легкие — ловили на ходу рыбу — щука оторвала крючок, и на этом охота закончилась.

Как хочется когда-либо всем вместе встречать всю силу весны, с ее дурманом — что «Черемуха душистая»³⁸, которую все же Саша Юрлов почувствовал, и весь цикл спел душевно; хотя в некоторых местах цикла я бы почувствовал прелесть природы родины по-иному...

В нашем Союзе композиторов готовимся к межобластному теоретическому совещанию. Завтра в В. Гурковым³⁹ будем у Митрошина⁴⁰ с утра. Я, кроме доклада Володи⁴¹, несу отпечатанный старательно проект своей первой книги «С русской песней по жизни». Думаю всерьез издать ее в Воронеже⁴². Восемь разделов в первой книге — это 10-12 печатных листов, да фото. Пусть в Воронеже мне меньше уплатят (но все же деньги?), а на месте всегда с редактором и издательством можно встретиться... Кто знакомился с моим списком и характером первой книги — статьи и выступления — говорят: очень нужно. Да вот вчерашний пример: вечером мне домой звонила А.В. Руднева — просила дать справку о Лебедевой, а ведь книга-то наша с Г. Дороховым⁴³ была издана на 30 лет раньше (!)⁴⁴. Мы ее переиздадим — обязательно. Руднева мне сказала, что книга обо мне уже в печати (Н. Емельяновой⁴⁵) и что Свиридов⁴⁶ ни с ней (т.е. с Рудневой), ни с другими... связи иметь не хочет, а меня Свиридов очень любит (так сказала Руднева).

...Посылаю тебе песню на слова С.М.⁴⁷ из Репного — длинного дядьки — песня застольная.

Балкон наш раскрыт, но струны не дрожат — отдыхают, ждут тебя...

Привет всем, кто меня помнит. Целую, папа Костя.

[не датировано, вероятно — май 1968 года]

Дорогая Наташа!

Сегодня суббота, после обеда ходил на телевидение: смотр народных талантов, я председатель жюри. Выступали Эртиль и Лискинский район. В селе Селявное твоя подруга создала хороший, чистый хор — Лида Пороховщикова⁴⁸. Это глухое село. Хор пел «щедрика» и еще что-то школьное. Я похвалил районы, но сказал, что в музыкальное и культпросветучилище познания передавать надо, но и в землю вращать следует активнее, ведь родина-то — Пятницкого!.. к нам требования высокие, надо русские народные песни искать и распевать.

Принес маме прекрасный букет свежих цветов — лискинцы мне подарили прямо на телевидении.

Сегодня я закончил третий номер из новой моей работы. Сейчас на очереди солдатский хор. Уже стал набрасывать. Я пока до 12 декабря на больничном листе — закончил, и в понедельник пойду на работу. У нас все устраивается в СК к лучшему.

Наташа, подумай об издании твоих расшифровок по экспедиции. Я это быстро сделаю через Московское ВХО. Понимаешь, как это будет хорошо: 10-15-20 песен, 3-4 фото — от кого записано; твое пояснение — анализ песен и, конечно, вкратце о людях, от кого писала. Это надо делать быстро. 1) Скорее нажи на расшифровки, а остальное — дома; сразу сообщи, да еще в Нижнеднепровск важно съездить. 2) подумай о легких песнях Н.М. Беляева⁴⁹ — они к сче-

ту нужны, и на два-три голоса — легче, а песни некоторые хорошие и не затасканные.

Если тебе Юрлов ноты «России»⁵⁰ отдаст, мне нужны. Очень усиленно в Боброве Сердюков⁵¹ «Земля Кольцова»⁵² учит. В январе 1970 года в Воронеже состоится по телевидению юбилейный концерт к 50-летию Бобровского хора.

У нас снега нет. Помню в детстве, в Варварин день, когда на именины тети Вари⁵³ мы с горы катались на салазках, уже колея была накатана, хорошо санки бежали, гремели до самой реки, а когда в гору поднимались с тяжелыми салазками, то — потихоньку от дома — снежок в рот бросали, вкусно!

Дочка, силы сберегай, мы в мире живем. Тебя ждем к Новому году.

Целую, всем привет. Папа Костя.

13 декабря 1969 года

Родная доченька Наташа!

Я очень рад был твоему письму. Ты мне очень по сердцу сказала в своих строках письма: и так много написал, хватит. Да, написал много, но многое еще не озвучено, не вышло на широкую дорогу; а как будто оно, творчество — не «временка», и национальные соки есть, а это не должно умереть, или — отмирать раньше срока. Обычно то, что искреннее, народное зерно впитало — живет и будет жить. Конечно, моя дорогая, это не значит, что я не должен писать. Я пишу, и буду писать — иначе не могу, уже в мозг и сердце вошло; но надо, ох, как надо себя лимитировать временем. В то время, когда уже не пишется, как бы хотелось — надо бросать. Тут, возможно, Володя Говоров⁵⁴ прав: солнце, воздух и вода. Да вообще, значит, надо какие-то силы набирать, когда не пишется, когда душа в волнении, когда просто болеешь.

Очень симпатичная пара тут жила. Это композитор Кирилл Молчанов⁵⁵ и его жена. Кажется, кроме меня — единственные русские, а еще Флярковский Алик⁵⁶ приехал.

Так вот, жена Молчанова даже не позволяет Кириллу писать, когда солнце, тепло, весна. Говорит: «Муж так много и нервно работал всю зиму, пусть отдохнет, наберется сил — лучше и скорей напишет, чем будет себя принуждать, когда весь уставший». Она хорошо сказала, да и Галюша⁵⁷ примерно то же говорит, жалеет меня. Конечно, когда силы много, настроение, состояние хорошее, то лучше и быстрее пишется.

У нас заходило, но солнечно, к речке не тянет, а поэтому тут днем и пойти некуда. Вот сейчас время девять часов утра, пойду завтракать, а затем к директору ДТК⁵⁸, об отъезде своем досрочном поговорю и схожу на почту в деревню — это хорошая прогулка после завтрака на час, а затем сяду за рояль. Все же третий по стихам есенинским хор академический я «добил», как говорится. Теперь у меня три академических хора на С. Есенина. Думаю можно хоры послать Юрлову Саше, в Республиканскую хоровую капеллу.

Птицы поют на многие хоры, не только на голоса — скворцы свое, прямо статей, а щеглы да синички — свое... Шумно от пения птиц в парке, необычно, приятно.

Будь здорова, моя родная дочка. Привет твоим подружкам.

Целую тебя, маму. На праздник будем вместе, с мамочкой за город поедем обязательно.

Целую, твой папа Костя.

23 [декабря], понедельник, 1969 г.

¹ Галина Болеславовна Рогинская (1909—1986) — супруга К.И. Массалитинова, хормейстер, культурно-общественный деятель, создатель Воронежского государственного русского народного хора (вместе с Массалитиновым), его первый директор; позже работала заместителем директора Областной филармонии и заместителем начальника Воронежского областного управления культуры.

² Близ Тамбовского кардиологического санатория, где К.И. Массалитинов проходил реабилитационное лечение после второго инфаркта, композитор на время поселился по совету своего лечащего врача, сняв у местной жительницы Клавдии Замятиной (Клаши) полувиллу частного домика, расположенного в сосновом бору на берегу реки. В течение двух месяцев прожил у Клаши Массалитинов после курса санаторного лечения, наблюдаясь у санаторного лечащего врача, и это помогло ему восстановиться после болезни.

³ Берег реки Цна (приток Оки).

⁴ Юлия Ираклиевна Массалитинова — родная сестра К.И. Массалитинова.

⁵ Валентина Алексеевна Беляева — троюродная сестра К.И. Массалитинова.

⁶ Марк Давидович Моцкин — журналист, корреспондент отдела радиосообщений Управления культуры Воронежского облисполкома, почетный радист СССР; автор многих передач, посвященных литераторам, деятелям культуры и искусства.

⁷ Николай Досталь — советский режиссер.

⁸ Георгий Георгиевич Воловик (1909—1983) — воронежский поэт, мастер короткой эпиграммы, басни, сатиры. Воловик написал часть текстов к опере-песне Массалитинова «Земля поет» (1960), на его тексты создана кантата «Край мой любимый, Россия родная» (1965) и немало песен, которые были изданы в Москве и исполнены по Всесоюзному радио.

⁹ Хоровой цикл на стихи Сергея Есенина «Черемуха душистая» окончен К.И. Массалитиновым в 1962 году.

¹⁰ Александр Григорьевич Арутюнян — армянский композитор и пианист, руководитель Армянской филармонии, профессор Ереванской консерватории, народный артист СССР, лауреат Сталинской премии I степени.

¹¹ Ваню Ильич Мурадели (настоящее имя — Иван Ильич Мурадов) — советский композитор и дирижер, народный артист СССР, лауреат двух Сталинских премий II степени. СК СССР — Союз композиторов СССР.

¹² Всероссийское хоровое общество.

¹³ Иван Иванович Мартынов — советский музыковед, заслуженный деятель искусств РСФСР. В 1960-1968 годах — секретарь правления Союза Композиторов РСФСР. Автор книг по русской, советской и зарубежной музыке, статей в периодических изданиях.

¹⁴ Союз композиторов.

¹⁵ Репное — бывший поселок городского типа в непосредственной близости от Воронежа, до 1917 года носил название «село Алексеевское». В советское время Репное — место расположения так называемых «обкомовских» дач. С марта 2011 года официально — микрорайон города Воронеж.

¹⁶ Александр Михайлович Астафуров (1912—2001) — педагог-историк, директор школы села Шестаково Бобровского района Воронежской области, близкий друг семьи Массалитиновых.

¹⁷ Максим Андреевич Бородин (1919—2008) — солист-балалаечник из Воронежского русского народного хора, преподаватель по классу балалайки в ДМШ №1 и №7, создатель первого воронежского школьного ансамбля балалаечников «Мы — андреевцы». Среди его учеников — Иван Иншаков, Павел Забродин, Владимир Болдырев и другие.

¹⁸ Федор Иванович Маслов (1910—1993) — композитор, хоровой дирижер, заслуженный деятель искусств РСФСР; с 1963-го по 1968 год руководил Воронежским государственным русским народным хором.

¹⁹ Речь идет об артистах вокального ансамбля «Воронежские девчата», организованного в 1966 году по инициативе К. Массалитинова при Областной филармонии — ансамбля, который стал со временем «певческой эмблемой» нашего города.

²⁰ Нина Степановна Федорова — двоюродная тетья супруги композитора Г.Б. Рогинской (и троюродная бабушка его дочери, Н.К. Массалитиновой); после смерти своего мужа с 1959 года и до самой своей кончины (1974 г.) Н.С. Федорова жила в семье Массалитиновых.

²¹ Виктор Федорович Боков (1914—2009) — поэт, прозаик, собиратель фольклора. Массалитинова роднила с Боковым любовь обоих к русскому слову, сердечная укорененность в сельской жизни, знание народных традиций. Боков с четырнадцати лет записывал в тетрадь частушки, присловья, клички, названия лесных урочищ; он считал своими первыми учителями народной словесности отца, мать, крестьянский труд, уличную гармонию, балалайку, частушки и сказки; а из писателей-профессионалов особо выделял Михаила Пришвина, Андрея Платонова и Бориса Пастернака.

²² Речь идет, очевидно, о хоровом цикле «Россия моя», либо (что менее вероятно) о циклической хоровой поэме «Земля Кольцова»: оба сочинения написаны на слова В.Ф. Боклова и окончены К.И. Массалитиновым в 1968 году.

²³ Иоаким Георгиевич Шароев — режиссер музыкального театра, массовых празднеств и эстрадных представлений; автор книг о проблемах режиссуры музыкального театра, музыкально-телевидения, массовых представлений и эстрады, статей в научных и популярных изданиях. С 1967-го по 1973 год являлся художественным руководителем музыкального объединения ТО «Экран» на Центральном телевидении. В 1973-1975 годах — художественным руководителем Росконцерта, а с 1982-го по 1987 год — главным режиссером Московского академического музыкального театра имени К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко.

²⁴ Опера-песня «Земля поет» создана Массалитиновым в 1960 году на слова воронежских поэтов Михаила Яковлевича Шишляникова (1930—1997) и Георгия Георгиевича Воловика (см. сноску №8).

²⁵ Александр Александрович Юрлов (1927—1973) — хоровой дирижер, народный артист РСФСР, один из инициаторов и основателей Всероссийского хорового общества. В советскую эпоху его имя стало синонимом возрождения и общенародной трансляции глубочайших традиций древнерусского пения благодаря подвижнической просветительской работе дирижера и мастерству возглавляемой им Республиканской русской хоровой капеллы (носящей ныне имя Юрлова). Стремясь к тому, чтобы хоровое пение стало общенародным достоянием, Юрлов вернул на концертную эстраду русскую духовную музыку, возродил концертное исполнение паргесного концерта конца XVII — начала XVIII века, облагородил и возвысил жанр массовой хоровой песни, с блеском воплотил многие масштабные хоровые полотна советских композиторов.

²⁶ Следующий лист письма отсутствует.

²⁷ Нина Николаевна Емельянова (1936—1990) — композитор, музыковед, педагог, краевед и музыкально-общественный деятель, член Воронежской организации Союза композиторов России. С ее именем связано создание Дома-музея С.В. Рахманинова в Ивановке, мемориального уголка П.И. Чайковского в Бондарском районе. Она руководила радиоуниверситетом музыкальных знаний, была членом правлений Тамбовских областных организаций: Комитета защиты мира, Охраны памятников истории и культуры, Хорового общества, Совета Дома творческих работников; одним из организаторов теоретического отделения музыкального училища имени С.В. Рахманинова; входила в число инициаторов Рахманиновского фестиваля в Тамбове. Автор оперы «Сказка о царе Салтане», кантаты «Буревестник», оркестровой сюиты на темы народных песен, струнных квартетов, пьес для баяна, песен и романсов на стихи поэтов-классиков; книг «Композитор К.И. Массалитинов», «Музыкальные вечера. Хроника музыкальной жизни Тамбовского края за 100 лет», «Рахманинов в Ивановке» и других.

²⁸ Выступление ансамбля «Воронежские девчата».

²⁹ Серафим Александрович Миловский (1905—1982) — музыковед, дирижер, композитор. В 1956-1966 годах преподавал в Воронежском государственном педагогическом институте. Председатель Воронежского отделения хорового общества (1962—1970). Автор оперы «Никитин» (1963), кантаты «Памяти Кольцова» (1959), романсов на тексты А. Кольцова, И. Никитина, М. Горького, А. Прокофьева, В. Гордейчева и других, хоров, обработок народных песен, ряда исследовательских работ.

³⁰ Т.е. предполагает анонимную подачу конкурсных материалов под девизом.

³¹ Николай Павлович Никифоров (1923—1974) — организатор культурного процесса, заслуженный работник культуры РСФСР, секретарь обкома ВЛКСМ, председатель обкома профсоюзов работников культпросветучреждений и культуры; с 1963 — начальник областного управления культуры при облисполкоме.

³² Глеб Александрович Щепалин — в то время заместитель начальника Главного управления по делам искусств Министерства культуры РСФСР; профессиональный музыкант.

Знакомство его с Массалитиновым на профессиональной почве сложилось еще в конце 1950-х годов. Тогда был создан Оргкомитет, куда вошли крупные общественные деятели (в их числе — и К. Массалитинов) и представители союзных республик, направившие письмо с ходатайством в ЦК КПСС об учреждении Союза композиторов России. После получения положительной резолюции в апреле 1960 года в столице был созван Первый Учредительный съезд СК. Первым секретарем Правления СК, куда вошли представители шестнадцати российских организаций, единогласно избрали Дмитрия Дмитриевича Шостаковича, а Ответственным секретарем — Глеба Щепалина, и он оставался на этой должности до 1964 года.

³³ Мария Михайловна Зеленева (Пронина) — первый хормейстер ансамбля, ветеран Воронежского хора, заслуженная артистка РСФСР.

³⁴ Михаил Аркадьевич Голынкер — директор филармонии, впоследствии эмигрировал в США.

³⁵ Юрий Васильевич Воронцов (1914—2002) — гитарист, композитор, музыковед, лектор-просветитель, заслуженный работник культуры РСФСР, почетный член Союза композиторов, лауреат воронежских областных премий — имени М.Е. Пятницкого, «Золотой фонд Воронежской области». Ответственный секретарь (1962—1973), председатель Правления (1981-1985) Воронежской композиторской организации.

³⁶ Анна Васильевна Руднева (1903—1983) — русская фольклористка, хоровой дирижер, общественный деятель, доктор искусствоведения, профессор кафедры истории музыки народов СССР Московской консерватории, заслуженный деятель искусств РСФСР. В 1934-38 годы в Воронеже была редактором Радиокомитета, методистом областного Дома народного творчества и педагогом Военно-музыкантской школы. В 1939 году уехала в Москву.

³⁷ Анастасия Родионовна Лебедева (в девичестве Махинова, 1881—1953) — основательница и руководитель Александровского народного хора (1926 год) на родине М.Е. Пятницкого, в селе Александровка Таловского района Воронежской области. Автор и исполнительница современных народных песен. В 1998 году на базе Александровского народного хора создана фольклорная группа «Анастасия».

³⁸ Цикл хоров на стихи Сергея Есенина «Черемуха душистая», оконченный К.И. Массалитиновым в 1962 году, впервые исполнен в Москве Республиканской хоровой капеллой под управлением А.А. Юрлова в 1967 году.

³⁹ Владимир Нестерович Гурков — современный российский композитор, в 1960-70-е годы — член Воронежской композиторской организации, концертмейстер Театра оперы и балета. Живет в Санкт-Петербурге, с 1990-х возглавляет Музыкальный салон графов Вильегорских.

⁴⁰ Сергей Васильевич Митрошин — в те годы секретарь обкома КПСС по идеологическим вопросам.

⁴¹ Т.е. доклад В.Н. Гуркова.

⁴² Книга К.И. Массалитинова «С русской песней по жизни» опубликована в Москве в 1975 году, в Воронеже переиздана Центрально-Черноземным книжным издательством в 1981 году.

⁴³ Имеется в виду книга соавторства Г.И. Дорохова и К.И. Массалитинова «Хор Лебедевой», опубликованная в Воронеже в 1940 году. Григорий Иванович Дорохов (1899—1981) — музыковед, фольклорист, педагог; с 1940 года — заведующий кафедрой иностранных языков ВСХИ; с 1944 года — заведующий литчастью Воронежского государственного русского народного хора. Автор изданных в Воронеже книг «Воронежские певцы» (1948), «М.Е. Пятницкий — создатель русского народного хора» (1950) и других. Публиковался в журнале «Подъем» (1957-1958).

⁴⁴ Книга А.В. Рудневой «Анастасия Лебедева» издана в Москве в 1972 году.

⁴⁵ Книга Н.Н. Емельяновой «Композитор К.И. Массалитинов» опубликована в Москве в 1976 году.

⁴⁶ Георгий Васильевич Свиридов (1915—1998) — великий русский композитор и пианист XX века, народный артист СССР, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий СССР — в своем многогранном творчестве гениально воплотил Русский Мир. Автор «Патетической оратории», кантат «Курские песни», «Деревянная Русь», «Станция Починок», «Пять песен о России», «Снег идет», «Ночные облака», «Грустные песни», хоровых концертов и поэм «Пушкинский венок», «Отчалившая Русь», «Ладога», «Песни странника», масштабных полотен и камерных сочинений для разных

составов, музыки к спектаклям и кинофильмам, романсов и массовых песен. Книга воспоминаний Г.В. Свиридова «Музыка и судьба» опубликована посмертно.

⁴⁷ По воспоминаниям Н.К. Массалитиновой, Сергей Михайлович [...] — заведующий хозяйством в дачном поселке Репное, самодеятельный поэт и страстный любитель музыкального искусства.

⁴⁸ Выпускница Воронежского музыкального училища, однокурсница Н.К. Массалитиновой.

⁴⁹ Николай Михайлович Беляев (родом из села Яблочное Хохольского района Воронежской области) — в конце 1960-х — начале 1970-х годов руководитель вокального ансамбля Воронежской галантерейной фабрики, талантливый хормейстер и аранжировщик народных песен.

⁵⁰ Речь идет о хоровом цикле «Россия моя» на слова В.Ф. Бокова (см. сноски 21, 22).

⁵¹ Андрей Яковлевич Сердюков (1918—1974) — хормейстер, педагог, заслуженный работник культуры РСФСР. С 1947 года возглавлял старейший в России самодеятельный хор в Боброве (создан в 1920 году, в 1958 году преобразован в Бобровскую академическую хоровую капеллу).

⁵² Циклическая хоровая поэма «Земля Кольцова» на слова В.Ф. Бокова.

⁵³ Сестра Ираклия Федоровича, отца К.И. Массалитинова.

⁵⁴ Участковый терапевт обкомовской спецполиклиники — лечащий врач семьи Массалитиновых.

⁵⁵ Кирилл Владимирович Молчанов (1922—1982) — композитор, заслуженный деятель искусств РСФСР, автор опер «Каменный цветок», «Русская женщина», «Неизвестный солдат», «Зори здесь тихие», балетов, музыки к кинофильмам, многочисленных романсов и песен.

⁵⁶ Александр Георгиевич Флялковский — композитор, народный артист РСФСР, автор сочинений для хора, симфонического оркестра, оперетт, музыки к кинофильмам. Наибольшую известность получили его песни (более 300).

⁵⁷ Г.Б. Рогинская, супруга К.И. Массалитинова.

⁵⁸ Дом творчества композиторов «Руза» в Подмосковье.

*Подготовка публикации и комментарии
Риммы ЛЮТОЙ*

Валентин Иванович Селютин родился в 1956 году в селе Першино Нижнедевицкого района Воронежской области. Окончил исторический факультет Воронежского государственного университета. Доктор политических наук. Работал учителем, проректором Воронежского института экономики и социального управления, занимал различные должности на комсомольской, партийной работе, в органах государственной власти Воронежской области. В настоящее время руководитель управления правительства Воронежской области. Живет в Воронеже.

Валентин Селютин

КАК НЕ ПРОСТИТЬСЯ С ЛИЧНОСТЬЮ

(Нравственный портрет поколения)

Никогда еще в российской истории человек не был такой загадкой для самого себя, как в наши дни. Аристотель определял человека как «политическое животное», только в общественно-политической жизни проявляющееся как человек. М. Монтень в свое время заметил, что человеческая сущность раскрывается в самопознании. У Августина Блаженного человек существует как человек лишь с помощью божественной благодати, вне которой его жизнь обращается в прах и тлен. Ф. Ницше указал человеку на надменную страсть к власти, К. Маркс, сравнивая человека с двигателем прогресса, находит в этом проявление примитивного экономического инстинкта, а З. Фрейд вообще озвучил стыдливо замалчиваемый сексуальный инстинкт.

Бесчисленное множество приемов имеется у ученых, политиков, литераторов и в определении человеческого фактора. Это — и человеческий потенциал, и гуманитарная составляющая, и главное достижение мира, и общественная совесть, и краеугольный камень цивилизации...

Надо признать, в современном российском обществе в одно время как-то об этом «камне» забыли. Дескать, наконец, на дворе цивилизованный рынок, правила игры определены, и они будут обязательно благоприятствовать со-

вершенствованию человека. Каждый из нас начнет гармонично богатеть и развиваться. Безусловно, будут и «лишние» люди, никуда не денешься. Тем более этот тип человека нам уже хорошо знаком по русской классической литературе XIX века. Грибоедов, Пушкин, Лермонтов, Гончаров, Достоевский, Тургенев, Толстой, Чехов представили целую галерею «лишних людей» — разочарованных скептиков, слоняющихся по жизни в беспредельной тоске. Чацкие и Онегины, Печорины, Базаровы, Обломовы, блестяще написанные пером гениальных русских писателей, стали олицетворять неразгаданный русский характер.

Сегодня, когда эпоху литературы сменила эпоха телевидения и Интернета, вдруг оказалось, что живой человек вообще исчез из реальной действительности. Российское общество больше не требует от индивида следовать жестким правилам. Это снятие ограничений, дезинтеграция, отсутствие каких-то моральных норм негативнее всего влияет на поведение человека. Именно об этом всех предупреждает Ф.М. Достоевский: если Бога нет, все позволено, а значит, позволено самое худшее — право на бесчеловечное в человеке.

Мое поколение сложилось в Советском Союзе. Однажды в беседе со мной крупный политический деятель сказал, что во мне много советского. Хорошо это или плохо? Надо признать, неожиданная оценка: много советского... Это вроде клейма или намека, что в новую жизнь мне не вписаться. Невольно вспоминаются строки из стихотворения моего знакомого воронежского автора:

Сквозь череду нелепых превращений
В одно мгновение ощутишь вдруг груз,
Что ты отныне — лишний в поколенье,
Хоть не Онегин, не Печорин пусть.

Наверное, можно было бы сразу забыть эту странную и спорную оценку знакомого политика. Но она всколыхнула во мне память. Память о себе, о моей «малой» родине, о моих земляках и знакомых. Их тоже можно вот так же легко, без смущения, одним махом занести в категорию тех, в ком «много советского», кто в одночасье пополнил ряды «лишних» людей, стал обузой для новой формации соотечественников, присвоивших себе право причислять себя к когорте первопроходцев и основателей новой счастливой жизни, доселе невиданной.

Оглядываясь на путь, пройденный моим поколением и мною лично, думаю, что деление современных граждан России на тех, в ком «много советского», и тех, в ком вообще не осталось ничего советского, ошибочна и не перспективна. Самая большая угроза в таком делении состоит в том, что нас лишают народной традиции, преемственности поколений, наследования духовного и нравственного опыта, национальной самоидентичности, на чем, собственно, и держится русский мир более тысячи лет. Сознательное отгораживание себя от прошлого, от вчерашнего дня порождает новую историческую иллюзию, а без внутренней, корневой принадлежности к прошлому, как известно, не бывает и будущего.

Мне, родившемуся спустя десятилетие после окончания Великой Отечественной войны в большом русском селе Першино Нижнедевицкого района, такое определение «современности» человека (мало или много советского!) чуждо. Как чуждо это было и моим сверстникам, и моим родителям. Их нравственный мир не принимал философии отделения себя от других, села от города, воронежского края от страны в целом. Главным духовным ориентиром было единение себя со всеми, собственной жизни и жизни окружающих. Отсюда и правила человеческого общения были более понятными и честными, вне зависимости от должности и профессии.

Из своего детства я ярко запомнил, что у нас никогда не было замка на двери в доме. И не потому, что нечего было воровать. Просто замков не было ни у кого.

Люди доверяли друг другу. Соседи поддерживали соседей, помогали друг другу и в радости, и в горе. Для моей семьи колхоз был реально общим домом. Председатель першинского колхоза «Родина» Тихон Михайлович Меркулов, один из последних Героев Социалистического Труда, был лидером, которого знали и уважали все. Он был очень справедливым и совестливым человеком. Он лично хорошо знал каждую семью, хотя в селе проживало более 600 семей. Он успевал повсюду. Он знал каждого ученика. Он постоянно бывал в школе. Руководить колхозом начал с 1957 года. И внешне Тихон Михайлович напоминал школьного учителя. На моих глазах в селе были построены кирпичный завод, баня, детский сад, школа, танцевальная площадка, квартиры для учителей, Дом культуры, медпункт, котельная, правление колхоза. Для меня и моей семьи он был наставник и друг. Именно по его настоянию и заместителя директора Першинской средней школы Валерии Яковлевны Кузенковой моя мать согласилась отпустить меня в пионерский лагерь «Артек» в 1970 году. Перед отъездом слова напутствия произнес первый секретарь Нижнедевицкого райкома КПСС Виктор Семенович Сяглов, тоже один из последних Героев Социалистического Труда. Он говорил со мной, как со взрослым. С одной стороны, меня переполняло чувство гордости, что мне позволено представлять свой район, а с другой — я на всю жизнь запомнил слова В.С. Сяглова: «Везде и всегда надо оставаться собой, ты сельский мальчонка, искушений будет много, главное — сохранить свою нравственную среду».

С Виктором Семеновичем мы встретились спустя почти 15 лет. Он работал первым секретарем Рамонского райкома партии, а я был направлен обкомом комсомола на районную комсомольскую конференцию. Тот короткий разговор я тоже хорошо помню. Его очень беспокоила неискренность в людях, он говорил мне о начавшемся отрыве образа жизни руководителей от населения. Виктор Семенович жил для людей и ради людей, как и Т.М. Меркулов. Они оба не позволяли себе жить лучше, нежели население. Это была норма. Это был глубокий нравственный стержень. Как начальнику отдела обкома комсомола В.С. Сяглов советовал мне быть всегда среди молодежи, чаще бывать в районах. «Только знание реальных условий труда и жизни молодежи позволит влиять на ее поведение. Не становитесь молодежными чиновниками, дела не будет», — было его последнее напутствие.

В Нижнедевицком районе после Сяглова было много руководителей. Но если они все вышли из народа, то возвращаться в народ не спешили. Не все они относились к людям так, как Виктор Семенович. Люди для него были не «человеческим фактором», не «экономическим, сельскохозяйственным ресурсом», они для него были живыми людьми. Он был своим среди руководителей, чиновников, учителей, доярок, механизаторов. Такая репутация очень дорого стоит.

Так плохо или хорошо, спрашиваю я себя, что и в Меркулове, и в Сяглове было «много советского»?

Сегодня тоже хватает достойных руководителей. Конечно, им не легче. Другие требования, другие ценности, другая мораль. Может, им даже трудней: правила игры постоянно меняются. А разве может одно поколение все сразу в себе перевернуть: дома — одни, на работе — другие, на публике — третьи, а в душе — четвертые?

Безусловно, с годами меняется облик человека.

Меняется и моя «малая» родина. Совсем другое становится село: «модернизированное» и «инвестированное». Но на каждом доме — замок. Соседи перестали приглашать друг друга в гости. В моей школе осталось менее 100 учеников. Все выпускники — студенты университетов и институтов. У родителей большая проблема — деньги на учебу.

Не увидел новой жизни мой лучший друг Николай Иванович Домарев. Он был

из категории таких, как Сяглов и Меркулов. Только моложе. Он «сжигал» себя в служении делу и людям. Он не мог поступаться совестью. Он жил для других. Все должно быть по справедливости...

В качестве исторического примера всегда приводил сельскую общину, которая длительное время управляла на Руси жизнью населения в деревнях и селах. Делила общие земли для сева, для пастбища. Поддерживала бедных, не позволяла обогащаться зажиточным за счет своих селян.

Самое большое наказание для человека — быть изгнанным из общины, тогда путь был один — на паперть. Домарев не мог терпеть верхоглядства и чинушества. Он был инструктором Нижнедевицкого района партии, а авторитет у него был выше, чем у отдельных секретарей. Он понимал, что в жизни что-то не так. А горбачевский лозунг «Вы их — снизу, а мы их — сверху» он так и не мог понять. Кого их? Если чиновников от партии, то Горбачев — первый в этом ряду. Домарев часто говорил вышестоящим партийцам, что так жить нельзя. На людях утверждают одни добродетели, а в личной жизни исповедуются другие. Он не физически был тяжело болен — душевно: не мог понять цинизм и разрушительность перестройки, и прежде всего в людских душах. Нравственность и совесть либо есть, либо их нет, среднего здесь не дано. После самороспуска КПСС Николай Домарев на областном уровне стал одним из инициаторов создания новой партии, уже освобожденной от членов КПСС с двойной моралью.

Он прожил очень короткую жизнь. Но очень яркую. Для нас он стал не просто идеалом порядочного, совестливого человека. Он стал мерилom, в том числе и нашей нравственности по отношению к себе, людям, обществу. Сначала надо сотворить, произвести, отдать, сделать и только потом взять. Понятно, в тех условиях у каждого человека, как модно сегодня стало говорить, было мало вариантов сохранения своей индивидуальности. Конформизм заставлял (а разве в нынешних условиях по-другому?) проститься с личностью.

Смерть Домарева положила начало — организовать в Нижнедевицком районе День памяти о друзьях.

Ежегодно 20 мая мы встречаемся, чтобы вспомнить ушедших и посмотреть на себя со стороны. С каждым годом нас становится меньше. Нелепая закономерность — лучшие из лучших уходят из жизни раньше.

Яркий след на земле оставил Анатолий Федотович Шабанов. Руководитель от бога, внимательный и заботливый, работал, прежде всего, для Родины. Птицефабрика, которую он создал, увеличило производство яиц с 14 миллионов штук в год до 48 миллионов. При социалистической системе тоже можно было разумно работать. Переходный период к рынку был понятен Анатолию Федотовичу. Он не принял единственную установку: обогащайся, как можешь, бери все под себя. А он хотел сохранить производство, коллектив, не сделать своих земляков «лишними» людьми на празднике нынешней жизни. Если бы он согласился с издержками первоначального накопления капитала, наверное, не ушел так рано из жизни. Во всем он искал, как и Николай Домарев, справедливость, и отношение к себе земляков для него было самой важной оценкой.

Анатолию Федотовичу в одно время было предложено возглавить район в качестве главы администрации. Но он отказался, видимо, понимал, каково в реальности состояние его здоровья.

Из такой же когорты и Виктор Иванович Потапов. Высокообразованный и эрудированный, он ни единой минуты не мог оставаться без дела. Кем бы он ни трудился: инженером-строителем, заведующим производственным уголком колхоза «Родина», секретарем парткома «Заветы Ленина», вторым секретарем Нижнедевицкого района партии, директором комбикормового завода, — был всегда настроен на дело, на работу для людей. Он очень больно переносил резкие изменения в

поведении руководителей в лихие 90-е. Он не мог понять: откуда у человека, казалось бы, с устоявшейся репутацией, вдруг появлялось стяжательство? Как за один-два года можно в человеке поменять «плюсы на минусы»? Почему в обществе утверждается цинизм, накопительство, а высшими добродетелями становятся ненависть и унижение человека труда.

На эти же вопросы не могла ответить и Раиса Васильевна Тынянская, обыкновенная русская женщина с чутким сердцем и открытой душой. Мы вместе с ней работали в комсомоле. Все время сохраняли очень добрые отношения. Один житейский случай показал высочайшую степень нравственности моей современницы. Я работал проректором Воронежского института экономики и социального управления. У нее сын Алексей оканчивал школу, и она пришла посоветоваться по его дальнейшей судьбе. Я, недолго думая, сразу предложил ей варианты по поступлению в один из вузов, где у меня были устоявшиеся отношения с руководством вуза. Я даже не сразу понял, что Раиса Васильевна не приняла мой посыл. Она хотела только совета: вариантами звонков, блата, подношений она никогда не пользовалась. Для меня это был урок. Она в это время возглавляла районный центр занятости населения...

Да, время меняет человека, но именно человек создает свое время. Можно еще называть десятки и сотни моих земляков, чьи яркие души звенят как струны — без фальши и притворства.

По-разному они уходили от нас, одни — в расцвете сил, другие — прожив долгие и плодотворные годы.

К 20-летию Дня памяти о друзьях была издана книга «След на земле» (под ред. В.А. Буланцова — Воронеж, изд. «Истоки», 2012 г.). В книге помещено тридцать очерков о людях, которые внесли проблеск света в сумерки нашего мира. Они не изменили себе, они формировали время.

Политологи, философы еще долго будут спорить о месте и роли человека в обществе.

Мои друзья уже вписали себя в историю «малой» родины. Поклонимся таким людям. Они не только оставили свой след на земле, но и они передали нам мудрость своей жизни.

БОГОМ ДАННЫЙ

(Жизнь и судьба академика Анатолия Богданова)

Нынешнему поколению жителей Нижнедевицкого района имя их земляка Анатолия Петровича Богданова мало что говорит. А ведь он принадлежал к плеяде наиболее выдающихся русских ученых XIX века. Знаменитый зоолог, историк зоологии, антрополог, один из основателей российской антропологии, основатель первых антропологических учреждений в России, популяризатор естественных наук, член-корреспондент Петербургской Академии Наук, профессор Московского университета, А.П. Богданов (1834—1896) родился в Нижнедевицком уезде. Это был человек редкой и интересной судьбы. Наиболее подробный очерк жизни и творческого пути известного земляка можно прочитать в книге А.А. Формозова «Следопыты земли московской», изданной в 1988 году в столице. При подготовке этой публикации редакция журнала использовала также материалы сайта trojza.blogspot.com.

Неординарность судьбы А.П. Богданова проявилась уже с рождения. В начале октября 1834 года в сторожке церкви села Богородицкого Нижнедевицкого уезда Воронежской губернии был найден подкидыш. Хозяйка соседнего имения Е.Ф. Татаринова взяла его в свой дом. Большое участие в судьбе ребенка, получившего фамилию Богданов, т.е. «Богом данный», приняла мать Татариновой княгиня Г.Н. Кейкуатова. После смерти Татариновой приемный оказался крепостным ее наследников, но приемная бабушка вскоре сумела забрать его в свой дом. Устроить крепостного в губернскую гимназию было делом немыслимым, однако тут помогло неожиданное ходатайство архиепископа Воронежского и Задонского Антония. Успешно окончив гимназию, Анатолий Богданов в 1851 году поступил на естественное отделение физико-математического отделения Московского университета и в 1855 году окончил курс со званием кандидата. Талант студента, все еще числившегося крепостным крестьянином, был замечен преподавателями, а его работа «О признаках определения формаций осадочных пород» удостоилась серебряной медали и была рекомендована к печати.

Приемная бабушка продолжала помогать своему приемышу. На 15. 000 рублей, данных ею, он купил дом в Москве, в Спасопесковском переулке.

На ее же средства после окончания курса отправился в научную командировку по Германии, Бельгии и Франции, где молодой ученый познакомился с новейшими достижениями западноевропейской науки. В 1858 году под началом своего научного руководителя Карла Францевича Рулье (1814—1858) А.П. Богданов вошел в комитет по подготовке Акклиматизационной выставки, проведение которой предопределило открытие Московского зоологического сада.

Но и здесь ученого подстерегали неприятности. Защита магистерской диссертации «О цветности пера птиц» в 1858 году едва не кончилась провалом, однако благодаря помощи К.Ф. Рулье А.П. Богданову все же удалось вскоре занять место преподавателя Московского университета. В 23 года он стал адъюнктом, в 29 лет (1863 г.) — экстраординарным профессором и заведующим Зоологическим музеем.

В эти годы он похоронил свою бабушку, раскрыв, наконец, тайну своего происхождения. Матерью его оказалась ни кто иная, как эта самая «бабушка», а отцом — архиепископ Антоний.

В 1863 году по инициативе А.П. Богданова было основано Общество любителей естествознания при Московском университете, вступившее в конкуренцию с авторитетным Обществом испытателей природы, основанным в 1805 году. В том время как в «испытатели» принимали исключительно специалистов, в «любители» принимали всех желающих.

Авторитет ученого в научной среде был довольно низок. Большинство коллег считали А.П. Богданова ловким и беспринципным карьеристом.

В 1864 году в «Обществе любителей» появилось отделение антропологии и этнографии, отсутствовавшее в обществе испытателей. В том же 1864 году А.П. Богданов увлекся новой для себя областью — антропологией. В Подольском уезде Московской губернии были найдены черепа людей, извлеченные из древних курганов, два из которых были переданы Богданову.

Следующим шагом стала организация раскопок. Раскопки начались в 1864 году в Коломенском уезде. Руководил ими врач из Коломны Александр Михайлович Анастасьев (ум. 1877), а участвовали близкие сподвижники Богданова — Алексей Павлович Федченко (1844—1873) и Николай Григорьевич Керцелли (1822—1882).

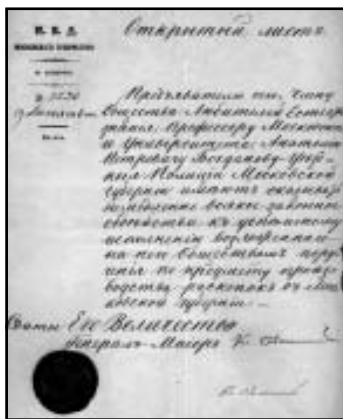
Широко развернулись раскопки в следующем, 1865 году, когда лично А.П. Богдановым и его сотрудниками были обследованы 129 курганов сразу в девяти уездах Московской губернии (не охвачены были лишь два уезда — Клинский и Дмитровский).

Изучению материалов из указанных захоронений А.П. Богданов посвятил две работы: «Курганное племя Московской губернии» и монографию «Материалы для антропологии курганного периода в Московской губернии». За последнюю научную работу в 1867 году А.П. Богданову была присуждена докторская степень без защиты диссертации.

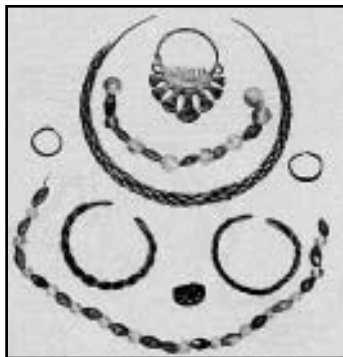
В «Материалах...» А.П. Богданов отмечал: «Богородские курганы представляли ту особенность, что многие из них, после насыпки аршина на полто-

А.П. Богданов в своем кабинете. 1895 год

Разрешение А.П. Богданову на проведение раскопок. 1866 год

Украшения вятичей из московских курганов

Курганы с. Покрова Подольского уезда

ра земли над покойником, обкладывались большими камнями и потом снова обсыпались землей». В Богородском уезде раскопки непосредственно осуществляли Н.И. Кулаковский и М.Г. Виноградов. Содействие раскопкам оказывали бывший уездный исправник Н.П. Богданов и штатный смотритель В.М. Михайлов. В «Материалах...» приводится краткое описание обследованных четырех курганных групп:

Обуховские курганы лежат у деревни Обуховой, рядом с фабрикой Тюляева, близ Шеловки и в 10 верстах от Богородска. Большая часть курганов была уже снесена прежде владельцами местности, да и последние оставшиеся, по-видимому, сверху уже были снесены, так как остовы лежали покрытыми очень небольшим слоем земли.

Петро-Павловские курганы лежат близ Обуховских, на речке Шеловке и в имении В.Г. Высотского. С особенной благодарностью вспоминаю я о том просвещенном содействии, которое оказал мне в этой местности почтенный и глубоко уважаемый всеми настоятель местного храма Тихон Матвеевич Колычев. Курганы лежат на довольно возвышенной местности у реки, довольно значительной группой.

Анискинские курганы находятся при селе Анискине по остромынской дороге в 30 верстах от Москвы (по реке Клязьме).

Осеевские курганы лежат на той же реке, между д. Осеево и д. Лукино, на земле графа Ланского, дозволившего раскопку».

Причина, по которой останки в некоторых захоронениях лежали выше материка, объяснили А.П. Богданову местные нанятые рабочие-землекопы: «Рабочие, занимавшиеся раскопкой этих курганов, объяснили это исключение очень правдоподобно: такие покойники, по их мнению, были похоронены зимою, когда расчистка места была затруднительна, что подтверждалось и положением ног на зимний восток».

В экспедицию следующего 1866 года в тех же местностях было раскопано еще 60 курганов.

Результаты исследований 1864-1866 годов нашли отражение в экспозиции Этнографической выставки, открытой в Московском манеже в 1867 году и пользовавшейся большой популярностью среди москвичей. Здесь были представлены сотни находок, сделанных экспедицией в Московской губернии.

Позднее на основе этой выставки возник Этнографический (Дашковский) музей, просуществовавший до 1941 года (слит с Музеем этнографии народов СССР).

В 1872 году состоялась следующая выставка — Политехническая, приуроченная к 200-летию со дня рождения Петра I, и разместившаяся в 62 павильонах, выстроенных в Александровском саду и вдоль кремлевской стены по берегу Москвы-реки. Вскоре ее организаторы обратились к императору с ходатайством об открытии в Москве исторического музея и передаче туда экспонируемых материалов. Разрешение было получено, выделена правительственная субсидия.

В 1879 году в манеже состоялась Антропологическая выставка, видное место на которой заняли материалы из Подмосковья. Кроме вещей из раскопанных курганов, посетителям демонстрировались макеты этих погребальных сооружений, сделанные в натуральную величину на основе раскопок у Сетуни и села Покров под Подольском.

Материалы этой выставки легли в основу Антропологического музея в старом здании Московского университета.

Правительственных субсидий на открытие этих трех выставок А.П. Богданов не имел, привлекая капитал частных меценатов. На проведение этнографической выставки 10 000 рублей выделил помощник попечителя Московского учебного округа В.А. Дашков, на Политехническую — 20 000 рублей дал железнодорожный магнат П.И. Губонин. Антропологической выставке в этом смысле «не повезло». Предварительно от купцов Ф.А. Терещенко и Л.С. Полякова было пожертвовано 60 000 рублей. Эти деньги были вскоре истрачены на поездки для сбора экспонатов и их приобретение, но плата за входные билеты не покрыла расходы, и крупный долг лег непосредственно на А.П. Богданова, до конца своих дней выплачивавшего его из своих личных средств. После Антропологической выставки Богданов уже не брался за предприятия подобного рода и посвятил свой организаторский талант Московскому зоологическому саду, к руководству которым он вернулся в 1880-х годах.

К концу жизни неутомимый исследователь и талантливый организатор стал членом-корреспондентом Академии наук, получил чин тайного советника. Скончался Анатолий Петрович в 1896 году и был погребен на кладбище Новодевичьего монастыря.

Сергей Алексеевич Марков родился в 1959 году в селе Вязноватовка Нижнедевицкого района Воронежской области. Окончил землеустроительный факультет Воронежского государственного сельскохозяйственного института. Работает заместителем главного редактора нижнедевицкой районной газеты «Ленинский завет». Занимается региональным краеведением. Публиковался в областных газетах. Живет в селе Нижнедевицк Воронежской области.

Сергей Марков

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ

(Жизненные и политические перипетии
Сергея Маслова)

В 1887 году в Нижнедевицке родился Сергей Семенович Маслов. Дед его был из крестьянского сословия, а вот отец занимался самостоятельной торговлей. Надо сказать, что в нашем уезде не все крестьяне имели лишь одну лошаденку и деревянную соху. Иные владели десятками десятин земли, а в объемах торговли не уступали некоторым гильдейским купцам.

Изучая судьбу этого неординарного земляка, поражался, сколько всего вместила его трагически оборвавшаяся жизнь. Однако обо всем по порядку.

После окончания шестиклассного Нижнедевицкого городского училища Сергей едет в Харьков и поступает учиться на агронома, где в свои 18 лет попадает в водоворот революционных событий 1905 года: стачки, баррикады на городских улицах, вооруженные казаки, митинги, стрельба. Все это будоражило ум и кровь молодых людей. И в 1906 году Маслов вступает в партию социалистов-революционеров (эсеров), которая ставку делала на крестьянство, на насильственное свержение существующей монархии.

Однако время учебы в агрономическом училище подошло к концу, и Маслов устраивается на работу в имение Харитоненко, расположенном в Сумском уезде Харьковской губернии. В сентябре 1907 года он организует в имении «стачку» ра-

ботавших здесь крестьян. Опасаясь явного ареста и скрываясь от полиции, он перебирается в Полтавскую губернию. И здесь у него случаются недоразумения и конфликт с полицией. В 1908 году Маслов скрывается в Орловской губернии, а в 1910 году бежит в Кубанскую область. Везде работает по специальности, ведет партийную работу среди крестьян и, кроме того, занимается организацией сельских потребительских обществ, кредитных товариществ в рамках аграрной столыпинской реформы. Частые переезды, нехватка денег вынуждают Маслова подрабатывать уроками, из-за гонимых публиковать статьи на сельскохозяйственные темы.

В связи с этим требуется небольшое отступление.

В 1909 году прибывший в Нижнедевицк В.К. Кохановский вместе с напарником открывают первую типографию и размещают ее в арендованном доме Семена Павловича Маслова. Думаю, что это был отец нашего героя, помогавший сыну деньгами.

К 1910 году на С.С. Маслове уже «стоял» несмыаемый штамп «политически неблагонадежного» и, когда он в 1911 году, перебравшись на этот раз в Житомир, попытался устроиться на место секретаря агрономического отдела губернской Земской управы, полиция незамедлительно устроила обыск на его квартире. Арестовала соседка. Правда, наш земляк успел скрыться и в Житомирском уезде нанялся земским участковым агрономом. Специалистов не хватало, да и на небольшое жалованье уездного земства, как бы сейчас сказали, «местного самоуправления», не каждый стремился, поэтому, видимо, и неблагонадежному агроному были рады.

Не прошло и полгода, как Сергей Семенович уходит со службы вместе с другими агрономами, протестовавшими против кредитной политики. А в декабре фортуна от него отвернулась. Его арестовали и препроводили назад, в Харьков. Посадили в губернскую тюрьму, где он пробыл больше года и практически весь срок — в камере-одиночке. В 1913 году состоялся суд над Масловым, рядом с ним на скамье подсудимых находилось еще восемь человек. За принадлежность к партии эсеров Маслова сослали в город Пинегу Архангельской губернии. Правительство давно закручивало гайки в отношении «политических», но это был год 300-летия царствования на Руси дома Романовых. Поэтому по амнистии Сергею Семеновичу ссылку сократили на год.

По пути из ссылки обратно в Житомир Маслов остановился в Вологде. Здесь он близко знакомится с работой Вологодского общества сельского хозяйства. Его уговаривают остаться, посулив должность агронома-кооператора. Он дает согласие, и этот город надолго войдет в его судьбу, взметнув на политические вершины, о каких и не мечтал. Вскоре он уже возглавляет кооперативно-инструкторский отдел: организует лекции, выставки, экскурсии, читает доклады на съездах сельхозобществ. Правительство в это время уделяло огромное внимание просвещению крестьян в области земледелия, животноводства, агрономии, применения современных сельскохозяйственных орудий и механизмов. Более того, он редактирует журнал общества «Северный хозяин». Маслов снова находится в гуще крестьянской жизни, теперь уже русского Севера. Так проходит чуть более года.

В сентябре 1915 года Маслов отправляется в Петроград за высшим образованием и поступает учиться в... психоневрологический институт. Однако в этом нет ничего удивительного. В институте имела единственный в империи социологический факультет. Вологодские историки Т.М. Димони и И.А. Виноградов в своей работе «Политическая деятельность С.С. Маслова» сделали вывод, что из учебы в институте у Маслова ничего путного не вышло: «... Его планам не суждено было сбыться». В одном из писем сам С.С. Маслов позднее сообщал: «Во время великой войны я учился в высшей школе (в Петрограде), писал в журналах и газетах...» Значит, учился или только попробовал?

Вологодские историки утверждают, что «до апреля 1916 г. Маслов работал в Союзе городов, откуда ушел после очередного столкновения с начальством». В поисках работы он попадает в организацию, которой руководит Николай Васильевич Чайков-

ский. Организация оказывает продовольственную помощь населению прифронтовых районов. Маслов пишет о себе: «Закупал мясо для военных нужд в Западной Сибири и на Урале». Далее наш земляк перебирается в центральное товарищество льноводов, находящееся в Москве. А затем снова оказывается в Вологде на должности агронома-кооператора в знакомом Вологодском обществе сельского хозяйства. В советские времена его назвали бы «летуном» с работы на работу. За этим видится работа партийная (куда партия пошлет), и дальнейшие события это подтверждают.

Задержимся немного в 1916 году. Сергей Семенович издает в Москве свою первую публицистическую объемную работу «Мирской человек. Из жизни современной крестьянской интеллигенции». В ней он формирует свои мысли о путях дальнейшего развития деревни, крестьянства России. Мирской человек — общинный человек, крестьянская община называлась «миром».

В начале февраля 1917 года в Вологде на квартире С.С. Маслова собрались социалисты-революционеры, в том числе из Петрограда и Москвы. Собрание решило организовать губернский центр партии эсеров и начать нелегальную работу. Председателем комитета избрали С.С. Маслова. А тут как раз и подспела Февральская революция. По проекту нашего земляка образуется Временный правительственный комитет. Партия эсеров становится партией власти в Вологодской губернии, так же как и в Нижнедевицком уезде. Маслов лично участвует в разоружении жандармского управления, аресте губернатора. 15 марта эсеры начали выпускать свою газету «Вольный голос Севера» под редакторством С.С. Маслова.

В Петрограде 13-17 апреля 1917 года состоялось совещание представителей крестьянских Советов из 27 губерний. Совещание решает созвать Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов. Для этого создается организационное бюро во главе с нашим С.С. Масловым. Он полностью уходит в работу по организации съезда, который открылся 4 мая в Петрограде. Его открыл Сергей Семенович и был избран товарищем, то есть заместителем, председателя съезда. 20 мая (съезд продлился аж до 28 мая) Маслова избирают членом исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов. Надо заметить, что прибыло 1353 делегата из 63 губерний и 8 областей России. Когда просматривали состав исполкома и результаты голосования, оказалось, что за кандидатуру С.С. Маслова подано 745 голосов (12-е место), а вот за товарища В.И. Ленина всего 20 голосов, за пролетарского писателя А.М. Горького — 8, за эсерку М.А. Спиридонову — 7 голосов. Последние не прошли в исполком Совета. Впоследствии Ленин с активной помощью авторитетнейшего лидера левого крыла эсеров Марии Спиридоновой в октябре в результате вооруженного восстания приберут эту власть к рукам без всякого тайного голосования.

После съезда С.С. Маслов возвращается в Вологду и тут же собирает губернский Крестьянский съезд. Новая власть установлена, приоритеты определены. И когда в сентябре в стране начались выборы в Учредительное собрание, то вологодские эсеры имели колоссальную поддержку населения. За список их партии проголосовало 600 тысяч человек. Для примера: за список партии большевиков голоса отдали 120 тысяч человек. Подобное произошло и в Нижнедевицком уезде. В результате С.С. Маслов вошел в состав депутатов Учредительного собрания от Вологодской области.

Как помним из истории, большевики этот законодательный орган успешно разогнали. Наш земляк воспринял это как государственный переворот. Поэтому вологодские эсеры во главе с С.С. Масловым решили тесно сотрудничать с подпольной антибольшевистской организацией «Союз возрождения России», куда входили многие политические силы страны. Вскоре С.С. Маслов и еще один эсер из Вологды А.Ф. Дедусенко стали активными деятелями «Союза возрождения России». Их уполномочили готовить антибольшевистское восстание в Вологде. Маслов возглавил военный отдел подполья.

Из Москвы и Петрограда участок ему доверили ответственный, так как в Волог-

ду перебрались дипломатические миссии стран-союзниц в войне против немцев в знак протеста против того, что большевики вывели Россию из войны, заключив с немцами Брестский мир. «Союз возрождения России» ожидал высадки английского десанта на Севере с последующим освобождением от большевиков Архангельска и Вологды. Англичане на подпольную организацию С.С. Маслова денег и других средств не жалели.

С.С. Маслов в Вологде отсиживаться не стал, в начале июля 1918 года направился в Архангельск, где «Союз возрождения России» запланировал создать «временное крайнее правительство». Центральное правительство намеревалось создать на Урале или в Сибири. Туда-то и собрался ехать Н.В. Чайковский, чтобы войти в состав центрального антибольшевистского правительства (Директории). Маслов уговорил Н.В. Чайковского пробираться в Архангельск и в последующем возглавить правительство Северной области. Чайковский согласился.

В Архангельске, фактическими руководителями подпольной военной организации были С.С. Маслов и Томсон (русский капитан Чаплин). Им удалось организовать три вооруженных отряда, куда вошло около 300 человек из крестьян. В ночь на 2 августа в Архангельске произошел переворот, это когда в город вошли английские войска. В последующем Н.В. Чайковский говорил о последних днях перед переворотом: «Мы три недели были здесь на краю гибели, нас каждую минуту могли захватить и поставить к стенке. Нас было мало, удалось приготовить 600 человек...»

Маслов становится председателем Северного областного комитета партии эсеров. Кроме этого, он вошел в Верховное управление Северной области, которое возглавил Н.В. Чайковский. Маслов утверждает себя «товарищем председателя и управляющим отделами военным и земледелия», а осенью назначен на пост гражданского губернатора Архангельска. Со временем заграничные союзники, а были там не только англичане, но и сербы, французы, поляки и американцы, все больше вмешиваются в экономическую жизнь области, в расстановку кадров, диктуют свои условия. Маслов расценивает это уже не как вооруженную помощь, а как оккупацию.

Нарастающий конфликт между гражданскими и военными разрешился в ночь на 6 сентября. Капитан Чаплин арестовал Верховное правительство. Его членов посадили на английский корабль и перевезли в Соловецкий монастырь «на отдых». Было выпущено воззвание к населению, в котором объявили, что «Верховное управление Северной области не могло справиться с задачей освобождения страны» и «впредь до отмены военного положения все гражданские власти находятся в исключительном подчинении военных властей». Вот так наш земляк стал одним из первых сидельцев Соловков. В последующем большевики на Соловках создадут знаменитый концентрационный лагерь. В нашем случае большевицкая газета «Правда» поиздевалась над сим фактом, произошедшем в стане врага.

В. Владимирова в своей работе «Год службы «социалистов» капиталистам», опубликованной в книге «Очерки по истории контрреволюции в 1918 году» и изданной в 1927 году, писала: «Происшествие с Соловецким монастырем имело, очевидно, слишком скандальный вид. Американцы находили, что от эсеров можно избавиться гораздо вежливее. По их настоянию «верховное правительство» привезли из Соловецкого монастыря обратно. И через несколько дней «верховное правительство» объявило, что оно само себя распускает». Под благовидным предлогом, что в Самаре образовано Всероссийское правительство.

Маслов и несколько его соратников по низложенному правительству устремляются в Сибирь устанавливать отношения с Всероссийским и Сибирским правительствами. До Омска С.С. Маслов добрался только 18 ноября. И опоздал: адмирал Колчак в это время разогнал Директорию. С военными наш земляк связываться не стал, а устроился на работу в омскую главную контору Всероссийского союза потребительских обществ. Это насторожило колчаковскую контрразведку, которая к его персоне

проявила повышенный интерес. Маслов оставляет работу и пытается найти возможность уехать во Владивосток. Однако заграничный паспорт ему добыть не удалось, и он бежит от разыскивающих его колчаковцев в Томск. Здесь на нелегальном положении под фамилией Кудрюкова прожил до 15 июня 1919 года.

В дальнейшем Маслов направляется в центральную Россию. В Златоусте он отсиделся, пока фронт гражданской войны не перекатился через этот город и красные не погнали колчаковцев дальше. Маслова схватили большевики. В своем письме жене Екатерине Масловой он сообщал: «... При попытке двинуться из Златоуста «во глубину России» был задержан, скрыл свое имя, был препровожден под охраной двух вооруженных в Уфу и здесь освобожден впредь до указаний из Москвы». В Уфе он сообщил свое настоящее имя.

Указания из столицы пришли незамедлительно — такую важную птицу поймали! Под усиленным конвоем арестованного С.С. Маслова везут в Москву в ВЧК. Арест нашего земляка вызвал широкий резонанс в Советской России. По этому поводу вологодская губернская газета «Красный Север» поместила статью «Два белых вологодских друга», в которой писала: «... И пришлось блудному сыну явиться в отчий дом. С котомочкой за плечами тайком пробрался он через линию фронта, явился в г. Уфу и покаялся во всех своих прегрешениях, вольных и невольных. Сейчас С.С. Маслов находится в Москве и, вероятно, будет выпущен на свободу ввиду его раскаяния в своих политических грехах и ошибках». Кстати сказать, «вторым другом» был вологодский эсер Питирим Сорокин, который уже раскаялся перед большевиками. Теперь им нужно было публично перетянуть на свою сторону С.С. Маслова.

Маслов в одном из писем так преподносил дальнейшие события: «... Переведен в Москву и едва не умер в тюрьме. Потом после переговоров с Лениным и комиссаром юстиции Курским меня из тюрьмы выпустили. Я остался в Москве. Служил в Управлении Северных железных дорог, в Комиссариате Земледелия и Комиссариате путей сообщения. Имел в это время свой собственный служебный вагон, с ним много кочевал по России» (Цитирую по работе Соколова М. «В Россию — за правдой. Сергей Маслов и его время»). Маслов покаялся и на следствии говорил чекистам, что «пришел к твердому решению уйти от политической борьбы к культурной работе». Московские чекисты в своей резолюции по его делу так и записали: «Выяснилось, что он никакого отношения к правительству Керенского не имел, а в настоящее время политикой не занимается... Принимая во внимание его крайне болезненное состояние... освободить под поручительство».

Однако Сергей Семенович не успокаивался. Наблюдая происходящее в родной державе, он не был согласен с политикой, которую проводили большевики-ленинцы. Работая на должности заведующего инспекторским подотделом лесопромышленного отдела культпромсекции, в декабре 1920 года он создает подпольную ячейку под названием «Крестьянская Россия», состоящую из студентов и преподавателей Тимирязевской сельскохозяйственной академии. Кстати сказать, за месяц до этого Маслова чекисты арестовывали, накрыв одно из ночных собраний на конспиративной квартире, на котором он присутствовал. Тогда они оправдались тем, что собрались старые знакомые по работе в Вологде. После допроса всех освободили, в том числе и С.С. Маслова. Только возникшие подозрения в его неискренности не сняли. Вполне возможно, что владели оперативной информацией. К июлю 1921 года московская группка «Крестьянской России» значительно выросла и создала свои подпольные филиалы в не менее десяти губерниях. Благоприятным фактором для этого послужило то, что в это время в России небывалых масштабов достигло крестьянское движение. Восстаниями были охвачены большие территории и отдельные уезды. Чекисты по любому поводу цепляются за С.С. Маслова. Например, к 5 апреля 1921 года было закончено дело «по обвинению Маслова, члена Учредилки, за хранение звонкой монеты серебра... в сумме 31 р. 10 коп.», которое возбудили против него в Вологде аж в сентябре 1920 года.

Маслов, понимая, что кольцо вокруг него сжимается, решает на эмиграцию. По одним данным, он нелегально перешел польскую границу, по другим — 18 августа 1921 года «выехал из России в Польшу».

В Варшаве С.С. Маслов встречается с видным филологом А.Л. Бемом, который сотрудничал с газетой «За Свободу». Посвящает его в свои планы по созданию крестьянской партии, массовой, с которой можно вести борьбу с большевиками не «на исключительно классовой основе», как это постановили эсеры, а в сотрудничестве с другими партиями, даже несоциалистической направленности, в первую очередь с конституционными демократами (кадетами). Лишь бы было на пользу российскому крестьянину.

Из Варшавы наш земляк едет в Прагу, в Париж. Ведет переговоры с эсерами, Александром Федоровичем Керенским (бывшим председателем Временного правительства). В обмен на помощь А.Ф. Керенский требует раскрыть состав организации С.С. Маслова в России, но не на того напал. Маслов отказал, на что получил отказ в содействии.

Народные социалисты под руководством знакомого нам Н.В. Чайковского тоже отказали С.С. Маслову из-за его отступничества от идеи построения чистого социализма. Поддержка пришла, откуда не ждал: от одного из основателей партии эсеров А.А. Аргунова. Опытный политик хотя и с трудом, но отказался вслед за С.С. Масловым от социалистических догм в пользу «демократической и общенациональной программы». В аграрной России крестьянская партия должна быть.

Поддержал С.С. Маслова и «отец» Кадетской партии профессор Павел Николаевич Милюков, имевший авторитет и самую многотиражную газету русской эмиграции. Более того, П.Н. Милюков поспособствовал встрече нашего земляка с президентом Чехословакии Томашом Масариком. Прием состоялся 20 февраля 1922 года. С.С. Маслов ушел с деньгами на издание сборника «Крестьянская Россия». Вокруг этого печатного издания (денег!) объединилась «вся пражская интеллектуальная элита».

Сам С.С. Маслов печатает статьи «Россия и возрождение крестьянства», «Восходящая сила», где приводит сравнительный анализ аграрных реформ в 19 — 20 годов XX столетия в 13 странах Европы. Надо сказать, что после Первой мировой войны в Европе бурно организуются массовые крестьянские партии, защищающие интересы крестьянства. Относительно России он пишет: «Государственная власть всегда оставалась антикрестьянской и потому в значительной части своей деятельности антигосударственной». Он писал не только о большевиках, но и о царских министрах-капиталистах. Применительно к нашим «лихим девяностым» его вывод звучит очень актуально. На примере малой родины С.С. Маслова, мы видим, как в прах все было раскатано и уничтожено: колхозы-совхозы, птицефабрика, откормочники, животноводство-полеводство, малая переработка, а наши села и хутора брошены на произвол судьбы. И не было силы-партии, которая бы заступилась.

Наш земляк создает фундаментальный труд «Россия после 4-х лет революции».

К книге проявлен повышенный интерес, и в 1923 — 1924 годах ее переводят и издают во Франции, Англии и Чехословакии. Она до сих пор остается одним из лучших источников о переходе от военного коммунизма к НЭПу.

На деятельность С.С. Маслова в эмиграции обращают внимание и советские органы ГПУ, но она их сильно не тревожит. В донесении от 3 августа 1923 года говорится: «Организовалась в Праге с приездом из России Питирима Сорокина группа крестьянского союза. Во главе стоят Маслов, Аргунов и Сорокин, группа очень многочисленная (11-12 членов), политического значения среди эмигрантов не имеет. Маслов и Аргунов ушли от эсеров окончательно, к группе отношение эмиграции симпатичное, их считают людьми порядочными, активности никакой». Однако в декабре этого года «Крестьянская Россия» С.С. Маслова и кадеты П.Н. Милюкова создали Республиканско-Демократический союз. Дела пошли куда более серьезные. Выходит,

чекисты проглядели, недооценили двух белых вологодских друзей, блудных сыновей с котомочками за плечами.

В Праге С.С. Маслов пытается создать Институт крестьянской культуры. Денег чехословацкие власти дали, но на открытие Пражского института изучения России.

В 1924 году Сергей Семенович возглавил в нем отдел сельского хозяйства и кооперации. К земляку потянулось эмигрантское студенчество.

Был в руках С.С. Маслова еще один козырь — конспиративные линии, по которым в Россию доставлялась эмигрантская литература, тайная корреспонденция, переправлялись ходоки, которые возвращались, правда, не все, но с самым ценным — с информацией о положении дел и настроениях в советской России. Этого практически не было ни у П.Н. Милокова, ни у А.Ф. Керенского. Последние за деньги по этим каналам через Польшу, Эстонию, Латвию, китайский Харбин переправляли своих агентов и даже вызволяли родственников А.Ф. Керенского, которые бежали из России.

К концу 1927 года Республиканско-Демократический союз распался из-за разногласий С.С. Маслова и П.Н. Милокова. К этому времени П.Н. Милоков создал из своих сторонников Республиканско-Демократическое объединение, а в декабре 1927 года «Крестьянская Россия» С.С. Маслова, проведя съезд, объявила себя Трудовой крестьянской партией «Крестьянская Россия». Генеральным секретарем избрали С.С. Маслова. Его многолетняя мечта осуществилась. Однако руководство партии было оторвано от России, от своих корней.

Наш земляк всех уверял, что в Советской России существует мощная, разветвленная подпольная сеть партии. Скорее всего, он блефовал. При закрытости страны, тотальном репрессивном аппарате, существовавшем в ней, масштабная нелегальная работа была просто невозможна. По заверению современных историков, небольшие группы еще существовали в Москве, Ленинграде и Киеве в 1928 году.

К этому году ГПУ СССР из партии С.С. Маслова делает страшное для системы пугало, называя ее кулацкой партией, способной совершить государственный переворот и убить товарища Сталина. Дело приближалось к всеобщей коллективизации. Как говорится, не было счастья, да несчастье помогло. В 1930 году С.С. Маслов выпустил книгу «На революционной работе в России». И многие в эмиграции посчитали, что он, мягко говоря, прихвастнул о размахе деятельности партии в СССР, заброске тайных агентов в невероятных количествах. Однако это оказалось на руку Сталину.

В 1930 году в разгар коллективизации в СССР большевики нанесли сокрушительный удар по Трудовой крестьянской партии. Дела фабриковались, как пеклись пирожки, несчастных причисляли к ней тысячами. Сам С.С. Маслов писал, что арестовано 10 тысяч человек за принадлежность к его партии. Когда же арестовали ученых с мировым именем, экономистов-аграрников Н.Д. Кондратьева и А.В. Чайнова, то в сказки С.С. Маслова поверили, и он взлетел на вершину популярности.

В своей работе Т. Е. Кузнецова «Колхозная Россия: Трагическое начало» пишет о том, что по сфабрикованному делу Трудовой Крестьянской партии в нашей Центрально-Черноземной области в 1930 году пошло 799 человек. Из них осудили 647 человек, выделены в особое дело 100 человек. В 1957 году все они были реабилитированы.

К 1931 году С.С. Маслов приходит к выводу о демократической диктатуре переходного периода. После падения большевиков никакой демократии, свободных выборов, а только диктатура. Иначе государство развалится на куски. Как в воду глядел. Однако от диктатора сразу отшатнулась молодежь, позднее — старые политики А.А. Аргунов и А.Л. Бем. Однако С.С. Маслов умел добывать деньги. Например, в Югославии его принимали на министерском уровне. Он привез от короля средства, что позволило с 1933 года издавать политический журнал «Знамя России», отличавшийся серьезными экспертно-аналитическими материалами. За это правительства и платили, в том числе и чехословацкое.

На фоне бурной политической деятельности земляка иначе протекала его личная жизнь. Дети его умерли: дочь — во время гражданской войны, сын, заболев туберкулезом, скончался в Италии. Супруга Екатерина с ним развелась и вышла замуж за художника Константина Попова и уехала к нему в Париж. Маслов всегда жил в пригородах Праги, очень часто менял квартиры, опасаясь покушения, есть данные, что однажды в него стреляли и он чудом уцелел. Он влюбился в художницу Марию Романовну Шпиц, которая имела немецкий паспорт и состояла в его организации, планировал на ней жениться, но невеста при выполнении задания закрутила бурный роман с лидером молодежного крыла партии Егором Малаховым. Направляя нелегально Малахова в СССР, С.С. Маслов просил его передать своей матери в подарок туфли и чулки. Снабдил адресами явочных квартир в Ленинграде, Москве, Архангельске и Вологде. Пятая явка — матери. Доподлинно неизвестно, где она жила в 1930 году. Не в Нижнедевицке ли? Вопрос требует изучения.

В 1934 году С.С. Маслов читал лекции во Львове, где познакомился со студенткой Ией Андрукович из Пинска. Красавица влюбилась в него, и в январе 1935 они повенчались в Праге. У них родились две дочери: Татьяна и Наталья.

После 1932 года, когда в России коллективизацией был сломен хребет индивидуальному крестьянству и его свободной кооперации, С.С. Маслов приходит к выводу, что на подавленного, забитого репрессиями крестьянина опираться невозможно, как невозможно строить структуру партии в СССР. Его взор обращается к военным, которые вышли из крестьян. Он в 1935 году пишет и печатает провокационную по сути статью «В политическом подполье в СССР», рассказывая о тайной организации военных в СССР. Эмигранты возмутились тем, что С.С. Маслов подставляет под репрессии военных, если таковая организация в действительности есть, а если ее нет, то значит С. С. Маслов врет.

В 1937 году наш земляк издает в Праге капитальный труд «Колхозная Россия: История и жизнь колхозов. Значение для сельского хозяйства, крестьянства, государства. Природа, эволюция и будущее». По ней о нем судят и как о блестящем ученом. А вот политическая карьера шла на закат. После революции прошло 20 лет, многое поменялось не только в России, но и в Европе, где зародилось страшное революционное зло.

С 1935 года С.С. Маслов становится на антигитлеровскую, оборонческую позицию. А ведь были среди эмигрантов и «пораженцы», которые желали СССР поражения в войне. Наш земляк встал на защиту Родины, несмотря на большие разногласия его убеждений и строя, существовавшего в СССР.

Весной 1939 года немцы оккупировали Чехословакию. Прекратилось издание журнала «Знамя России», С.С. Маслов добровольно распустил свою партию. По другим данным, к этому его принудили немцы. Есть косвенные факты о попытке С.С. Маслова установить контакты с работниками советской дипмиссии. На сотрудничество с фашистами он не идет.

В ночь на 22 июня 1941 года гестаповцы в Праге арестовали около 300 русских эмигрантов и посадили во дворец Пачека, где размещалось гестапо. О том, какой это был день, известно каждому школьнику.

Только через три месяца С.С. Маслов вернулся. Жил под домашним арестом, не имел права покидать Прагу более чем на 24 часа, на него распространялся запрет на профессию. Он был обязан каждую неделю ходить и отмечаться в гестапо. В 1943 — 1944 годах он пытается давать частные уроки русского языка, чтобы заработать на кусок хлеба. Кстати, русский учили дети состоятельных чехов.

После того, как в 1944 году союзники открыли «второй фронт», С.С. Маслова и его жену Ию арестовывают. Через полгода Ию выпускают, а С.С. Маслова перевезли в концлагерь Терезин. Здесь он заболел тифом, 8 мая 1945 года был вызволен на свободу и добирался домой, к семье. 12 мая 1945 года в поле его подобрала советские

солдаты. Увидели: лежит больной человек, который заговорил по-русски, назвал адрес. Его привезли домой, в Прагу, где он пробыл всего два дня. Лежал в постели в полубредовом состоянии. Приехали представители СМЕРШа, сделали обыск, на руках вынесли больного С.С. Маслова, посадили в «Виллис» и увезли. Больше его никто не видел.

В свое время С.С. Маслов считал, «что только частная собственность и крепкие фермеры, объединенные кооперацией, могут стать основой крестьянского строя новой России». Что мы имеем? На родине С.С. Маслова считанные единицы фермеров и некоторые хозяйства, благодаря стойкости их руководителей (их имена у всех на слуху), еще пытаются сопротивляться надвигающейся глобализации. В то же время Россия по-прежнему кормится с чужих рук: посмотрите на любые продуктовые прилавки. На политическую партию окончательно поизредевших крестьян в наше время рассчитывать не приходится. Была когда-то Аграрная партия России, да благополучно сгинула. А новоявленные хозяева земли не допускают даже мысли о крестьянском профсоюзе, не говоря уже о самостоятельной партии.

В Финляндии 60 процентов крестьян состоят в кооперативах, все цветоводы Голландии, виноделы Италии объединились в кооперативы. Поэтому деньги за их продукцию достаются им, а не алчным перекупщикам, коих в нашем Отечестве тьма. Европа воплощает в жизнь идеи кооперации.

Остается сказать о том, что в 2007 году в российском издательстве «Наука» переиздана книга С.С. Маслова под названием «Колхозная Россия: История и жизнь колхозов». Научным миром наш земляк не забыт. А его «вологодский друг» Питирим Сорокин вошел в десятку крупнейших ученых-социологов мира. Правда, живя в США, на далекой чужбине.

Екатерина Серафимовна Казбанова родилась в селе Должик Острогожского района Воронежской области. Окончила Россошанское педагогическое училище Воронежской области и факультет русского языка и литературы Мичуринского государственного педагогического института. Более 17 лет работала главным редактором нижедевицкой районной газеты «Ленинский завет». Член Союза журналистов России. Живет в селе Нижнедевицк Воронежской области.

Екатерина Казбанова

КРЕСТЬЯНСКИЙ СЫН

(Герой Труда председатель колхоза
Тихон Меркулов)

Как-то утром в середине декабря 1973 года в доме Меркуловых раздался резкий продолжительный телефонный звонок. Хозяин снял трубку. Звонил председатель облизполкома Николай Александрович Евсигнеев, сообщил о присвоении Тихону Михайловичу Меркулову звания Героя Социалистического Труда, тепло поздравил.

— Ко всему я был готов, но такого не ожидал, — рассказывал тогда Тихон Михайлович. — Я на некоторое время оторопел. Потом чувство скованности перешло в радость. А радость сменилась сознанием огромной ответственности перед коллективом колхоза, какой я еще ни разу не ощущал...

Как человек скромный, председатель першинского колхоза «Родина» никогда не любил говорить о себе. И работал, конечно, не ради звания. Он тогда честно признался, что успехи колхоза, которым руководил, нисколько не ставит себе в заслугу.

— Принципы коллективного и коллегиального руководства хозяйством у нас возведены в высокую степень. Поэтому орден Ленина и Золотая медаль Героя труда — наша общая заслуга, большая трудовая победа всего коллектива колхоза, — говорил Тихон Михайлович, отвечая на вопросы журналиста районной газеты.

С этим, конечно, нельзя было не согласиться, тем более что одновременно еще 12 членов нижедевицкого колхоза «Родина» были награждены орденами и медалями. И почему-то из множества руководителей высокой чести удостоили Меркулова. Этим же указом звание Героя Социалистического Труда присвоили также первому секретарю райкома партии Виктору Семеновичу Сяглову.

Звезды и другие награды «посыпались» на людей не случайно. Район имел стабильно высокие показатели по всем направлениям хозяйственной деятельности. А за плечами Тихона Михайловича к тому времени было 17 лет работы в должности председателя и 46 лет жизни. В прошлом остались школа-семилетка, работа в вязноватовском колхозе, служба в армии. Затем опять работа — в Нижнедевицком райкоме партии и одновременно учеба, сначала в вечерней школе, а позже — в сельхозтехникуме.

Что бы ни делал Тихон Михайлович, перед ним всегда был прекрасный пример — отец, Михаил Тихонович, богатой души человек. Родился он в бедной крестьянской семье, все его образование 4 класса. История Вязноватовки и района — его биография. Коллективное хозяйство создавал, в райземотделе, в райпо работал. Но главным делом его жизни был колхоз, «Победа Октября» назывался. Те из вязноватовцев, кто знал его, вспоминали, как затемно приходили они на работу, а председатель уже ждал их в поле или на ферме, в зависимости от необходимости. Как, сняв сапоги и перекинув их на палке через плечо, шел на пахоту, на уборку. Обходясь без транспорта, он все равно вовремя появлялся там, где больше всего был нужен.

Такую преданность делу впитал от отца и Тихон Михайлович. Когда в 1957 году принял колхоз, он, по примеру отца, вникал в каждую мелочь, терпеливо направлял сознание колхозников в нужное русло. Трудно ли было? Он никому не жаловался. Жена Татьяна Яковлевна о первых годах его работы в должности председателя рассказывала, что всегда уставший, переживающий за малейшие неурядицы, муж не спал ночами. Жили в Нижнедевицке, так он обычно верхом на лошади приезжал поздно, а ранним утром отправлялся обратно в колхоз. Главной его заботой тогда было убедить людей в том, что они — хозяева на своей земле, в своем хозяйстве, что если все вместе они начнут делать общее дело, все изменится к лучшему. Убеждать было очень трудно.

Летом в селе пыль, осенью и весной по колено грязи, хаты под соломенными крышами, всюду ручной труд. Отсюда и низкая дисциплина. А тут пришел молодой человек, 30 лет, говорит тихим голосом, не ругается. Что с него возьмешь?

Оказалось, не все так просто. Голос у молодого председателя был тихий, но дважды повторять он не любил. К пожилым прислушивался. Но иной раз и пожилому становилось неудобно, когда он на глазах у него, не выполнившего задание, спокойным голосом просил молодого парня сделать то, что нужно.

Провинившийся, бывало, и злился, но в другой раз не решался работать спустя рукава: как-никак день пропал, не оплатили, да и не хочется быть на плохом счету. Зато как награда звучали слова Тихона Михайловича: «Вот вчера Василий Иванович, посмотрите, здорово постарался...»

Как в школе, да? Тем не менее прислушивались люди к нему. Тихона Михайловича и правда трудно было представить типичным руководителем колхоза. Внешне он напоминал школьного учителя.

К детям и молодежи Тихон Михайлович относился по-особенному. Как свои дети росли, не видел. Уезжал — еще спали, возвращался — уже спали. На родительские собрания ходила жена. Она же и все проблемы детские старалась сама решать.

Но в Першино председатель знал, кто залез через забор в мастерскую и стащил детали от разобранного трактора на игрушки, кто страдает от пьяного отца, кто хватает «единицы» в школе.

Тихон Михайлович с каждым в селе здоровался, в том числе и с детьми, разговаривал с ними об их детских проблемах.

Герой Социалистического Труда Тихон Меркулов

...Со временем результаты пришли. Давайте сравним: в 1957 — 1960 годах в селе было всего два специалиста с дипломами — агроном и зоотехник. К 1974 году здесь работали уже 48 дипломированных специалистов, своих, першинских. Их направлял на учебу колхоз, платил им стипендии.

Эта традиция продолжалась и после, до 1983 года, пока Тихон Михайлович трудился в этом хозяйстве. Першино было кузницей кадров для района и областей, нашей и соседних — Курской и Белгородской.

По инициативе председателя устраивались торжественные проводы в армию, регистрации браков, крестины. Для каждого Тихон Михайлович находил самые нужные слова, которые долго помнились и помогали в жизни.

В числе первых объектов, которые начали строить в селе, был сначала свой кирпичный завод в 1958 году. Затем появились баня, детсад, школа, пруд, танцплощадка, дом для учителей, Дом культуры, медпункт, центральная котельная, правление колхоза и т.д. Причем строительная бригада в колхозе была своя. Она работала и в других селах. Строилась асфальтированная дорога. Сначала от райцентра, затем по селу.

Меркулов учил односельчан уважать и помнить свое прошлое. И потому интересовался, как идет создание музея, позаботился о строительстве памятника погибшим в годы Великой Отечественной войны.

Першинская молодежь всегда была уверена в будущем. Эту уверенность юношам и девушкам вселяли в школе, колхозе.

Здесь построили стадион, создали спортивную команду, приобрели форму. За учрежденный колхозом приз в честь першинцев, погибших в годы Великой Отечественной войны, боролись и до сих пор борются футболисты всего района.

В 1968 году в Першино жили почти 2900 человек, в средней и трех начальных школах училось 709 детей. И уже к тому времени были построены все вышеназванные объекты плюс 7, 5 километра водопровода.

Приток молодежи в хозяйство навел председателя на мысль готовить к труду детей в школе. За школой закрепили 23 гектара земли и технику. И не кое-какую, а самую настоящую, для дела.

В 1977 году ученическая производственная бригада имела на вооружении 2 тяжелых трактора (один — новый), 2 колесных, другую необходимую технику, включая кукурузоуборочный комбайн, инвентарь — всего 18 единиц. И дети, соревнуясь

со своими родителями, собрали с гектара: по 120 центнеров картофеля, 352 центнера сахарной свеклы, 32 центнера зерновых.

За эту заботу о детях Тихону Михайловичу в разное время были вручены знаки «Отличник народного просвещения», «Наставник молодежи».

В лучшие годы першинские колхозники выращивали высокие урожаи зерновых и технических культур, получали высокие надои молока. Свинокомплекс позволил на промышленной основе получать больше мяса.

На всех уровнях Тихон Михайлович не устал повторять добрые слова о людях, которые работали рядом с ним. На различного рода совещаниях, слетах, встречах назывались имена першинских передовиков. Но Меркулов видел их в повседневной нелегкой жизни, он любил этих людей, так же, как и они его.

Андрей Пантелеевич Холостых, Степан Никифорович Селютин, Анна Егоровна Малыхина, Анатолий Михайлович Суховерков, Ольга Фроловна Селютина, Иван Михайлович и Алексей Андреевич Баркаловы, Михаил Егорович Шукин, Афанасий Филиппович и Кирилл Филиппович Шеины и многие-многие другие внесли большой вклад в экономику хозяйства. К наградам председателя (а у него были еще и второй орден Ленина, орден Трудового Красного Знамени и медали) по праву прибавлялись и награды колхозников за их неустанный крестьянский труд.

Успеху способствовало и то, что с первых лет работы Тихон Михайлович начал внедрять новые формы оплаты труда. Колхоз «Родина» одним из первых в области поставил оплату в зависимость от конечных результатов.

Ночами сидел над разработками председатель. Со всех концов приезжали в Першино за опытом, изучали его и областные специалисты.

— Диссертацию можно защитить, — говорили Тихону Михайловичу.

— Другие защитят, — отшучивался он и опять окунался в повседневные сельские заботы.

Не все удавалось. Не смогли освоить построенный на базе колхоза по инициативе области молочный комплекс — не прижились разработки городских ученых на селе. И до последних дней переживал Тихон Михайлович за то, что в свое время не проявил настойчивости и не отказался от этого строительства.

В 1993 году Тихона Михайловича Меркулова не стало. Нет в живых и Татьяны Яковлевны. Сын, Александр Тихонович, трудится в одной из воронежских больниц, но родительский дом в Нижнедевицке не оставляет. Дочь, Ольга Тихоновна, в Москве.

В Першино помнят люди о Герое Социалистического Труда. Его именем названа улица. О нем напоминает мемориальная табличка на здании сельской администрации. А першинская футбольная команда ежегодно проводит турниры его имени. Потому что крестьянский сын Тихон Михайлович Меркулов, как и его отец, тоже сделал свое главное дело на земле. Он в свое время возродил Першино, и лучшие страницы истории старинного русского села связаны с именем этого человека.

Инна Марунчак

КУПЦЫ ИЗ РОССИЙСКОЙ ГЛУБИНКИ

(История купеческого рода в истории края)

Рассказывая об истории Нижнедевицка, нельзя не вспомнить о купцах Сидоровых. Они оставили неизгладимый след в становлении и развитии Нижнедевицкого уезда. Сидоровы ежегодно вкладывали большие суммы денег в здравоохранение, образование, в социальную сферу. С их помощью в Нижнедевицке появилось электричество, были проложены водопровод, каменная дорога на станцию Нижнедевицк.

Для немощных стариков к Пасхе, Рождеству, Троице купцы Сидоровы грузили на подводы продукты и рано-рано утром развозили их по Нижнедевицку так, чтобы никто не увидел. Выйдет одинокая старушка во двор, а там стоит куль с мукой, рыбой, мясом. Называлось это тайным подаванием. Поощряли купцы и своих служивых людей. Дарили им подарки, шерстяные отрезы.

Двое братьев Сидоровых содержали богадельню. До революции она стояла на месте нынешнего маслозавода. Попасть в нее считалось великой честью, так как там были исключительная чистота, порядок, хорошее питание. В ней всегда дежурила медсестра.

Отца братьев Сидоровых звали Илья Иольевич. Родом он был из села Камышино (теперь Волгоградская область). По приезду в Нижнедевицк семья имела незначительный бюджет и жила в маленьком домике. Однако уже через несколько лет, благодаря упорному труду, любви и уважению к людям, к зем-

ле, капитал семьи значительно вырос. У Ильи Иольевича было пятеро сыновей: Дмитрий, Сергей, Иван, Федор и Николай. Перед смертью отец разделил все свои деньги между детьми, чтобы у них были средства для приобретения имущества.

Три брата — Дмитрий, Сергей и Иван — поняли, что сильны они будут в том случае, если объединятся. Так они и сделали. Создали общее дело — «Торговый дом братьев Сидоровых». Его возглавил самый младший из братьев Иван Ильич.

Николай и Федор не согласились войти в общее дело, жили беднее своих братьев и были как бы отделены от них. Встречались все пятеро братьев лишь по праздникам.

Кстати, праздники отмечались в домах купцов пышно. В эти дни выставлялся богато сервированный раскладной стол. На нем было множество закусок. Интересно, что эти столы напоминают современные шведские, потому

Сергей Ильич Сидоров

Елена Николаевна Сидорова

что раньше, как и сейчас, люди не садились за него, а подходили и стоя пили и ели. Из спиртного бывали напитки: самый дорогой по тем временам коньяк Шустова, водка «Перцовая», вино «Портвейн». Также на столе были блюда и спиртные напитки, привезенные из-за границы. Ведь купцы вели торговлю не только на территории России, они бывали со своими товарами в странах Западной Европы. Оттуда Сидоровы привозили необычные для российской глубинки предметы домашнего обихода.

Несмотря на то, что купцы были постоянно в разъездах, не сидели на месте, в домах царил полный порядок. Никто не должен был нарушать установившегося купеческого уклада. Завтракали в 8 — 9 часов. На завтрак были яйца, окорок, чай с молоком. Обед — в 14 часов. Подавали щи с мясом, битки, котлеты, салаты. В 18 часов начинался ужин. Как правило, подавали то, что оставалось от обеда. Также могли быть жареная телятина, чай, какао.

После обеда маленькие дети постигали науку. Так, в доме Дмитрия Ильича жила бонна (ученая нянька) Наталья Ивановна. К пяти годам дети уже могли читать, играть на фортепьяно, им прививали хорошие манеры. Детей приучали и к труду. Бонна учила их вязать чулки, носки, кружева, вышивать.

Подростков детей отправляли в училище или гимназию.

Летом, когда все дети купцов Сидоровых съезжались на каникулы, они любили собираться в солярии Ивана Ильича на пруду возле купальни и играть в карты, «в дурачка» на очищенные семечки.

Развлечением для родителей был клуб. В этом клубе братья Сидоровы играли в преферанс. Их дома находились в каких-то ста метрах от клуба. Но они ездили сюда на пролетках.

После революции членов семьи братьев Сидоровых раскидало по России. Так, впоследствии кто-то из них жил в Воронеже, в Москве, а кого-то забросило в Пятигорск, один из братьев попал

даже в Турцию, затем в Югославию, где и умер.

Самым старшим из братьев Сидоровых был Дмитрий Ильич. Он носил пышную бороду и усы, ходил в рубашке-косоворотке, пиджаке. И в отличие от братьев надевал поддевку. Его жена Евдокия Андреевна (урожденная Овчарова) была простой женщиной. Она не гонялась за модой, как это делали Елена Николаевна и Прасковья Петровна — жены других братьев. Но она обладала большой и доброй душой.

У Евдокии Андреевны и Дмитрия Ильича было трое детей: Тамара, Женя и Володя. В доме Дмитрия Ильича жила француженка-гувернантка, которая прививала детям хорошие манеры, учила читать, рисовать, играть на музыкальных инструментах. Обедали дети за специальным столиком с детскими стульчиками. Сами накрывали на стол, сами мыли посуду после еды. День шел по строгому распорядку: поднимались, умывалось, затем было богослужение, потом занятия. Детей приучали к усидчивости.

Порядок был не только в доме, но и во всем хозяйстве Дмитрия Ильича. Тем, кто ездил на станцию Нижнедевицк за товаром для купца, утром давали чай с булками. А к их возвращению щедро накрывали стол. Еды было много, но спиртное не ставили.

Дмитрий Ильич содержал богадельню.

Купец Сидоров по натуре был добрым, нежадным. Свою прислугу, в число которой входили бывшая монашка Наталья Ивановна, кухарка Степанида, приказчик, одаривал щедрыми подарками. Относился Дмитрий Ильич к ним внимательно, и потому местом в его доме очень дорожили.

По рассказам близких, Дмитрий Ильич был шумоватый. Чуть что, кричит: «Куда ты едешь, раззява!» Но шумел он беззлобно, никто его всерьез не воспринимал. Однако зять Дмитрия Ильича опровергает доброту и щедрость тестя. Зять постоянно приходил в дом Сергея Ильича и жаловался на то, что Дмитрий Ильич его «точит», утверждал, что тот

очень скуп. Ведь у тестя было девятьсот тысяч рублей капитала, а детей у него было меньше, чем у братьев.

Да, о его скупости говорит и обстановка в доме. Если остальные братья старались за границей достать необходимые вещи, украсить интерьер, то Дмитрий Ильич имел довольно скромную обстановку в доме. Стены белены. Из мебели были простые скамейки. Зал представлял собой простую комнату, где стояли диван со стульями у стен.

Сам дом находился на углу Коровьего спуска (ныне улица Долгова). Сейчас на этом месте пустырь. В доме было два этажа. На первом находился магазин Дмитрия Ильича, на втором — жилые помещения.

Когда к власти пришли большевики, они заняли дом Дмитрия Ильича. В 1919 году сам хозяин был расстрелян.

Сергей Ильич родился в 1859 году и был средним сыном Ильи Иольевича Сидорова. После смерти отца на оставленные им деньги занялся торговлей. И уже к тридцати годам стал богатым купцом с множеством лавок и поместий, которые приносили большой доход. Так, например, на одном из хуторов Сергея Ильича Дубратном, что находился за селом Першино, были специально построены дома, где жили крестьяне, ухаживавшие за свиньями. Мясо этих свиней было предназначено только для московских магазинов.

Всего этого Сергей Ильич добился благодаря трудолюбию, благодаря тому, что серьезно относился к делам.

А серьезен он был во всем.

Сергей Ильич был высокого роста, худощавый и представительный шатен. Всегда ходил в крахмальных рубашках, носил галстук или бабочку. Черные костюмы надевал редко, по праздникам. А в будни носил серый костюм.

Говорят, что причиной серьезности Сергея Ильича было его больное сердце. Лечился он в Москве, в частной клинике на Неглинке, 38. Сергей Ильич не любил шумные сборища, гостей. И сам в гости ездил редко. Однако очень любил музыку. Одними из его любимых

Александра Сидорова

Варвара Сидорова

произведений были песня «То не ветер ветку клонит» и ария Сусанина из оперы М.И. Глинки «Жизнь за царя». Любовь к музыке он прививал и своим детям. Одна из дочерей, Варенька, закончила музыкальное училище.

Женился Сергей Ильич, когда ему было 34 года, а жене Елене Николаевне — 17 лет. Она была великолепной женщиной. Многие завидовали ее красоте, грации, изысканным манерам, умению модно одеваться. Даже один из братьев Сергея Ильича был влюблен в нее. Однако сам Сергей Ильич недооценивал жену. У Прасковьи, жены Ивана Ильича, было красивое каракулево пальто — предмет женской зависти. На просьбу Елены Николаевны купить ей каракуль Сергей Ильич ответил:

— У них-то четверо детей, а у нас с тобой шестеро.

Но дело было не в детях.

Их у Сергея Ильича и Елены Николаевны было действительно шестеро: Маруся, Зоя, Варя, Витя, Александра и Володя, еще двое умерли совсем маленькими. Все они с ранних лет умели шить, вязать, белить, красить, одним словом, к труду были приучены.

А еще с детства их приучали уважать старших. В доме Сергея Ильича в ходу была поговорка:

— Не хлопай дверью, тебе в нее входить! Не бей дверь!

А когда на пороге появлялись отец или мать, дети говорили:

— Тихо, папенька пришел!

— Тихо, маменька пришла!

За детские проступки и шалости в доме Сергея Ильича наказывали особым образом: давали провинившимся наседок и говорили:

— Будете весь день кормить их и смотреть, чтобы коршун не утащил цыплят.

Детям, конечно же, было скучно целыми днями ходить за курами.

Также обязанностью детей было работать в саду. Сергей Ильич имел замечательный сад на улице Чибисовка. Там текла речка, а вокруг чибисы чвикали, отсюда и появилось название. Сад был

богатый. В нем росло множество фруктовых деревьев и кустарников. И поэтому Сергею Ильичу не приходилось покупать фрукты у здешних крестьян. В саду стоял дом. В нем жил садовник со своей женой.

Хозяйство у Сергея Ильича было большое. Имел он свою мельницу-вальцовку, крупорушку, маслобойку.

Человека, который проводил в дом электричество, звали Александром Федоровичем Богдановым. Он предложил купцу Сидорову сделать инкубатор. Положили туда 60 яиц. И через какое-то время вывелись крупные цыплята.

Дом Сергея Ильича — нынешняя гостиница.

По сравнению с мебелью в доме старшего брата обстановка в доме Сергея Ильича была намного богаче.

Мягкая мебель — в основном из кожи и бархата. На стенах зала и гостиной наклеены обои с золотыми и серебряными рисунками. В спальнях и других комнатах стены были покрыты масляной краской, поверх которой нанесены рисунки. На стенах висели картины, привезенные Сергеем Ильичом с Нижегородской ярмарки. На окнах — доро-

гие шторы и портьеры. На потолке — хрустальные люстры.

В доме любили комнатные растения, и поэтому здесь была пихта, фикус, росла царская лилия, тончайший аромат которой распространялся по всему дому.

В доме Сергея Ильича Сидорова имелись и диковинные вещи. Это фотоаппарат «Кодак», которым дочь Маша снимала близких, и холодильник, привезенный из Варшавы. Холодильник был в форме стола. Сверху открывалась крышка, и в холодильник закладывался лед. А спереди открывались две дверцы в камеры, куда укладывались продукты.

Второй дом Сергея Ильича находился на месте нынешнего центра занятости населения. Он сдавал его в аренду. Но этот дом сгорел в 1912 году. Очевидцы рассказывали, что пожар продолжался две недели. А случился он из-за оставленного прислугой примуса. К счастью, дом был застрахован, и семья получила страховку.

В 1915 году Сергей Ильич умер. Его дочь Зоя Сергеевна — единственный ребенок из семейства Сидоровых, которая общалась с Нижнедевицком до 1992 го-

Мельница купцов Сидоровых в Нижнедевицке. 1920-е годы

да. Благодаря ей в Нижнедевицком краеведческом музее находится богатейший материал о ее родственниках.

Иван Ильич — самый младший и самый богатый из братьев Сидоровых. Его капитал составлял миллион рублей.

Иван Ильич был купцом первой гильдии. Но это никак не повлияло на его моральные качества. Он был всегда веселым и жизнерадостным. Даже внешне Иван Ильич отличался от братьев: самый маленький и самый круглый. Остальные братья были значительно выше его. Одевался он строго, без франтовства, без роскоши. Летом ходил в чесучовом светлом пиджаке, носил крахмальные рубашки.

Одним из уникальных качеств Ивана Ильича было то, что он умел заговаривать болезни. Близким давал заговор. Вот слова из него: «Месяц ты, месяц, ходишь ты по небу высоко, смотришь далеко»...

Чаще всего приходили к Ивану Ильичу с зубной и головной болью, были также случаи сибирской язвы. Кроме молитвы и заговоров, в лечении «участвовал» мутно-прозрачный камешек. Иван Ильич водил им по больному месту и пришептывал молитву. Помогало! Несмотря на социальное положение, постоянную занятость, Иван Ильич старался никому не отказывать в лечении. Все, кто приходил за помощью, получали ее.

О силе воздействия Ивана Ильича говорит такой случай. Однажды вечером за ужином Зоя, дочь Сергея Ильича, подавилась косточкой цыпленка. Мать сразу послала горничную сказать Ивану Ильичу о случившемся. Горничная пошла и тут же вернулась. Только ступила на порог, как кость легко выскочила, хотя до этого ничего не получалось, как ни старались.

Дом, где жил Иван Ильич со своей семьей, стоит по сей день на улице Братской. В нем долгие годы размещались райком партии, другие организации. Теперь там находятся детская библиотека и прокуратура. Построен он был воронежскими строителями по проекту английского архитектора. Это было са-

мое красивое здание Нижнедевицка, таковым оно осталось и по сей день.

Так как Иван Ильич был самым богатым из братьев, то соответственно и дом его отличался особо пышной обстановкой. Мебель была шикарная. Диван, стулья, кресла обиты шелком и бархатом. Серванты, стены, шифоньеры, кровати были из красного дерева. Стены во всем доме оклеены обоями. На полу — паркет. Для его сохранения подкладывали плотную цветную клеенку, нечто вроде современного линолеума. На окнах висели плюшевые шторы.

Но особую ценность в доме представлял собой граммофон. Это была тумбочка с углублением тоже под красное дерево. Граммофон был современный, так как не было трубы.

Достопримечательностью дома можно считать и столик для курильщиков, который стоял в кабинете, это при том, что сам Иван Ильич не курил. Зато его жена, Прасковья Петровна, курила и частенько пользовалась этим столиком, отделан он был мрамором и бронзой.

Всего в доме было 15 комнат. Для такого огромного дома требовалось много слуг, это: горничные («светлая», «темная»), кухарки, дворники, садовник, приказчики. Последние всегда одевались очень тщательно, со вкусом, по моде — ведь всегда на людях были.

Во дворе был фонтан.

Но самым любимым местом Ивана Ильича был его огромный сад. Он содержался в образцовом порядке и служил не для выращивания фруктов, а для выращивания белой и желтой сирени, жасмина, акаций, огромного количества роз, орхидей, лилий и нарциссов...

Кроме цветов, у Ивана Ильича было еще одно пристрастие — любовь к детям. Все дети купцов Сидоровых отвечали ему взаимностью.

Для них в своем саду Иван Ильич сделал беседку, купальню возле пруда и качели.

В 1919 году Иван Ильич уехал в Турцию, а оттуда в Югославию. Умер он в 1920 году. Похоронен в Загребе.

Татьяна Разгоняева

ТИПОГРАФСКИХ ДЕЛ МАСТЕРА

(Потомственная профессия Кохановских)

Однажды теплым июньским утром порог Нижнедевицкого историко-краеведческого музея перешагнул немолодой уже человек интеллигентного вида. Одет он был в парадный костюм. Грудь его украшали ордена и медали. Улыбаясь, он представился: «Кохановский».

Так началось наше знакомство с этим необыкновенным, удивительным человеком. Рядом с ним находилась невысокого роста женщина приятной внешности. Это была его сестра — Клавдия Владимировна.

Василий Владимирович Кохановский — потомственный полиграфист, мастер-переплетчик, продолжатель семейной династии, житель г. Воронежа, известный не только в своем городе, но и за его пределами. А родился он 25 октября 1924 года в уездном городе Нижнедевицке в семье полиграфиста.

Дед Владимира Васильевича, Карл Иосифович Кохановский, родился в Польше, в г. Кракове. Он был выходцем из мещан. В 1879 году молодым еще человеком был принят на военную службу и прибыл в г. Воронеж. Отсюда его направили в г. Землянк в конвойную команду. Спустя несколько лет из-за серьезной болезни он вынужден был подать в отставку и перейти на работу в каче-

стве казначея при банке. Умер он в 1920 году. Вдова, Мария Васильевна, осталась с двумя сыновьями и двумя дочерьми, впрочем, уже взрослыми.

Старший сын Владимир родился в 1886 году. В возрасте пятнадцати лет отец отдает его воронежскому мастеру Василию Алексеевичу Колтакову (его заведение располагалось в одном из домиков на углу Нееловской и Мясницкой) для прохождения полного курса обучения переплетному мастерству, которому обучался пять лет. По окончании учебы в 1906 году при помощи родителей он обосновывается в Острогожске и организывает собственную переплетную мастерскую, с которой началась вся его полиграфическая деятельность. На губернских конкурсах он завоевывает несколько престижных почетных дипломов. Трижды его переплетные работы на международных выставках в Москве, Лейпциге и т. д. отмечались наградами: двумя серебряными и бронзовой медалями. В Острогожске он знакомится с Ириной Григорьевной Бакаловой, и они венчаются.

В 1908 году Владимир Карлович переезжает в Нижнедевицк, где с местным крестьянином Петром Дмитриевичем Горovenko открывает типографию. По другим данным, типографию открыли в

1909 году в арендованном у С.П. Масло-ва помещении.

В 1912 году Владимир Карлович представляет за собою всю типографию и переплетную мастерскую со всеми к ним машинами и другими инструментами, за исключением резальной машины с рычагом, которая должна поступить в пользу П.Д. Горovenко, и становится единственным и полным хозяином типографии. Кроме того, Владимир Карлович выплачивает Петру Дмитриевичу «наличными деньгами двести пятьдесят рублей и векселей на сумму тысяча двести пятьдесят рублей».

В построенной Кохановским в 1913 году типографии и жилом доме изготавливались плакаты, афиши, ведомости, различного типа бланки, а главное «Журнал Нижнедевицкого уездного Земского Собрания». Ранее его ежегодно заказывали в Воронеже и в Харькове.

В 1918 году первая уездная газета «Известия Нижнедевицкого уездного исполкома Совета рабочих и крестьянских депутатов» с 22 сентября также печаталась в типографии Кохановского. С января 1920 года он печатал уездную газету «Крестьянский пахарь», с 28 октября — «Известия Нижнедевицкого укома ВКП(б)», а с декабря 1922 года уездную газету «Вольный пахарь». Последняя выходила раз в неделю, на четырех страницах, тиражом 200-300 экземпляров. Платили Кохановскому за услугу четыре пуда ржи за каждый отпечатанный выпуск.

Алексей Дмитриевич Титов, бывший заведующий типографией, вспоминал: «В 14 лет я стал работать в типографии Коханавского. Кого зря туда не брали — хозяин боялся, чтобы не разворовали шрифт. А я был старательный, аккуратный: мусор с пола просеивал, чтобы не вымести с ним какую-либо букву шрифта. Владимир Карлович поощрял за это. Бывало, даст пятак: «Возьми, Алеша!». А на пятак тогда горсть конфет купить можно было...»

С 1908 года по 1927 год в Нижнедевицке постепенно возникла большая семья Кохановских — восемь детей: Евдо-

кия, Евгений, Иван, Михаил, Татьяна, Клавдия, Василий, Николай. Кроме того, еще двое умерли в младенчестве.

Евдокия, Евгений, Иван хорошо овладели полиграфическим мастерством и помогли отцу успешно вести производство в своей типографии. В 1923 году типографию сделали государственной, но Кохановские продолжали в ней работать.

Из воспоминаний А.Д. Титова следует, что «в 1927 году Кохановский сдает государству свою типографию, дом и переезжает в Воронеж» (по другим данным, сдав типографию, в Воронеж они уехали летом 1925 года).

В этот период старшей из детей, Евдокии, было 19 лет, а младшему их Кохановских — год. По приезде в Воронеж Владимир Карлович купил дом, в котором жила семья и находилась переплетная мастерская. По настоящее время в местных общественных библиотеках и в личных собраниях попадаются экземпляры с фиолетовым штемпелем В.К. Кохановского на заднем форзаце. Переплеты были простенькие, но добротные. Они защищали книгу от грубого обращения с ней читателей.

Несмотря на сильный голод в 1932 — 1933 годах, семья работала в мастерской и выжила. Обошли ее стороной и репрессии 1937 года. Шло время, дети выросли, уже появились внуки, но все по-прежнему работали в мастерской вместе с отцом. Переплетная мастерская успешно работала, несмотря на большие налоги.

В первые месяцы Великой Отечественной войны Иван, Михаил, Василий ушли на фронт. Семья Кохановских не успела эвакуироваться, когда гитлеровцы заняли Воронеж, поэтому они возвращаются в Нижнедевицк. В этот период на обрушивается череда несчастий. 31 августа 1942 года Ирина Григорьевна в возрасте 57 лет умирает от столбняка. В 1943 году Иван и Михаил погибают на фронте. В 1943 году умирает Николай. В 1944 году умирает Евгений. За два года семья уменьшилась на пять человек!

Владимира Карловича немцы упорно пытались склонить к сотрудничеству как профессионального полиграфиста. Видимо, хотели издавать на оккупированной территории районную газету, как, например, в Острогжске. Однако, встретив глухое сопротивление, оставили его в покое.

В 1943 году Владимир Карлович Кохановский возвращается в разоренный Воронеж, занимается кустарным делом, переплетая бухгалтерские счета и ведомственные отчеты. Многие ценные библиофильские коллекции сгорели в пламени военных пожаров. Всего Кохановский прожил 80 лет. Умер в больнице 19 мая 1967 года. Последние десять лет жизни до самой кончины работал переплетчиком в институте.

Единственным продолжателем дела отца остался Василий. Переплетное искусство он стал постигать с восьми лет в домашней мастерской. После окончания средней школы сразу попал на фронт в составе 233-го полка НКВД. Сначала защищал от немцев Воронеж, а затем его и освобождал.

После окончания войны пошел по проторенной дорожке. Работать устроился, разумеется, в типографию. Поначалу на завод имени Сталина (теперь это Воронежский механический завод). Затем его пригласили в типографию издательства «Коммуна».

Свое мастерство он подтверждал не раз. В конце пятидесятых Василий Владимирович сделал переплет для книги воронежского писателя Владимира Кораблинова «Олень — золотые рога». Эта книга участвовала во всероссийском конкурсе и была признана одной из двух лучших работ в Российской Федерации.

Василий Владимирович вспоминает, что создавать чудо-обложку пришлось из самых простых и дешевых материалов — других в воронежской типографии просто не было.

Довелось мастеру-переплетчику поработать и на оборонную промышленность. Специальность для этого менять не пришлось. 11 марта 1961 года его пригласили на работу на строго засекреченное предприятие — «почтовый ящик № 20» (ныне это всемирно известное Конструкторское бюро химической автоматики). Предприятие его заворожило поставленными задачами. Более полугода шаг за шагом изучал, наблюдал и понимал, с какими трудностями ему придется столкнуться. Технологи-

Полиграфист
Владимир Карлович Кохановский

Владимир Карлович и Ирина
Григорьевна Кохановских

Стенд Кохановских
в районном музее

гическая документация, отчеты разных уровней, документация главнейших разработок, связанных с космосом — все это необходимо было оформлять на высоком уровне полиграфического производства и эстетики. Как специалисту экстра-класса Кохановскому поручили создать здесь типографию.

Проект типографии с перспективой постепенного расширения им был подготовлен уже в сентябре 1961 года. Главный конструктор предприятия поддержал его идею. И тут возник вопрос: какое необходимо на данный момент оборудование, чтобы начать работать. По согласованию с отцом он перевез на

предприятие фамильное переплетное оборудование. Такое решение позволило ему сразу приступить к выполнению высококачественных работ. И вот уже прошло более полувека, как успешно работает на предприятии созданная и выпестованная Кохановским полиграфическая служба. Ее возможности и умение рабочих позволили стать в ряды лучших не только в Воронежской области, но и в министерстве. А сам Василий Владимирович стал дипломантом Всесоюзного конкурса Министерства культуры СССР и научно-технического общества полиграфии и издательства, достойно продолжив семейное дело.

Виталий Черников

ЖИВОПИСЕЦ В ПЕЙЗАЖЕ

(Художники Нижнедевицкого края)

Очень люблю село: все здесь на виду, рядом — поле, лес... А воздух какой! — признался художник Алексей Легостаев.

Сам-то он, кстати сказать, родился далеко от мест, с которыми связал свою судьбу: на Орловщине, в селе Легостаево. Однако Нижнедевицк стал для Алексея Стефановича, можно сказать, второй родиной. Родинной творческой. Именно в Нижнедевицком районе до сих пор живут герои многих его картин. Не исчезли с лица земли и вдохновлявшие его пейзажи.

Лет семь назад я оказался здесь в командировке. В районном отделе культуры, куда зашел первым делом в поисках тем для статей, мне посоветовали написать о Легостаеве. Его мастерская, стены которой были плотно увешаны картинами, располагалась в правом крыле здания местного историко-краеведческого музея. Так что сам художник, наверное, многими жителями Нижнедевицка воспринимался еще и как этакий живой экспонат.

Как раз незадолго до нашей встречи, весной того года, в Воронеже состоялась его персональная выставка — событие для областного центра, где и городские-то живописцы не всегда достаиваются подобной чести, можно сказать, редкое. Более восьмидесяти живописных работ составили ту экспозицию — пейзажи, портреты, натюрморты разных лет.

Столь масштабно и разнообразно творчество Легостаева было представлено за

всю его творческую жизнь, кажется, впервые — прежде он участвовал главным образом в коллективных вернисажах, и проходили они чаще всего в райцентрах Воронежской области. Однажды его работы доехали до Старого Оскола. В Нижнедевицке, конечно, его картины выставлялись регулярно. Иногда — скажем, во время Дня села — их можно было увидеть прямо на улице. Случалось, картины Легостаев развешивал и на заборе. Директор Нижнедевицкого краеведческого музея Игорь Семенищев вспоминает, что как-то раз репьевцы пригласили художника принять участие и в их празднике. Алексей Стефанович с радостью откликнулся на приглашение.

Интерес — в том числе у коллег — воронежская выставка вызвала, по словам самого автора, большой: сразу после нее Легостаев получил предложение вступить в Союз художников России.

Рисовал он с раннего детства, сколько себя помнил: «Художником я не стал, а был рожден», — эти слова в устах Легостаева вовсе не звучали высокопарной пошлостью. Были, однако, в творчестве и перерывы: самая большая вынужденная творческая пауза пришлась на годы Великой Отечественной.

— В 1943 году меня призвали в армию. Формировалась группа сопровождения составов для фронта — эшелонов с новобранцами, а также с продуктами, оружием... Войну закончил сержантом, потом меня переправили на Сахалин. Только там я вернулся

ся к рисованию. Участвовал, конечно, и в оформлении Ленинских комнат. Основную работу, правда, выполнял художник Сурьянинов, а я около ходил, помогал... Демобилизовался в 1950 году — и прямо в форме пошел поступать в Елецкое художественное училище.

После его окончания в 1955 году Легостаев получил направление в Нижнедевицкую среднюю школу (впоследствии она станет гимназией). Здесь ему и суждено было на протяжении тридцати лет работать учителем черчения и рисования. В райцентре с тех пор так и жил безвыездно, здесь сына и дочь вырастил.

Конечно, для большинства его учеников живопись не стала подлинным призванием, однако что-то важное, хочется верить, Алексей Стефанович все-таки вложил в душу каждого. В большей или меньшей мере, но по-иному воспринимали после его уроков многие из нижедевицких ребят окружающую реальность. Художник уже давно не работал в школе, но юные творцы частенько навещали к нему в мастерскую со своими работами, веря, что мастер объективно оценит их и поможет добрым советом.

Не менее часто заглядывали в мастерскую Алексея Стефановича и коллеги-художники. Выставку их работ Легостаев организовал однажды прямо в комнате, где творил. Он же, говорят, первым и высказал идею организовать здесь галерею нижедевицких живописцев (некоторые из которых вполне могут назвать себя его учениками).

Та мечта осуществилась, но только после его смерти. Мастерская Легостаева опустела ненадолго: четыре года назад в двух комнатах, которые он занимал когда-то, открылся выставочный зал. Здесь демонстрируются картины воронежских и нижедевицких авторов. Разумеется, в постоянной экспозиции достойное место заняли легостаевские работы.

...Лучшие картины, по собственному признанию живописца, он создал все-таки уже после трех десятилетий учительства. Расцвет начался во второй половине 1980-х, в период работы художником-оформителем при нижедевицком Доме культуры. Тогда и мастерская своя появилась — в двух комнатах, до того использовавшихся для

нужд библиотеки. После Легостаев работал художником в районном отделе культуры. В 1996 году указом президента России ему было присвоено звание «Заслуженный работник культуры Российской Федерации».

Как пейзажист он ярко заявил о себе именно в Нижнедевицке — причем произошло обращение к этому жанру едва ли не вынужденно. Мне Легостаев признался:

— В годы ученичества я очень любил писать портреты. А потом какое-то время не мог найти людей, готовых мне позировать. Так на пейзаж и переориентировался. Хотя и сейчас портретная живопись очень волнует меня. Хочется показать душу человека, его внутренний мир.

— Жители Нижнедевицка часто заказывали Легостаеву свои портреты, — вспоминает заместитель главного редактора газеты «Коммуна» Виктор Силин, когда-то писавший о художнике. — Иногда таким образом они хотели сохранить память об умершем родственнике и приносили Алексею Стефановичу его фотографию. Конечно, для него это было заработком, однако создание такой картины Легостаев не воспринимал как халтуру. Когда мы беседовали в его мастерской, он показал мне и заказанные ему портреты. И в каждом был великолепно выявлен характер персонажа.

В любви художника к селу, о которой он говорил мне во время нашей короткой встречи, можно убедиться, всматриваясь в любую из его картин. Не только городских многоэтажек, но даже автомобилей я, и вправду, так и не увидел на легостаевских холстах. Но важнее, конечно, другое. Он был частью мира, который изображал, а не гостем заехал сюда на летний пленэр.

«Легостаевские работы излучают тепло и нежность», — говорили мне те, кто знаком с творчеством художника лучше, чем я. Хотя речь здесь не только о пейзажах, конечно. Показывая свои картины, обстоятельно рассказывал все-таки о людях, которых изобразил:

— А эта картина называется «У порога»! Помню, прогуливался по улицам села. Из дома вышла женщина. Меня заинтересовало ее лицо — так и родилась работа, которую вы видите.

Талантливому человеку часто тесно в

Алексей Легостаев. Автопортрет с пейзажем

рамках однажды избранного творческого пути. Вот и Легостаев не только рисовал, но и писал стихи. И хотя публиковался нечасто, только в коллективных сборниках, но иногда написанное им становилось песней. Несколькое из них стали частью репертуара Нижнедевицкого народного хора.

— Чаще всего музыку писал Василий Дворцовой, — рассказал мне директор Нижнедевицкого краеведческого музея. — А в девяностые с хором одно время сотрудничал Заслуженный артист России Александр Токмаков. И была у него одна готовая песня, для которой уже были написаны слова. Но прочитал он легостаевские стихи — и заменил прежний текст одним из них.

Кстати, нижнедевицкие поэты, как и живописцы высоко ценили дружбу с Алексеем Стефановичем, — и посвящали ему свои строки.

Мемориальная доска в честь Алексея Легостаева появилась на здании историко-краеведческого музея в день 85-летия художника. Был и еще один повод для этого события — 65-летие Великой Победы. Хорошее подтверждение того, насколько чтят в Нижнедевицке его имя: среди людей, пришедших почтить память живописца, были главы всех поселений Нижнедевицкого района. Открывали доску дети Алексея Стефа-

новича — Галина и Юрий. А затем всех пришедших сюда пригласили в выставочный зал, где был организован показ пятидесяти его работ. Большая их часть когда-то создавалась в этих стенах, а теперь рожденные здесь картины стали экспонатами.

Не для денег или славы творил Алексей Легостаев — да и можно ли назвать «славой» то, как сложилась его творческая судьба? Впрочем, не только в Воронеже, но и в далекой Америке нашлись у его таланта ценители. Они даже специально приезжали в провинциальный Нижнедевицк, чтобы пополнить свои коллекции новыми картинами.

А может быть, гости ощутили некую тайну в его творениях — и пытались разгадать ее, ближе узнав и автора, и край, где он жил и который увековечил на холсте?

Однако ж вы только представьте себе: пройдет много лет — и именно по полотнам Легостаева будут судить потомки о том, как же выглядел Нижнедевицкий край в конце двадцатого — начале двадцать первого века; чем жили люди — казалось бы, и от областного центра недалеко, а если всмотреться — словно в другом измерении; как они радовались и грустили, о чем заботились и к чему стремились...

Александр Золотых. Автопортрет.
2000 год

Михаил Золотых. Автопортрет
в светлой рубашке. 1988 год

Впрочем, Нижнедевицкий край вдохновил на творчество и других талантливых живописцев. Среди них — и уроженцы местных Синих Липягов Александр и Михаил Золотых.

Случай уникальный: два брата-художника, да еще и из села. Оба ныне не только творят, но и занимаются преподавательской деятельностью: Михаил Сергеевич — профессор кафедры живописи Курского государственного университета, Александр Сергеевич работает в Воронежском художественном училище.

В одной из газетных статей о братьях есть фраза: «Школой рисования для обоих была русская печка, где в ожидании матери ребята трудились сначала карандашами, потом акварельными, масляными красками». Конечно, то были лишь «начальные классы». Михаил продолжил образование в Курске, окончил художественно-графический факультет местного пединститута; этюды, которые привез с малой родины, произвели сильнейшее впечатление на экзаменаторов.

«Невольно возникали вопросы: где и как деревенский паренек освоил в своем распластанном по среднерусским холмам, затерявшемся между Воронежем и Курском селе Синие Липяги технику работы маслом? Кто его наставлял в умении выбирать сюжетный мотив, кто открывал ему секреты композиционной организации плоскости...», — признавался годы спустя профессор кафедры живописи КГУ Л.А. Брынцев.

Когда у абитуриента спросили, где он учился, тот честно ответил: «Нигде». Может быть, точнее было бы сказать, что братья учились друг у друга?

Александр закончил Воронежское художественное училище, а после армии, уже будучи совсем не простодушным юнцом, решил подать документы в Московский государственный академический художественный институт имени В.И. Сурикова. Удача улыбнулась ему не сразу: конкурс туда был огромный, да и блата у молодого живописца из Воронежской области никакого не было.

Одной из первых работ, принесших не-

которую известность, стала картина «После дуэли»: за нее Александр Золотых был удостоен звания лауреата областной молодежной премии имени А.В. Кольцова. Уникальный случай: этой картине некоторые воронежские журналисты в начале 1990-х посвящали целые статьи. Персонажем художника стала Наталья Гончарова. Художник попытался представить себе ее в первые дни после гибели Пушкина. Потеряно сидит она на стуле среди вещей мужа. На стуле по соседству — трость и перчатки, но их хозяин уже никогда не войдет в комнату и не сядет рядом, и ничего уже не напишет за этим столом, заставленным книгами. Впереди было много выставок и наград. Александр Золотых пару лет назад стал ла-

уреатом премии «Прохоровское поле» за диптих «Иван да Марья», его брат в 2012-м был удостоен Губернаторской премии имени А.А. Дейнеки...

Многие из этюдов, пейзажей, натюрмортов, портретов, ранних и поздних, созданы братьями в родном селе. Кстати, уже будучи зрелым мастером, Михаил Золотых отобрал для своей персональной выставки картины «Родная хата» и «Наша улица», созданные им в 18-летнем возрасте.

Потому не так уж важно, что Михаила Сергеевича многие считают курским художником, а Александра Сергеевича — воронежским. У жителей Нижнедевицкого района, конечно, на сей счет — свое мнение.

Сергей Марков

АКАДЕМИК ХУДОЖЕСТВ

(В свое время нижедевицкая земля дала миру академика живописи Николая Филипповича Петрова)

Родился он в последний день зимы, точнее, 28 февраля 1872 года в селе Бекетово Нижедевицкого уезда Воронежской губернии. Село славилось на всю округу и далеко за ее пределами винокурненным заводом. По тем временам крупным промышленным предприятием.

Подшло время, и в 14 лет Николай Петров поступает в Воронежское реальное училище.

Здесь следует напомнить, что в реальном училище не преподавали древние языки (латынь и греческий), но было увеличено количество учебных часов по математике, физике, химии, черчению. Выпускники не имели права поступать в университеты, а продолжали, если хотели, дальнейшее образование в технических, торговых, промышленных учебных заведениях. Реалисты комплектовали в будущем кадры инженеров, техников, экономистов. Кстати сказать, в Воронежском реальном училище на ту пору подобрался сильный педагогический коллектив. Здание сохранилось до наших дней по адресу: г. Воронеж, ул. Студенческая, 36.

Одновременно тянулся юноша к прекрасному. Он посещал домашнюю художественную студию Льва Григорьевича Соловьева (1837 — 1919). Последний выходец из крестьянского сословия, но в зрелые годы уже был живописцем, иконописцем, поэтом, мемуаристом и, как видим, педагогом. Участвовал в художественных выстав-

ках Общества поощрения художников в Санкт-Петербурге, тесно сотрудничал с передовой для провинции России воронежской газетой «Дон».

Столь образованный учитель не мог не посоветовать даровитому Николаю посвятить себя не коммерции, а живописи. И после окончания реального училища наш земляк едет в столицу Российской империи и поступает учиться не куда-нибудь, а в Петербургскую академию художеств. Здесь ему тоже везет на учителя. Петров посещает мастерскую великого художника Ильи Ефимовича Репина, о котором после его теперь уже хрестоматийной картины «Бурлаки на Волге» заговорили в обществе как о большом таланте.

С 1896 года Николай Филиппович уже начинает участвовать в выставках родной академии, которые всегда привлекали столичный бомонд. В этом же году он написал картину «Тихо!», которая ныне хранится в Государственной Третьяковской галерее. Пролетели девять лет обучения, наполненные великим захватывающим трудом. Петров пишет дипломную картину «Вечер в деревне», и за нее ему присваивают официальное звание художника. Начинаясь новый век, впереди у Петрова много творческих планов и задумок.

В 1904 году он становится членом-учредителем «Нового общества художников», созданного учениками И.Е. Репина и другого великого художника А.И. Куинджи под

председательством художника Д.Н. Кордовского. В отдельных современных источниках я не нашел в учредителях фамилию Н.Ф. Петрова, но в других это право ему дано. Не в этом суть. Дело в том, что это общество просуществовало до 1917 года. Устроило десять крупных выставок, и через него прошло 180 художников. Как тут со временем не затеряться. Общество ставило целью «как нравственную, так и материальную поддержку окончивших и оканчивающих Академию художеств». Общество стояло на эстетической платформе неоклассицизма, основанном на высокой академической школе. И это будет проследиваться в Петрове до конца.

Дальнейшее творчество Н.Ф. Петрова отмечено, выделено знатоками. Например, в 1909 году на Международной художественной выставке в Мюнхене за картину «Зал в Ракше» он награжден золотой медалью. В этом же году им написано полотно «На балконе». Полотно также хранится в коллекции Третьяковки. А на следующий год его назначают директором Пензенского художественного училища.

Переезд из столицы в провинциальную Пензу, на первый взгляд, это будто отправить в далекую ссылку, хотя настоящий художник способен творить везде. Обратимся к началу века и посмотрим на Пензу. В 1911 году в этом городе насчитывалось 67 учебных заведений, в них обучалось 11246 человек (население Пензы составляло 61851 человек). Пенза имела репутацию одного из культурных центров российской провинции. На момент прибытия Н.Ф. Петрова местное художественное училище существовало уже 12 лет. И знал ли он, что отдаст ему 26 лет своей жизни.

В 1910 году Николай Филиппович вступает в Союз русских художников. В 1911 году наш земляк выставляет свои работы на Международной художественной выставке в Риме.

Приведу выдержку из критической статьи знаменитого Максимилиана Волошина, написанной в 1911 году после посещения вернисажа 18-й выставки Московского Товарищества Художников: «Но это все слабые стороны выставки — вернемся к ее достоинствам... Л.А. Ильин, Н.Ф. Петров:

внутренности парадных комнат и дворцов (у Петрова — меньше сухости, чем раньше)».

В 1912 году Н.Ф. Петров создает работу «Визит», и она тоже хранится сейчас в одном из крупнейших и авторитетнейших музеев — в Государственном Русском музее (г. Санкт-Петербург).

Судя по всему, И.Е. Репин следил за судьбою своего ученика и в далекой Пензе. В письме, адресованном своему ученику, также преподавателю Пензенского художественного училища Ивану Силычу Горюшкину-Сорокопудову (1873 — 1954) от 30 апреля 1913 года, И.Е. Репин пишет: «Вчера я с особым удовольствием рассматривал рисунки Вашей пензенской школы. Узнал серьезное влияние и Николая Филипповича Петрова и Ваше — особенно в эскизах. На общее собрание Академии художеств ехал я с намерением поговорить о школах вообще и о выдающихся — Пензенской и Казанской в особенности...»

Вскоре грянула Первая мировая война, в ее разгар в 1916 году нашему земляку присвоено звание академика художеств.

Приближался 1917-й революционный год. О той поре и о Н.Ф. Петрове оставил воспоминания замечательный художник Николай Степанович Трошин (1897—1990). Их цитирую по книге Е. Пискуна «Николай Трошин».

«Училище в это время славилось серьезным преподаванием и особенно постановкой рисунка. Характер обучения был академический. Преподавали лучшие ученики И.Е. Репина: академик Н.Ф. Петров, И.С. Горюшкин-Сорокопудов (фамилия написана ошибочно. — С.М.), известные мастера портретов и исторических композиций. Они считали, что главное — рисунок, а живопись и цвет придут сами собой».

«В «натурном» классе преподавание вел Николай Филиппович Петров — академик, директор училища; он же читал «Историю искусств»: Петров был весьма одаренным художником, от «Нового общества художников» и «Союза русских художников» его работы выставлялись в Петрограде и за рубежом. Он любил говорить студентам: «Прежде чем рисовать, вы намечаете несколько линий контура — это как дыхание, как пульс живого тела, но все же ищите главную линию, обобщающую все эти колеба-

ния, которая может дать жизнь рисунку». Он был реалистом, но никогда не предавал анафеме новые течения, считал, что искусство постоянно должно находиться в поисках; никогда не оказывал давления на учеников».

После революции в училище вместо классов ввели индивидуальные мастерские преподавателей. Академик Н.Ф. Петров предложил Николаю Трошину и еще двум его сокурсникам поселиться у него в доме. Ученик потом вспоминал: «Жена Петрова тоже была художница, училась у Репина вместе с Малявиным, Сомовым, Кустодиевым и другими известными художниками... Все время отдавала детям. Их было четверо. Двое из них были художниками. Все дети любили искусство. Это была большая, дружная, крепкая семья».

1918-й год был тревожным, голодным. К столу добывали кто что мог. За ним и устраивались долгие дискуссии. По словам Н.С. Трошина, в доме учителя стены были увешаны картинами русских и зарубежных художников.

Ветры революции, ломка всего и вся, преобразования коснулись и Пензенского художественного училища. Оно стало именоваться ВХУТЕМАС (высшие художественные технические мастерские). С директорства Н.Ф. Петрова сняли, а на его место прислали человека из Москвы, который был ультралевым «кубистом», последователем Пикассо и громил все старое, то есть реалистов.

В 1922 году все вернулось на круги своя: название училища и директорство Н.Ф. Петрова.

В 1925 году он написал картину «Ярмарка в Воронежской губернии». В этом видится его память о родных корнях. Вполне возможно, что в ней он отобразил свои детские впечатления от посещения ярмарки в уездном городе Нижнедевицке. А почему бы и нет? Давайте присмотримся к этим краскам, этим женским костюмам. Нет ли в них новооольшанских, першинских или туровских мотивов? Впрочем, в его родном Бекетово два раза в год проводились ярмарки: на Вербное и в конце июня (по старому стилю) — Петропавловская.

В 1936 году Н.Ф. Петрова приглашают в Ленинград на должность заведующего ка-

федрой живописи Академии художеств, открытой в 1933 году. А через пять лет для нашей страны начались новые испытания. Война.

Враг подступил к стенам Ленинграда. И снова обратится теперь уже к дневниковым записям В.В. Зимины, ученика Н.Ф. Петрова, который, будучи дипломником Академии художеств, добровольцем ушел на фронт, хотя имел бронь. Имел он возможность по долгу службы и посещать осажденный город. «В Академии студенты худые и прозрачные, но держатся все молодцом...» И вот короткая запись 1941 года: «С 6 на 7 декабря во время рытья «усов» убит Петров, ранен Жилин, почти одновременно». В письме к брату В.В. Зимин уже дал волю эмоциям: «У меня горе здесь произошло — мой учитель умер — Николай Филиппович Петров. За всю войну — самая горькая и тяжелая для меня утрата и настолько неожиданная, что до сих пор к ней привыкнуть не могу... Он любил жизнь и предсказывал скорую победу». Цитирую по книге С.П. Яркова «Художник на войне: Фронтовой дневник и рисунки В.В. Зимины». Официальная дата смерти Петрова везде указывается 9 декабря 1941 года.

Осенью 1943 года художник-уралец В.В. Зимин погиб от прямого попадания снаряда. Оставил после себя папку с фронтовыми зарисовками, в том числе и сделанными в декабре 1942 года на Среднем Дону в Верхнем Мамоне перед изгнанием супостата. Под стать ему и другой ученик Петрова — художник Михаил Васильевич Бунчин. Не заслонился академической бронью, а ушел на фронт. Вернулся орденосцем и до конца пронес свою любовь к учителю. Так и было записано в каталогах его выставок, что учился у Петрова.

Все хотелось узнать, что за «усы» рыл 70-летний Николай Филиппович, когда десятки тысяч ленинградцев, от мала до велика, вышли на оборону своего города? И вот в книге полководца К.С. Москаленко «На юго-западном направлении» читаю: «Чтобы обеспечить беспрепятственное движение пехоты в ходе наступления, саперы отрыли множество ходов сообщения к переднему краю и «усов» для сближения с противником...» Значит, был такой народный термин.

В 1972 году столетие со дня рождения Н.Ф. Петрова отмечено четырьмя выставками: в Ленинграде, Пензе, Воронеже и репинских «Пенатах». Областные газеты «Коммуна» и «Молодой коммунар» поместили статьи, посвященные этому событию. В 2012 году исполнилось 140 лет Художнику.

В 2006 году на украинском аукционе была выставлена картина Н.Ф. Петрова «В лунном сиянии». Стартовая цена 5000-10000 то ли

«карбованцев», то ли гривен, то ли условных единиц. Мелькнула шальная мысль: вот бы спонсорам купить ее для нижедевицкой галереи. А ведь можно заказать хорошую копию с его «Ярмарки в Воронежской губернии», которая хранится в Пензенской областной галерее. Кстати сказать, там хранятся 50 живописных и графических работ Петрова. Несколько картин есть и в Воронежском областном художественном музее им. И.Н. Крамского.

Владимир Буланцов

ЗВЕЗДЫ НА НИЖНЕДЕВИЦКОЙ ЗЕМЛЕ

Встречи с любимыми артистами, выдающимися мастерами сцены и кинематографа всегда надолго остаются в людской памяти. И вспоминаются они потом нередко, обрастая любопытными подробностями и становясь местными легендами. К таким событиям, несомненно, относится приезд в Нижнедевицк деятелей культуры и искусств, участников Всероссийского народного кинофестиваля «Воронеж-2000». Сразу столько ярких звезд еще не выдвигала Нижнедевицкая земля: народные артисты СССР Зинаида Кириенко и Лев Дуров, заслуженная артистка России Валентина Теличкина, кинорежиссер, художественный руководитель народного кинофестиваля Василий Панин, директор киностудии «Союз» Дмитрий Зайцев. Их сопровождали тогда председатель областного комитета культуры Евгений Новичихин, представители земского движения. Словом, такие видные гости, да еще и полный двор!

Конечно же, их встретили по-особому радушно и искренне. Хлеб-соль — от души, добрые слова — от сердца. Ко всеобщему удовольствию, наши гости-звезды тоже отличились простотой и естественностью. Очень скоро официальные выступления и приветствия вылились в искреннее и взаимоприятное общение.

В фойе для них был дан небольшой концерт, подготовленный группой солистов местного народного хора. И стоило только зазвучать русской песне, веселой, задор-

ной, лихой, как московские гости пустились в пляс. С неподдельным интересом они познакомились с выставкой изделий народных умельцев, картин местных художников.

Бурными аплодисментами приветствовали собравшиеся Льва Константиновича Дурова. Он вспомнил несколько занимательных, прямо-таки анекдотичных историй, которые ему приходилось слышать. Вот одна из них.

— Как-то приехал в нашу страну высокий гость. Встретили его как подобает. А он любил охотиться на медведя. Вывезли его «на природу», но медведей в тех местах не было. Что делать? Решили взять в цирке старого больного медведя, которого уже хотели усыпить. Привезли, сняли с него ошейник и пустили. Медведь не спеша заковылял вдоль дороги. Смотрят: откуда ни возьмись — женщина на велосипеде. Только она увидела медведя — кувырк в кювет. Бросила велосипед и бежать. А медведь поднял велосипед, сел и поехал! После этой сцены у высокого гостя чуть инфаркт не случился...

Дуров призвал собравшихся не вешать носа, чаще улыбаться и смотреть хорошее кино.

Сильное впечатление произвело выступление Зинаиды Михайловны Кириенко.

— Я рада, что родился этот фестиваль и что открылся он фильмом режиссера В.С. Панина «Опять надо жить», — сказала она. — В нем показаны настоящие русские люди, настоящие любовь и красота.

Она привезла в Нижнедевицк ленту с отрывками из нескольких фильмов, в которых снималась, и зрители имели возможность увидеть актрису в разных ролях. Эта ретроспектива сопровождалась ее комментариями.

Настоящим сюрпризом для присутствующих были песни из кинофильма «Судьба», прозвучавшие в исполнении Кириенко. А для заслуженного работника культуры, художника Алексея Стефановича Легостаева, ко-

торому в тот день исполнилось 75 лет, она спела романс «Ночь светла».

Эта встреча прошла на одном дыхании. Гости остались довольны приемом. Об этом красноречиво говорили их глаза и улыбки. Они увидели, что их знают и любят. А что для артиста может быть дороже?

Теперь в домашних архивах многих жителей Нижнедевицка будут храниться автографы кинозвезд, таких ярких и таких простых в своем величии.

**Учредитель: Департамент культуры и архивного дела
Воронежской области.**

Рег. № 331 Министерства печати и информации Российской Федерации.

Рассылку журнала осуществляет цех экспедирования печати Воронежского главпочтамта: 394068, г. Воронеж, ул. Лизюкова, 2, ЦЭП.

Во всех случаях полиграфического брака в журнале обращаться в ОАО «Воронежская областная типография — издательство им. Е.А. Болховитинова».

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан); номер страхового свидетельства государственного пенсионного страхования; банковские реквизиты (название местного банка) СБ РФ: корсчет, БИК, расчетный счет, ИНН; в назначении платежа указывается номер филиала и лицевой счет клиента.

Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчитливо читаемый.

Корректор Кобелева Л.В.
Художник Зибров Ю.А.
Компьютерная верстка Вовчаренко И.К.

Адрес редакции: 394036, г. Воронеж, пр. Революции, 3а.
Телефоны: директор-главный редактор — 253-14-50, ответственный секретарь, отдел поэзии — 253-11-28, отдел прозы, производственный отдел — 253-11-34, бухгалтерия — 253-13-77.

Факс : 253-11-34.

Электронная почта : podiem@mail.ru

Сетевая версия журнала «Подъём»: <http://www.podiem.vsi.ru>

Электронный архив журнала с №1, 2001 г. по №6, 2008 г.: <http://www.pereplet.ru/podiem>

Сдано в набор 14.02.13. Подписано в печать 04.03.13. Формат 70x100 1/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,8.

Перспективный тираж 3000 экз. Заказ 578.

Отпечатано с готового оригинал-макета в ОАО
«Воронежская областная типография —
издательство им. Е.А. Болховитинова»:
394071, Воронеж, ул. 20 лет Октября, 73а.